

THE DEPARTMENT FOR ARCHIVES AND RECORDS KEEPING
OF THE MINISTRY OF JUSTICE OF REPUBLIC OF BELARUS

INSTITUTION «BELARUSIAN ARCHIVAL SCIENCE AND
RECORDS MANAGEMENT RESEARCH INSTITUTE»

ARCHEOGRAPHICAL COMMISSION

THE BELARUSIAN ARCHEOGRAPHICAL YEAR-BOOK

Founded in 2000

Volume 20

Minsk
2019

ДЭПАРТАМЕНТ ПА АРХІВАХ І СПРАВАВОДСТВУ
МІНІСТЭРСТВА ЮСТЫЦЫІ РЭСПУБЛІКІ БЕЛАРУСЬ

УСТАНОВА «БЕЛАРУСКІ НАВУКОВА-ДАСЛЕДЧЫ ІНСТЫТУТ
ДАКУМЕНТАЗНАЎСТВА І АРХІЎНАЙ СПРАВЫ»

АРХЕАГРАФІЧНАЯ КАМІСІЯ

БЕЛАРУСКІ АРХЕАГРАФІЧНЫ ШТОГОДНІК

Заснаваны ў 2000 годзе

Выпуск 20

Мінск
2019

УДК 930.25(476)(058)

У дваццатым выпуску «Беларускага археаграфічнага штогодніка» друкуюцца матэрыялы па археаграфіі, архівазнаўстве, крыніцазнаўстве, кадыкалогіі, тэксталагіі і гісторыі дзяржаўных устаноў. Публікуюцца дакументы па сярэднявэкавай, новай і найноўшай гісторыі Беларусі, агляды архіўных фондаў і іншыя матэрыялы.

Прызначаны для архівістаў, гісторыкаў, краязнаўцаў, філолагаў.

Рэкамендавана да друку Вучоным саветам БелНДЦДАС

Рэдакцыйная калегія:

Э. М. САВІЦКІ (галоўны рэдактар), У. І. АДАМУШКА, Г. Я. ГАЛЕНЧАНКА,
В. А. ГАПАНОВІЧ, С. У. ЖУМАР, Д. У. КАРАЎ, У. К. КОРШУК,
В. А. КОСМАЧ, В. І. КУРАШ, М. В. ЛАРЫН (Расія), І. Б. МАЦЯШ (Украіна),
В. Л. НАСЕВІЧ, В. С. ПАЗДНЯКОЎ (адказны сакратар), А. Я. РЫБАКОЎ,
І. В. САВЕРЧАНКА, А. М. САРОКІН, В. Д. СЕЛЯМЕНЕЎ,
М. Ф. ШУМЕЙКА

У адпаведнасці з загадам Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь ад 4 ліпеня 2005 г. № 101 (у рэдакцыі загада Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь ад 2 лютага 2011 г. № 26) «Беларускі археаграфічны штогоднік» уключаны ў Пералік навуковых выданняў Рэспублікі Беларусь для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў па гістарычных навуках

© БелНДЦДАС, 2019

АРТЫКУЛЫ

*М. Ф. Шумейко,**ведущий научный сотрудник**Белорусского научно-исследовательского института**документоведения и архивного дела,**кандидат исторических наук;**e-mail: jesti@inbox.ru***ДОКУМЕНТЫ ОБ ОБРАЗОВАНИИ БССР:
ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ
И АРХИВНО-АРХЕОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ**

Образование белорусской государственности на советской основе — это не только «торжество ленинской национальной политики», о чем в течение многих лет неустанно твердила советская историография, но это еще и цепь драматических, а порой и трагических событий, обусловленных обстоятельствами, носившими политический, идеологический, международный и даже межличностный характер. Разобраться в них и осмыслить их помогают исторические источники официального и личного происхождения, находящиеся как в государственных архивах Беларуси, России, других стран, так и опубликованные в многочисленных изданиях научного, популярного, учебного типов. Задачей настоящей статьи и является анализ этого многообразного корпуса источников, включая исследование его формирования, степени сохранности и изученности, полноты, точности опубликования и т. д.

Обращает на себя внимание следующее обстоятельство. При общей неплохой сохранности документов, созданных сто лет тому назад и отразивших события, связанные с образованием БССР, весьма незначительной выглядит степень их опубликованности*, что особенно заметно в сравнении с историографическим освоением проблемы национально-государственного строительства в Беларуси** [2—6, 8, 9, 31, 46].

В чем тут дело? Полагаю, в имевшей место своего рода небезопасности научной публикации таких документов. Последняя, как известно, в качестве одного из основных условий предполагает полное воспроизведение текстов в отличие от аналитических работ, где цитирование «нужных» фрагментов доку-

* Издание в 2005 г. подготовленного историками-архивистами В. В. Скалабаном (1946—2011) и В. Д. Селеменевым (при участии Е. И. Барановского и А. Н. Гесь (1940—2011) сборника документов и материалов «1 января 1919 года: Временное рабоче-крестьянское советское правительство Белоруссии» несколько выправило, на наш взгляд, эту ситуацию.

** Разумеется, мы принимаем во внимание неоднозначность работ белорусских историков, обусловленную как оказываемым на них идеологическим давлением, так и в ряде случаев конформистской позицией некоторых авторов, допускавших прямую фальсификацию событий и фактов, о чем шла речь в нашей совместной с В. В. Скалабаном публикации [44, с. 146—147].

ментов обусловлено научной парадигмой исследователя, на которую в свою очередь может оказываться политическое, идеологическое и иное влияние. Именно по этой причине, на наш взгляд, оказались безуспешными предпринимавшиеся в 1936 г. Институтом истории партии при ЦК КП(б)Б попытки издать сборники документов «Сталин и образование БССР и КП(б)Б», «Ленин—Сталин — организаторы БССР и КП(б)Б», в 1935 г. — «Памяти Мясникова» [17, 18].

Одними из первых, носивших в известной степени научный характер, документальных публикаций, появившихся в это время, стали публикации белорусскоязычного и русскоязычного вариантов Манифеста Временного рабоче-крестьянского советского правительства Белоруссии в юбилейном сборнике смешанного типа «Кастрычнік на Беларусі» [7] и протоколе Первого съезда Коммунистической партии (большевиков) Белоруссии [30]. В последней, помимо собственно текста протокола, помещались в виде приложений к нему некоторые документы, имевшие, правда, достаточно безопасный характер (тот же Манифест Временного рабоче-крестьянского советского правительства Белоруссии, записка А. Мясникова о необходимости его распубликования и др.)* [30, с. 71]. И только по составительским комментариям, сделанным в отношении автора Манифеста — Д. Ф. Жилуновича — читатель мог предположить о происходивших на съезде и особенно после его окончания неких событиях, носивших драматический характер.

В 4-м разделе «Образование БССР (декабрь 1918 г. — февраль 1919 г.)», увидевшего свет в 1954 г. заключительного 4-го тома начатого еще до войны серийного издания «Документы и материалы по истории Белоруссии», опять-таки публиковались исключительно только безопасные документы, к тому же в большинстве своем уже прошедшие апробацию в общесоюзном сборнике документов «Образование СССР» (М., 1949). Да и в последующих изданиях, включая вышедший в разгар так наз. перестройки юбилейный сборник «По воле народа: Из истории образования БССР и создания КПБ», составители во главе с автором настоящей статьи все еще не осмеливались полностью публиковать документы семидесятилетней давности, свидетельствовавшие о тех неоднозначных событиях, которые происходили в процессе создания белорусской государственности на советской основе [29, с. 87, 103—104]. С изданием в 2005 г. сборника документов и материалов «1 января 1919 г.: Временное рабоче-крестьянское советское правительство Белоруссии» были расставлены, наконец, все точки над «i» в деле формирования доступного для исследователей корпуса исторических источников об образовании БССР.

* Мы не берем в расчет появившегося в 1934 же году и не носившего научного характера сборника «КП(б)Б у резолюцыях. Частка 1 (1903—1921 гг.)», равно как и аналогичного издания «КПБ в резолюцыях и решениях съездов и пленумов ЦК. Т. 1 (1918—1927 гг.)» (Мн., 1973; Мн., 1983).

Несмотря на обозначенные выше задачи настоящей статьи, которые не носят историографического характера, тем не менее, нельзя их решить не обозначив, хотя бы в самых общих чертах, канву тех событий вековой давности, в ходе которых и появились интересующие нас документы. Оставляя в стороне международный политический контекст, в котором развивались события конца декабря 1918 г. — начала января 1919 г., отметим, что отправной точкой здесь следует рассматривать решения завершившейся 23 декабря 1918 г. свою работу в Москве конференции белорусских секций РКП(б), высказавшейся за создание белорусского советского правительства. Буквально через день, 25 декабря в час дня, нарком по делам национальностей в правительстве Советской России И. Сталин принял для разговора о будущей Белорусской республике представителей избранного на конференции Центрального бюро белорусских секций РКП(б). В составе делегации были председатель бюро, будущий глава Временного правительства советской Беларуси Д. Ф. Жилунович, а также И. В. Лагун, Д. С. Чернушевич, Ф. Ф. Турук, П. И. Бибилу, Ф. А. Яхимович [28, с. 201—202]. В ходе беседы Сталиным было предложено наметить кандидатуры в состав будущего правительства; одновременно он пообещал уладить отношения между белорусами-коммунистами и представителями Облискомзапа, готовившимися на VI Северо-Западной областной конференции РКП(б) в Смоленске провозгласить Белорусскую республику. В три часа по полудни этого же дня И. Сталин разговаривает по прямому проводу с председателем Северо-Западного обкома РКП(б) А. Ф. Мясниковым, информируя того, что: «ЦК партии решил* по многим соображениям, о которых теперь говорить не приходится, согласиться с белорусскими товарищами на образование Белорусского советского правительства [выделено мною. — М. Ш.]. Вопрос этот решен и обсуждать уже не приходится...» [29, с. 83—84]. Судя по реакции Мясникова на информацию Сталина, первого интересовало — «о каких белорусских товарищах идет речь». Игнорируя этот вопрос Мясникова, Сталин предложил ему и В. Кнорину или И. Алибегову** приехать в Москву для консультаций и отложиться на несколько дней, как он и обещал белорусской делегации, открытие в Смоленске «вашей областной конференции».

Вечером этого же дня в Москве, в здании по Гранатному пер., 24, где размещался Белнацком, открылось экстренное объединенное заседание членов его коллегии, а также представителей Центрального бюро белорусских секций и комитета Московской белорусской секции РКП(б), на котором председательствовал Д. Ф. Жилунович. Последний проинформировал участников заседания о состоявшемся у И. Сталина разговоре и его предложении наметить кандидатуры в состав будущего правительства.

«На основании всего вышеизложенного, — говорилось в протоколе заседания, — собрание после тщательного обсуждения затронутого вопроса едино-

* Решение ЦК РКП(б) в форме соответствующего документа не выявлено.

** На самом деле 27 декабря 1918 г. у Сталина были А. Мясников и М. Калманович.

гласно признало необходимым объявление Белоруссии Социалистической Советской Рабоче-Крестьянской Республикой и приступило к составлению списка кандидатов предполагаемого Временного Рабоче-Крестьянского правительства Белоруссии» [27, с. 118—119; 20, л. 15]. В результате трехчасового обсуждения представленных 70 кандидатур было намечено 15 из них в состав правительства. На должности наркома по военным делам предлагался политкомиссар 1-го белорусского Полоцкого полка Западной стрелковой дивизии М. Ф. Драко-Дракон; путей сообщения — заведующий отделом печати Вижедора и председатель железнодорожного союза Полесских железных дорог И. С. Нецецкий; почт и телеграфов — механик Московского главпочтамта Я. А. Рыбак; народного просвещения — член коллегии агитотдела Всероссийского бюро военных комиссаров А. Г. Червяков; по делам финансов — заведующий мануфактурным отделом Центросоюза О. Л. Дыло; внутренних дел — член Облискомзапа С. В. Иванов или заведующий Белнацкома И. В. Лагун; по делам юстиции — помощник заведующего Военного совета в Смоленске Ф. Г. Шантыр; иностранных дел — представитель Минской белорусской секции РКП(б) А. И. Кваченок; промышленности и торговли — председатель Минского губернского ВРК И. И. Рейнгольд или председатель оргкомиссии Рязано-Уральской железной дороги в Саратове Н. В. Голоскок; труда — председатель Тамбовского уездного комитета РКП(б) И. И. Пузырев; продовольствия — помощник заведующего Белнацкома Д. С. Чернушевич; земледелия — заведующий внешкольного подотдела культпросветотдела Белнацкома И. Н. Мазур; социального обеспечения — заведующий приютами бывшего комитета Всероссийского земского союза Западного фронта В. С. Фальский; по делам национальностей — заведующий издательского отдела Белнацкома Д. Ф. Жилунович; госконтроля — член Облискомзапа Г. П. Найденок или секретарь Верховного революционного трибунала при ВЦИК И. В. Зыбко. На пост председателя Совнаркома Белорусской Социалистической Рабоче-Крестьянской Советской Республики большинством голосов был назначен Жилунович [20, л. 15—17].

27 декабря 1918 г. И. Сталин принял приехавших из Смоленска А. Мясникова и М. Калмановича и согласовал с ними состав будущего правительства, председателем которого предполагался Д. Ф. Жилунович (он же должен был взять и портфель комиссара по иностранным делам). На посты комиссара по военным делам намечался А. Ф. Мясников, председателя Совнархоза — Р. В. Пикель, финансов или иностранных дел — И. И. Рейнгольд, продовольствия — М. И. Калманович, земледелия — А. А. Андреев, внутренних дел — С. В. Иванов, госконтроля — С. И. Берсон, почт и телеграфа — К. Ф. Розенталь, путей сообщения — П. В. Савицкий. Этот состав и был зафиксирован в записке И. Сталина, которая сопровождала составленные им же и вошедшие в литературу 1940—1950 гг. так называемые «шесть условий тов. Сталина по созданию Белорусской Советской Республики и Компартии Белоруссии» [6].

В этот же день И. Сталин направил в Минск представителю Совнаркома РСФСР Д. Ю. Гопнеру записку, в которой указывал: «Сегодня в Москве я договорился с Мясниковым и Калмановичем о Белоруссии. С белорусами тоже. Вопрос не вызовет на конференции никаких трений, ибо *конференнты* [так в оригинале. — *М. Ш.]* будут иметь дело с решением ЦК партии» [36, л. 1; опубл. с неточностями в: 1, с. 414].

29 декабря 1918 г. был подготовлен Д. Ф. Жилуновичем Манифест Временного рабоче-крестьянского советского правительства Белоруссии, которым провозглашалась Белорусская республика. В этот же день И. Сталин сообщил возвратившимся в Смоленск А. Мясникову и М. Калмановичу: «Сегодня выезжают в Смоленск белорусы: везут с собой манифест. Просьба ЦК партии и Ленина принять их, как младших братьев, может быть, еще не опытных, но готовых отдать свою жизнь партийной советской работе...»* [29, с. 87].

В процессе встреч И. Сталина с обеими группами — Д. Жилуновича и А. Мясникова — был согласован не только состав правительства, но и оговорены условия, на которых оно будет функционировать (вышеупомянувшиеся «6 условий тов. Сталина»). Суть последних сводилась к следующему: «1. Правительство Белорусской республики состоит из Председателя и 15 членов правительства; 2. Для очередных дел существует президиум из 3-х лиц: председателя правительства и двух членов из его состава; 3. В состав Республики входят губернии: Гродненская, Минская, Могилевская, Витебская и Смоленская (последняя спорно: по усмотрению местных товарищей); 4. ОКА партии Северо-Западной области превращается в Центральное бюро КП (большевиков) Белорусской Республики; 5. Председатель ЦБ партии должен быть представителем ЦК партии *в правительстве***»; 6. Права ЦБ партии и отделов правительства остаются такими же, как бывшего ОКА партии и отделов Облискомзапа» [25, л. 37; 37, л. 1; 42, л. 1].

В передаваемом с Жилуновичем письме И. Сталин сообщал А. Мясникову и М. Калмановичу, что белорусы согласились на «известные вам соглашения с двумя оговорками: 1. Председатель не берет портфеля, в виду чего в состав правительства вводится еще один член, долженствующий взять портфель по иностранным делам — Всеволод Фальский. 2. Заместителями членов правительства назначаются (официального объявления не требуется) белорусы Зыбко, заместитель Рейнгольда по финансам, Гецов, заместитель Пикеля, Рыбак, заместитель Розенталя, Нецецкий, заместитель Савицкого, Драко-Дракон,

* Известно, что отъезд Д. Жилуновича с товарищами задержался до позднего вечера 30 декабря, о чем И. Сталин информировал М. Калмановича с А. Мясниковым, прося тех ожидать их приезда и сообщая, что Жилунович передаст им его письмо, датированное 29 декабря.

** Именно так — «*в правительстве*», а не «*и правительства*», как ошибочно указывается во многих копиях, снятых с этого документа. Т. е. Мясников как председатель ЦБ КП(б)Б должен был быть представителем ЦК РКП(б) в белорусском правительстве.

заместитель по военным делам, управляющий делами Правительства Петр Кльшп (последний не будет членом Правительства» [27, с. 122].

Сталин информировал своих корреспондентов в Смоленске, что ЦК партии согласился с такими оговорками* и настоятельно просил их «без лишних разговоров (времени терять нельзя) согласиться с ними».

В окончательном виде состав правительства, дополненный введенными в него по инициативе белорусов-коммунистов комиссаром по иностранным делам В. Фальским и по инициативе Облискомзапа председателями ЧК В. В. Яркимым и Коллегии по делам пленных и беженцев Г. П. Найденковым, выглядел следующим образом: председатель Д. Ф. Жилунович, члены: по иностранным делам — Фальский, по национальным — Ф. Г. Шантыр, просвещения — А. Г. Червяков, по военным делам — А. Ф. Мясников, Совнархоз — Р. В. Пикель, по делам финансов — И. И. Рейнгольд, продовольствия — М. И. Калманович, земледелия — А. А. Андреев, внутренних дел — С. В. Иванов, труда — И. Л. Дыло, социального обеспечения — Д. С. Чернушевич, здравоохранения — И. И. Пузырев, почт и телеграфа — К. Ф. Розенталь, путей сообщения — Савицкий, юстиции — А. И. Кваченок, Госконтроль — С. И. Берсон, ЧК — Яркин, пленбеж — Найденков. Все они и именно в такой последовательности должны были подписать подготовленный Жилуновичем Манифест**.

Жилунович с товарищами приехали в Смоленск утром 31 декабря 1918 г., приняв участие в последнем заседании уже I съезда Компартии (большевиков) Беларуси (решение об объявлении VI Северо-Западной конференции РКП (б) I съездом КП(б)Б было принято 30 декабря). На нем было сформировано Центральное бюро КП(б)Б (в его состав от белорусов-коммунистов вошли лишь Д. Ф. Жилунович и И. В. Лагун), которому съезд поручил обратиться с воззванием «К рабочим, батракам, крестьянам и солдатам Красной Армии Белорусской Социалистической Советской Республики». В нем, в частности, говорилось: «Съезд принял великое решение: он провозгласил Социалистическую Советскую Белорусскую Республику с Рабоче-крестьянским правительством Белоруссии во главе» [30]. В 18 ч съезд завершил работу. Избранное им Центральное бюро собралось под председательством А. Ф. Мясникова на свое первое заседание, которое вслед за конструированием должно было утвердить пра-

* Нетрудно догадаться, что эти оговорки были обусловлены намерением группы Жилуновича усилить свои позиции в Белорусском правительстве в виду намечавшегося в нем явного преобладания влияния группы Облискомзапа.

** В нарушение достигнутых в Москве договоренностей в результате состоявшегося не позднее 2 ч 55 мин 2 января 1919 г. совместного заседания ЦБ КП(б)Б и прибывших из Москвы белорусов во главе с Д. Ф. Жилуновичем Манифест был подписан лишь председателем и четырьмя членами правительства: А. Г. Червяковым, А. Ф. Мясниковым, С. В. Ивановым и И. И. Рейнгольдом. Датой принятия Манифеста указывался первый день нового 1919 г., местом принятия — г. Минск.

вительство провозглашенной I съездом Компартии Беларуси республики*. Однако, возникшие на заседании проблемы не позволили сделать этого.

Дело в том, что в вопросе о конструировании Центрального бюро КП(б)Б Жилунович исходил из того, что оно, равно как и правительство республики, должно сформироваться на паритетных началах, т. е. путем включения в него выделенного конференцией белорусских секций РКП(б) 23 декабря 1918 г. бюро в составе его, как председателя, а также членов — Ф. Д. Балбеко, И. С. Нецецкого, М. Ф. Драко-Дракона, А. Г. Червякова и И. Л. Дыло (кандидат). При этом он исходил из той значительной работы, которую белорусские секции провели в деле подготовки образования БССР. Однако его предложение не встретило поддержки; за него проголосовали лишь двое членов белорусских секций против десяти представителей уже бывшего областного комитета РКП(б) (Мясников, Кнорин, Рейнгольд, Соболев, Перно, Пикель, Алибегов, Найденов, Селезнев, Алибегов). Одновременно поставленный на голосование вопрос о ликвидации бюро белорусских секций РКП(б) (допускалось лишь создание в Советской России белорусских национальных секций, которые должны были связываться с ЦБ КП(б)Б) получил 10 голосов «за» и два «против».

После этого ЦБ перешло к конструированию своего рабочего органа — президиума в составе председателя, товарища председателя (он же казначей) и секретаря. На эти должности были избраны А. Ф. Мясников, М. И. Калманович и В. Г. Кнорин. Попытки Жилуновича связаться со Сталиным для переговоров не встретили поддержки среди большинства членов ЦБ; в итоге, он заявил о своем выходе из его состава. Бюро приняло решение, что от его имени переговоры с ЦК РКП(б) может вести лишь председатель ЦБ, т. е. Мясников; Жилуновичу же принадлежало право говорить с ЦК только от своего имени.

Принимая во внимание все чрезвычайно сложные обстоятельства в деле решения национального вопроса, выход Д. Жилуновича из состава ЦБ КП(б)Б и его попытки вопреки решению последнего вести переговоры со Сталиным были, наверное, ошибочными. Как писал в свое время автор настоящей статьи: «Он был склонен переоценивать роль белорусских коммунистических секций и Белнацкома в образовании БССР. Однако, отстаивая свои требования, он не выходил за рамки партийной дисциплины» [45, с. 66].

Не встретило одобрения в ЦК РКП(б) и его предложение исключить из членов правительства, занимавших наиболее нигилистическую позицию в национальном вопросе, комиссаров по военным делам (А. Ф. Мясникова), про-

* Вопрос о легитимности принятия конференцией РКП(б) (съездом КП(б)Б) решения об утверждении правительства создаваемой республики затрагивался А. Мясниковым в ходе разговора со Сталиным 25 декабря 1918 г. Он, в частности, говорил: «Что касается конструкции Облкомзапа, то технически это легко выполнить, в особенности при наших условиях, при которых мы в состоянии созвать в ближайшем будущем *краевой съезд* [выделено мной. — М. ЛЛ.]» [29, с. 84].

довольствия (М. И. Калмановича) и председателя Совнархоза (Р. В. Пикеля). В ЦБ КП(б)Б оно было расценено как противодействие партийному руководству, учитывая то обстоятельство, что первые двое входили в состав президиума Центрального бюро.

С учетом вышеизложенной в общих чертах ситуации, предшествовавшей обнародованию Манифеста Временного рабоче-крестьянского советского правительства Белоруссии, известившего о появлении на политической карте мира нового государства, и сформировался тот корпус документов, который является объектом исследования настоящей статьи. Помимо главного документа — Манифеста — он представлен также перепиской между А. Мясниковым, М. Калмановичем, В. Кнориным и др., с одной стороны, и наркомом по делам национальностей в правительстве Советской России И. Сталиным, с другой. Телеграммы Сталина в большинстве своем направлялись в адрес Жилуновича (в копиях — Мясникову, Калмановичу) [38—42]; что же касается документов самого Д. Жилуновича в адрес И. Сталина, то таковые не выявлены (речь идет о его телеграмме, отправленной со стн. Смоленск вечером 31 декабря 1918 г. после заседания ЦБ КП(б)Б и телеграмме от 1 января 1919 г. в ответ на сталинскую с требованием срочно опубликовать Манифест и список правительства) [28, с. 111, 112].

Все эти документы в виде оригиналов (исключение составляет лишь сталинская записка в адрес Мясникова, Калмановича и Жилуновича от 2 января 1919 г. с угрозой «Ведите себя смирно и не деритесь, а то будет плохо») хранятся в личном архивном фонде И. Сталина в РГАСПИ [38—41]. Здесь же находятся и копии с них, снятые в разное время в связи с различными обстоятельствами (для подготовки документальных изданий, замещения подлинников, передаваемых из Минска в Москву на хранение в ИМЭЛ, и т. д.). Представляется важным в источниковедческом, археографическом, архивоведческом плане проследить итинерарии этих документов, провести сравнительный анализ имеющих место разночтений между их различными списками, выяснить причины их появления и т. д.

В результате проведенного источниковедческо-историографического исследования установлено, что едва ли не первое упоминание об уже утративших оперативные функции документах, связанных с образованием БССР, встречается в письме В. Г. Кнорина, направленном в шестую годовщину со дня провозглашения БССР, 1 января 1925 г., в адрес Истпарта при ЦК КП(б)Б. Следует сказать несколько слов о последнем. Решение о его создании с целью собирания и сохранения историко-партийных источников в республике было принято на заседании Центрального бюро КП(б)Б 10 июня 1921 г. Возглавил его занимавший должность секретаря бюро В. Г. Кнорин [47, с. 73]. С его отъездом в Москву должность председателя коллегии Истпарта 8 ноября 1923 г. занял Д. Ф. Жилунович, бывший в то время заведующим Центрархивом Беларуси. Вскоре Жилуновича сменил историк С. Х. Агурский, возглавлявший Истпарт

вплоть до его реорганизации в 1928 г. в Институт истории партии при ЦК КП(б)Б. Последний просуществовал до 1938 г., имея в своем составе наряду с различными отделами (секторами) и архив, состоявший из двух частей — собранного Истпартом и носившего преимущественно ретроспективный характер комплекса документов и текущего (оперативного) архива ЦК КП(б)Б. После закрытия в 1938 г. Института истории партии архив перешел в непосредственное ведение ЦК КП(б)Б и стал называться партархивом ЦК КП(б)Б (такое название он носил до 1961 г., несмотря на то, что с восстановлением в 1945 г. Института истории партии вновь вошел в его состав). Размещался архив в Могилеве (в 1956 г. был перемещен в Минск). С 1929 г. его возглавлял В. Л. Венков, в 1932—1934 гг. — С. И. Клебанов, в 1934—1938 гг. — И. П. Васильев, в 1938—1955 гг. — Ф. О. Попов, в 1955—1979 гг. — С. З. Почанин. Мы не случайно уделили такое внимание реорганизациям и персональному составу руководства партийного архива, поскольку это напрямую затрагивает вопросы, связанные с объектом исследования настоящей статьи.

Возвращаясь к письму В. Кнорина 1925 г., отметим, что оно было вызвано обращением к нему руководства Истпарта. Последнее, получив в декабре 1924 г. из Минского окружкома комсомола пачку фотографий лиц, погибших на фронтах гражданской войны с приложенной к ним запиской Кнорина в адрес Истпарта, обратилось к бывшему секретарю ЦБ КП(б)Б с просьбой прояснить историю и цель присылки фото. В ответе 1 января 1925 г. Кнорин выразил недоумение по поводу того, почему направленные им в адрес Истпарта материалы оказались в окружкоме комсомола. «Меня, — писал далее Кнорин, — интересует и другой вопрос, по которому я просил бы дать ответ. *Мною была передана в Истпарт личная переписка (моя и Мясникова) по вопросу об образовании ССРБ* [выделено мною. — М. Ш.], сохранилась ли она у Вас или тоже передана на пользование для кое-каких нужд комсомола или кого-либо другого?» [13, л. 71]. В заключение письма он просил вернуть ему как фотографии, так и переписку.

В ответном письме от 15 января 1925 г. руководство Истпарта заверило Кнорина в том, что ими наведен порядок в деле хранения и использования исторических документов. «Мы надеемся, — резюмировали авторы письма, — что ознакомившись с действительным положением вещей, Вы не будете настаивать на возвращении имеющихся у нас Ваших материалов, тем более, что нами они будут при первой возможности использованы для печати» [13, л. 77]. И, действительно, вскоре после трагической гибели 22 марта 1925 г. А. Ф. Мясникова Истпарт решил издать сборник его памяти, предполагая укомплектовать его воспоминаниями и документами о пребывании Мясникова в Беларуси. 6 июля 1925 г. С. Х. Агурский обратился в Закавказское бюро ЦК РКП(б) с просьбой выслать в белорусский Истпарт материалы из архива Мясникова, связанные с его деятельностью в Беларуси. Вопрос об издании сборника памяти Мясникова неоднократно стоял в повестке дня работы коллегии Истпарта.

Сборник был включен в издательский план уже Института истории партии на 1929—1930 гг., но так и не дошел до читателя по причинам, указанным в начале настоящей статьи.

На основании упоминавшихся выше источников можно таким образом утверждать, что документы об образовании БССР в 1925 г. находились в Истпарте при ЦК КП(б)Б. Дальнейшая их судьба связана с Музеем революции БССР, создание которого было поручено Центральным комитетом КП(б)Б и Центральным исполнительным комитетом БССР тому же Истпарту. Музей был открыт 2 мая 1926 г. и просуществовал до 1941 г. Именно сюда была передана из Истпарта какая-то часть находившихся здесь документов, связанных с провозглашением БССР. На это указывают штампы Музея на ныне хранящихся в РГАСПИ оригиналах документов (писем, телеграмм, записей разговоров по прямому проводу, Манифеста на белорусском языке*). Другая их часть могла передаваться в Музей уже Институтом истории партии, однако, не подлежит сомнению тот факт, что все они какое-то время находились в Музее революции БССР.

Когда оригиналы этих документов оказались в Москве? Можно предположить (хотя делопроизводственными документами Института истории партии при ЦК КП(б)Б, партархива ЦК КП(б)Б это не подтверждается), что это могло иметь место в 1930-е гг. Косвенным подтверждением данного предположения может служить выписка из постановления дирекции ИМЭЛ при ЦК ВКП(б) от 7 апреля 1936 г. «О плане работы Института истории партии при ЦК КП(б)Б на 1936 год», в которой говорится буквально следующее: «10. Предложить Институту передать в ИМЭЛ в оригиналах или копиях документы, имеющиеся в Белорусском Институте о тов. Сталине, Л. М. Кагановиче, Н. Ежове и др. 11. Затребовать от Белорусского Института «Сборник памяти Мясникова» для просмотра и выяснения его пригодности для печати, а также затребовать дневник Мясникова» [15, л. 56].

Пребывание в Музее революции БССР в конце 1928 г. оригинала письма И. Сталина А. Мясникову и М. Калмановичу от 29 декабря 1918 г. подтверждает приписка на письме С. Х. Агурского И. Сталину 7 декабря 1928 г. Направляя адресату машинописную копию его письма десятилетней давности с просьбой сообщить, кто является автором Манифеста, Агурский сообщал в Р. С.: «Оригинал В[ашего] письма с В[ашей] подписью хранится в Музее революции БССР» [14, л. 33].

По итогам обследования Музея революции БССР, проведенного комиссией Института истории партии при ЦК КП(б)Б в конце 1935 г., это же письмо под № 12 фигурировало в списке № 1 документов, хранившихся в архиве Музея революции БССР и подлежавших передаче в Белпартархив. Под № 4 в этом списке значился «Протокол объединенного экстренного заседания членов

* Подписанный машинописный оригинал Манифеста на русском языке (с правками подписантов), помеченный штампом Музея революции БССР, хранится: [20, л. 1—4].

коллекции Белнацкома и представителей ЦБ КП(б)Б по вопросу о государственном устройстве Белоруссии, декабрь 1918 г.» (инв. № 54) [16, л. 25]. Другие документы об образовании БССР в этом списке отсутствуют, что дает основание предположить, что к этому времени они уже были либо возвращены в белорусский партийный архив, либо переданы в ИМЭЛ при ЦК ВКП(б).

Учитывая политическую и научную значимость этих документов, с них неоднократно снимались машинописные копии, которые хранились в партийном архиве Института истории партии при ЦК КП(б)Б. Впоследствии они использовались в качестве источников при подготовке документальных публикаций (правда, не реализованных). Примером здесь может служить попытка Института истории партии опубликовать к 15-летию образования БССР и создания Компартии республики четыре телеграммы И. Сталина Жилуновичу и Мясникову от 1 января 1919 г. (по начальным фразам: «Я так и знал, что без драки не обойдется...»), «Предложение Жилуновича о невключении трех членов нахожу дезорганизаторским...», «Во-первых, прошу Ваш ответ прочесть Мясникову...», «Список членов правительства остается тот, который имеется в привезенном к Вам документе...») и письмо Сталина Мясникову и Калмановичу от 29 декабря 1918 г.

В письме директора Института истории партии при ЦК КП(б)Б М. А. Левкова, направленном 4 июня 1933 г. в Секретариат И. Сталина, говорилось: «В декабре текущего года исполняется пятнадцатилетие образования КП(б) Белоруссии и БССР. Институт истории партии при ЦК КП(б)Б *имеет в своем архиве ряд телеграмм т. Сталина, связанных с образованием БССР и КП(б)Б, которые считает необходимым опубликовать в юбилейные дни в печати, а также использовать в литературных работах**, чтобы показать роль т. Сталина и ЦК ВКП(б) в образовании национальных советских республик. Это тем более необходимо, так как телеграммы т. Сталина выправляют ошибки целого ряда местных работников в национальном вопросе и быют по местным националистам.

Прилагая текст указанных телеграмм, просим дать разрешение на опубликование их, так как до сего времени они нигде опубликованы не были.

Все могущие быть необходимыми справки как по самому тексту, так и по вопросу использования их Институт поручает сделать научному работнику, заведующему сектором истории КП(б)Б Института т. Зюзькову А.» [43, л. 1—4].

Приложенные к письму Левкова документы представляли собой архивные копии с вышеуказанных телеграмм и письма, заверенные сделанным от руки штампом: «Могилевский п/архив. Ф. ЦК, л. 419».

Отсутствие резолюции И. Сталина на письме из минского Института истории партии (имеется лишь помета делопроизводственного характера о

* Здесь и далее выделенное подчеркнуто красным карандашом.

поступлении документа 19 августа 1933 г.) не дает возможности выяснить, какова была реакция адресата на предложение белорусских историков. Можно лишь предположить исходя из того, что телеграммы и письмо не публиковались ни в конце декабря 1933 г., ни в начале января 1934 г., что она была отрицательной. С другой стороны, судя по весьма запоздавшей делопроизводственной помете, письмо просто могло не дойти до Сталина*.

Машинописные копии с документов об образовании БССР, заверенные заведующим партархивом Института истории партии при ЦК КП(б)Б И. П. Васильевым, хранятся в настоящее время в фонде ЦК КПБ [10]; здесь же находятся и аутентичные, но не заверенные Васильевым копии [11]. Подобные машинописные копии, но уже заверенные Ф. О. Поповым, хранятся и в фонде Истпарта [19]. Сохранившаяся в перереформированном деле старая обложка имеет следующие реквизиты: «Белпартархив ЦК КП(б)Б. Оп. 1. Ф. 60. Св. 14. Д. 337. Копии документов о тов. Сталине 1918—1919 гг.». На копиях некоторых телеграмм И. Сталина Д. Жилуновичу, А. Мясникову, М. Калмановичу наряду с заверительными надписями Попова имеются и пометы научного сотрудника партархива А. А. Кузнецова, свидетельствующие об отсылке их в ИМЭЛ при ЦК ВКП(б) (КПСС) в 1952—1954 гг. [19, л. 1, 2, 16]. Обратившись к делопроизводству партархива этого периода, обнаруживаем там переписку между руководством ЦПА ИМЭЛ и партархивом ЦК КПБ в связи с выявившимися разночтениями в высланных из Минска в Москву в разное время копиях сталинских телеграмм и писем [22, л. 35, 36; 23, л. 38—40]. В письме зам. зав. ЦПА ИМЭЛ Р. Лаврову от 25 сентября 1953 г. Ф. О. Попов, объясняя причины разночтений, резюмировал: «Мы считаем достоверными копии телеграмм, на которых стоит штамп музея [революции БССР]**» [24, л. 16].

Неупорядоченность партийного архивного хозяйства Беларуси*** создавала проблемы с поиском необходимых документов. Потому-то, несмотря на наличие в республиканском партийном архиве всех основных копий документов об образовании БССР и создании КПБ, преемник Ф. О. Попова — С. З. Почанин — весной 1958 г. в течение нескольких недель работал в VI секторе Общего отдела ЦК КПСС (архив Политбюро ЦК КПСС) с целью выявления и последующего копирования документов, связанных с образованием БССР. Повод для этого был весьма подходящий: приближавшееся 40-летие БССР, о чем шла речь в письме второго секретаря ЦК КПБ Т. Я. Киселева,

* Этот пример, как весьма показательный с точки зрения архивной эвристики, автор статьи приводит в методических рекомендациях по археографической подготовке и публикации документов КПБ/КПСС [48, с. 51—52].

** Правда, Ф. Попов ошибочно принял штамп Музея революции БССР за штамп аналогичного общесоюзного музея в Москве [19, л. 14].

*** Фонд Истпарта лишь в 1980-е гг. будет подвергнут научно-технической обработке, по результатам которой станет возможным исследователям ориентироваться в его составе.

направленном 11 июня 1958 г. в адрес руководства ЦК КПСС: «Эти документы необходимы для пополнения фонда партархива ЦК КПБ и использования их при разработке вопросов истории образования БССР и КПБ в связи с подготовкой к празднованию 40-летия республики» [25, л. 33].

В июне 1958 г. в белорусский Институт истории партии поступили из Москвы копии 34 наименований документов, сделанные с оригиналов, имевших штампы Музея революции БССР. Правда, были среди них и копии документов, не хранившихся в белорусском музее; в их числе — заявление восьмерых членов Белорусского правительства (Д. Жилуновича, А. Червякова, Д. Чернушевича, О. Дыло, Ф. Шантыря, В. Фальского, А. Кваченюка, И. Пузырева) в ЦК РКП(б) (не датировано, составлено не ранее 7 января 1919 г.) — о невозможности совместной «коммунистической работы» с руководителями бывшего Облкомзапа и их же заявление полномочному представителю ЦК РКП(б) А. А. Иоффе (в копии В. Ленину, Я. Свердлову и И. Сталину) с просьбой пересмотреть принятое ЦК РКП(б) 16 января 1919 г. решение о выделении из ССРБ Витебской, Смоленской и Могилевской губ. [25, л. 51—55].

С последним документом связана небезынтересная история. К 40-летию Октябрьской революции ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС подготовил для журнала «Исторический архив» документальную подборку по истории установления Советской власти в Литве и Беларуси. Под № 11 в ней фигурировало заявление белорусских коммунистов в адрес А. Иоффе. В августе 1957 г. подборка рецензировалась в ИМЛ при ЦК КПСС. Автор рецензии обратил внимание на этот документ, отметив: «Во-первых, содержание его сводится к протесту против включения Могилевской, Витебской и Смоленской губ. в РСФСР. Подобную позицию составители во введении характеризуют как буржуазно-националистическую. Зачем же давать буржуазно-националистический документ? (Здесь, кстати, читатель будет в недоумении. Ведь сейчас Витебская и Могилевская области входят в Белоруссию)» [26, л. 3]. Разумеется, в опубликованной в 6-м номере «Исторического архива» за 1957 год документальной подборке этот документ отсутствовал.

Фотокопии с оригиналов хранившихся в ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС телеграмм И. Сталина и записи его разговора по прямому проводу от 24—25 декабря 1918 г. выслались по запросу С. З. Почанина в ноябре 1962 г. и марте 1964 г. [12].

Подводя итоги, отметим, что корпус документальных источников, связанных с образованием БССР, представляет собой не только репрезентативное, но крайне ценное в архивоведческом, источниковедческом, археографическом отношениях собрание. Оно важно и в дидактическом плане, поскольку способствует формированию у будущих историков-источниковедов, архивистов-археографов навыков работы с историческими источниками, включая их поиск, выявление, описание, выбор основного текста в процессе подготовки их к публикации. Вдумчивый исследователь найдет в этих документах много полезного

для себя в части архивной эвристики, архивной реституции, архивного источниковедения.

Источники и литература

1. Борьба за Советскую власть в Белоруссии. 1918—1920 гг. Сб. док. и материалов в двух томах. — Т. 1 (февраль 1918 — февраль 1919 г.). — Минск: Беларусь, 1968. — С. 414.
2. Бугаев, Е. И. Возникновение большевистских организаций и образование Компартии Белоруссии. — М., 1959.
3. Горбунов, Т. С. Образование Белорусской Советской Социалистической Республики. — Минск, 1949.
4. Игнаценко, И. М. Октябрьская революция и самоопределение Белоруссии. — Минск, 1992.
5. Каменская, Н. В. Утварэнне Беларускай Савецкай Сацыялістычнай Рэспублікі. — Минск, 1946.
6. Карнейчык, Е., Папоў, Ф., Шкляр, М. В. І. Ленін і І. В. Сталін — арганізатары БССР. — Минск, 1949.
7. Кастрычнік на Беларусі: 3б. арт. і дакументаў (Матэрыялы да гісторыі Кастрычнікавай рэвалюцыі на Беларусі). — Вып. 1. — Минск, 1927.
8. Круталевич, В. А. Абвяшчэнне рэспублікі (Гістарыяграфічны аспект). — Минск, 2004.
9. Круталевич, В. А. Рождение Белорусской Советской Республики (Провозглашение республики. Развертывание национально-государственного строительства. Ноябрь 1918 — февраль 1919 г.). — Минск, 1979.
10. НАРБ. — Ф. 4п (ЦК КПБ). — Оп. 1. — Д. 12. Руководящие указания т. Сталина в связи с образованием Советского правительства в Белоруссии. Завер. маш. копии.
11. НАРБ. — Ф. 4п. — Оп. 1. — Д. 13. — Л. 1—18. Документы о т. Сталине (незавер. маш. копии).
12. НАРБ. — Ф. 4п. — Оп. 1. — Д. 14. — Л. 1—12. Фотокопии телеграмм, телефон. разговора Мясникова со Сталиным 24 декабря 1918 — 25 декабря 1918 г.
13. НАРБ. — Ф. 60п (Институт истории партии и Октябрьской революции при ЦК КП(б)Б). — Оп. 1. — Д. 8. — Л. 71—71об. Письмо В. Г. Кнорина в Истпарт Беларуси 1 января 1925 г.
14. НАРБ. — Ф. 60п. — Оп. 1. — Д. 28. — Л. 33. Отпуск письма С. Х. Агурского И. Сталину 7 декабря 1928 г., л. 34—35 маш. экз. письма И. Сталина Мясникову и Калмановичу от 29 декабря 1918 г., л. 36—38 маш. копия Манифеста на рус. яз.
15. НАРБ. — Ф. 60п. — Оп. 1. — Д. 254. — Л. 56. Маш. копия выписки из постановления дирекции ИМЭЛ при ЦК ВКП(б) от 7 апреля 1936 г. «О плане работы ИИП при ЦК КП(б)Б на 1936 г.»
16. НАРБ. — Ф. 60п. — Оп. 1. — Д. 284. — Л. 1—67. Опись материалов архива Музея революции БССР. 1937 г.
17. НАРБ. — Ф. 60п. — Оп. 2. — Д. 109. — Л. 1—27. Оглавление и предисловие к сборнику «Сталин и образование БССР и КП(б)Б». Июнь 1936 г.
18. НАРБ. — Ф. 60п. — Оп. 2. — Д. 110. — Л. 1—221. Сборник «Ленин—Сталин — организаторы БССР и КП(б)Б». 1936 г.
19. НАРБ. — Ф. 60п. — Оп. 3. — Д. 431. — Л. 1—38. Манифест Временного рабоче-крестьянского советского правительства Белоруссии, телеграммы, письма И. Сталина об образовании Белорусской республики. 22 декабря 1918 — 2 января 1919 г.

20. НАРБ. — Ф. 60п. — Оп. 3. — Д. 432. Манифест Временного рабоче-крестьянского советского правительства Белоруссии (оригинал на рус. яз. и маш. копия).
21. НАРБ. — Ф. 60п. — Оп. 3. — Д. 549. Копии документов из архива А. Мясникова (Переписка со Сталиным об образовании БССР и др.).
22. НАРБ. — Ф. 511 (Партархив ИИП при ЦК КПБ). — Оп. 7. — Д. 93. — Л. 1—78. Постановления и директивы ЦК КПБ, инструкции и указания ИМЭЛС при ЦК КПСС и Белорусского филиала ИМЭЛС, переписка с ЦК КПБ, ИМЭЛС и Белорусским филиалом ИМЭЛС за 1952 г.
23. НАРБ. — Ф. 511. — Оп. 8. — Д. 4. Постановления и директивы ЦК КПБ, инструкции и указания ИМЭЛС при ЦК КПСС и Белорусского филиала ИМЭЛС, переписка с ЦК КПБ, ИМЭЛС и Белорусским филиалом ИМЭЛС за 1953 г.
24. НАРБ. — Ф. 511. — Оп. 8. — Д. 23. Постановления и директивы ЦК КПБ, инструкции и указания ИМЭЛС при ЦК КПСС и Белорусского филиала ИМЭЛС, переписка с ЦК КПБ, ИМЭЛС и Белорусским филиалом ИМЭЛС за 1954 г.
25. НАРБ. — Ф. 1440 (Институт истории партии при ЦК КПБ). — Оп. 3. — Д. 478. — Л. 30—112. Документы по вопросу образования Белорусской республики (маш. копии, снятые С. З. Почаниным в VI секторе Общего отдела ЦК КПСС и заверенные зав. этим сектором Т. К. Силиной 10 июня 1958 г.).
26. НАРБ. — Ф. 1440. — Оп. 3. — Д. 479. Документальная подборка по истории установления Советской власти в Литве и Беларуси. 28 августа 1957 г.
27. Обретение республики (публ. подг. Н. С. Сташкевич, М. Ф. Шумейко, А. Н. Гесь) // Неман. — 1989. — № 1. — С. 113—128.
28. 1 января 1919 года: Временное рабоче-крестьянское советское правительство Белоруссии. Док. и материалы. — Минск: Лимариус, 2005. — 304 с.
29. По воле народа: Из истории образования БССР и создания КПБ: Документы и материалы. — Минск: Беларусь, 1988. — 256 с.
30. Пратакол І з'езда Камуністычнай партыі (бальшавікоў) Беларусі. — Менск, 1934.
31. Путем борьбы и труда: По материалам науч. конф., посвящ. 70-летию образования БССР и Компартии Белоруссии. — Минск: Беларусь, 1989. — 238 с.
32. РГАСПИ. — Ф. 558 (И. В. Сталин). — Оп. 1. — Д. 377. — Л. 1—9. Письмо И. Сталина А. Мясникову и М. Калмановичу в Смоленск 29 декабря 1918 г. и рукописный черновой экз. Манифеста Временного рабоче-крестьянского советского правительства Белоруссии на бел. яз.
33. РГАСПИ. — Ф. 558. — Оп. 1. — Д. 496. — Л. 1. Записка И. Сталина А. Мясникову и И. Алибегову в форме телеграммы в Смоленск с просьбой не открывать партийную конференцию до его приезда 27 декабря 1918 г. 24 декабря 1918 г.
34. РГАСПИ. — Ф. 558. — Оп. 1. — Д. 497. — Л. 1—14. Запись разговора И. Сталина с А. Мясниковым по прямому проводу 25 декабря 1918 г. (2 экз. оригинала; (один из них со штампом Музея революции БССР) и два экз. завер. Ф. О. Поповым архивной копии).
35. РГАСПИ. — Ф. 558. — Оп. 1. — Д. 498. — Л. 1—3. Телеграмма И. Сталина А. Мясникову и И. Алибегову в Смоленск 24 декабря 1918 г. (оригинал со штампом Музея революции БССР, л. 1—2) и завер. Т. Силиной 26 июня 1959 г. архивная копия (л. 3).
36. РГАСПИ. — Ф. 558. — Оп. 1. — Д. 501. — Л. 1—2. Записка И. Сталина Д. Гопнеру по прямому проводу в Минск о договоренности с А. Мясниковым и М. Калмановичем по вопросу о Белоруссии 27 декабря 1918 г. (имеется штамп ЦГАОР [СССР? — М. Ш.]. — Ф. 130. — Оп. 2. — Ед. хр. 821. — Л. 46).

37. РГАСПИ. — Ф. 558. — Оп. 1. — Д. 3519. — Л. 1—12. Условия образования Белорусской Советской Республики.
38. РГАСПИ. — Ф. 558. — Оп. 1. — Д. 3520. — Л. 1—6. Телеграммы И. Сталина Д. Жилуновичу и А. Мясникову в Смоленск 31 декабря 1918 — 1 января 1919 г.
39. РГАСПИ. — Ф. 558. — Оп. 1. — Д. 3521. — Л. 1—5. Телеграмма И. Сталина А. Мясникову в Смоленск и ответная телеграмма Мясникова Сталину 1 января 1919 г.
40. РГАСПИ. — Ф. 558. — Оп. 1. — Д. 3522. — Л. 1—3. Телеграмма И. Сталина Д. Жилуновичу (в копии А. Мясникову и В. Кнорину) в Смоленск 31 декабря 1918 г.
41. РГАСПИ. — Ф. 558. — Оп. 1. — Д. 3523. — Л. 1—3. Телеграмма И. Сталина Жилуновичу (в копии Мясникову) в Смоленск 1 января 1919 г.
42. РГАСПИ. — Ф. 558. — Оп. 1. — Д. 5413. — Л. 1—12. Телеграммы, записки, письма И. Сталина Мясникову, Калмановичу, Жилуновичу и Кнорину по вопросу об образовании БССР и ответные телеграммы (маш. копии, завер. 26 июня 1959 г. Т. К. Силиной).
43. РГАСПИ. — Ф. 558. — Оп. 1. — Д. 5765. — Л. 1—4. Письмо директора ИИП при ЦК КП(б) М. А. Левкова в Секретариат И. Сталина 4 июня 1933 г. с приложением копий письма и телеграмм И. Сталина в Смоленск 29 декабря 1918 — 1 января 1919 г.
44. Скалан, Віталь, Шумейка, Міхаіл. «Імем вольнага беларускага народа...» [Публикация белорусскоязычного текста Манифеста Временного рабоче-крестьянского советского правительства Белоруссии] // Маладосць. — 1988. — № 12. — С. 146—151.
45. Шашкевич, Н. С., Шумейко, М. Ф. У истоков создания // Страницы истории Компартии Белоруссии: суждения, аргументы, факты. — Минск: Университетское, 1990. — С. 46—70.
46. Шумейко, М. Две удочки без наживки. Полемические заметки историка о ситуации вокруг первых съездов // Коммунист Белоруссии. — 1990. — № 12. — С. 58—65.
47. Шумейко, М. Ф. Деятельность Истпарта ЦК КП(б) Белоруссии по созданию источниковой базы историко-партийной науки в 1920-е годы // Археографический ежегодник за 1978 год. — М., 1988. — С. 73—81.
48. Шумейко, М. Ф. Археографическая подготовка и публикация документов КПБ/КПСС: методические рекомендации. — Минск: БелНИИДАД, 2017. — 132 с.

Артыкул напісаны ў рэдакцыю 27.01.2019

*Т. Н. Агеенко,
ведущий научный сотрудник
отдела использования документов и информации
Национального архива Республики Беларусь,
соискатель Белорусского государственного университета;
e-mail: aheyenka-tatsiana@tut.by*

КОМПЛЕКТОВАНИЕ ПАРТАРХИВА ЦК КП(б)Б в 1930—1941 гг.

С конца 1920-х гг. в СССР существовала система, при которой документы, возникшие в деятельности РКП(б)—ВКП(б)—КПСС и ВЛКСМ (в том числе КП(б)Б и ЛКСМБ), входили в состав архивного фонда КПСС и поступали не в государственные, а в партийные архивы. Она была закреплена утвержденным 28 декабря 1966 г. Секретариатом ЦК КПСС Положением об Архивном фонде КПСС [1]. Такое обособленное хранение документов просуществовало до 1992 г., после чего белорусская часть бывшего архивного фонда КПСС была включена в состав Национального архивного фонда Республики Беларусь. В настоящее время эти документы выделяются литерными обозначениями в нумерации некоторых фондов, например, 4п «ЦК КПБ» или 15п «Уполномоченный Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) по БССР» и др.

Начало концентрированному и обособленному от документов советских органов собиранию, хранению и использованию материалов партийного комплекса было положено утвержденным 28 июня 1929 г. секретариатом ЦК ВКП(б) «Положением о Едином партархиве» [2, л. 28—29]. В нем очерчивался круг источников комплектования партархива: дела и документы партийных комитетов, контрольных комиссий, комсомольских организаций и фракций советских, профсоюзных и других учреждений, отложившиеся в их делопроизводстве и утратившие свое значение для текущей работы, партийные документы, которые находились на хранении у отдельных лиц и в других учреждениях (Центрархиве, Музее революции, Комиссии по изучению истории профессионального движения в России и СССР и т. д.) и имевшие отношение к истории партии. В числе местных партархивов значилось и Белорусское отделение Единого партархива ВКП(б) (Белпартархив), созданное при научно-исследовательском институте по изучению истории КП(б)Б и революционного движения в Белоруссии при ЦК КП(б)Б (Институт истории партии), состоявшее из располагавшихся в Минске и Могилеве отделений.

Работа по комплектованию архива началась в 1930 г. 11 марта на заседании секретариата ЦК КП(б)Б. Заведующим и секретарям ликвидированных национальных бюро и отделов ЦК было поручено в недельный срок привести в порядок документы и материалы и по списку сдать их в партархив [3, л. 114]. Уже 2 апреля 1930 г. секретариат ЦК КП(б)Б утвердил текст письма ко всем окружным и районным комитетам, ячейкам и фракциям КП(б)Б и ЛКСМБ [3, л. 185], в котором особое внимание уделялось сохранности документов подведомственных организаций. С этой целью предполагалось провес-

ти предварительную организационную работу по упорядочению документов окружкомов, райкомов, ячеек и фракций. К 1 мая 1930 г. все архивные материалы после их упорядочения предполагалось направить в окружные центры, которые, в свою очередь, должны были до 1 июля 1930 г. подготовить эти документы к сдаче в партархив. Однако в указанные сроки данная работа не была выполнена.

26 июля 1930 г. ЦИК и СНК БССР приняли постановление «О ликвидации округов», согласно которому районы переходили в подчинение центральных республиканских органов управления [4, с. 14]. В результате встал вопрос о передаче документов ликвидированных парторганизаций на хранение в архив. Для проведения этой работы 23 августа 1930 г. секретариат ЦК КП(б)Б принял постановление «О сдаче в один партархив материалов ликвидируемых архивов ОК, ОКК КП(б)Б, ОК ЛКСМБ, фракций советских профсоюзов и общественных учреждений» [5, л. 2—3]. При их ликвидации необходимо было выделить работников, которым поручалось систематизировать и подготовить фонды для передачи в партархив. В этом же постановлении перечислялись материалы, подлежащие сдаче в ЦК КП(б)Б: находившиеся в окружкомов протоколы заседаний бюро, пленумов, конференций и доклады РК КП(б)Б за 1930 г. В итоге данная категория документов окружкомов, райкомов, а затем и обкомов за 1921—1941 гг. отложились в архивном фонде ЦК КП(б)Б.

Помимо вышеуказанного решения секретариата, был подготовлен также циркуляр об упорядочении архивов райкомов партии и сдаче документов [6, л. 18]. Из Москвы получены правила о приведении в должный порядок хранения и использования архивных материалов организаций ВКП(б) и ВЛКСМ. Они состояли из следующих разделов с приложениями: организация работ и состав архива, учет, разборка и систематизация, сроки хранения на месте и передача в архив, отбор и уничтожение материалов, не подлежащих хранению [6, л. 39—41]. 18 сентября 1930 г. из Института Маркса—Энгельса—Ленина при ЦК ВКП(б) (ИМЭЛ) были получены указания, согласно которым «на местах в районах должны остаться лишь материалы районных организаций, за время с 1926 г., где, согласно Положения о партархиве, они хранились в течение 5 лет, после чего сдавались в областной партархив» [7, л. 60]. В тех случаях, когда районные комитеты не могли срочно привести в порядок архивы бывших окружных комитетов, их следовало принимать без предварительной обработки.

Несмотря на нехватку работников, Институт истории партии направлял своих уполномоченных на места для проверки эффективности работы по подготовке документов к сдаче на хранение в архив. Только за август и сентябрь двумя сотрудниками было проинспектировано пять округов. В результате выявлено, что в комсомольской организации д. Носовичи Гомельского района документы использовали в качестве мишени для стрельбы из мелкокалиберной винтовки, они были сданы с пулями между прострелянными листами [8, л. 52], в Минском окружкоме КП(б)Б работник, отвечавший за архив, данными вопро-

сами не занимался, документы все время находились в проходной комнате, часть их была уничтожена. «Наш товарищ, посланный для проверки подготовки в Минский окружком, получил ответ от управделами последнего «кому это надо, если не мы, так Вы сами их уничтожите и нам вообще этим делом некогда заниматься» [6, л. 43].

Кроме случаев небрежного отношения к документам, были выявлены и недостатки в процессе отправки документов в партархив. Так, например, в Гомельском окружкоме ЛКСМБ во время упаковки материалов один работник сыпал их в ящик, а другой уминал ногами поплотнее, в результате чего получилось нечто вроде «архивного силоса». Полоцкий окружком отправил архив вместе с хозяйственными грузами [6, л. 43].

Из материалов проверки видно, что несмотря на принимаемые меры, в партийных и комсомольских организациях наблюдалось халатное отношение к документам, существовал ряд проблем с их подготовкой и сдачей. Это можно объяснить нехваткой работников и времени на проведение данной работы, а также непониманием ее значения и ценности.

В августе 1930 г. в партархив приняты документы ЦК КП(б)Б и двух окружкомов. Однако во многих округах упорядочение осуществлялось перед или в момент ликвидации, в результате чего почти все фонды, в том числе и ЦК КП(б)Б, были получены в неупорядоченном виде. В партархив материалы ликвидированных организаций поступали в большом количестве. Например, материалы Гомельского окружкома и бывшего губкома (до 1925 г.) составляли 79 ящиков, документы Витебской организации не меньше [7, л. 61об.].

Внимание к работе по подготовке и сдаче документов в партархив уделялось и в дальнейшем. Так, в апреле 1931 г. было проведено очередное обследование партархива, результаты которого свидетельствовали о сохранении ряда существенных недостатков. Отмечалось плохое отношение к материалам со стороны районных парторганизаций. Например, в Шклове документы контрольной комиссии были изъедены мышами, архив Гомельского горкома сдан для отправки в Могилев союзтрансу и свален на землю, в Жлобине архивные материалы лежали во дворе, под снегом и в воде [8, л. 87].

В информации о состоянии работы партархива, подготовленной 29 апреля 1933 г. младшим научным сотрудником Института истории партии И. Ю. Плачакисом, отмечалось, что в архиве собран большой по объему архивный фонд за 1917—1928 гг. Подчеркивалась хорошая сохранность фондов центральных, губернских и местных парторганизаций КП(б)Б за 1921—1928 гг. и худшая — за 1919—1920 гг. Особенно плохо сохранились документы дореволюционного и революционного периодов. Часто они были представлены отдельными экземплярами. В вышеуказанной информации впервые был произведен количественный учет хранившихся в архиве дел: «имеется 4227 вязок, каждая вязка весит 7 килограмм, а всего по весу будет 4227×7 — 29 589 килограмм, что равно 1849 пудам или 30,8 тонны. По объему одна вязка равняется: 70×20×25 —

35 куб. см. или 350 куб. метров, а всего 4 227 вязок на 350 куб. метр. — 1 487 450 куб. метров. По количеству дел: за 1918—1921 гг. — 223 вязки, около 3000 дел, а всего дел 39 592» [9, л. 2]. Кроме документов, в архиве хранились комплекты газет 30 наименований, 614 брошюр как дореволюционных, так и послереволюционных.

Особенностью комплектования партархива в этот период являлась передача сюда так называемых «непрофильных» фондов. Еще в конце 1920-х гг. в Институт истории партии поступили документы Белорусской народной республики (БНР), но в августе 1931 г. Центральное архивное управление (ЦАУ) БССР обратилось с просьбой передать ему весь архив БНР и другие непрофильные материалы для отправки на постоянное хранение в Центральный архив Октябрьской революции (ЦАОР) в г. Могилеве [8, л. 56]. Тем не менее, до 1933 г. они продолжали храниться там же.

Причина задержки с передачей этих дел в ЦАОР кроется, на наш взгляд, в неправильном понимании руководством Института истории партии и партархива того, какие материалы относятся к деятельности партии. В более ранних документах, а также в майском (1933 г.) циркуляре ИМЭЛ подчеркивалась необходимость выявления историко-партийных документов в фондах бывших жандармских и полицейских управлений, у отдельных лиц, принимавших участие в работе местных парторганизаций, собирание газет и фотоматериалов [10, л. 8—9]. Работники института и партархива считали, что подобные документы должны находиться у них. Это подтверждает содержание письма, направленного в декабре 1933 г. заведующим белорусским партархивом С. И. Клебановым заведующему Единым партархивом Г. А. Тихомирову. В нем автор указывал на необходимость хранения документов бывших жандармских и полицейских управлений [9, л. 8]. В ответ Г. А. Тихомиров сообщал, что указания Единого партархива и циркуляр Централархива по этому вопросу белорусский партархив понял неправильно, и что данные материалы должны находиться в архивном управлении БССР, а не в партархиве. Выявлять же нужно только историко-партийные документы, с которых необходимо снимать копии и передавать их в партархив [11, л. 2].

В конце 1933 — начале 1934 г. документы жандармских управлений и БНР поступили в Минский исторический архив, где прошли обработку и были разделены на три фонда: «Белорусская народная республика», «Белорусское пресс-бюро в Ковно» и «Представительство Белорусского Национального комитета в Одессе» [12, л. 3]. Но уже в 1935 г. они были взяты партархивом во временное пользование [13, л. 13]. Попытки руководства ЦАУ БССР в 1938 г. вернуть их оказались безуспешными. Тем не менее, благодаря этому многие ценные документы сохранились до наших дней, будучи вывезенными в первые дни войны, а не разделили участь оставшихся на оккупированной территории БССР документов государственных архивов.

Основное внимание партархив уделял комплектованию партийными и комсомольскими документами. Оно проходило достаточно медленно. Для активизации работы 8 мая 1934 г. ЦК КП(б)Б направил во все райкомы КП(б)Б письмо, в котором указывалось, что райкомы и партийные комитеты должны обеспечить сохранность материалов, привлекая должностных лиц к строгой ответственности за халатное отношение к ним. Предлагалось сдать в партархив документы до 1934 г., находившиеся в партийных и комсомольских организациях. Обращалось внимание ответственных за архивное дело в парторганизациях на обеспечение сохранности секретного фонда. В случае небрежного отношения к архивам рекомендовалось применять меры партийной и судебной ответственности [14, л. 42—43].

В мае этого же года Институт истории партии и партархив подготовили инструкцию по обработке и сдаче документов [11, л. 47]. Она предписывала передать в партархив по истечении установленных сроков все делопроизводственные материалы партийных, комсомольских организаций и документы, находившиеся у отдельных лиц. Были определены сроки их хранения на местах: 3 года для документов партийных и комсомольских ячеек, фракций, партийных коллективов и 5 лет для партийных, комсомольских комитетов и контрольных комиссий. В случае необходимости документы можно было забирать раньше. На каждый фонд должна была быть составлена отдельная опись. Кроме того, в инструкции давалось определение фонда: организация, имеющая самостоятельное значение. Обращалось внимание и на секретные материалы. Их хранение и обработка должны были проводиться только в соответствии со специальными указаниями Особого сектора ЦК КП(б)Б.

Однако на практике продолжали сохраняться недостатки: не проводилось планомерной работы по концентрации документов из регионов, а также выездов для их обследования, отсутствовал учет имеющихся материалов [11, л. 11]. По итогам проверки работы партархива ЦК КП(б)Б принял 28 мая 1934 г. постановление, в котором указывалось на необходимость рассмотреть в ноябре доклад директора Института истории партии и заведующего партархивом о состоянии архивных фондов на местах и о ходе их концентрации в Могилеве [15, л. 30].

Для устранения возникших в ходе обследования недостатков бюро ЦК КП(б)Б приняло 22 июля 1934 г. постановление «Об учете, хранении и подготовке к сдаче в партархив архивных материалов в райкомах КП(б)Б» [16, л. 92]. В нем отмечались недооценка и халатное отношение со стороны отдельных работников райкомов партии к делу хранения и учета архивных документов, что приводило к таким явлениям, как: их кража, неупорядоченность хранения и т. д. В постановлении предлагалось всем горкомам и райкомам КП(б)Б установить строгий учет за находившимися у них партийными и комсомольскими документами и передать их на хранение в специально оборудованные для этой цели помещения, а также выделить ответственных за эту работу. ЦК ЛКСМБ

предписывалось довести информацию постановления до комсомольских организаций.

В дополнение к уже принятым документам, а также в связи с поступавшими от райкомов запросами о порядке сдачи и хранения документов, 19 октября 1934 г. Особым сектором ЦК К(б)Б был направлен секретарям райкомов КП(б)Б и ЛКСМБ циркуляр о невыполнении большинством райкомов указаний ЦК о сдаче архивных партийных и комсомольских материалов. Предписывалось не позднее 15 ноября 1934 г. привести документы в порядок и сдать их, соблюдая правила пересылки материалов, имеющих секретный характер. В циркуляре указывалось, что многие документы отправлялись простой посылкой, плохо упакованными, часто обернутыми только газетами. В качестве одной из мер воздействия на райкомы в циркуляре отмечалось, что если предписанное не будет выполнено в срок, вопрос будет рассмотрен на бюро ЦК. В результате проведенной в течение 1934 г. работы из 38 районов в партархив сдали свои материалы 24 [11, л. 56].

Помимо концентрации документов, находившихся в белорусских партийных и комсомольских организациях, партархив занимался выявлением материалов, относившихся к истории белорусской парторганизации, в других архивах. Так, на заседании дирекции Института истории партии в декабре 1934 г. принято решение командировать заведующего партархивом И. П. Васильева в Ленинград, Москву, Киев и другие города с целью выявления материалов по истории КП(б)Б. В следующем году было направлено письмо в Центральный архив Красной Армии с просьбой уточнить судьбу 11 ящиков документов 5-й артиллерийской мастерской Северного флота, отправленных в 1929 г. из Витебска. Как отмечалось, эти документы имеют «исключительную ценность по истории Коммунистической партии Белоруссии, так как в указанной мастерской была очень сильная организация большевиков в 1917 г.» [17, л. 1].

15 апреля 1935 г. бюро ЦК приняло постановление «О всеобщей проверке состояния учета и хранения партдокументов ГК и РК КП(б)Б», в котором шла речь о необходимости командировать в районы 30 ответственных партработников сроком на 15 дней с расчетом — каждому проверить 3 района. В течение 1935 г. было обследовано 10 районов, проведена работа по упорядочению архива Витебской губернской, уездной, окружной и низовых парторганизаций, в количестве 5000 дел [18, л. 53]. В то же время проводимая с середины 1935 — 1936 г. проверка партдокументов остановила работу партархива по комплектованию.

Несмотря на пассивность парторганизаций в деле передачи документов, к 1938 г. партархив столкнулся с нехваткой площадей, на что в июле этого года указывал научный работник партархива М. С. Рай в докладной записке на имя директора Института истории партии. Архив занимал всю подвальную часть помещения обкома и горкома КП(б)Б г. Могилева, на хранении находилось 150 тыс. ед. хр. М. С. Рай предлагал построить отдельное здание для партархи-

ва, а в случае же невозможности — спроектировать корпус для архива в здании, которое планировалось построить для государственного архива [19, л. 24—25]. В результате, по данному вопросу 21 августа 1938 г. было принято постановление ЦК, которым СНК БССР поручалось включить в смету строительства архивохранилища ЦАУ БССР и корпус для партархива. Однако нового здания в этот период архив не получил.

В сентябре 1938 г. в Могилев поступил архив ликвидированного 21 августа 1938 г. Института истории партии в количестве 4332 ед. хр. В 1939 г. на его базе был создан фонд, в который вошли материалы, собранные институтом, в т. ч. Коммунистической партии Западной Белоруссии. Это были воспоминания участников революционного движения, борьбы за установление советской власти, машинописные рукописи готовившихся к изданию сборников, документы канцелярии Института истории партии и др. [20, с. 34].

Архив продолжил работу по наблюдению за хранением документов в организациях. Так, по итогам проведенной партархивом проверки сохранности документов в Бобруйском, Осиповичском, Стародорожском, Пуховичском и Минском райкомах и горкомах ЛКСМБ на имя секретаря ЦК ЛКСМБ в ноябре 1938 г. было направлено письмо о проблемах сохранности на местах комсомольских материалов. В нем указывалось на продолжавшие существовать недостатки [21, л. 6]. Адресату предлагалось принять меры по их устранению и наведению порядка в организациях.

В январе 1939 г. партархивом был разработан проект письма по обработке архивных материалов перед отправкой на хранение в партархив при ЦК КП(б)Б. В нем прописывался порядок составления заголовков, оформления описей, дел и обложек, систематизации дел (они должны были быть разобранными по годам в хронологическом порядке, а внутри годов по отделам и секторам (там, где они имелись) и по группам материалов) [22, л. 8].

В связи с принятием 2 декабря 1939 г. постановления Оргбюро ЦК ВКП(б) «О партийных архивах» все партархивы были переданы в ведение областных, краевых и республиканских комитетов партии. Определялись их основные задачи: собирание, сохранение, научно-техническая обработка документальных материалов партийных, комсомольских организаций и политотделов, изучение и разработка истории местных партийных организаций, справочная работа [23, с. 21]. 3 марта 1940 г. решением ЦК КП(б)Б в БССР были образованы партархивы при Минском, Витебском, Гомельском, Могилевском и Полесском обкомах КП(б)Б. Республиканский партархив прекращал прием документов местных партийных и комсомольских органов и организаций с 1936 г., поскольку ими стали комплектоваться созданные вышеуказанные архивы [24, с. 30].

К апрелю 1940 г. многие райкомы партии и ЛКСМБ передали на хранение в партархив свои документы по 1935 г. включительно. На последнем месте в этом вопросе находилась Минская область (только 7 райкомов сдали материа-

лы) [25, л. 35]. В то же время ситуация с комсомольскими архивами оставалась сложной.

В этом же году в ИМЭЛ проходила разработка инструкции, замечания к ней направил и белорусский партархив. В них высказывалось мнение о необходимости сдачи документов первичных партийных и комсомольских организаций в райкомы через год, а не через два года, как это было прописано в проекте, обращалось внимание на уменьшение сроков хранения документов райкомов и горкомов до передачи их в областные партархивы, т. к. практика показывала, что большое количество комсомольских документов было уничтожено. Высказывалось мнение о том, что чем скорее архивные материалы попадут в областные партархивы, тем лучше будет обеспечена их сохранность [25, л. 106].

Несмотря на то что к этому времени большая часть недостатков в работе была устранена, халатное отношение со стороны отдельных организаций к вопросам передачи документов в партархив все же не было изжито окончательно. Так, Комаринский райком КП(б)Б выслал багажом по железной дороге в адрес Минского отделения подлежащие сдаче в Могилевский партархив дела райкома и некоторых первичных парторганизаций за 1928—1935 гг. Этот багаж весом в 32 кг пролежал на железной дороге с конца апреля до середины ноября 1940 г. и был сдан в ликвидационный отдел конторы железной дороги. Работник отдела при просмотре «бесхозных» грузов обнаружил багаж с партийными делами, адресованный на имя ЦК КП(б)Б. Никакого сообщения от Комаринского райкома КП(б)Б о высылке партийных дел в адрес ЦК не поступило [26, л. 1].

Интересное мнение о комплектовании архивных фондов недостающими документами высказывалось в письме научного работника партархива М. С. Рая в дирекцию ИМЭЛ. Он указывал на плохую сохранность протоколов низовых парторганизаций, но в то же время отмечал, что направленные в вышестоящие организации как информационные, они откладывались там. М. С. Рай высказал предложение об изъятии этих информационных протоколов из дел вышестоящих организаций и включении их в фонды организаций-фондообразователей. Это, по его мнению, позволило бы сформировать целостный фонд и облегчить работу по поиску необходимых материалов [25, л. 184].

Еще одной особенностью комплектования белорусского партархива было то, что сюда поступали архивные документы редакций газет. Консультации по этому вопросу были проведены с дирекцией ИМЭЛ, которая указывала, что не считает целесообразным давать общее указание всем партархивам о хранении материалов редакций обязательно у них, однако и не возражает против того, чтобы партархив собирал и хранил такого рода материалы [27, л. 22].

Архивом была продолжена работа по выявлению относившихся к Беларуси документов, находившихся в архивах союзных республик. По итогам переписки между партархивами в апреле—мае 1941 г. бюро ЦК приняло три постановления: «Об архивных материалах Белоруссии, находящихся в партархиве

Ленинградского обкома ВКП(б)» (материалы за 1917—1921 гг. «Гомельского Комитета РСДРП», «Всеобщего Еврейского Рабочего Союза «Бунд» и «Союза Рабочей Молодежи «Бунд» за 1917—1921 гг.), «Об архивных материалах Мстиславльского укома партии за 1919—1924 гг.», хранившиеся в партархиве Смоленского обкома ВКП(б), «О передаче партархиву Смоленского обкома архивных материалов парторганизации Смоленской области, хранящихся в партархиве при ЦК в Могилеве» [27, л. 21; 28, л. 72; 29, л. 3; 30, л. 233—236]. Сведений о передаче этих материалов в Беларусь выявить не удалось.

В результате проделанной работы к 1941 г. в партархив сдали свои документы по 1935 г. включительно почти все, за исключением 4, райкомы КП(б)Б (из 87), около половины райкомов комсомола [20, с. 35]. В архиве насчитывалось 226 825 ед. хр. за 1905—1935 гг. ЦК и Контрольной комиссии КП(б)Б, ЦК ЛКСМБ, местных партийных и комсомольских органов и организаций, контрольных комиссий, политотделов МТС и др. [31, с. 421].

Таким образом, можно сделать вывод, что высшее партийное руководство республики в изучаемый период держало под строгим контролем вопросы комплектования партийного архива документами. Партархивом совместно с Институтом истории партии был подготовлен ряд документов, регулирующих вопросы обработки и сдачи документов на хранение, однако многие парторганизации не относились к этому делу с должной ответственностью. С целью устранения существовавших недостатков проводились проверки учета и хранения дел в организациях как белорусским Институтом истории партии, так и ИМЭЛ. К концу 1930-х гг. — началу 1940 г. значительная часть вопросов, связанных с хранением документов на местах, а также передачей дел в партархив была решена, однако острым оставался вопрос с комсомольскими архивами. Была проделана определенная работа по выявлению в других архивах материалов, отнесенных к белорусской парторганизации. В итоге, были собраны как документы партийных и комсомольских органов и организаций, так и ряд непрофильных фондов.

Источники и литература

1. Положение об Архивном фонде КПСС (Утверждено постановлением Секретариата ЦК КПСС 28 декабря 1966 г.). — Режим доступа: <http://orpentextnn.ru/legislation/arkhivny/index.html@id=2148>. — Дата доступа: 16.07.2019.
2. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). — Ф. 4п. — Оп. 1. — Д. 4696.
3. НАРБ. — Ф. 4п. — Оп. 1. — Д. 4769.
4. Административно-территориальное устройство БССР: справочник: в 2 т. / Гл. арх. упр. при Совете Министров БССР, Ин-т философии и права АН БССР; сост.: Т. А. Воробьева [и др.]. — Минск: Беларусь, 1985—1987. — Т. 1 (1917—1941 гг.). — 1985. — 390 с.
5. НАРБ. — Ф. 4п. — Оп. 1. — Д. 4772.
6. НАРБ. — Ф. 511п. — Оп. 1. — Д. 1.
7. НАРБ. — Ф. 60п. — Оп. 1. — Д. 59.
8. НАРБ. — Ф. 60п. — Оп. 1. — Д. 74.
9. НАРБ. — Ф. 511п. — Оп. 1. — Д. 18.

10. НАРБ. — Ф. 511п. — Оп. 1. — Д. 9.
11. НАРБ. — Ф. 511п. — Оп. 1. — Д. 17.
12. НАРБ. — Ф. 249. — Оп. 1. — Д. 676.
13. НАРБ. — Ф. 325. — Оп. 1. — Д. 228.
14. НАРБ. — Ф. 4п. — Оп. 1. — Д. 7567.
15. НАРБ. — Ф. 4п. — Оп. 1. — Д. 7156.
16. НАРБ. — Ф. 4п. — Оп. 1. — Д. 7165.
17. НАРБ. — Ф. 511п. — Оп. 1. — Д. 30.
18. НАРБ. — Ф. 4п. — Оп. 1. — 10659.
19. НАРБ. — Ф. 60п. — Оп. 1. — Д. 302.
20. Барановский, Е. И. По следам партийного архива: вопросы истории, научного использования / Е. И. Барановский // Наша история: Национальный архив Республики Беларусь, 1927—2007 гг. / В. Д. Селеменев [и др.]. — Минск: НАРБ, 2007. — С. 30—40.
21. НАРБ. — Ф. 4п. — Оп. 1. — Д. 12223.
22. НАРБ. — Ф. 4п. — Оп. 1. — Д. 13834.
23. Почанин, С. З. Партийные архивы Белоруссии — документальная база истории КПБ / С. З. Почанин // Вопросы архивоведения и источниковедения в БССР: материалы научной конференции архивистов и историков, посвященной 50-летию архивного строительства в СССР / редкол.: В. Н. Жигалов (отв. редактор) [и др.]. — Минск: Вышэйшая школа, 1971. — С. 17—32.
24. Шумейко, М. Ф. Археографическая подготовка и публикация документов КПБ/КПС: методические рекомендации / М. Ф. Шумейко. — Минск: БелНИИДАД, 2017. — 132 с.
25. НАРБ. — Ф. 511п. — Оп. 2. — Д. 117.
26. НАРБ. — Ф. 4п. — Оп. 1. — Д. 16745.
27. НАРБ. — Ф. 511п. — Оп. 2. — Д. 116.
28. НАРБ. — Ф. 4п. — Оп. 1. — Д. 17220.
29. НАРБ. — Ф. 4п. — Оп. 1. — Д. 17228.
30. НАРБ. — Ф. 4п. — Оп. 1. — Д. 17232.
31. Шумейка, М. Партийны архіў Інстытута гісторыі партыі / М. Шумейка // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. — Мінск, 1999. — Т. 5. — С. 420—421.

Арт'кул наступіў у рэдакцыю 26.07.2019

С. А. Елизаров,

*профессор кафедры социально-гуманитарных
и правовых дисциплин Гомельского государственного
технического университета имени П. О. Сухого,
доктор исторических наук, профессор;
e-mail: sergeyelisarov@mail.ru*

МЕСТНЫЕ СОВЕТЫ БЕЛОРУССКОЙ ССР ПЕРИОДА «ПОБЕДИВШЕГО СОЦИАЛИЗМА» (1937—1941 гг.)

Система органов местной власти и управления в первые десятилетия советской власти находилась в состоянии постоянных трансформаций. Их главным мотивом было стремление партийно-государственного руководства создать управленческий механизм, адекватный приоритетным для каждого исторического периода задачам. В белорусской советской историографии эти трансформации 1920—1930-х гг. нашли свое отражение в работах ряда авторов (А. А. Головки, С. Р. Лагуна, С. П. Маргунского и др.). А вот вопросы организации системы местной государственной власти и управления после принятия Конституции СССР 1936 г. и Конституции БССР 1937 г. практически остались вне внимания. В современной белорусской историографии опыт функционирования советской вертикали местной власти исследуется (и то только фрагментарно) лишь для доказательства тоталитарного характера советской политической системы (М. П. Костюк, Т. С. Протьюко).

Представляется, что создание даже относительно полной картины исторического развития БССР невозможно без широкого обобщения и анализа процессов генезиса и трансформаций советской системы территориальных государственных органов власти и управления. Изучение этой проблемы является важным не только с точки зрения приращения исторического знания, но и использования его в современных условиях реализации государственной политики оптимизации системы государственной власти и управления Республики Беларусь. В связи с этим в предложенной статье предпринята попытка исследования системы государственных органов местной власти и управления в БССР первых лет «победившего социализма», прежде всего, ее правовых, организационных, кадровых и финансовых аспектов.

Конституция СССР 1936 г., провозгласившая победу социализма в СССР и «последовательный и до конца выдержанный демократизм» (И. Сталин), внесла изменения и в систему органов местной власти. Если ранее высшими органами государственной власти в пределах административно-территориальных единиц являлись съезды Советов, то согласно главе 8 (ст. 94) новой союзной Конституции ими объявлялись постоянно действовавшие Советы депутатов трудящихся, избираемые сроком на два года. Как и ранее, исполнительными и распорядительными органами местных Советов выступали формировавшиеся местными Советами исполнительные комитеты в составе председателя, его заместителей, секретаря и членов [1, с. 740—741].

Соответственно строилась система органов местной власти и по Конституции БССР 1937 г. В республике органами государственной власти в округах, районах, городах, селах, местечках, поселках были Советы депутатов трудящихся. На избранные ими исполкомы возлагалось руководство культурно-политическим и хозяйственным строительством на основе решений соответствующих Советов депутатов трудящихся и вышестоящих государственных органов [2, с. 17].

В 1938 г. в Конституцию БССР были внесены изменения, главные из которых были связаны с появлением в республике областного деления и областных органов государственной власти и управления [3, с. 10—11, 23—27].

Образование в БССР в 1938 г. областей было продолжением политики разукрупнения административно-территориальных единиц, усиления централизации и создания жесткой вертикальной системы управленческих статусов. Во-первых, существование крупных и экономически сильных «госплановских» областей (созданы в 1920-е гг. на основе принципа совмещения административно-территориального и экономического районирования) противоречило интересам административно-командной системы управления, создавая основу для появления местных партийных, советских и хозяйственных элит, способных проявлять значительную самостоятельность, осознавать и отстаивать интересы своих территорий перед союзным центром.

Во-вторых, ликвидация в 1930 г. округов и упор на районы, как центральный элемент политики, в деревне породил проблемы осуществления руководства все более возрастающим их количеством непосредственно из республиканских центров или центров «госплановских» областей. Логика административно-командной системы требовала воссоздания промежуточного управленческого звена.

В таких условиях I сессия Верховного Совета СССР в январе 1938 г. утвердила образование в составе БССР 5 областей: Витебской, Гомельской, Минской, Могилевской и Полесской [4, с. 85—86]. А в декабре 1939 г. число областей в БССР удвоилось в результате воссоединения белорусского народа в границах белорусской республики: были образованы Барановичская, Белостокская, Брестская, Вилейская и Пинская [4, с. 91].

Появление областей потребовало перераспределения функций и материально-финансовой базы между местными Советами. Конституцией БССР 1937 г. (с изменениями и дополнениями 1938 г.) на областные, районные, городские, поселковые, сельские органы власти и управления возлагалось руководство хозяйственным и социально-культурным развитием подведомственных территорий, деятельностью подчиненных им государственных органов, установление бюджета области. Так же в общем виде определялись и функции исполкомов, в том числе областных.

В то же время уже существовавшие местные органы государственной власти и управления (сельские, городские и районные) действовали на основе

особых положений, определявших конкретно весь комплекс вопросов, связанных с их формированием, составом, формами деятельности, внутренней структурой, функциями, сферами ответственности, формами и методами взаимодействия с иными органами власти и управления и т. п. Вместе с тем вплоть до 1980 г. областные Советы и их исполкомы функционировали на основе различного рода постановлений и инструкций высших союзных и республиканских партийных и государственных органов (первыми комплексными документами, регламентировавшими их деятельность, стали Закон СССР от 25 июня 1980 г. «Об основных полномочиях краевых, областных Советов народных депутатов, Советов народных депутатов автономных областей и автономных округов» и разработанный на его основе Закон БССР от 13 ноября 1980 г. «Об областном Совете народных депутатов Белорусской ССР»). Так, постановлением СНК БССР от 4 февраля 1939 г. «О работе Оргкомитета Президиума Верховного Совета БССР по Гомельской области» перед облисполкомами, кроме задач, носивших традиционный идеолого-пропагандистский характер («привлечение широких масс к активному участию в деле управления...»), ставились вполне конкретные, определявшие реальное место областного звена в управленческой системе. Во-первых, это «установление повседневного контроля за точным соблюдением решений и постановлений правительства...». Во-вторых, «улучшение и конкретизация руководства работой промышленности, развитие промышленности на базе местного сырья, развитие сельского хозяйства...», улучшение благоустройства городов, коммунального и жилищного хозяйства, развитие сети школ, больниц и других культурных учреждений...». В-третьих, «воспитание и укрепление государственной дисциплины масс в деле выполнения государственных планов и обязательств» [5, л. 458].

Структуру местных исполкомов определяла Конституция БССР. В облисполкомах создавалось 11 отделов (земельный, финансовый, торговли, здравоохранения, народного образования, местной промышленности, коммунального хозяйства, социального обеспечения, дорожный, общий, по делам искусств), а также плановая комиссия и сектор кадров при председателе облисполкома. Кроме того, в соответствии с особенностями хозяйства области могли создаваться отделы или управления легкой, пищевой, лесной промышленности, зерновых и животноводческих совхозов. В 1939 г. при облисполкомах дополнительно создаются управление наркомата юстиции, управление кинофикации, в 1940 г. — отделы местной топливной промышленности, автомобильного транспорта.

Структура райисполкомов копировала облисполкомовскую, исключая отделы коммунального хозяйства, местной промышленности и по делам искусств, однако сохранялась возможность создания «в соответствии с особенностями хозяйства района» отделов коммунального хозяйства и местной промышленности.

Конституция БССР предусматривала формирование при каждом горсовете своего исполкома в составе 9 подразделений (аналогичных облисполкому, исключая отделы земельный, местной промышленности, дорожный, по делам искусств), а также в особых случаях — отделы местной промышленности и земельный [3, с. 25—28]. Позднее распоряжением СНК БССР структура горисполкомов была уточнена и дифференцирована: при исполкомах городов областного подчинения создавались отделы, аналогичные отделам облисполкомов, при исполкомах городов районного подчинения — лишь отделы коммунального хозяйства, а другими направлениями исполнительно-распорядительной деятельности ведали отделы райисполкомов [6, с. 52].

Появление областей потребовало перераспределения и материально-финансовой базы между местными Советами. Во-первых, распределение и перераспределение финансов союзных республик и местных административно-территориальных единиц приобрело еще более централизованный характер: с 1938 г. в общий объем доходов и расходов вышестоящего бюджета стали включаться сводные показатели нижестоящих бюджетов. Это означало, что, разрабатывая бюджет, каждый из местных Советов руководствовался показателями доходов и расходов, утвержденными для него вышестоящим Советом.

Во-вторых, в 1930-е гг. в доходной части местных бюджетов почти ежегодно происходили существенные изменения, связанные с составом источников поступления доходов. В 1940 г. основные статьи собственных доходов административно-территориальных единиц составляли, во-первых, доходы от предприятий, организаций и имущества, подведомственных местным Советам (7,2% доходной базы местных бюджетов), во-вторых, местные налоги и сборы (17,6%). Но главную роль в формировании местных бюджетов (67,6%) по-прежнему играли поступления от государственных налогов и сборов [7, с. 11, 27, 38, 54, 86]. Эти государственные налоги и сборы, собиравшиеся на местах, зачислялись в союзный бюджет, часть из них выделялась на объекты союзного значения, часть в виде отчислений возвращалась в республиканский и местные бюджеты. При отсутствии четких и стабильных критериев процент отчислений от государственных налогов и доходов, передаваемых в местные бюджеты, определялся исходя из субъективных представлений союзных инстанций о роли тех или иных местных органов власти и управления в решении задач социалистического строительства, а также в зависимости от способности местных руководителей оказать влияние на такие решения. Среди местных органов власти главным «перераспределителем» государственных налогов и доходов стали облисполкомы.

К 1940 г. сложилась соответствующая новой структуре органов местной власти и управления система дифференциации расходной части местных бюджетов [7, с. 105, 134, 145, 161, 177, 193]. Из областных бюджетов (13% всех расходов местных бюджетов), прежде всего, осуществлялось финансирование театров, выставок, музеев, музыкальных коллективов, капитального строи-

тельства школ и объектов жилищно-коммунального хозяйства, подготовки кадров средней квалификации.

Основная часть местных расходов (55,6%) осуществлялась районными органами власти. На средства из районных бюджетов содержались районный государственный аппарат, детские сады и площадки, учреждения по подготовке кадров массовых профессий, большинство школ, объектов культуры, больниц и стационаров. Преимущественно из районного бюджета финансировались мероприятия по сельскому хозяйству.

В городах средства городских бюджетов главным образом расходовались на нужды жилищно-коммунального хозяйства, частично — на социально-культурные мероприятия, из городских районных — прежде всего на здравоохранение и просвещение.

Сельские Советы свой ограниченный бюджет (5,5% всей суммы местных бюджетов) тратили на социально-культурную сферу (содержание и ремонт начальных и неполных средних школ, изб-читален, сельских клубов, библиотек, фельдшерских пунктов) и аппарат сельсоветов.

Советы как представительные органы власти согласно Конституции СССР 1936 г. формировались путем выборов. Первые выборы в местные Советы депутатов трудящихся по новой избирательной системе в БССР состоялись 24 декабря 1939 г.

Директивой ЦК ВКП(б) от 7 сентября 1939 г. кандидаты в местные Советы должны были предварительно утверждаться обкомами, райкомами и горкомами партии [8, л. 4—6]. В абсолютном большинстве случаев эти кандидаты в депутаты затем получали «полную поддержку» на предвыборных собраниях и в ходе самого голосования. В результате в 1939 г. в БССР были сформированы составы 5 областных, 94 районных, 53 городских, 3 районных (в Минске), 1453 сельских и поселковых Советов депутатов трудящихся.

Портрет среднестатистического депутата местных Советов БССР 1939 г. выглядел следующим образом. Депутат областного и районного Советов: мужчина в возрасте от 30 до 39 лет с низшим образованием, белорус, член или кандидат в члены КП(б)Б, руководящий работник госучреждений, предприятий и общественных организаций. Депутат городского или районного в городах Совета: мужчина в возрасте от 30 до 49 лет с низшим образованием, белорус, член или кандидат в члены КП(б)Б, руководящий работник госучреждений, предприятий и общественных организаций, специалист или служащий. Депутат сельского Совета: мужчина в возрасте 30—49 лет с низшим образованием, белорус, беспартийный, крестьянин [составлено автором по: 9, с. 18—47, 60].

В Западной Беларуси выборы в местные Советы состоялись 15 декабря 1940 г. Организация предвыборной кампании и самих выборов проходила по уже отлаженному сценарию восточных областей БССР. В результате были сформированы составы 5 областных, 98 районных, 43 городских, 1474 сельских и поселковых Советов [9, с. 76].

Формирование кадров всех местных структур власти и управления традиционно осуществлялось на основе номенклатурного подхода, служившего важнейшим элементом закрепления за правящей коммунистической партией реальной возможности концентрировать в своих руках все ресурсы власти, подчинить себе все государственные и общественные организационные структуры и диктовать им свою волю. Как политический феномен советской действительности номенклатура представляла собой перечень должностей (в том числе и выборных), по которым назначение, перемещение и снятие осуществлялось решениями партийных органов различного уровня.

В связи с изменениями в системе органов государственной власти и управления к середине 1939 г. прежние номенклатурные списки были скорректированы. Во-первых, появилась областная номенклатура, состоявшая из собственно областной (должности, по которым решения принимались обкомом КП(б)Б) и «цеховской» (местные кадры, чью «судьбу» решал ЦК КП(б)Б). В номенклатуру ЦК КП(б)Б по местной советской административной работе входили председатели облисполкомов и райисполкомов, руководители большинства областных, городских и районных отделов и управлений. Обком партии стал последней инстанцией для назначения и смещения секретарей облисполкомов, райисполкомов и горсоветов, заведующих некоторыми областными, городскими и районными отделами, председателей и секретарей горсоветов и ряда других должностей [10, л. 1—20].

Во-вторых, уточненная райкомовская номенклатура стала включать три списка: номенклатура ЦК, обкома и райкома КП(б) Белоруссии. Собственно районная советская номенклатура, по работникам которой райкомы партии самостоятельно принимали окончательное решение, включала заведующих отделами коммунального хозяйства и местной промышленности райисполкомов, директоров райпромкомбинатов, председателей и секретарей сельсоветов и др. [11, л. 1—4].

Таким образом, с завершением этапа форсированного социалистического строительства возникла необходимость приспособления системы органов местной государственной власти и управления к новым задачам «укрепления социализма». Административно-командная система эмпирически искала вариант более действенного контроля за ситуацией на местах, который в условиях быстрого роста социально-экономического потенциала БССР непосредственно из Минска объективно был затруднен. Появилась потребность в воссоздании управленческо-контролирующего промежуточного звена между республиканским центром и районами, что привело к созданию областных управленческих структур, завершивших формирование классической административно-управленческой системы в БССР.

Сложившаяся к концу 1930-х гг. советская финансовая система разграничения местного, республиканского и общесоюзного хозяйства с закреплением за местными властными органами малоприбыльных предприятий и организа-

ций, а также централизованный порядок поступления высокодоходных налогов и сборов в общегосударственный фонд делали местные бюджеты изначально дотационными. Это на деле закрепляло нормативно-правовую иерархичность построения вертикали власти и жестче, чем законодательные акты, определяло степень и границы самостоятельности местных властных органов.

Прошедшие в 1939 и 1940 гг. выборы обеспечили необходимым властям состав местных Советов, доминирование в них представителей партийно-советской номенклатуры. А это, в свою очередь, позволило в очередной раз сформировать и «номенклатурные» исполкомы, располагавшие (в отличие от самих Советов) реальными административными, материальными и финансовыми ресурсами.

Литература и источники

1. История Советской конституции (в документах) 1917—1956 / сост.: А. А. Липатов [и др.]. — М.: Юрид. лит., 1957. — 1046 с.
2. Каньспудзя (Асноўны Закон) Беларускай Совецкай Соцыялістычнай Рэспублікі. — Мінск: Белпартвыдавецтва ЦК КП(б)Б, 1937. — 30 с.
3. Конституция (Основной Закон) Белорусской Советской Социалистической Республики (с изменениями и дополнениями, принятыми Первой сессией Верховного Совета БССР 26 июля 1938 г.). — Минск: Госизд. Белоруссии, отд. полит. лит., 1938. — 43 с.
4. Административно-территориальное устройство БССР: справочник: в 2 т. / Гл. арх. упр. при Совете Министров БССР, Ин-т философии и права АН БССР; редкол.: В. А. Круталевич [и др.]. — Минск: Беларусь, 1985—1987. — Т. 1 (1917—1941 гг.) / сост.: Т. А. Воробьева [и др.]. — 1985. — 390 с.
5. Государственный архив Гомельской области (ГАГО). Ф. 1040. — Оп. 1. — Д. 8. Отчет Оргкомитета по Гомельской области о создании и деятельности областных управлений за 1938 г.
6. История государства и права Белорусской ССР: в 2 т. / редкол.: С. П. Маргунский [и др.]; Ин-т философии и права Акад. наук БССР. — Минск: Наука и техника, 1970—1976. — Т. 2 (1937—1975 гг.). — 1976. — 655 с.
7. Местные бюджеты СССР: стат. сб. / под рук. Г. В. Даркова. — М.: Госфиниздат, 1960. — 327 с.
8. ГАГО. Ф. 1230. — Оп. 1. — Д. 21. Дело по организации и подготовке выборов в местные Советы депутатов трудящихся. 1939 г.
9. Итоги выборов в местные Советы депутатов трудящихся 1939 г. / Информ.-стат. Отдел при Секретариате Президиума Верховного Совета СССР. — Москва: Изд-во «Ведомостей Верховного Совета РСФСР», 1941. — 80 с.
10. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 4п. — Оп. 1. — Д. 13768. Проект номенклатуры должностей учреждений и организаций Могилевской области, подлежащий утверждению Могилевским обкомом КП(б)Б. 1939 г.
11. НАРБ. Ф. 4п. — Оп. 1. — Д. 13769. Проект типовой номенклатуры должностей учреждений и организаций районов, подлежащих утверждению райкомами КП(б)Б. 1939 г.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 03.12.2018

С. В. Кулинок,*заместитель заведующего отделом публикаций**Национального архива Республики Беларусь,**кандидат исторических наук;*

e-mail: svkulinok@tut.by

**ДОКУМЕНТЫ НАЦИОНАЛЬНОГО АРХИВА
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
НЕМЕЦКИХ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНО-ДИВЕРСИОННЫХ
ШКОЛ И КУРСОВ НА ТЕРРИТОРИИ ПОЛЬШИ И ГЕРМАНИИ
(1939—1944 гг.)**

Важным фактором в организации подрывной деятельности нацистской разведки против СССР в довоенный период и в годы Великой Отечественной войны является комплектование агентурного аппарата, его подготовка и использование в шпионской работе. Практически сразу после оккупации территории Польши немецкие спецслужбы приступили к созданию сети разведывательно-диверсионных центров (школ и курсов) и пунктов (сборных учебных лагерей и пересыльных пунктов) по подготовке квалифицированной агентуры. Кроме того, значительная часть учебных центров располагалась на территории современной Германии.

В фондах Национального архива Республики Беларусь (НАРБ) сформировался значительный корпус документальных источников по данной проблеме. Прежде всего отметим видовое разнообразие архивных материалов: отчетная документация (сводки, донесения, отчеты различного уровня) [12, л. 142—142об.; 17, л. 147; 18, л. 58—59; 20, л. 18—19; 26, л. 240; 27, л. 517—517об.; 28, л. 555; 29, л. 184—185; 31, л. 110]; организационно-распорядительная (указания, приказы, директивы) [16, л. 41—42; 22, л. 7; 23, л. 16]; судебно-следственная (опросы, допросы, показания, постановления о вынесении приговора, следственные дела) [13, л. 26, 58об.; 14, л. 9—9об.; 15, л. 21—21об.; 21, л. 49—51; 22, л. 69—82, 220—223; 23, л. 270—275, 568—571; 30, л. 9—13; 34, л. 17—17об.]; справочно-информационная (справки, сообщения, обзоры) [19, л. 286; 22, л. 4, 43, 45; 23, л. 25—26, 89, 166] и шифротелеграммы [25, л. 340; 35, л. 330].

В деятельности немецких спецслужб по подготовке шпионов на территории Польши можно выделить два периода: а) осень 1939 — конец 1941 г.; б) 1942—1944 гг.

В первый период основная разведывательная и контрразведывательная работа была сосредоточена в руках немецкой военной разведки — абвера. Не останавливаясь подробно на его структуре (она хорошо описана в научной литературе) [1—5; 7, 39], укажем только, что основную разведывательную, контрразведывательную и диверсионную работу проводили периферийные органы абвера — абверштелле (далее — АСТ), имевшиеся при каждом военном округе. Они подчинялись непосредственно Управлению «Абвер-заграница» и согласовывали свою работу с отделами 1—Ц (разведотделы) штабов

военных округов, передавая им в копиях разведывательные данные о сопредельных с округом странах.

Основным разведывательным органом на территории Польши был АСТ «Краков», который был создан в конце 1939 г. и размещался в Кракове по улице Вокзальной (начальник — полковник Визер). Этой структуре подчинялись несколько местных отделений разведки и контрразведки — абвернебенштелле (далее — АНСТ). В свою очередь в Варшаве с декабря 1939 г. действовал АНСТ «Варшава» (первый руководитель — майор Горачек). В его подчинении находился ряд отдельных подразделений (мельдекопф) в Тересполе, Влодаве, Бела-Подляска. Расположенный в Люблине АНСТ «Люблин» (начальник — майор Горник) вел разведывательную работу против частей Советской Армии на участке Ковель—Львов. Мельдекопфы располагались в Грубешове, Белзе и Томашове. АНСТ «Радом» располагался в военных казармах города. Он имел специальный картографический отдел, который занимался уточнением данных разведки и составлением карт западных районов УССР. Позже были образованы АНСТ «Жешув» и «Львов» (современная территория Украины) [38, с. 26—30]. Отличительной чертой юридического статуса этих подразделений является то, что они выступали не от имени своих разведывательных и секретных органов, а под прикрытием различных гражданских государственных учреждений и частных предприятий, формально не имевших никакого отношения к деятельности разведки.

В 1940 г. при АСТ «Краков» была организована школа по подготовке разведчиков и диверсантов для проведения подрывной и шпионской работы против Советского Союза. Начальником школы был обер-лейтенант Арендт. Школа комплектовалась из украинцев — жителей Польши. Подбор агентов осуществляли специальные вербовщики из числа членов и сторонников Организации украинских националистов (ОУН). Школа была разбита на четыре лагеря (отделения), которые находились в местечках Криница (120 км юго-восточнее Кракова), Дукля (125 км юго-восточнее Кракова), Барвинек (15 км южнее Дукли) и Каменица (50 км севернее Дукли) [39, кн. 1, с. 186—188].

Еще одним крупным центром подготовки немецкой агентуры накануне нападения Германии на СССР был город Щецин, где базировался АСТ «Штеттин». В городе также размещалась разведывательно-диверсионная школа абвера, созданная в декабре 1940 г. Она располагалась по ул. Зибек-штрассе или Берлинертор (по другим данным, по ул. Блихера). Начальником школы был полковник Литке. В ней готовились разведчики-диверсанты для подрывной работы на территории СССР. Здесь были представлены курсанты разных национальностей: поляки, чехи, латыши, литовцы, эстонцы. Наборы осуществлялись в лагерях военнопленных, а также из военнослужащих польской и французской армий. Срок подготовки агентов составлял 6 месяцев. Слушатели изучали разведывательное дело, структуру, построение, вооружение и снаряжение Красной Армии, географию Советского Союза, топографию, радиодело,

шифры и тайнопись, фотодокументы, устройство взрывчатых веществ, мин и ядовитых бактериологических веществ и способы их применения. Первые заброски агентов в СССР были произведены в феврале и мае 1941 г. Шпионы были направлены в основном на территорию Прибалтики и Беларуси. Для осуществления связи с немцами и передачи собранных разведывательных сведений агенты получали портативные радиостанции [36, с. 147].

За период с октября 1939 г. по октябрь 1940 г. на западной границе СССР органами государственной безопасности было задержано и разоблачено около пяти тысяч вражеских агентов. Например, в городах центральной и восточной Украины органами НКВД УССР в 1939—1940 гг. было выявлено и обезврежено 20 резидентур немецкой разведки в составе 64 агентов [4, с. 11, 13]. Спецслужбами БССР только за период с 1 августа по 1 октября 1940 г. было выявлено 33 агента, которые в активной либо пассивной форме вели шпионскую работу для нужд немецких спецслужб (большинство из них лица польской национальности) [10, л. 3—6; 11, л. 2—5]. Укажем также, что большую работу по разоблачению агентуры проводили советские пограничники. Только за период с 1 января по 10 июня 1941 г. ими было задержано 2080 нарушителей со стороны Германии, из которых 183 были разоблачены как агенты [9, с. 381].

С приближением момента нападения на СССР увеличивалось и количество забрасываемой агентуры. Так, в I квартале 1941 г. на западной государственной границе СССР было задержано и разоблачено в 15—20 раз больше вражеских агентов по сравнению с I кварталом 1940 г., а во II квартале 1941 г. в 25—30 раз больше, чем во II квартале 1940 г. По мнению украинского историка А. Иванкова, «начиная с 1941 г. гитлеровская разведка изменила состав забрасываемой на Восток агентуры. В советский тыл противник стал засылать преимущественно высококвалифицированных агентов, хорошо экипированных и снабженных в большинстве своем портативными приемопередающими радиостанциями». По его же данным, в I квартале 1940 г. среди вражеской агентуры было разоблачено 28 высококвалифицированных агентов, а в I квартале 1941 г. — 153 [4, с. 12]. Большинство из разоблаченных агентов прошли подготовку в специальных учебных центрах на территории Польши.

Органами государственной безопасности БССР в декабре 1940 г. были получены данные о деятельности на территории Польши «30 отделений и разведпунктов гестапо и погранполиции. . . , занимающихся заброской агентуры на территорию СССР» [8, с. 204]. Спецслужбами УССР было «выявлено 14 разведывательных пунктов аввера и 20 пунктов гестапо», в том числе в городах Холм, Люблин, Грубешов, Томашев, Замостье, Жешув, Тарнов, Загуж, Сталева Воля и др. [4, с. 8—10]. По данным российского историка М. Семиряги, «на территории Польши действовало около 100 учебных пунктов по подготовке и заброске в СССР разведчиков и диверсантов. . . За одиннадцать предвоенных месяцев было задержано около 5 тысяч вражеских лазутчиков» [37, с. 31].

Второй этап деятельности немецких спецслужб по подготовке агентуры на территории Польши начинается с 1942 г. К этому времени стал очевиден крах стратегии «блицкрига» на Восточном фронте, немецкая армия потерпела тяжелое поражение под Москвой, а в ее тылу стало разворачиваться централизованное и мощное партизанское движение. Это потребовало кардинального изменения основных направлений деятельности немецких разведывательных органов. С началом Великой Отечественной войны основные центры подготовки агентурных кадров перемещаются на оккупированную территорию СССР.

Одной из крупнейших разведывательно-диверсионных школ в системе абвера была Варшавская, которая была организована в октябре 1941 г. и предназначалась для подготовки агентов-разведчиков и радистов. Начальником школы был майор Моос («Марвиц»). Несмотря на то, что по времени открытия она относится к первому периоду, основная работа здесь велась именно с 1942 г. Школа являлась центральной и показательной по вопросам подготовки квалифицированной агентуры из советских военнопленных. Она служила также для ознакомления работников германских разведывательных органов с методами организации разведшкол и обучения агентов. В Варшаву часто приезжали группами и в одиночку официальные сотрудники германской разведки. Им руководство школы показывало лучших агентов, оформление лагерей и наглядные пособия [38, с. 291—293]. До июля 1943 г. школа размещалась на даче Ю. Пилсудского в местечке Сулеувек, возле железнодорожной станции Милосна (21 км восточнее Варшавы), поэтому в некоторых архивных документах она проходит под этим названием. Из показаний заместителя начальника абвергруппы-310 фельдфебеля Ганса Рааба, который в марте 1944 г. перешел к партизанам, было установлено, что «в эту школу направлялись лица рядового и офицерского состава всех родов войск в возрасте не моложе 1903 г. р. При направлении в школу предпочтение отдавалось лицам офицерского состава... При наборе рядового состава предпочтение отдавалось шоферам, стенографистам и лицам, умеющим печатать на машинке. Окончившие эту школу направлялись группами в различные воинские подразделения в зависимости от потребности. В этих частях они использовались в отделе «абвер». Срок обучения в школе мне не известен... В программу школы включены общевойсковая разведка, изучение советских органов разведки, организация НКВД, НКГБ, особых отделов. Также в Сулеувек находится школа по подготовке шпионов из лиц русской национальности. Численный состав не известен. Школа имеет отделы: диверсионный, разведывательный, по изучению радиотехники. В программу включены предметы общевойскового дела» [21, л. 49—51].

Летом 1943 г. многие агенты Варшавской разведшколы были разоблачены в партизанских формированиях, действовавших на территории Беларуси. Командир одной из партизанских бригад Минского соединения П. Коновалов в июле 1943 г. сообщил следующее: «Немецкий шпион, по национальности еврей, окончивший Варшавскую школу гестапо, был привезен немцами в

Гомель, а из Гомеля направлен в Бобруйск с целью проникновения в бригаду. Фамилия его Лис (на самом деле — Зелик Лейбусович Айзенштадт. — *Авт.*). По прибытию в бригаду выдал себя за поляка. Засыпался он на мелочи: сказал, что из Гомеля до Бобруйска пришел за 2 дня. Это показалось подозрительным... Лис рассказал, что окончил Варшавскую школу гестапо и был послан для проникновения в партизанский отряд. По словам Лиса, вместе с ним были направлены еще двое, также евреи. Варшавскую школу гестапо окончили 500 человек для отправки к партизанам» [30, л. 9—13; 33, л. 262—265]. В этом же месяце в «Отчете о работе особого отдела соединения партизанских бригад по Минской области» указывалось, что в Варшаве в разведшколе обучается до 700 агентов [24, л. 30об.—31; 32, л. 35—35об.]. В I квартале 1944 г. в партизанской бригаде им. Чапаева была разоблачена группа из 12 агентов, прошедших 2-месячную подготовку в указанной школе. При себе они имели отравляющие вещества для диверсий над комсоставом [13, л. 58об.].

В 1942 г. было создано несколько специальных разведывательно-диверсионных органов для ведения «тайной войны» на Восточном фронте. С 1942 г. в системе абвера начал действовать специальный орган «Зондерштаб-Р», или «Особый штаб Россия», проводивший агентурную работу по выявлению партизанских отрядов, антифашистских организаций и групп в тылу действующей немецкой армии. Кроме того, «Зондерштаб-Р» проводил контрразведывательную работу по выявлению советских разведчиков-парашотистов и участников подпольных организаций. Штаб работал в тесном контакте с германскими контрразведывательными и карательными органами СД и Тайной полевой полицией (ГФП), отделами 1—Ц воинских частей, фельд- и ортскомендатурами, куда передавал материалы и разведанные. Орган вел также антисоветскую и профашистскую пропаганду на оккупированной территории.

Во главе «Зондерштаба-Р» стояли бывший офицер царской армии Борис Смысловский («фон Регенау») и бывший полковник Красной Армии Михаил Шаповалов («Раевский»). Всю практическую деятельность «Зондерштаб-Р» проводил через межобластные резидентуры, которые называли разведывательно-резидентскими областями. Оккупированная немцами советская территория делилась до июля 1943 г. на пять, а позднее на четыре разведывательно-резидентские области.

Для подготовки квалифицированной агентуры при «Зондерштабе-Р» в Варшаве функционировали специальные курсы «внутренней разведки». Преподавателями были бывшие старшие офицеры Красной Армии и офицеры РОА. В течение 3—4 недель агентам читали лекции о способах установления дислокации партизанских отрядов, их численности и вооружении, а также о методах подбора, заброски и внедрения агентуры в действующие партизанские отряды. Кроме этого, проводились практические занятия по составлению агентурных донесений, разработке легенд и заданий. Агенты также изучали топографию и слушали лекции о политическом строе Германии, ее истории, сущности «Ново-

го порядка». В фондах НАРБ сохранились показания агента «Зондерштаба-Р» Иосифа Пузевича, обучавшегося на этих курсах и разоблаченного в декабре 1943 г. Он показал, что подготовка была организована следующим образом: «Четыре дня в неделю занимались по 6 часов с 9.00 до 12.00 и с 14.00 до 17.00 и два дня в неделю по 4 часа с 9.00 до 13.00. В воскресенье был выходной. Расписания занятий и точно установленных часов по каждому предмету не было. Бывали случаи, когда Евреинов и Виноградов (преподаватели на курсах. — *Авт.*) не являлись на занятия из штаба. Первые две недели проходили только историю России, потом две недели занимался полковник Зудков — разведка, топография и личное оружие» [23, л. 209—215].

В начале марта 1942 г. Главное управление имперской безопасности пришло к выводу о необходимости создания высокоэффективного разведывательно-диверсионного и пропагандистского органа. Указанной структуре было присвоено условное наименование «Унтгермен Цеппелин» («Предприятие Цеппелин»). В его задачу входило осуществление диверсий и ведение террора, а также политическое разложение населения в глубоком советском тылу. Эти планы предполагалось реализовать путем заброски специально обученной агентуры в глубокие тыловые районы Советского Союза, имеющие важное оборонное значение, а также в национальные области и республики для сбора разведывательных данных о политическом положении в СССР, проведения националистической пропаганды, организации повстанческого движения и осуществления террористических актов. Руководство НСДАП надеялось, что «Цеппелин» сможет подорвать крепость тыла СССР и этим окажет реальную помощь командованию немецкой армии в борьбе против советских вооруженных сил. Стратегия деятельности этого органа была сформулирована следующим образом: «Нельзя ограничиться десятками групп для разложившейся деятельности, они для советского колосса являются только булавочными уколами. Нужно забрасывать тысячи» [40, с. 328].

«Цеппелин» состоял из руководящего штаба, находящегося до весны 1943 г. в Берлине, а также из специальных воинских формирований, особых команд, учебных лагерей, действовавших на территории Германии, Польши и на советско-германском фронте. Именно «Цеппелин» развернул активную работу по созданию учебных разведывательно-диверсионных центров на оккупированной территории Польши. Одной из первых школ (их называли также «учебными» и «особыми лагерями»), созданной «Цеппелином», был учебный центр в местечке Яблонь (недалеко от Люблина) в бывшем замке графа Замойского. В школе готовили разведчиков, диверсантов, террористов и радистов. Одновременно обучалось от 150 до 200 человек. Слушателям преподавали агентурную разведку в тылу частей Красной Армии, радиодело, подрывное дело. Большое внимание уделялось подготовке агентов-террористов: изучались гранаты особого типа со взрывателями замедленного действия и другое специальное оружие.

В августе 1942 г. из местечка Яблонь школа переехала в город Парчев, а затем, в связи с намерением «Цепелина» сконцентрировать все особые лагеря «русского сектора» в районе Вроцлава (Бреслау), была переведена в городок Волав (40 км северо-западнее Вроцлава) [39, кн. 2, с. 197—198]. Здесь она размещалась в казарме № 2, ранее принадлежавшей школе унтер-офицеров.

Один из курсантов, прошедших обучение в Волаве и разоблаченный партизанами на территории Беларуси, сообщил подробности своей подготовки: «Казарма № 2 г. Волау (так в документе. — *Авт.*) представляла из себя 2-этажное здание, на 1 этаже находились столовая, баня и 2 жилые комнаты. На 2 этаже были жилые комнаты. В каждой комнате помещались 7—8 человек. Свободные радисты и часть распределенных по группам радистов жили в одной комнате... Группы составлялись так: подбирались люди в большинстве землячки (из одной местности)... Группы были по 3—5 человек, желательнее меньше, но радист обязательно в каждой группе. Засылаемые группы не обязательно должны были находиться в населенных пунктах, они могли жить в лесу, особенно радист со станцией — там было безопаснее». Агентам выдавались отравляющие вещества, с помощью которых рекомендовалось производить отравление партийного актива, а в случае внедрения в армию — офицеров и политработников. В качестве приоритетных заданий намечалось совершение ряда диверсий на электросиловых коммуникациях Магнитогорск—Свердловск—Нижний Тагил [23, л. 568—571].

Режим работы был следующий: подъем в 6 часов утра, 15-минутная зарядка, туалет. В 8 часов завтрак, который состоял из 200 граммов хлеба, 25 граммов маргарина или меда (редко) и 0,5 литра кофе без сахара. Занятия начинались в 9 утра и длились до 12 часов. Затем обед: 1 литр картофельного супа с мукой без хлеба. После этого курсантам давался один час отдыха, а затем начинались занятия по спецподготовке. В 6 часов вечера ужин: 200 граммов хлеба, 50—70 граммов ливерной колбасы и кружка кофе [23, л. 568—571]. В марте 1943 г. школа передислоцировалась на Восточный фронт. Некоторое время она находилась в городе Глубокое, в здании монастыря, а затем в мае 1943 г. прибыла в Псков, и до января-февраля 1944 г. дислоцировалась недалеко от города Изборска.

В августе 1943 г. Белорусский штаб партизанского движения (БШПД) получил сведения о заброске ряда выпускников данной школы в Ярославскую и Архангельскую области, а также на территорию Кавказа и в Татарскую АССР [22, л. 43].

Еще один разведывательно-диверсионный учебный центр «Цепелина» располагался во Вроцлаве (Бреслау). Подробнейшие данные об этом лагере представлены в показаниях бывшего его курсанта Федора Ведерникова. В частности, он сообщил, что во Вроцлаве, а также в местечке Овитц (1,5—2 км на север от Вроцлава по правому берегу Одры) располагался комплекс зданий и объектов так называемой «подготовительной школы». Она начала свою работу

в мае 1942 г. Первый набор слушателей состоял из 300 человек, в основном из числа советских военнопленных. Руководящий состав школы включал 6 немецких офицеров. Преподавательский и вспомогательный персонал набирался из советских граждан. Характеризуя учебный процесс, Ведерников сообщил, что изучались «1) Текущая политика и проработка сводок информбюро немецкого командования. 2) Новый сельскохозяйственный устав и колхозы. 3) Программа и устав НСДАП. 4) Экономика Германии. 5) Большевизм и русский народ. 6) Работа в тылу Красной Армии: а) разведка и контрразведка; б) разложение населения и восстановление его против советской власти; в) диверсионно-террористическая и шпионская работа; г) изучение и практическая работа по передаче и приему радиogramм и изучение шифра (для радистов). Причем эта программа держалась в строгом секрете и никому не разглашалась» [22, л. 69—82].

Обучение курсантов шло в разрезе развертывания шпионской и диверсионно-террористической работы, путем забросок в тыл Красной Армии групп от двух и более человек с обязательным оснащением группы радией.

Каждая группа во главе со старшим резидентом была обязана завербовать шпионскую и диверсионно-террористическую агентуру и в основном проводить всю работу через нее. Агентам ставились следующие задачи: «разведка военно-промышленных объектов, войсковых соединений, их концентрация и перегруппировка по железным и шоссейным дорогам, производство диверсий на железных дорогах и других военно-промышленных объектах, террор над низовым активом, комсоставом РККА и, вплоть до центрального руководства советской власти и командования, распространение контрреволюционных листовок с призывом к саботажу и окончанию войны». В состав группы включался, как правило, один человек, который хорошо знал район предстоящих действий (был оттуда родом, имел родственников и т. д.). Группа снабжалась радиостанцией, значительной суммой денег (до 500 тысяч рублей), взрывчатыми веществами, оружием, необходимыми документами [22, л. 69—82].

В архивных документах НАРБ встречаются данные и о деятельности более мелких учебных центров на территории современной Польши. Например, в разведывательной сводке БШПД от 16.06.1943 г. указывалось, что «в отряд Собурова ночью был сброшен с немецкого самолета немец-парашютист, прекрасно владевший русским языком и имевший на руках русские документы и удостоверение... Разоблаченный агент показал, что в течение 6 месяцев обучался в школе гестапо в г. Петрикове, где ему и было дано это задание. По его же данным, в городах Бела-Подляска и Холм производится подготовка агентов-разведчиков из военнопленных. Последние проходят подготовку 4—5 месяцев, затем высылаются в тыл» [17, л. 147; 20, л. 18—19].

Ряд документов указывает на наличие учебного разведывательного центра в Белостоке. Разоблаченный сотрудник гестапо Генрих Вестфаль в своих показаниях в декабре 1943 г. отмечает, что «на оккупированной территории школы гестапо имеются в г. Минске... под названием «Унтеррихс шуле дер Вермахт»,

в Барановичах... под такой же надписью и в Белостоке. В школах слушатели частью из местных, а частью из немцев. Основными предметами обучения являются разведка, диверсия и борьба с уголовными преступлениями» [23, л. 270—275]. В одном из отчетов партизанской бригады «Во имя Родины», действовавшей на территории Белостокской области, приводятся данные о том, что «в целях обучения шпионской работе немцами были созданы шпионские школы в г. Белостоке при фирме авиазавода «Феликс-Руберг»... в Граево. Из шпионской школы в г. Белостоке направлены на Украину Шевченко Борис, Клекоть Степан, Данилюк Иван. Из шпионской школы в Граево направлены в Белоруссию Смоль Иван Федорович, Мисюк Иван, Солодуха Павел Павлович, Потеряйко Василий. Пароль им немцами дан «д. Кобылянка» [29, л. 184—185]. В шифртелеграмме № 5789 от 20.06.1944 г. сообщалось: «По нашим данным, немецкими разведывательными органами Белостока в партизанские отряды области направлены 130 агентов, имеющих задание разведать состояние, вооружение, численность партизанских сил и проведение террора. Семь агентов из этого числа задержаны и разоблачены в бригаде им. Чапаева» [35, л. 330].

В начале 1944 г. были получены данные о том, что осенью 1943 г. в разведывательно-диверсионной школе в Гдыне состоялся выпуск 400 агентов из «инвалидов и подростков, которые были пущены в разные стороны для проникновения в пункты расположения партизан и шпионской работы и отравления колодцев», в том числе и на территорию БССР [26, л. 240].

В марте 1944 г. в партизанской бригаде «Во имя Родины» был разоблачен немецкий агент Андрей Автомонов, который на следствии показал, что 20 февраля 1944 г. он окончил 3-месячную школу в городе Михалово и был направлен с разведывательными заданиями в партизанские соединения [13, л. 26, 58об.; 34, л. 17—17об.].

В феврале 1944 г. в партизанской бригаде «Советская Белоруссия» был разоблачен агент немецкой разведки Колесник. В отчете по разведке этой бригады сообщалось, что «он окончил шпионскую диверсионную школу в г. Острув-Мазовецка и должен был быть направлен в тыл Советского Союза с целью диверсии. Но он туда не попал... и был направлен в Дрогичин в распоряжение местного гестапо с целью узнать расположение и количество партизан, фамилии командиров. В его группе обучалось 30 человек. Две группы в составе 12 человек направили на самолетах в тыл СССР в район Харькова с полным вооружением и взрывчаткой для диверсий на железной дороге. Третью группу отправили на автомашинах, а там пешком через фронт с такой же задачей. В Дрогичинском районе Колесник имел свою сеть...» [27, л. 517—517об.].

Еще одним крупным учебным центром на территории Польши была «Физкультурно-военная школа» в г. Аленштайн (Ольштын). Обучение в этой школе на протяжении полутора лет (с сентября 1942 г. по февраль 1944 г.) проходили 170 курсантов, в основном из Владикавказа и Краснодарского края. После обучения часть из них (135 человек) была направлена в район Бреста, а

другая часть (35 человек) — в район Барановичей для борьбы с партизанским движением [14, л. 9—9об.; 22, л. 220—223].

На территорию БССР активно засылалась агентура, подготовленная в учебных центрах на территории Германии. Это школы, курсы и специальные лагеря, действовавшие в системе абвера, «Цепелина», «Восточного министерства». Определенная их часть работала на нужды РОА. Укажем на то, что значительная часть учебных центров на территории Германии занималась подготовкой агитаторов и пропагандистов.

С весны 1942 г. стала действовать школа пропагандистов в местечке Вульгайде. Она была создана отделом пропаганды Главного командования вооруженных сил Германии специально для подготовки пропагандистов в лагерях военнопленных и воинских формированиях германской армии. Начальником школы был немец Вайсбек (или Вайсберг). Личный состав школы комплектовался из пленных советских офицеров, главным образом с высшим или средним образованием, которые уже работали в лагерях полицейскими, администраторами, переводчиками либо состояли в политических организациях.

Зачисленные в школу проходили регистрацию, дактилоскопировались, фотографировались, а затем направлялись в учебные группы. Каждая учебная группа состояла из 20—40 человек и возглавлялась постоянным преподавателем.

Одновременно в школе обучалось до 300 человек. Подготовка проходила лекционным путем пять дней в неделю, кроме среды и воскресенья. Помимо регулярных занятий в группах, проводились 1—2 раза в неделю общие, так называемые теоретические лекции для всех слушателей школы. Это лекции по «истории национал-социализма», о «немецкой расе», о «роли Германии в современном мире», о «новом порядке» в Европе. Их читали только немцы — начальник учебной части дер Ролп и его помощник Ланге. Обучавшиеся пропагандисты на практике составляли антисоветские листовки и доклады и ежедневно изучали немецкий язык. После окончания обучения слушатели некоторый период находились при школе, после чего направлялись пропагандистами в лагерь военнопленных и в воинские формирования [38, с. 420—424]. Курсанты этой школы действовали и в лагерях военнопленных на территории Беларуси, а также засылались в партизанские формирования для разложения и агитации [17, л. 362; 22, л. 4, 45; 31, л. 110]. Аналогичные курсы для пропагандистов действовали с начала 1942 г. в Вустрау [28, л. 555; 38, с. 409—411] и с апреля 1943 г. — в местечке Дабендорф. Курсанты для последней школы отбирались в пяти лагерях военнопленных на территории БССР [6, с. 171; 16, л. 41—42; 38, с. 423—427].

В октябре 1943 г. контрразведчиками отдельного партизанского отряда им. Суворова была разоблачена группа немецких офицеров РОА — С. Яковлев, Ф. Ипатов и Н. Суржков, с которыми было 5 солдат. В ходе следствия было определено, что все названные офицеры прошли подготовку «в Берлинской

школе разведки, которая в течение 1943 г. забросила на территорию СССР 19 групп с задачей диверсий и пропаганды в нашем тылу. Яковлеву, Ипатову и Суржкову известны из этого числа следующие группы:

1) Группа бывшего командира авиаэскадрильи капитана Кравченко Николая Даниловича. В его состав входят бывший командир танковой бригады Бондаренко Иван Павлович и радист (фамилия неизвестна). Район действия группы — города Куйбышев и Краснокамск.

2) Группа майора Алексея Соловьева. В состав его группы входят: командир танковой роты, трижды орденоседец Тищенко Николай Николаевич, один разведчик и один радист (фамилии неизвестны). Район действия группы — город Челябинск и промышленные города Урала.

3) Группа бывшего старшего лейтенанта Красной Армии Румянцева. С ним 4 человека. Их фамилии и район действий неизвестен. На советскую территорию группа заброшена в январе 1943 г.

4) Группа бывшего капитана, командира подводной лодки Балтфлота лейтенанта Георгия Надеждина. В состав его группы входят 5 человек (фамилии неизвестны). На территорию СССР заброшены в феврале 1943 г. в район Ленинграда» [23, л. 25—26].

Кроме того, по материалам архивных документов можно говорить о том, что на территорию Беларуси засылалась агентура, прошедшая подготовку в учебных центрах в Дрездене, Зандберге, Кельне, Хаммельбурге и Штутгарде [18, л. 58—59; 19, л. 101, 193—197; 22, л. 7; 23, л. 275].

Подводя итог, отметим, что на оккупированной территории Польши немецкие спецслужбы развернули активную работу по созданию многочисленных учебных и пересылочных разведывательно-диверсионных центров (школы, курсы, лагеря). На первом этапе деятельности (1939—1941 гг.) эта работа была сосредоточена в руках абвера. Агентуру вербовали, в основном, из эмигрантских кругов, украинских, русских и белорусских националистов, антисоветского элемента, местного гражданского населения и польских военнопленных.

Для второго этапа (1942—1944 гг.) характерно расширение спектра решаемых немецкими спецслужбами задач: борьба с партизанским движением, работа по разложению советского тыла, промышленный шпионаж и диверсии и др. С этой целью были созданы новые органы и структуры («Зондерштаб-Р», «Цепелин») со своими учебными центрами. Выявленный нами корпус документальных источников из фондов НАРБ позволяет провести первичное изучение данной проблемы, однако для более глубокого исследования данной темы необходимо привлечение архивных материалов из польских и немецких архивов. Всего автором выявлено более 15 немецких учебных центров на территории Польши и Германии. Установить хотя бы приблизительное количество подготовленных в них агентов достаточно сложно. Однако можно говорить о

том, что эта цифра весьма значительна и может составлять от нескольких тысяч до десяти тысяч человек.

Литература и источники

1. Барков, Л. И. В дебрях абвера / Л. И. Барков. — Таллин: Ээсти раамат, 1971. — 126 с.
2. Барцц, К. Трагедия абвера, 1935—1944 гг. / К. Барцц. — М.: Центрполиграф, 2002. — 267 с.
3. Бухгайт, Г. Абвер — шит и меч III Рейха / Г. Бухгайт. — М.: Яуза: Эксмо, 2003. — 477 с.
4. Иванков, А. В. Агентурные кадры немецко-фашистской разведки и использовавшиеся ею формы и методы подрывной деятельности против СССР / А. В. Иванков. — К.: Вид-во гуманіт. л-ри, 2010. — 84 с.
5. Иоффе, Э. Г. Абвер, полиция безопасности и СД, тайная полевая полиция, отдел «Иностранные армии — Востоку» в западных областях СССР. Стратегия и тактика. 1939—1945 гг. / Э. Г. Иоффе. — Минск: Харвест, 2007. — 384 с.
6. Коровин, В. В. Советская разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны / В. В. Коровин. — М.: Русь, 2003. — 310 с.
7. Мюллер, Н. Вермахт и оккупация (1941—1944). О роли Вермахта и его руководящих органов в осуществлении оккупационного режима на советской территории / Н. Мюллер; под ред. А. Ф. Юденкова. — М.: Воениздат МО СССР, 1974. — 387 с.
8. Надгачаев, В. Противоборство спецслужб / В. Надгачаев // Неман. — 2011. — № 9. — С. 189—206.
9. На страже границ Отечества. История пограничной службы. Краткий очерк. — М.: Граница, 1998. — 607 с.
10. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). — Ф. 4п. — Оп. 1. — Д. 16851.
11. НАРБ. — Ф. 4п. — Оп. 1. — Д. 16852.
12. НАРБ. — Ф. 1350. — Оп. 1. — Д. 28.
13. НАРБ. — Ф. 1400. — Оп. 1. — Д. 91.
14. НАРБ. — Ф. 1407. — Оп. 1. — Д. 62.
15. НАРБ. — Ф. 1407. — Оп. 1. — Д. 92.
16. НАРБ. — Ф. 1450. — Оп. 1. — Д. 1.
17. НАРБ. — Ф. 1450. — Оп. 1. — Д. 4.
18. НАРБ. — Ф. 1450. — Оп. 2. — Д. 36.
19. НАРБ. — Ф. 1450. — Оп. 2. — Д. 47.
20. НАРБ. — Ф. 1450. — Оп. 2. — Д. 53.
21. НАРБ. — Ф. 1450. — Оп. 2. — Д. 55.
22. НАРБ. — Ф. 1450. — Оп. 2. — Д. 56.
23. НАРБ. — Ф. 1450. — Оп. 2. — Д. 57.
24. НАРБ. — Ф. 1450. — Оп. 2. — Д. 60.
25. НАРБ. — Ф. 1450. — Оп. 2. — Д. 61.
26. НАРБ. — Ф. 1450. — Оп. 2. — Д. 62.
27. НАРБ. — Ф. 1450. — Оп. 2. — Д. 63.
28. НАРБ. — Ф. 1450. — Оп. 2. — Д. 64.
29. НАРБ. — Ф. 1450. — Оп. 2. — Д. 65.
30. НАРБ. — Ф. 1450. — Оп. 2. — Д. 1301.
31. НАРБ. — Ф. 1450. — Оп. 11а. — Д. 34.
32. НАРБ. — Ф. 1450. — Оп. 21. — Д. 2.

33. НАРБ. — Ф. 1450. — Оп. 21. — Д. 12.
34. НАРБ. — Ф. 1450. — Оп. 21. — Д. 38.
35. НАРБ. — Ф. 1450. — Оп. 23. — Д. 84.
36. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 3: Крушение «Блицкрига», кн. 1: 1 января — 30 июня 1942 г. — М.: Русь, 2003. — 691 с.
37. Семиряго, М. И. Преступление века / М. И. Семиряго. — М.: «Знание», 1971 г. — 38 с.
38. Структура и деятельность органов германской разведки в годы Второй мировой войны. — Симферополь: Н. Оріанда, 2011. — 656 с.
39. Чуев, С. Г. Спецслужбы Третьего Рейха. Книга 1, 2 / С. Г. Чуев. — Спб.: Издательский дом «Нева», 2003. — 383 с., 447 с.
40. Ямпольский, В. П., Богодист, В. Ф. Организация и деятельность «Цепелина» / В. П. Ямпольский, В. Ф. Богодист // Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. Т. 4. — М.: Кучково поле, 2008. — 416 с.

Артикул наступіть у редакцію 14.05.2019

*Е. А. Макаренко,
заведующий отделом информационно-поисковых систем
Национального архива Республики Беларусь;
e-mail: e.makarenko@narb.by*

БЕЛОРУССКАЯ РЕСПУБЛИКАНСКАЯ КОМИССИЯ СОДЕЙСТВИЯ В РАБОТЕ ЧГК СССР: ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ И ФОРМИРОВАНИЕ АРХИВНЫХ КОМПЛЕКСОВ ДОКУМЕНТОВ

За свою многовековую историю Беларусь неоднократно становилась ареной кровопролитных войн, оставлявших после себя смерть и разрушения. Наиболее страшной стала Великая Отечественная война, которую республика встретила в день ее начала. Для учета ущерба, причиненного немецко-фашистскими захватчиками за три года их хозяйничанья на оккупированной территории СССР, включая БССР, сбора сведений о совершенных ими преступлениях была создана Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР (далее — ЧГК СССР).

Инициатива в деле создания подобной комиссии принадлежала ответственному секретарю ТАСС, члену Совинформбюро Я. С. Хавинсону и директору Института физических проблем АН СССР академику П. Л. Капице. Однако в конце 1941 г. она была признана несвоевременной и не одобрена высшим политическим руководством страны. И лишь 2 января 1942 г. заместитель председателя, созданной в декабре 1941 г. Комиссии по составлению хроники Отечественной войны при АН СССР, член-корреспондент АН СССР, историк И. И. Минц подготовил в адрес начальника Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г. Ф. Александрова письмо, в котором предлагал создать правительственную комиссию для учета людских жертв и ущерба, нанесенного в ходе войны гитлеровской Германией. Комиссия должна была осуществлять свою деятельность в тесной связи с Комиссией по составлению хроники Отечественной войны. На этот раз инициатива И. И. Минца и других заинтересованных лиц была поддержана руководством страны. 20 июля 1942 г. Г. Ф. Александров направил в адрес народного комиссара иностранных дел СССР В. М. Молотова и секретарей ЦК ВКП(б) — А. А. Андреева, Г. М. Маленкова и А. С. Щербакова письмо «Об образовании Чрезвычайной государственной комиссии по расследованию зверств, насилий и других преступлений, совершаемых германской армией на территории временно захваченных советских районов и учету ущерба, нанесенного немецко-фашистскими войсками населению СССР и Советскому государству». В нем указывалось, что в ходе войны отдельные организации собирают материалы о преступлениях германской армии, которые в дальнейшем сложно будет использовать по причине того, что в них отсутствует определенный план изложения событий. С

учетом этого обстоятельства предлагалось создать государственную комиссию, которая бы занялась расследованием и учетом всех преступлений оккупантов и их пособников [1].

28 октября 1942 г. Г. Ф. Александровым был подготовлен проект «Об образовании Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР», который был утвержден Указом Президиума Верховного Совета СССР 2 ноября 1942 г. [54].

На ЧГК СССР возлагалось собирание документальных материалов об ущербе, причиненном советским гражданам, колхозам, совхозам, промышленным предприятиям и в целом государству в результате оккупации советских территорий армиями гитлеровской Германии и ее сообщников; установление личностей немецко-фашистских преступников с целью предания их суду и суровому наказанию; объединение и согласование уже проводимой советскими государственными органами работы в этой области.

В состав комиссии, которую возглавил Первый заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР Н. М. Шверник, вошли: А. А. Жданов, академики Н. Н. Бурденко, Б. Е. Веденеев, Т. Д. Лысенко, Е. В. Тарле, И. П. Трайнин, писатель А. Н. Толстой, летчица В. С. Гризодубова, митрополит Киевский и Галицкий Николай [54].

16 марта 1943 г. Председатель СНК СССР И. В. Сталин подписал постановление Правительства № 299 «О работе Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков», которым утверждалось Положение о ЧГК СССР и указывалось на необходимость создания республиканских, краевых и областных комиссий содействия в работе союзной ЧГК [9, л. 56—59; 39, л. 2—4; 41, л. 78—81]. Однако еще за четыре дня до этого, 12 марта 1943 г., ЦК КП(б)Б принял постановление о создании Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям на временно оккупированной территории БССР в составе П. К. Пономаренко (председатель), И. С. Былинского, Н. Я. Наталевича, Л. Ф. Цанавы, С. М. Мелких, С. О. Притыцкого, Я. Коласа, Т. С. Горбунова [4, л. 85].

В преддверии освобождения территории БССР от оккупантов комиссии создаются и в областных центрах [38, л. 1; 41, л. 78]. Так, в соответствии с постановлением СНК СССР от 16 марта 1943 г. № 299 наряду с Белорусской республиканской были образованы 12 областных (Бобруйская, Брестская, Барановичская, Витебская, Гомельская, Гродненская, Могилевская, Молодечненская, Минская, Пинская, Полесская, Полоцкая) комиссий содействия в работе ЧГК СССР. В каждом районе возникают районные комиссии, которые расследуют

преступления немецко-фашистских захватчиков на своих территориях и результаты проделанной работы направляют в соответствующие областные комиссии.

На основании распоряжения СНК БССР от 3 апреля 1944 г. № 118а и постановления ЦК КП(б)Б от 12 апреля 1944 г. № 210 для ведения дел Белорусской республиканской комиссии был создан ее рабочий аппарат в составе председателя (первого секретаря ЦК КП(б)Б П. К. Пономаренко), ответственного секретаря (начальника правового отдела СНК БССР В. Н. Яшумова), инспекторов — Н. А. Коссого, Ф. Д. Кирпичева, П. Ф. Кононовича, А. Б. Звонока, И. Л. Гончарова, М. М. Прудниковой, юриста А. Б. Миронова, переводчика Ф. С. Гусева, пяти технических секретарей, машинистки и двух архивариусов [16, л. 57; 26, л. 129; 39, л. 5].

В августе 1944 г. аппарат комиссии пополнился М. И. Лукьяновым и Г. Л. Логиновым [27, л. 239].

Члены республиканской комиссии и сотрудники ее секретариата выезжали в освобожденные районы с целью оказания помощи в организации работы местных комиссий и контроля за их деятельностью. Они проводили обследование захоронений, собирали многочисленные показания свидетелей, включая и освобожденных узников немецких тюрем и концлагерей, допрашивали пленных солдат и офицеров, изучали трофейные документы.

Своего бюджета комиссия не имела. Работники аппарата республиканской и областных комиссий командировались в освобожденные районы с сохранением заработной платы по месту своей основной работы. К составлению актов также привлекались представители советских, хозяйственных, кооперативных, профсоюзных и других общественных организаций, рабочие и служащие предприятий и учреждений, городская и сельская интеллигенция, военнослужащие, выполнявшие работу на добровольных началах.

В соответствии с инструкциями, утвержденными постановлением СНК СССР от 7 мая 1943 г. № 493, учет ущерба, причиненного государственным предприятиям, учреждениям и организациям союзного подчинения, осуществлялся народными комиссариатами и центральными учреждениями СССР; республиканского подчинения — народными комиссариатами союзных республик; местного подчинения — совнаркомками республик и исполкомками Советов депутатов трудящихся по принадлежности; промышленной и потребительской кооперации — соответствующими кооперативными центрами; по общественным предприятиям и организациям — соответствующими центральными руководящими органами этих предприятий и организаций [12, л. 7—24].

В районах, освобожденных от немецко-фашистских захватчиков, учет ущерба производился отдельно по каждому предприятию, учреждению, организации и колхозу. Для его определения создавались комиссии из представителей наркомата или предприятия, учреждения, организации. В случае необходимости они могли привлечь к работе экспертов. В колхозах действовали комис-

сии в составе председателя и счетовода колхоза, представителя сельского совета и одного-двух колхозников, знающих хозяйство.

Размер ущерба фиксировался специальным актом, который составлялся в 2-х экземплярах, в соответствии с формой и примерной схемой. Один экземпляр направлялся в наркомат, республиканскую (областную) комиссию или в облисполком Совета депутатов трудящихся, второй хранился в делах предприятия, учреждения, организации или колхоза.

Совнарком, наркоматы, республиканские (областные) комиссии, облисполкомы Советов депутатов трудящихся представляли акты об ущербе, причиненном немецкими оккупантами и их сообщниками, в ЧГК СССР по окончании работы в данном городе или районе. Вместе с актами высылались их реестры по району (городу) и обобщенные сведения.

Исполкомы городских или районных Советов депутатов трудящихся заверяли и регистрировали акты в специальной книге, проверяли полноту охвата ими всех предприятий, учреждений и организаций, которым был нанесен ущерб [12, л. 7—24].

В соответствии с инструкциями «О порядке установления и расследования злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников» и «О порядке определения ущерба, причиненного гражданам СССР и их имуществу вторжением и разбойничьими действиями немецко-фашистских оккупантов и их сообщников», утвержденными постановлением СНК СССР от 17 июня 1943 г. № 667, расследование злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников в районах, где не была еще восстановлена работа местных органов государственной власти, осуществляли органы военной прокуратуры при содействии командного состава частей Красной Армии и военных врачей, а затем республиканская и областные комиссии содействия в работе ЧГК СССР. В случае необходимости, расследование преступлений, по поручению комиссий, проводилось следственными органами [12, л. 1—6об.; 41, л. 24—26].

В апреле 1944 г. ЧГК СССР направила директивное письмо, в котором указывалось на необходимость активизации работы по учету ущерба, причиненного БССР, и установления нового порядка предоставления документальных материалов в ЧГК СССР [39, л. 6—7]. В соответствии с ним наркоматы БССР и областные комиссии содействия в работе ЧГК СССР направляли непосредственно в союзную комиссию дела с актами, реестрами и сводными сведениями, а копии реестров и обобщенных сведений — в республиканскую.

При составлении реестров и сводных сведений об ущербе областные комиссии придерживались следующей схемы: местная и лесная промышленность; коммунальное, дорожное и рыбное хозяйства; совхозы; искусство, здравоохранение, народное образование, социальное обеспечение, топливная промышленность, электростанции и сетевое хозяйство, пищевая промышленность, издательство и полиграфия, местные торги; хозяйство облисполкома, городских, районных, сельских и поселковых советов депутатов трудящихся; район-

ные и городские жилуправления; водоснабжение и канализация; ущерб церквям, синагогам и мечетям; ущерб музеям и памятникам архитектуры и искусства [39, л. 8—9].

Полное завершение работы предусматривалось к 1 октября 1944 г. [41, л. 55—55об.], однако большинство наркоматов, ведомств и областных комиссий не уложились в отведенный срок [41, л. 247]. В связи с этим 5 октября 1944 г. ЦК КП(б)Б и СНК БССР приняли постановление, которое обязывало народных комиссаров, начальников управлений и руководителей республиканских учреждений и организаций лично руководить работой по учету ущерба, причиненного народному хозяйству БССР, и обеспечить своевременное предоставление актов, реестров и обобщенных сведений в ЧГК СССР, а их копии в — республиканскую комиссию [19, л. 63—66; 39, л. 10—12].

16 ноября 1944 г. СНК БССР и ЧГК СССР приняли решение о необходимости составления итоговых отчетов по учету ущерба, причиненного немецко-фашистскими захватчиками БССР, и фотографирования разрушений в городах областного подчинения для составления фотоальбома [39, л. 23—26; 41, л. 109—112].

Областные исполкомы Советов депутатов трудящихся должны были обеспечить работу по созданию альбомов снимков разрушений городов согласно схеме, а также составлению паспортов и кратких справок, содержащих сведения по истории возникновения и развития города до периода оккупации, о размерах разрушений, численности и составе населения, массовых злодеяниях и лицах, в них виновных.

Паспорта, фотоальбомы и краткие справки к ним должны были составляться в трех экземплярах на каждый город и по одному экземпляру направляться в ЧГК СССР и Белорусскую республиканскую комиссию [41, л. 105—108].

В докладной записке ответственного секретаря Белорусской республиканской комиссии В. Н. Яшумова в ЦК КП(б)Б от 3 марта 1945 г. отмечалось, что работа по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и учету причиненного ими ущерба обкомами и облисполкомами Барановичской, Бобруйской, Брестской, Витебской, Гомельской, Гродненской, Молодечненской, Пинской, Полесской и Полоцкой областей не выполнена; из 44 наркоматов, управлений, учреждений и организаций республиканского подчинения работу завершили только 35 организаций [20, л. 181а—182].

В марте 1945 г. ЦК КП(б)Б и СНК БССР констатировали, что руководство областей не уделяет должного внимания данному вопросу и это может лишить республику возможности получения средств для восстановления разрушенного народного хозяйства. Было принято решение о необходимости завершения данной работы в течение месяца [20, л. 76—78; 21, л. 34—35]. ЦК КП(б)Б выступил инициатором подготовки сборника о преступлениях немецких оккупантов в Беларуси. Ответственными составителями были назначены В. Н. Яшумов и

директор Государственного музея истории Великой Отечественной войны В. Д. Стальнов. Наркоматы, управления, республиканские учреждения в течение месяца должны были предоставить в ЧГК СССР фотоматериалы [20, л. 23; 21, л. 16].

В соответствии с постановлением ЦК КП(б)Б и СНК БССР от 30 апреля 1945 г. № 589-274с республиканская и областные комиссии осуществляли опросы советских граждан, возвращающихся из немецкого рабства, материалы которых направлялись в ЧГК СССР. Одновременно проводилась работа по составлению актов об ущербе, причиненном немецко-фашистскими захватчиками советским гражданам, по их заявлениям.

Анализ документов фондов союзной и республиканской комиссий, хранящихся соответственно в ГАРФ и НАРБ, дает основание для предположения, что работа по установлению и расследованию злодеяний и учету ущерба, причиненного БССР, Белорусская комиссия завершила в начале 1946 г. Ее результаты в виде оригиналов, соответствующих документов, были переданы в г. Москву, а их копии — в местные управления НКВД.

В дальнейшем работа ЧГК СССР ограничилась преимущественно ответами на запросы МВД и МГБ СССР в связи с розыском военных преступников.

Распоряжением Совета Министров СССР от 9 июня 1951 г. ЧГК СССР прекратила свою деятельность [52].

За период своего существования комиссия рассмотрела и изучила 4 млн актов об ущербе, 54 тыс. актов и свыше 250 тыс. протоколов опросов свидетелей и заявлений об учете ущерба, причиненного немецко-фашистскими захватчиками и их сообщниками, из них 544 746 актов об ущербе, причиненном предприятиям, организациям, учреждениям, колхозам и гражданам БССР [49]. По данным республиканской комиссии на 1 марта 1946 г. общая сумма ущерба, причиненного Беларуси, составляла 74 970,2 млн рублей; было уничтожено мирного гражданского населения — 1 409 225 человек, убито и замучено военнопленных — 810 091, угнано в немецкое рабство — 377 776 человек [50, л. 562—567].

На основании материалов расследований ЧГК СССР опубликовала сборник, содержащий 27 сообщений по результатам конкретных расследований злодеяний на территории СССР, в том числе и БССР, составила список преступников [53].

Акты и сообщения ЧГК СССР стали одними из важнейших доказательств обвинения на Нюрнбергском процессе. Сотрудник комиссии С. Т. Кузьмин был включен в состав советской делегации на данном процессе.

На территории БССР процесс над военными преступниками состоялся в январе 1946 г. в г. Минске [5—8; 25 л. 4—5], затем в Бобруйске, Витебске и Гомеле. Помимо открытых судебных процессов, проводились и закрытые — над военнопленными, содержащимися в лагерях и привлекавшимися к судеб-

ной ответственности за преступления, совершенные во время войны [55, с. 127—133].

На основании распоряжений МВД СССР от 19 июня 1951 г., приказа начальника Главного архивного управления СССР от 25 июня 1951 г. документы ЧГК СССР после проведения экспертизы ценности в количестве 42 532 дел были переданы в Центральный государственный архив Октябрьской революции (ЦГАОР) СССР (нынешний ГАРФ).

На сегодняшний день документы ЧГК СССР хранятся в фонде № Р 7021 «Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, коллективным хозяйствам (колхозам), общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР (ЧГК)» ГАРФ [56]. Они представлены копией указа Президиума Верховного Совета СССР об образовании ЧГК, распоряжениями СНК СССР о структуре и штатах ЧГК, директивными указаниями народных комиссариатов и других центральных учреждений СССР об организации учета ущерба, причиненного немецко-фашистскими захватчиками и их сообщниками отдельным отраслям народного хозяйства, протоколами и стенограммами совещаний ЧГК и другими документами.

Комплекс документов по учету ущерба и злодеяний, причиненных немецко-фашистскими захватчиками и их сообщниками на территории БССР, насчитывает 3 421 дело за 1944—1947 гг. [56]. Около 75% их содержат документы об учете ущерба, причиненного немецко-фашистскими захватчиками и их сообщниками гражданам, организациям, предприятиям и учреждениям БССР (сводные отчеты, акты, справки, сведения, опросные листы на граждан, возвратившихся из Германии, заявления и др.). Другую группу дел составляют документы по расследованию и установлению злодеяний, совершенных немецко-фашистскими захватчиками и их сообщниками на территории БССР (акты, сведения, протоколы допросов, опросные листы по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков в отношении мирного гражданского населения и военнопленных; поименные списки расстрелянных, замученных и угнанных в Германию советских граждан) [51].

Документы Белорусской республиканской комиссии содействия в работе ЧГК СССР, в количестве 196 единиц хранения за 1943—1945 гг., переданы Советом Министров БССР в январе 1960 г. Центральному государственному архиву Октябрьской революции БССР. Ныне они составляют фонд № 845 Национального архива Республики Беларусь (НАРБ).

В декабре 1994 г. фонд пополнился копиями документов по расследованию и установлению злодеяний, причиненных немецко-фашистскими захватчиками и их сообщниками на территории Гомельской, Могилевской и Полесской областей, переданными Государственной архивной службой России (Росархивом) [42—47].

В июне 1995 г. в состав фонда были включены, переданные Белорусским республиканским фондом «Взаимопонимания и примирения», копии документов на узников концлагерей, находившихся на излечении в госпиталях, которые хранятся в Санкт-Петербургском Военно-медицинском музее Министерства обороны Российской Федерации [48].

На сегодняшний день в фонде насчитывается 245 дел за 1941—1945, 1962, 1969, 1995 гг. Среди их документов: положение о ЧГК СССР; постановления, распоряжения, инструкции СНК СССР, ЦК КП(б)Б и СНК БССР, республиканской и областных комиссий содействия в работе ЧГК СССР; документы по учету и расследованию злодеяний, совершенных немецко-фашистскими захватчиками над гражданами БССР и ущерба, причиненного государственным и кооперативным учреждениям и предприятиям, общественным организациям, колхозам и совхозам БССР (протоколы, отчеты, акты, доклады, справки, информации, сведения, списки, журналы, ведомости, фотографии); сведения о количестве концлагерей, созданных немецко-фашистскими захватчиками на территории БССР в 1941—1944 гг., и карта уничтожения населения Белоруссии в 1941—1944 гг. (1969); сборник документов о преступлениях на территории БССР, совершенных немецко-фашистскими захватчиками в 1941—1944 гг., подготовленный для обвинения в преступлениях офицерского и рядового состава Минского СД на процессе в г. Кобленц в 1962—1963 гг.; перечень мест захоронений советских военнослужащих в годы Второй мировой войны на территории Республики Польша (1995); список советских военнопленных, расстрелянных немецко-фашистскими захватчиками у д. Масюковщина; опросные листы граждан, возвратившихся из Германии и проживавших в районах Бобруйской, Витебской и Могилевской областей; фотоальбомы о злодеяниях и разрушениях, совершенных немецко-фашистскими захватчиками в БССР.

Документы о создании и деятельности республиканской и областных комиссий содействия в работе ЧГК СССР отложились и в фонде 4п «ЦК КПБ» [4—25], а также фонде «Комиссия по истории Великой Отечественной войны при ЦК КП(б)Б» (№ 750п) [28—37]. Они представлены актами по установлению и расследованию злодеяний, причиненных немецко-фашистскими захватчиками и их сообщниками на территории БССР, поименными списками и др.

Документы областных, городских и районных комиссий содействия в работе ЧГК СССР о расследовании фактов злодеяний, совершенных немецко-фашистскими захватчиками и их сообщниками на территории РСФСР, БССР, УССР, Молдавской ССР, Литовской, Латвийской и Эстонской ССР, хранятся в фонде № 861 «Управление лагеря военнопленных № 168 МВД СССР» [2, л. 1—4].

В декабре 2001 г. Центральный архив КГБ Республики Беларусь передал в НАРБ 2 897 уголовных дел на иностранных военнопленных и интернированных, осужденных за преступления, совершенные в годы Второй мировой вой-

ны и во время пребывания в советском плену за 1944—1951 гг. Данные документы отложились в фонде № 1363 «Народный комиссариат государственной безопасности (НКГБ) БССР».

В составе дел наряду с постановлениями об их возбуждении, избрании меры пресечения, предъявлении обвинения, окончании следствия и др., имеются акты и протоколы допросов свидетелей практически по всем областям, районам и городам СССР, где были совершены военные преступления.

В связи с тем что военнопленных судили в большинстве случаев не по месту совершения преступления, а по месту нахождения в плену, в уголовных делах имеются сведения не только о событиях, происходивших на территории СССР, но и в странах Европы.

Комплекс документов по учету ущерба, причиненного народному хозяйству БССР, хранится в фонде № 7 «Совет Министров Республики Беларусь», а также в фондах министерств, ведомств, учреждений и организаций, возобновивших свою деятельность в конце Великой Отечественной войны.

Изучением преступлений немецко-фашистских захватчиков и размеров ущерба, нанесенного войной и оккупацией, занимались и научно-исследовательские учреждения республики, документы которых также хранятся в НАРБ — Институт истории партии (ИИП) при ЦК КПБ (ф. № 1440), Партийный архив ЦК КП(б)Б (ф. № 511), Комиссии по выдаче удостоверений «Партизан Белоруссии» (областные, городские, районные) (ф. № 1256п ОАФ), Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны (ф. № 1246).

В ходе проведения международных чтений цикла «История во имя мира», посвященных 75-летию начала Великой Отечественной войны, Федеральное архивное агентство (Росархив) передало Департаменту по архивам и делопроизводству Министерства юстиции Республики Беларусь (Департамент) цифровые копии архивных дел об установлении и расследовании злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников на территории БССР.

На основании решения Центральной экспертной методической комиссии (ЦЭМК) Департамента от 15 декабря 2016 г. на хранение в НАРБ поступил полный комплекс переданных цифровых копий 227 архивных дел (47 454 файла JPG) на 17 компакт-дисках (DVD-R) из 12 описей фонда № Р 7021 ГАРФ [3, л. 1—2]. В государственные областные и зональные архивы Беларуси, в соответствии с их принадлежностью к административно-территориальным единицам, переданы копии цифровых копий архивных дел областных и районных комиссий содействия в работе ЧГК СССР.

В НАРБ проведена работа по научному описанию данных цифровых копий архивных дел и сформирована «Коллекция цифровых копий на правах подлинников документов Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, коллективным хозяйст-

вам (колхозам), общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР (ЧГК) по БССР, переданных из Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ)» (№ 1569).

Проанализировав состав описей дел фонда № Р 7021, хранящихся в ГАРФ и размещенных на официальном сайте архива, можно констатировать, что в НАРБ поступил далеко не полный комплекс документов об установлении и расследовании злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников на территории БССР. Прослеживается отсутствие документов по Бытенскому, Городищенскому, Ивенецкому, Клецкому, Козловщинскому, Любчанскому, Ляховичскому, Мирскому, Новомышскому, Слонимскому и Столбцовскому районам Барановичской области, Богусhevскому, Витебскому и Дубровенскому районам Витебской области, Желудокскому и Лидскому районам Гродненской области, Плещеницкому району Минской области, Шкловскому району Могилевской области, Столинскому району Пинской области, а также отчета Минской и доклада Могилевской областных комиссий содействия в работе ЧГК СССР. Тем не менее, изучив состав документов, перечисленных фондов НАРБ, можно сделать вывод, что документы о злодеяниях и учете ущерба, причиненного немецко-фашистскими захватчиками и их сообщниками на территории БССР, представлены в них (фондах) практически в полном объеме и являются ценным источником, к которому будут обращаться современные исследователи.

Литература и источники

1. Дроздов, К. С. К истории создания Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков // Археографический ежегодник за 2012 год. — М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. — С. 153—162.
2. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). — Дело фонда № 861.
3. НАРБ. — Дело фонда № 1529.
4. НАРБ. — Ф. 4п. — Оп. 3. — Д. 1249.
5. НАРБ. — Ф. 4п. — Оп. 29. — Д. 111.
6. НАРБ. — Ф. 4п. — Оп. 29. — Д. 112.
7. НАРБ. — Ф. 4п. — Оп. 29. — Д. 113.
8. НАРБ. — Ф. 4п. — Оп. 29. — Д. 114.
9. НАРБ. — Ф. 4п. — Оп. 29. — Д. 116.
10. НАРБ. — Ф. 4п. — Оп. 29. — Д. 117.
11. НАРБ. — Ф. 4п. — Оп. 29. — Д. 159.
12. НАРБ. — Ф. 4п. — Оп. 29. — Д. 159а.
13. НАРБ. — Ф. 4п. — Оп. 29. — Д. 206.
14. НАРБ. — Ф. 4п. — Оп. 29. — Д. 207.
15. НАРБ. — Ф. 4п. — Оп. 29. — Д. 805.
16. НАРБ. — Ф. 4п. — Оп. 61. — Д. 23.
17. НАРБ. — Ф. 4п. — Оп. 61. — Д. 64.
18. НАРБ. — Ф. 4п. — Оп. 61. — Д. 65.
19. НАРБ. — Ф. 4п. — Оп. 61. — Д. 82.

20. НАРБ. — Ф. 4п. — Оп. 61. — Д. 132.
21. НАРБ. — Ф. 4п. — Оп. 61. — Д. 133.
22. НАРБ. — Ф. 4п. — Оп. 61. — Д. 228.
23. НАРБ. — Ф. 4п. — Оп. 61. — Д. 229.
24. НАРБ. — Ф. 4п. — Оп. 61. — Д. 236.
25. НАРБ. — Ф. 4п. — Оп. 61. — Д. 237.
26. НАРБ. — Ф. 7. — Оп. 3. — Д. 26.
27. НАРБ. — Ф. 7. — Оп. 3. — Д. 29.
28. НАРБ. — Ф. 750п. — Оп. 1. — Д. 226.
29. НАРБ. — Ф. 750п. — Оп. 1. — Д. 227.
30. НАРБ. — Ф. 750п. — Оп. 1. — Д. 228.
31. НАРБ. — Ф. 750п. — Оп. 1. — Д. 229.
32. НАРБ. — Ф. 750п. — Оп. 1. — Д. 230.
33. НАРБ. — Ф. 750п. — Оп. 1. — Д. 231.
34. НАРБ. — Ф. 750п. — Оп. 1. — Д. 233.
35. НАРБ. — Ф. 750п. — Оп. 1. — Д. 234.
36. НАРБ. — Ф. 750п. — Оп. 1. — Д. 235.
37. НАРБ. — Ф. 750п. — Оп. 1. — Д. 294.
38. НАРБ. — Ф. 845. — Оп. 1. — Д. 1.
39. НАРБ. — Ф. 845. — Оп. 1. — Д. 3.
40. НАРБ. — Ф. 845. — Оп. 1. — Д. 4.
41. НАРБ. — Ф. 845. — Оп. 1. — Д. 26.
42. НАРБ. — Ф. 845. — Оп. 1. — Д. 58.
43. НАРБ. — Ф. 845. — Оп. 1. — Д. 59.
44. НАРБ. — Ф. 845. — Оп. 1. — Д. 60.
45. НАРБ. — Ф. 845. — Оп. 1. — Д. 81.
46. НАРБ. — Ф. 845. — Оп. 1. — Д. 82.
47. НАРБ. — Ф. 845. — Оп. 1. — Д. 83.
48. НАРБ. — Ф. 845. — Оп. 1. — Д. 84.
49. НАРБ. — Ф. 845. — Оп. 1. — Д. 92.
50. НАРБ. — Ф. 845. — Оп. 1. — Д. 95.
51. Опись № 80 «Дела по предприятиям и организациям республиканского значения БССР. 1944—1945 гг.»; Опись № 81 «Дела по Барановичской области БССР. 1944—1948 гг.»; Опись № 82 «Дела по Бобруйской области БССР. 1944—1947 гг.»; Опись № 83 «Дела по Брестской области БССР. 1944—1945 гг.»; Опись № 84 «Дела по Витебской области БССР. 1944—1945 гг.»; Опись № 85 «Дела по Гомельской области БССР. 1944—1945 гг.»; Опись № 86 «Дела по Гродненской области БССР. 1944—1946 гг.»; Опись № 87 «Дела по Минской области БССР. 1941—1945 гг.»; Опись № 88 «Дела по Могилевской области БССР. 1944—1946 гг.»; Опись № 89 «Дела по Молодечненской области БССР. 1944—1945 гг.»; Опись № 90 «Дела по Пинской области БССР. 1944—1945 гг.»; Опись № 91 «Дела по Полесской области БССР. 1942—1945 гг.»; Опись № 92 «Дела по Полоцкой области БССР» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://statearchive.ru/> Электронные описи / Информационно-поисковая система по фондам ГАРФ / Фонд Р7021. — Дата доступа: 05.06.2019.
52. Петров, Н. Чрезвычайная государственная комиссия и ее роль в судебных преследованиях военнопленных вермахта в СССР. 1943—1950 гг. // Австрийские и судетские

- немцы перед советскими военными трибуналами в Беларуси. 1945—1950 гг.; под ред. С. Карнера, В. Селеменова. — Грац; Минск, 2007. — С. 49—75.
53. Сборник сообщений Чрезвычайной государственной комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков; «Документы обвиняют». Сб. док. — Вып. 1. — М., 1943; Вып. 2. — М., 1945.
54. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 2 ноября 1942 года «Об образовании чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР» // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. — июль 1956 г. / под ред. к. ю. н. Ю. И. Манделштам. — М.: Государственное издательство юридической литературы, 1956. — С. 96—98.
55. Шарков, А. Сталинские приговоры иностранным военнопленным в БССР // Австрийские и судетские немцы перед советскими военными трибуналами в Беларуси. 1945—1950 гг.; под ред. С. Карнера, В. Селеменова. — Грац; Минск, 2007. — С. 79—205.
56. Электронный каталог путеводителей российских федеральных архивов [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://guides.rusarchives.ru/items/6355/chrezvychaynaya-komissiya>. — Дата доступа: 05.06.2019.

Артыкул наступіў у рэдакцыю 10.07.2019

*А. М. Латушкін,
дацэнт кафедры крыніцазнаўства
гістарычнага факультэта
Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта,
кандыдат гістарычных навук;
e-mail: archives@tut.by*

**КОМПЛЕКС АРЫГІНАЛАЎ
АКТАЎ АГУЛЬНАДЗЯРЖАЎНАГА ЗНАЧЭННЯ
АРХІВА ВЯЛІКАГА КНЯСТВА ЛІТОВСКАГА
Ў РАСІЙСКОЙ ДАРЭВАЛЮЦЫЙНАЙ ГІСТАРЫЯГРАФІІ:
ТЭРМІНАЛАГІЧНЫ АСПЕКТ ПРАБЛЕМЫ**

Пад «комплексам арыгіналаў актаў агульнадзяржаўнага значэння архіва Вялікага Княства Літоўскага» аўтар разумее асобную ад Метрыкі ВКЛ* сукупнасць арыгіналаў дакументаў заканадаўчага характару, надаўцам (аўтарам) або адрасатам якіх (міждзяржаўныя пагадненні) выступаў манарх ці іншыя вышэйшыя органы цэнтральнай улады, упаўнаважаныя прадстаўнікі тых або іншых сацыяльных груп грамадства Вялікага Княства Літоўскага (далей — ВКЛ). Дзеянне іх распаўсюджвалася на ўсю тэрыторыю краіны. Самі акты пры гэтым з’яўляліся дзяржаўнай уласнасцю, захоўваліся ў спецыяльна створаных дзяржаўных сховішчах (як правіла — скарбніца вялікіх князёў літоўскіх, пазней — земскі скарб ВКЛ) або ў іншых месцах, санкцыянаваных дзяржавай.

Акты комплексу арыгіналаў агульнадзяржаўнага значэння дзяржаўнага архіва ВКЛ у сваёй сукупнасці замацоўвалі прававыя асновы дзяржаўнага ладу, сацыяльных, грамадска-палітычных, рэлігійных адносін; фіксавалі ўмовы існавання ВКЛ як часткі саюзнага з Польшчай дзяржаўнага ўтварэння; з’яўляліся на той або іншы перыяд дакументальнай гарантыяй знешняй і ўнутранай бяспекі краіны. З улікам вялікай юрыдычнай і палітычнай вагі асаблівае значэнне набыла захоўванне іх арыгіналаў. У найбольшай ступені гэта датычылася дакументаў міждзяржаўнага характару. Сфера іх узнікнення і аўтар (вышэйшыя органы дзяржаўнай улады, манарх, дыпламатычныя стасункі), вялікае значэнне зместу пагадненняў, уласцівасць саміх актаў як дакументаў дамоўнага характару (двухбаковыя пагадненні, кожны з бакоў атрымліваў экзэмпляр, выдадзены супрацьлеглым бокам), абумовілі «арыгінал» як адзіную правамоцную іх форму, а таксама асаблівую важнасць зберажэння яго ад пашкоджанняў, страты або паддробкі. Страта дакумента аслабляла пазіцыі ў выпадку магчымай спрэчкі паміж

* Аўтар карыстаецца ў тэксце варыянтам тэрміна «Метрыка Вялікага Княства Літоўскага» як найбольш абгрунтаваным і замацаваным у сучаснай айчыннай гістарычнай навуцы [3, с. 4—6]. Выпадкі выкарыстання гістарыяграфічнага тэрміна «Літоўская метрыка» ў адпаведным яму значэнні суправаджаюцца двукосsem. Пры цытаванні варыянтаў тэрміна ў працах даследчыкаў ён падаецца ў двукоссі, на мове арыгінала, з захаваннем вялікай або малой літары, напрыклад: «литовская метрика», «Литовская метрика», «Литовская Метрика».

дзяржавамі ў межах прававога поля, магла пацягнуць за сабой цяжкія наступствы. Асобныя аспекты дадзенай з’явы можна распаўсюдзіць і на акты ўнутрыпалітычнага характару (напрыклад, агульназемскія прывілеі): большы давер заслугоўвалі менавіта іх арыгіналы, а не копіі. Вышэйадзначанае тлумачыць значэнне і спецыфіку дадзенай часткі архіва дзяржавы адносна яшчэ адной каштоўнай часткі дакументальнай спадчыны ВКЛ — Метрыкі ВКЛ або кнігі дзяржаўнай канцэлярыі ВКЛ. Яны ўяўлялі сабой капіярыі актаў, выдадзеных у арыгінале, і, у першую чаргу, выконвалі функцыю ўліку рашэнняў цэнтральных органаў дзяржаўнай улады (гаспадара, паноў-рады, сейма), інфармацыйнай базы працэсу кіравання.

Факт існавання такога збору як комплексу арыгіналаў актаў у гісторыі таго або іншага народа мае вялікае гісторыка-культурнае значэнне. Ён выступае адной з выразных прыкмет дзяржаўнасці, яе неад’емным атрыбутам. Наяўнасць арыгінала акта міжнароднага пагаднення, захоўванне яго ў архіве дзяржавы выступае сведчаннем яе правасуб’ектнасці на міжнароднай арэне, незалежнасці. У сувязі з вышэйадзначаным вялікае значэнне мае вывучэнне гісторыі такога комплексу. Гэта можа дапамагчы высветліць важныя пытанні дзяржаўнага будаўніцтва на розных этапах гісторыі ВКЛ, арганізацыі дзейнасці апарату органаў цэнтральнай улады, дазволіць больш поўна ўявіць месца ВКЛ у знешняй палітыцы Рэчы Паспалітай Абодвух народаў, па-іншаму паглядзець на дзяржаўны статус княства ва ўмовах уніі з Каралеўствам Польскім.

У канцы гісторыі існавання Рэчы Паспалітай Абодвух народаў (1795) Каралеўства Польскае і Вялікае Княства Літоўскае мелі асобныя дзяржаўныя архівы. Нягледзячы на тэндэнцыю да больш глыбокай інтэграцыі абедзвюх частак дзяржавы ў другой палове XVIII ст., адзінага дзяржаўнага архіва створана не было. Як агульныя фарміраваліся толькі архівы ўстаноў, створаных у перыяд кіравання караля Станіслава Аўгуста Панятоўскага, такіх як Пастаянная Рада, Адукацыйная Камісія, Вайсковая Камісія, органы ўлады перыяду паўстання пад кіраўніцтвам Т. Касцюшкі і інш. У структуры дзяржаўных архіваў Каралеўства Польскага і Вялікага Княства Літоўскага з XV ст. пачалі вылучацца два галоўныя комплексы актаў. У аснове іх падзелу ляжала прыкмета арыгінальнасці — «копія, занесеная ў сшытак ці кнігу» або «арыгінал як асобны дакумент»: Каралеўства Польскае — 1) Метрыка Каралеўства Польскага; 2) арыгіналы актаў; ВКЛ — 1) Метрыка ВКЛ; 2) арыгіналы актаў. У структуры апошняга названага комплексу ў выпадках абедзвюх дзяржаў вылучаліся дзве асноўныя часткі: арыгіналы актаў агульнадзяржаўнага значэння; дакументы маёмасна-прававога характару, што адносіліся пераважна да зямельных уладанняў, якія вярнуліся ва ўласнасць дзяржавы, т. зв. вымарачныя ўладанні. Нягледзячы на тое, што дзве названыя часткі комплексу арыгіналаў працяглы перыяд сваёй гісторыі захоўваліся разам, яны адрозніваліся сваім прызначэннем і гістарычнай каштоўнасцю, г. зн. кожная з іх з’яўлялася самастойнай і магла прэтэндаваць на статус асобнага «комплексу».

Комплекс арыгіналаў актаў агульнадзяржаўнага значэння дзяржаўнага архіва ВКЛ быў прадстаўлены наступнымі відамі дакументаў: агульназемскія прывілеі; акты уніі Каралеўства Польскага і ВКЛ; булы Рымскіх Пап або іншых упаўнаважаных уладных структур рымска-каталіцкай царквы, адрасавання вялікім князям літоўскім; міждзяржаўныя пагадненні аб міры, перамір'і, добраахвотным падпарадкаванні вялікім князям літоўскім і ваенным саюзе; некаторыя інш.

У адрозненне ад кніг метрыкі, што, як правіла, знаходзіліся пры дзяржаўнай канцэлярыі або размяшчаліся ў спецыяльна адведзеных для гэтага будынках на тэрыторыі сталічных гарадоў, арыгіналы актаў традыцыйна захоўваліся ў скарбніцы або скарбе дзяржавы — у Польшчы з канца XIV ст. гэта была скарбніца (польск. — skarbiec) Каралеўства Польскага ў Кракаўскім замку; у ВКЛ: з пач. XV ст. — скарбніца вялікіх князёў літоўскіх у новым замку ў Троках на возеры Гальве, а з пач. XVI ст. — земскі скарб у Вільні ў Ніжнім замку. У Каралеўстве Польскім у другой палове XVIII ст. адбылося аб'яднанне асноўных частак дзяржаўнага архіва — Метрыкі Каралеўства Польскага і Архіва скарбца Каралеўства Польскага ў Кракаўскім замку (як комплексу арыгіналаў) — у адным месцы: каралеўскім замку ў Варшаве. Існуюць некаторыя даныя на карысць падобнага працэсу і ў ВКЛ нават у больш ранні час — у канцы першай трэці XVIII ст. Аднак іх недастаткова, каб аб гэтым сцвярджаць з дакладнасцю. Метрыка Вялікага Княства Літоўскага была перавезена ў Варшаву не пазней 1747 г., дзе заставалася да канца 1794 г. з невялікім перапынкам на вываз у Вільню ў 1792—1794 гг. Частка яе на канец 1794 г. захоўвалася ў Вільні. У канцы 1794 г. усе названыя масівы актаў, разам з дакументамі дзеючых на той час цэнтральных органаў улады і дзяржаўных устаноў Рэчы Паспалітай, архівам асабістай канцэлярыі Станіслава Аўгуста Панятоўскага, былі вывезены расійскімі ўладамі ў Санкт-Пецярбург.

Лёс арыгіналаў актаў дзяржаўнага архіва ВКЛ аказаўся складаным і шмат у чым трагічным. Комплекс актаў маёмасна-прававога характару быў бяспследна страчаны ў перыяд канца 1623—1655 гг., найверагодней, у выніку падзей захопу Вільні войскамі Маскоўскай дзяржавы ў жніўні 1655 г. Комплекс арыгіналаў актаў агульнадзяржаўнага значэння дзяржаўнага архіва ВКЛ на канец XVIII ст. існаваў не меней чым у дзвюх частках: 1) ранняя, або «радзівілаўская» частка комплексу ўтрымлівала не менш за 93 дакументы за 1386 (?) / 1387—1601 гг., 3 дыпламатычныя дакументы 1637 г. і 1644 г., каля 10 лістоў турэцкіх султанаў (XVI ст.); 2) позняя частка, акты 1588—1718 гг., пераважна акты міждзяржаўных стасункаў паміж Рэччу Паспалітай і Маскоўскай дзяржавай (дамінуючая колькасць), а таксама Турцыяй, Крымскім ханствам, ўтрымлівала 58 найменняў асобных дакументаў і іх тэматычных камплектаў, агульная колькасць складала не менш за 100 адзінак актаў за перыяд. Першая з іх у 1655—1685 гг. патрапіла ў прыватныя архівы роду князёў Радзівілаў [6; 9; 10]. Захоўванне яе Радзівіламі было санкцыянавана канстытуцыяй сейма 1768 г. (з умовай выканання пэўных

папрабаванніў). Сёння асноўная іх маса знаходзіцца ў Галоўным архіве старажытных актаў Польшчы (Варшава). Асобныя пазіцыі папапілі ў сховішчы Расіі (Расійская дзяржаўная бібліятэка, Расійскі дзяржаўны архіў старажытных актаў, г. Масква; Расійская нацыянальная бібліятэка, г. Санкт-Пецярбург), Літвы (Нацыянальная бібліятэка, г. Вільнюс), Польшчы (Бібліятэка князёў Чаргарыйскіх, г. Кракаў) [7; 8; 11]. Пазнейшая частка комплексу працягвала фарміравацца ў XVII—XVIII стст. і захоўвалася ў архівах дзяржавы. Яе фіксуе рэестр «Regestr pactt, hramot, korrespondencyi i innych skryptow Moskiewskich in Archivu W(ielkieg)o X(ięstw)a Litt(ewskiego) o znaiduiących się», складзены 1 чэрвеня 1729 г. пры перамяшчэнні актаў з «Архіва Вялікага Княства Літоўскага» ў «Архіў Метрыкі вялікай Канцэлярыі ВКЛ», падпісаны вялікім канцлерам Міхалам Серваціем Вішнявецкім (1680—1744) [1]. Далейшы яе лёс, ступень захаванасці, падрабязны склад і сучаснае месцазнаходжанне застаюцца нявысветленымі. Сам указаны сегмент комплексу як самастойная частка дакументальнай спадчыны ВКЛ у навуцы фактычна не разглядаецца.

Той факт, што комплекс арыгіналаў дзяржаўнага архіва ВКЛ не захаваў сваёй цэласнасці да канца XVIII ст., пазней выклікаў у навуцы меркаванні аб яго страце, частковай ці поўнай інтэграванасці ў склад іншых комплексаў або аб тым, што ў ВКЛ (у адрозненне ад Каралеўства Польскага) падобны збор як дзяржаўны архіў пасля падзей сярэдзіны XVII ст. не сфарміраваўся [16]. Негатыўным вынікам гэтых уяўленняў стала адсутнасць у гістарыяграфіі адзінага падыходу да самой назвы збору дакументаў. Адною з асаблівасцей дадзенай праблемы стала тое, што ў XIX — пач. XX ст. значэнне «дзяржаўны архіў ВКЛ» аказалася замацаваным амаль выключна за Метрыкай ВКЛ або «Літоўскай метрыкай». Праблему ўскладніла тое, што падчас захоўвання комплексу арыгіналаў у скарбе земскім (XVI — першая палова 50-х гг. XVII ст.) разам з ім там размяшчаліся іншыя масівы дакументацыі, у тым ліку кнігі т. зв. старой Метрыкі ВКЛ [21; 12]. Названая частка, як і комплекс актаў маёмасна-прававога характару, што захоўваўся ў скарбе земскім, былі страчаны ў перыяд канца 1623—1655 гг. Факт сумеснага захоўвання з імі актаў агульнадзяржаўнага значэння, як уласна і знаходжанне іх у скарбе дзяржавы, ставяць пытанне аб самастойнасці комплексу арыгіналаў адносна іншых частак «архіва, што захоўваўся ў скарбе земскім ВКЛ», зноў сувязі з паняццем «дзяржаўны архіў ВКЛ» (гэта ўсе дакументы, што захоўваліся ў скарбе, і ўласна сам скарб як архіў або толькі комплекс арыгіналаў актаў агульнадзяржаўнага значэння?).

У сувязі з гэтым задачай прыярытэтнага парадку з’яўляецца фармуляванне і навуковае абгрунтаванне тэрміналагічнага абзначэння аб’екта даследавання. Такім чынам, перыпетэіі гісторыі захоўвання комплексу, складанасць вылучэння самога аб’екта з агульнай масы дакументаў органаў цэнтральнай улады ВКЛ, недастатковая ступень распаўсюду тэмы ў гістарыяграфіі, «ціска» аўтарытэту Метрыкі ВКЛ пры дысбалансе ведаў аб абодвух масівах дакументацыі і іх дачыненнях — умовы, у якіх павінна вырашацца акрэсленая тэрміналагічная

проблема. Без гэтага немагчыма паспяхова распрацоўка тэмы. Існуе неабходнасць выразнага размежавання ў тэрміналогіі асобных частак архіва ВКЛ, разгляду пытання карэктнасці і мэтазгоднасці надання значэння «дзяржаўны архіў» таму або іншаму сегменту дакументальнай спадчыны ВКЛ, зместу дадзенага паняцця.

Адносна тэрміналогіі праблемы, што разглядаецца, у гістарыяграфіі існуе некалькі дастаткова адрозных падыходаў. Яны аформіліся ў межах нацыянальных гістарыяграфій: расійска-савецкай, польска-амерыканскай, беларускай, украінскай, літоўскай. Аналіз пытання мэтазгодна будаваць у адпаведнасці з дадзеным падзелам — згодна з гістарыяграфічнымі традыцыямі асобных краін. У гэтым артыкуле будзе зроблена спроба разгляду расійскай дарэвалюцыйнай гістарыяграфіі пытання.

У дарэвалюцыйнай гістарыяграфіі Расіі можна адрозніць некалькі падыходаў да трактоўкі і тэрміналагічнага акрэслення комплексу арыгіналаў актаў агульнадзяржаўнага значэння архіва ВКЛ. Варта заўважыць, што спецыяльных прац архівазнаўчага характару гэтай тэме прысвечана не было. Дадзеныя падыходы былі падпарадкаваны іншым аб'ектам і мэтам вывучэння. Пераважна, гэта былі вышэйшыя органы дзяржаўнай улады ВКЛ, Метрыка ВКЛ.

У 1843 г. пад эгідай Імператарскага Маскоўскага таварыства расійскай гісторыі і старажытнасцей адбылося выданне пасольскіх кніг Метрыкі ВКЛ (частка I, 1545—1572 гг.) [5]. Акрамя дакументаў дыпламатычнага характару, выданне, бадай адным з першых у расійскай гістарыяграфіі, уключала багатую базу звестак і крыніц аб гісторыі дзяржаўных архіваў ВКЛ і Каралеўства Польскага, а таксама аб іх лёсе пасля падзелу Рэчы Паспалітай [5, с. III—XX, 323—467]. Амаль цалкам яны датычыліся абедзвюх метрык і актаў з былога Архіва Скарбца Каралеўства Польскага (вопіс Архіва Скарбца Каралеўства Польскага М. Кромера 1551 г., вопіс арыгіналаў актаў, перададзеных у Імператарскую Публічную бібліятэку (далей — ППБ) 1808 г., і інш.) [5, с. 453—467]*. Аднак у

* Арыгіналы актаў, вывезеныя ў канцы XVIII ст. у Санкт-Пецярбург, першапачаткова паходзілі з Архіва Скарбца Каралеўства Польскага ў Кракаўскім замку і на 1794 г. захоўваліся ў архіве Каралеўства Польскага ў Варшаве. У Расіі яны былі падзелены на некалькі частак: 1) канцэлярыя 3-га Дэпартаменту Кіруючага Сената ў Санкт-Пецярбургу — ад 389 да 395 актаў, што пераважна датычыліся знешніх стасункаў Польшчы з замежнымі дзяржавамі, перададзены ў канцы XVIII ст.; з іх 351 акт, што пераважна датычыўся знешніх стасункаў Польшчы з замежнымі дзяржавамі, перададзены ў Маскоўскі Галоўны архіў Міністэрства замежных спраў (далей — МГАЗС) у 1888 г., рэшта — каля 40 (39 актаў ?) з 1887 г. захоўвалася ў Маскоўскім архіве Міністэрства юстыцыі; 2) Прусія — акты, што датычыліся рэгіёнаў: Вялікая Польшча, Познань, Каліш, Серадзь, Ленчыцы, Куявы, Інавалодлаў, Плоцк, Мазоўша, Рава, Добжынская зямля, перададзены ў канцы XVIII ст.; 3) ППБ, Дзепо Манускрыптаў — пераважна кірылічныя акты, 1808—1809 гг. [14, с. 55—56]. Я. Янкоўская пацвярджала факт таго, што гэта былі акты, якія належалі менавіта да архіваў Каралеўства Польскага, а не ВКЛ: «...Wszystkie bułły papieskie, kilkaset dokumentów inflanckich, litewskich, wszystkie dokumenty kazackie i część

прадмове, прысвечанай гісторыі Метрыкі ВКЛ і Каралеўства Польскага, складальнікі выдання — князь М. А. Абаленскі (1805—1873) і прафесар І. М. Данилович (1787—1843) — ускосна закраналі і пытанне комплексу арыгіналаў актаў агульнадзяржаўнага значэння архіва ВКЛ. Згодна з данымі гісторыкаў такія дакументы ўваходзілі ў склад «Дзяржаўнага архіва» (рус. — Государственный архив), які знаходзіўся ў каралеўскім замку ў скарбніцы дзяржавы. Там жа, згодна з тэкстам, захоўвалася частка кніг Метрыкі*. Варта заўважыць, што назву «дзяржаўны або сакрэтны архіў» у кантэксце выкладзенага ў прадмове матэрыялу ў першую чаргу аўтары адносілі да актаў архіва, які ў пазнейшай гістарыяграфіі тэмы называецца «Архівам Скарбца Каралеўства Польскага ў Кракаўскім замку» (польск. — Archiwum Skarbcza Koronnego w zamku Krakowskim). На гэта ўказваецца ў іншых месцах прадмовы: «Подлинные акты, хранившиеся по преимуществу в Краковском Королевском Замке — под сводами, куда входили не более трех раз в продолжении целого столетия, непрветриваемые, гибли от тления и сырости, и сами собою утрачивались невозвратно» (выдзелена мной. — А. Л.) [5, с. IV]. Само даследаванне ў цэлым грунтуецца на матэрыяле, які адпостраўвае пераважна гісторыю архіваў Польшчы, што абумоўлена лепшай распрацаванасцю тэмы ў той час у параўнанні з гісторыяй архіваў ВКЛ, а таксама тагачасным успрыняццём у Расійскай імперыі ВКЛ і Каралеўства Польскага як адной дзяржавы — Польшчы. Таму распаўсюджваць дадзеную частку тэрміналогіі расійскага выдання на ВКЛ можна толькі ўмоўна. Сложыты гісторыі комплексу ў ВКЛ яго складальнікі фіксуюць толькі эпизадычна і пры гэтым экстрапалююць на яго польскую спецыфіку і захоўванне ў скарбніцы, а не ў скарбе зямскім. Яны, напрыклад, пішуць: «Привилегии Великого Кня-

oznaczonych jako «polskie»». Яна адносіць час перадачы арыгіналаў актаў з Сената ў ППБ да 1809 г. на аснове пацвярдальных запісаў П. П. Дуброўскага ў арыгінале спіса актаў у AGAD («zesp. t. zw ML VIII nr 28»). Сам спіс датаваны 1808 г. Паходжанне актаў, якія трапілі ў 3-ці Дэпартамент Кіруточага Сената, і з якіх там у другой палове 1830-х гг. быў сфарміраваны аддзел X «Старажытныя акты», яна звязвае з Архівам Скарбца Каралеўства Польскага ў Кракаўскім замку («Archiwum Koronny Krakowski»). Гэту выснову можна аднесці і да большасці актаў, перададзеных у 1809 г. у ППБ [23, s. 35, прыл. 17, s. 45].

* «Акты и книги сих Метрик хранились в двух Архивах: 1) в Государственном или Секретном Архиве, куда также отсылались все вообще акты в подлинниках. Архив сей был почти недоступен. 2) В Дворском (Надворном) Архиве (Archiwa Zadworna), находившемся при Вицеканцеляриатствах; здесь сохранялись отпуски исходящих дипломатических бумаг и других важнейших актов. . .»; «Первый из сих Архивов постоянно находился в Королевском замке, или лучше сказать, в казнохранилице (w skarbcu); другой, назначенный для вседневного употребления, возился за Двором (post Aulam ambulatoriam) Королей Польских и Вел. Кн. Литовских»; «Со введения избирательного образа Правления, Короли Польские имели свои отдельные Архивы. Они были двойные: Кабинетные и Экономические. Для Королевских Архивов бралось много оригинальных актов и древних рукописей из Государственного Архива. . .» і г. д. (выдзелена мной. — А. Л.) [5, с. III, IV].

жества Литовскаго находящияся в сокровищнице» [5, с. XIV—XV]. Крыніца, на якую спасыялася даследчыкі (канстытуцыя варшаўскага сейма 1607 г.), месцам захоўвання актаў называла не скарбніцу (рус. — сокровищница), як гэта сапраўды мела месца ў Польшчы, а менавіта «скарб» (рус. — казна)*.

Закранаючы пытанне комплексу арыгіналаў актаў агульнадзяржаўнага значэння архіва ВКЛ, М. А. Абаленскі і І. М. Даніловіч абзначалі яго пераважна шляхам агульнага пералічэння відаў дакументаў: «государственныя хартии Польши и Литвы, т. е. коренныя и случайныя постановления, сношения с сопредельными и отдельными государствами, грамоты и иные разного рода дипломы, трактаты и другие тому подобные письменные памятники внутренних и внешних государственных дел»; «привилегии Великого Княжества Литовскаго» [5, с. III, IV, XV]**. Такою прыкмету актаў як «арыгінал» гісторыкі перадавалі пры дапамозе слоў «сапраўдны акт», рус. — подлинник: «акты в подлинниках», «подлинныя грамоты». Адначасова як сінонім ужывалася і абазначэнне «арыгінал»: «оригинал», «оригинальный акт» [5, с. III, IV, XV].

Важным пытаннем з’яўляецца погляд названых даследчыкаў на сувязь арыгіналаў актаў і Метрыкі ВКЛ. Гісторыкі адрознівалі дадзеныя дакументы ад Метрыкі ВКЛ***. Адметна тое, што яны дыферыцыявалі гісторыка-культурнае і крыніцазнаўчае значэнне абодвух масіваў — Метрыкі ВКЛ і комплексу арыгіналаў — на карысць апошняга: «Картонны с подлинными грамотами, и по степени достоверности и по своему разнообразию, должны быть и занимательнее даже самых книг Посольских Метрики Коронной и Вел. Кн. Литовского» [5, с. XIII]. Такім чынам, як падаецца, М. А. Абаленскі і І. М. Даніловіч былі схільны да разумення самастойнасці комплексу арыгіналаў адносна метрыкі. Разам з тым, у тым жа тэксце яго аўтары свярджалі аб наяўнасці арыгіналаў асобных дакументаў і ў складзе Метрыкі ВКЛ: «Метрики Коронная, т. е. Королевства Польского (Metryka Koronna) и Литовская (Metrica Magni Ducatus Lithuaniae)» состояли из *подлинных актов* и книг...» (выдзелена мной. — *А. Л.*) [5, с. III]. Дадзеная ацэнка далёкая ад распаўсюджанага пазней у расійскай гістарыяграфіі свярджэння, што «Літоўская метрыка» — гэта збор не толькі

* «O metrykach W(jelkiego). X(ięstwa) Litewskiego... , które w skarbie naszym Wileńskim są złożone, deputujemy zarazem z tego Seymu P(anów) Senatorow... Tamże zaraz u privilegia wszystkie W(jelkiego). X(ięstwa) Litewskiego, które w skarbie są też deputaty mają być rewidowane (выдзелена мной. — *А. Л.*)» [31, s. 449, vol. 1631].

** Тут і далей па тэксце мы захоўваем напісанне вялікай і малой літары ў цытатах, таму што часта іх ужыванне непасрэдна адлюстроўвае пазіцыю аўтара даследавання або крыніцы адносна тэрміналогіі комплексу арыгіналаў актаў агульнадзяржаўнага значэння архіва ВКЛ і гістарычна звязаных з ім аб’ектаў.

*** У дачыненні да Метрыкі ВКЛ складальнікамі выдання з большай частатой, чым «Літоўская метрыка», прымянялася назва «Метрыка Великого Княжества Литовского», верагодна — па аналогіі з гістарычнай тэрміналогіяй, лац. — «Metrica Magni Ducatus Lithuaniae».

актавых кніг пераважна з копіямі («запісамі», польск. — *wpisami*) дакументаў, але і ўсяго комплексу арыгіналаў актаў. На гэта ўказваюць прыведзеныя аўтарамі даныя аб архівах Каралеўства Польскага і ВКЛ. Аднак яна магла трактавацца і інакш.

Падводзячы вынік, можна зрабіць выснову, што М. А. Абаленскім і І. М. Даніловічам комплекс арыгіналаў актаў агульнадзяржаўнага значэння архіва ВКЛ асацыяраваўся з Архівам Скарбца Каралеўства Польскага ў Кракаўскім замку. У іх тэрміналагічнай сістэме ён на канец XVIII ст. мог быць абзначаны так: «подлинники / оригиналы (акты, хартии, грамоты, дипломы, трактаты, привиллегии) письменных памятников внутренних и внешних государственных дел Великого Княжества Литовского / Польши и Литвы Государственного / Секретного архива».

Ключавое месца ў праблеме тэрміналагічных падыходаў да акрэслення комплексу арыгіналаў актаў агульнадзяржаўнага значэння архіва ВКЛ займаюць погляды метрыкантаў 3-га Дэпартамента Кіруючага Сената. У гэтай установе з канца 90-х гг. XVIII ст. да канца 80-х гг. XIX ст. захоўвалася асноўная частка дзяржаўных дакументаў у форме арыгіналаў, вывезеных з Варшавы, а таксама Метрыка ВКЛ. У 1883 г. выйшла выданне, падрыхтаванае загадчыкам аддзела «Літоўскай метрыкі» ў архіве названай вышэй установы Л. М. Зельвяровічам: «Литовская метрика, государственный отдел Великого княжества Литовского, при Правительствующем Сенате. *Грамоты и ресесты из собрания «древних актов» писанных на пергаменте на литовско-русском, латинском, нижне-германском, старо-чешском и польском языках*» (выдзелена мной. — А. Л.) [4]. Асаблівасць яго ў тым, што том I быў заснаваны на дакументах былога «Архіва Скарбца Каралеўства Польскага ў Кракаўскім замку», якія адносіліся да гісторыі ВКЛ і Польшчы. Аднак яго назва — «Акты Литовские 1487—1589»*, а таксама наяўнасць на шэрагу актаў пячатка вялікіх князёў літоўскіх, наяўнасць актаў, адрасаваных ВКЛ, магла ўплываць на ўяўленне аб іх паходжанні менавіта з дзяржаўнага архіва ВКЛ, на што ўскосна ўказвала і назва збору, дзе яны на той час захоўваліся — «Литовская метрика». Для абзначэння прыкметы «арыгінал» Л. М. Зельвяровіч карыстаецца паняццем «подлинник».

Найбольш разгорнута даныя на арыгіналы актаў як на частку Метрыкі ВКЛ былі прадстаўлены ў працах калегі Л. М. Зельвяровіча, гісторыка, архівазнаўцы, метрыканта архіва 3-га Дэпартамента Сената С. Л. Пташыцкага (1853—1933). У 1884 г. у польскамоўным выданні «*Cesarska Biblioteka Publiczna i Metryka Litewska w Petersburgu*» прадставіў навуковай грамадскасці свой погляд на гісторыю архіўнай спадчыны ВКЛ, якая ў канцы XVIII ст. была вывезена ў Санкт-Пецярбург [28]. У ім на некалькі гадоў раней за сваю знакамітую, класічную для метрышчыны працу «Описание книг и актов Литовской метрики» (1887) гісторык абагульняў пад назвай «Літоўскай метрыкі» («*Метрыка litew-*

* Выданне ўтрымлівала 15 дакументаў, у тым ліку акт, што датуецца 1387—1392 гг.

ска (*Metrica Magni Ducatus Lithuaniae*)) кнігі велікакняжацкай канцлярыі з копіямі тэжстаў актаў, таксама і арыгіналы актаў (рус. — дипломы)*. Аднак ён удакладняў, што яны ўтвараюць у межах Метрыкі ВКЛ асобны аддзел, які абазначаў як «асобныя дакументы»**. Назва, відаць, была ўмоўнай, таму што згодна з існуючай класіфікацыяй 3-га Дэпартаменту Сената яны адносяліся да аддзела Х «Старажытных акты». Адметна, напрыклад, што арыгінал акта Люблінскай уніі 1569 г., нададзены польскаму боку ад імя паслоў ВКЛ, быў прадстаўлены аўтарам працы так: «арыгінал ёсць у метрыцы», «арыгінал метрыкі», «арыгінал Метрыкі»***. Арыгіналы актаў агульнадзяржаўнага значэння на пергамяне і паперы, вывезеныя разам з Метрыкай ВКЛ і Метрыкай Каралеўства Польскага ў Расію і пазней перададзеныя з канцлярыі 3-га Дэпартаменту Сената ў ПБ, ён прадстаўляў як «значная частка актаў метрыкі»****.

Другой важнай асаблівасцю ўяўленняў С. Л. Пташыцкага аб комплексе арыгіналаў актаў ВКЛ было наступнае. Вучоны апярэчыў у сваіх развагах вопісам Архіва Скарбца Каралеўства Польскага ў Кракаўскім замку 1551 г. аўтарства М. Кромера. Называе яго вопісам менавіта «Кракаўскага Архіва». Дадзены дакумент — самы ранні з вядомых вопісаў названага архіва. Ён узнік як вынік упарадкавання архіва па загадзе Жыгімонта II Аўгуста, што канстатуе і сам С. Л. Пташыцкі. Арыгінал яго захоўваўся на час выдання працы гісторыка ў МГАМЗС і быў упершыню часткова апублікаваны (акты з раздзела «Litvānija») у 1843 г. пад назвай «Описание инвентария грамот, хранившихся в Краковском Архиве, составленного в 1551 году М. Кромером» [5, с. 453—460]. Аднак крыніца ахоплівала і тыя акты, факт перадачы якіх паміж пецяярбургскімі ўстановамі ў пач. XIX ст. згадваў метрыкант у 1884 г. Калі меркаваць па фармулёўках гісторыка, у яго разуменні дадзены вопіс утрымліваў і акты з Архіва Скарбца

* «*Metryka litewska (Metrica Magni Ducatus Lithuaniae), również jak i metryka koronna, zawiera w sobie dokumenta oryginalne i księgi, do których zapisywano wszelkie akta przecho-dzące przez kancelarie książęca*» (выдзелена мной. — *A. J.*) [28, s. 22].

** «*Osobny oddział zajmują w metryce «oddzielne dokumenta» które nie weszły w skład metrycznych i są po większej części autentycznymi. Większa część aktów tego rodzaju wydana w imieniu królów polskich i blisko 35 własnoręcznie podpisanych*» (выдзелена мной. — *A. J.*) [28, s. 30].

*** «*...Oryginal [Akta Unji lubelskiej] jest w metryce i opatrzony 106 pieczęciami. Te trzy teksty różnią się bardzo między sobą i nie są zupełnie zgodne z oryginałem metryki; «W metryce Akt unii dochował się bardzo dobrze. Jest to wielki arkusz pergaminowy...»; «...[Akt Unji lubelskiej z archiwum Nieświeckiego] różni się w pisowni od innych i od oryginału Metryki*» (выдзелена мной. — *A. J.*) [28, s. 31, 32].

**** «*...W roku 1808 część spora aktów metryki przeszła do biblioteki publicznej; «Wiele pergaminów przeszło do Biblioteki Publicznej, a metryka posiada tylko spis tego...»* (выдзелена мной. — *A. J.*) [28, s. 21, 32]. Гл. вопіс арыгіналаў актаў, перададзеных у Дэпо Манускрыптаў ПБ, 1808 г. [5, с. 461—467].

Каралеўства Польскага ў Кракаўскім замку, і акты архіваў ВКЛ*. Усё гэта можа сведчыць аб тым, што С. Л. Пташыцкі ўспрымаў прывезены ў Санкт-Пецярбург «Архіў Скарбца Каралеўства Польскага ў Кракаўскім замку» (у другой палове XVIII ст. быў перавезены ў Варшаву) у форме арыгіналаў актаў як агульны архіў Польшчы і ВКЛ. Магчыма, у яго разуменні гэта быў адзіны збор з арыгіналамі актаў агульнадзяржаўнага значэння Рэчы Паспалітай, які існаваў. Аднак, як зараз вядома, кожная з дзяржаў мела ўласны падобны збор. Комплекс арыгіналаў актаў архіва ВКЛ меў сваю гісторыю і захоўваўся асобна. Наяўнасць у складзе «Архіва Скарбца Каралеўства Польскага ў Кракаўскім замку» актаў ВКЛ тлумачыцца прынятай у архіве класіфікацыяй дакументаў міжнароднага характару — яны размяркоўваліся па асобных краінах, у тым ліку па стасунках з ВКЛ. Група абазначалася як «Lithuania», утрымлівала прысягі ў вернасці ўдзельных князёў ВКЛ, акты уній і інш. Акты, ахопленыя вопісам 1551 г., якімі авалодала Расія разам з Архівам Каралеўства Польскага ў Варшаве ў канцы XVIII ст., у масе сваёй ніколі не належалі ВКЛ. Выключэнне складалі толькі адзінкавыя з іх, якія трапілі з названага польскага збору ў склад дзяржаўнага архіва ВКЛ пры невядомых абставінах у 1551—1584 гг. [14, с. 3, 8, 271; 25, с. XVIII, XXIII, XXV; 8]. Змешчаны ў той жа кнізе разгляд гісторыі Метрыкі ВКЛ пацвярджае прыведзеныя разважанні. У пэўных выпадках аўтар змешчае гісторыю польскіх архіваў (Метрыкі Каралеўства Польскага, Архіў Скарбца Каралеўства Польскага ў Кракаўскім замку) і адпаведных іх аналагаў у ВКЛ. На верагоднасць таго, што С. Л. Пташыцкі часам не адрозніваў даныя з Метрыкі ВКЛ і Метрыкі Каралеўства Польскага пры апісанні гісторыі архіўнай спадчыны ВКЛ, указвала П. Кэнэдзі Грымстэд [24, с. 61, прызр. 11].

Такім чынам, у 1884 г. аўтар атаясамліваў акты агульнадзяржаўнага значэння комплексу арыгіналаў архіва ВКЛ з вывезеным у Расію Архівам скарбца Каралеўства Польскага ў Кракаўскім замку, а ўсе іх у сукупнасці і абазначаў як «акты літоўскай метрыкі».

Азначаную пазіцыю С. Л. Пташыцкага паўтарала і больш поўна раскрывала наступная яго праца «Описание книг и актов Литовской метрики» (1887). Пазіцыю С. Л. Пташыцкага адносна пытання ўзаемаадносін арыгіналаў актаў і Метрыкі ВКЛ адлюстроўвае сама назва працы — «Описание книг и *актов* Литовской метрики» (выдзелена мной. — *А. Л.*), г. зн. ужо апрэферы яе аўтар дэклараваў комплекс арыгіналаў як частку Метрыкі ВКЛ. П. Кэнэдзі Грымстэд адзначала, што такі погляд з’яўляецца неспаслядоўным і памылковым прымяненнем тэрміна «Літоўская Метрыка»**. Тут варта адзначыць, што пытанне

* «Część [opisu M. Kromera z 1551 r.] zawierająca opis dokumentów, *odnoszących się do Litwy*, wydrukował Daniłowicz» (выдзелена мной. — *А. Л.*). Са спасылкай на старонкі 455—460 публікацый вопісу М. Кромера 1551 г. [28, с. 22—23; 5, с. 455—460].

** «Sam tytuł inwentarza Ptaszyckiego: Opisanie knjig i aktow Litowskoj Mietriki, wprowadza w błąd zarówno badaczy, jak archiwistów, dobrze ilustrując niekonsekwentne i mylące stosowanie terminu «Metryka Litewska». Inwentarz obejmuje wprawdzie większość — choć nie

ўзаемаадносін арыгіналаў актаў і Метрыкі ВКЛ у тэрміналогіі С. Л. Пташыцкага закранае больш маштабную праблему зместу самога тэрміна «Літоўская метрыка», у аснове якой ляжалі працы таго ж вучонага. «Літоўская метрыка» прадстаўлялася ім як уся сукупнасць архіваў вярхоўных органаў улады Рэчы Паспалітай, вывезеных у Расію ў канцы XVIII ст. і захоўваемых там на 1887 г. Гэтыя ўяўленні грунтаваліся на падыходзе, выпрацаваным у органах улады і архіўных установах Расіі ў канцы XVIII — першай палове XIX ст. у дачыненні да масіву дакументаў «далучаных правінцый», асноўная маса якіх была сканцэнтравана ў 3-м Дэпартаменце Сената. Па меркаванні амерыканскага спецыяліста П. Кэнэды Грымстэд, пад назвай «Літоўская Метрыка» С. Л. Пташыцкім несправядліва былі аб'яднаны: кнігі Метрыкі ВКЛ, кнігі Метрыкі Каралеўства Польскага, разнастайныя дакументальныя матэрыялы Рэчы Паспалітай Абодвух Народаў перыяду кіравання Станіслава Аўгуста Панятоўскага. Сюды ж былі ўключаны і арыгіналы актаў — шматлікія акты і граматы з ранейшага Архіва Скарбца Каралеўства Польскага ў Кракаўскім замку. Толькі большасць, але далёка не ўсе пазіцыі, ахопленыя вопісам С. Л. Пташыцкага, сапраўды паходзілі з дзяржаўнай канцэлярыі ВКЛ [24, s. 68]. Задоўга да з'яўлення навуковых прац П. Кэнэды Грымстэд, дзе раскрываецца праблема не зусім дакладнага разумення тэрміна «Літоўская Метрыка», народжаная ў тым ліку працай С. Л. Пташыцкага, польская даследчыца Я. Янкоўская заўважыла адносна яго «Описания...» літаральна наступнае: «Po raz pierwszy w tym inwentarzu Ptaszycki nazwał wywiezione z Polski i przechowywane prawie od wieku w archiwach senackich akta koronne, litewskie i Obojga Narodów — Metryką Litewską» [23, s. 39]. Яна крытыкавала змяшанне кніг метрык каронных і літоўскіх, далучэнне да апошніх дакументаў устаноў Рэчы Паспалітай Абодвух Народаў. Пры гэтым сама Я. Янкоўская выразна аддзяляла ў асобны комплекс арыгіналы актаў Архіва Каралеўства Польскага, назвала іх «дыпламы», пералічвала віды, адсочвала іх лёс у расійскіх зборах (іншыя комплексы: картаграфічныя матэрыялы, Метрыка Каралеўства Польскага, акты, створаныя агульнымі органамі ўлады Рэчы Паспалітай Абодвух Народаў, і інш.) [23].

Трэба заўважыць таксама наступную асаблівасць тэрміналогіі вучонага. Як вядома, С. Л. Пташыцкі называў Метрыку ВКЛ «архівам», трактаваў яе як архіў канцэлярыі манарха*. Уключэнне С. Л. Пташыцкім у склад «Літоўскай

wszystkie — z materiałów pochodzących z kancelarii Wielkiego Księstwa i przechowywanych w Moskwie w czasach Ptaszyckiego, lecz ponadto omawia także większą część znacznie obszerniejszego zbioru materiałów, które zostały wywiezione z Polski do Petersburga w końcu wieku XVIII» [24, s. 68].

* «Метрикой назывался архив королевской и великокняжеской канцелярии, из которой выходили все акты, издававшиеся именем короля и великого князя»; «Так как в метрике хранятся документы литовской государственной канцелярии с конца XV века по 1794 год, то этот архив и по настоящее время не потерял вполне своего практического

метрыкі» цэлага шэрагу іншых дакументаў манарха і цэнтральных органаў кіравання, і, у першую чаргу, арыгіналаў актаў былога Архіва Скарбца Каралеўства Польскага ў Кракаўскім замку, які С. Л. Пташыцкі схільны быў бачыць як комплекс агульны з ВКЛ, дало яму падставы прадстаўляць «Літоўскую метрыку» як уласна дзяржаўны архіў ВКЛ. На ўяўленні аб Метрыцы ВКЛ як аб адзіным і галоўным архіве дзяржавы — дзяржаўным архіве ВКЛ — магло дадаткова ўплываць і меркаванне аб тым, што арыгіналы «грамат» агульнадзяржаўнага значэння, зафіксаваныя вопісам 1570—1584 г., былі згублены («где находятся эти подлинныя грамоты, неизвестно...») [14, с. 8].

Выклікае ўвагу некаторая непазлядоўнасць поглядаў вучонага на аб'ект. Для перыяду XVI ст. «архіў ВКЛ» ён прадстаўляе па-іншаму. Так, у нарысе гісторыі Метрыкі ВКЛ да працы, закранаючы лёс арыгіналаў актаў агульнадзяржаўнага значэння, месцам іх захоўвання метрыкант называў «архіў вялікага князя літоўскага» або «архіў вялікага княства [Літоўскага]*». У заўвагах да сваіх сцвярджэнняў С. Л. Пташыцкі прадстаўляе такія дакументы, як акты агульнадзяржаўнага значэння («акты, относящиеся к в. княжеству литовскому вообще») [14, с. 271]. Месцам размяшчэння названага архіва пад 1501 г. і 1511 г. выступае скарб земскі ВКЛ спачатку ў Троках, пасля — у Вільні, дзе традыцыйна разам з іншымі дзяржаўнымі каштоўнасцямі захоўваліся найбольш важныя для вялікіх князёў літоўскіх дакументы. Само сваё сцвярджэнне С. Л. Пташыцкі, як вядома, будзе на падставе згадкі ў адной з кніг Метрыкі ВКЛ аб захоўванні ў 1501 г. аднаго з арыгіналаў акта ў Троках**. Пры гэтым у тым жа сховішчы ён быў схільны размясціць і завершаныя справаводствам кнігі Метрыкі ВКЛ [14, с. 4—5]. Такім чынам, «архівам вялікага княства [Літоўскага]» вучоны называе дакументы, якія ў пач. XVI ст. захоўваліся ў скарбе дзяржавы. Адначасова ў іншым месцы сваёй працы ў кантэксце падзей пазнейшага перыяду («да і пасля 1570 г.») аўтар ужо атаясамлівае «архіў вялікага княства [Літоўскага]» з Метрыкай ВКЛ, размяшчае арыгіналы актаў у «літоўскай метрыцы»***.

значення» (словы «литовская метрика», «архив канцелярии...») і «архив» ён ужываў як сінонімы)» [14, с. 3, V].

* «Когда великокняжеский архив был переведен из Трок (находился там на 1501 г. — А. Л.), неизвестно, но... к 1511 году находился он в Вильне»; «... в XVI столетии в архиве великого княжества сохранились такие акты, как присяги — Корибута, Василия Пинского, Свитригайлы и т. п. акты» (выделена мной. — А. Л.) [14, с. 3—5].

** Арыгінал пагаднення аб ваенным саюзе паміж Інфлянтамі і ВКЛ ад 21 чэрвеня 1501 г., Цэсіс [26, Р. 350, № 532].

*** «Документы, хранившиеся в литовской метрике до 1570, описаны после этого года неизвестным лицом. Два экземпляра этой описи находятся поныне в метрике. Из описи видно, что все документы были расположены в мешечках (saccus), помечены буквами и, по выделении *обцилитовских*, распределены по воеводствам. Где находятся эти *подлинныя грамоты*, неизвестно, отпуски некоторых из них можно и теперь отыскать в книгах метрики». «Кроме актовых книг в архиве метрики хранились еще *отдельныя подлинныя грамоты*...» і да т. п. (выделена мной. — А. Л.) [14, с. 8].

У сваіх развагах вучоны абапіраецца на вопіс актаў дзяржаўнага архіва ВКЛ 1570—1584 г. са складу кніг запісаў Метрыкі ВКЛ № 1 і 2. Як вядома, раздзел вопісу «Uniwersaly i [pospo]lite listy W(ielkiego) X(ięstwa) [Litewskiego]» фіксуе 14 арыгіналаў актаў агульнадзяржаўнага значэння 1386—1570 г., якія і пазначаны С. Л. Пташыцкім як агульналітоўскія. Дакументы захоўваліся ў мяшчочку-сакве № 1 (saccus № 1) [27, р. 23—25]. Сярод іх сапраўды прысутнічаюць названыя С. Л. Пташыцкім акты «присяги — Корибута, Василия Пинского, Свитригайлы и т. п. акты»*. Аднак трактаваць гэту крыніцу як вопіс «литовской метрики», як гэта робіць С. Л. Пташыцкі, не зусім правільна. Сведчанні захоўвання ў дадзены перыяд пералічанай вопісам масы дакументаў непасрэдна ў канцэлярыі ВКЛ або ўваходжання іх у склад Метрыкі ВКЛ адсутнічаюць. Відавочна, што перад намі вопіс дакументаў, якія павінны былі размяшчацца ў земскім скарбе ВКЛ, вопіс — два экзэмпляры, у форме асобных кніг якога былі ўключаны ў склад кніг запісаў Метрыкі ВКЛ**. Аднак, ужыты С. Л. Пташыцкім у дачыненні арыгіналаў актаў агульнадзяржаўнага значэння ВКЛ

* Bonie 1570—1584 г., парадкавая нумарацыя актаў зроблена аўтарам: 1) «1386.10.27. Oddanie wiernosci Basiliussa x(ięcia) pinskiego. 1386, Listy Basiliussa x(iążęcia) pinskiego, ktoremu Wladislawowi krolowi i Jadwidze, iego malzoncze croliowey, i Coronie Polskiej obiecuje i offiarue zupełną i wseliaką wiernosc chowacz i onych nigdy nie odstępowacz, ale ze wsytkiem powiatem i potemstwem szwym wiecznemi czassy mocznie stacz. Datum w Luczku, w wigilią s(więtych) Symona i Judy apostolow. Pod pieczęcią. Littera A»; 2) «1388. Wiernosc Corybutowa. 1388. Dymitr alias Corybut kx(iąże) litewski czyni [H]old naiassnieissemu kx(iążęciu) panu Wladislawowi crolowi polskiemu, bratu swemu milemu i naiassnieissey croliowey Jadwidze, malzoncze iego i ich potomkom, i Coronie Polskiej. Datum w Crakowie, w poniedzialek swięteczny. Pod pieczęcią. Littera D.»; 3) «1390.06. Swydrygal. 6898. Listy ruskiego pissma Swydrigala kx(iążęcia) litewskiego ku wyczytaniu trudne, pod datą roku oth stworzenia swiata, w miészacu czerwczu. Pod pieczęcią. Littera E»; або «1440.06.06. [Wi]ernosc Swidrygalowa. [1440. S]widrigal nawyssy wielki kx(iąże) Litewski obiecuje i offiarue pod wiarą i podcziwoscią bycz wiernym naiassnieissemu kx(iążęciu) Wladislawowi, z Bożey laski Crolowi Polskiemu i Ellectowi Kroliestwa Węgierskiego i iego bratu rodzonemu panu Cazimierzowi i wsytkiei Radzie Coronney Polskiej i Ruskiej. A nigdy niebycz przeciwko niem ani moczą ani slowem, uczynkiem, potężnoscią, ale onym zawsze sprawiedliwą i prawdziwą radę i possilek dodawacz, wedlie szwey moznosci, czo obeцуje dobrą wiarą i podcziwoscią wiernie zdzierzcz. Datum w Tlumaczu, w poniedzialek po octawie Swięta cziala Bozego. Littera C» [27, р. 23].

** Bonicam («inwentarz») «архіва ў форме арыгіналаў актаў (грамат), што захоўваўся ў земскім скарбе ВКЛ» («archiwum dyplomatyczne, przechowywane w skarbie ziemskim W. X. L.»), называў гэту крыніцу Я. Якубоўскі. Ён зрабіў выснову аб размяшчэнні дакументаў, ахопленых вопісам, на момант яго стварэння — у Варшаве, куды іх мог вывезці вялікі канцлер ВКЛ, а таксама вяртанні іх у скарб земскі ВКЛ у Вільні да 30 сакавіка 1584 г. (на падставе выкарыстання для стварэння вопісу польскай, а не «рускай» мовы, уласцівай гаспадарскай канцэлярыі ВКЛ таго часу). С. Купшэба і У. Сямковіч называлі дадзены вопіс («inwentarz») «вопісам Вялікакняскага Літоўскага Архіва» («Archiwum Wielkoksiążęcy Litewski»), датавалі яго 1570—1584 гг. [22, s. 3—4; 25, s. XVIII].

выраз «документы, хранившиеся в литовской метрике...» варта ўспрымаць крыптычна*. Адметны той факт, што ў заўвагах да ўласнага тэксту С. Л. Пташыцкі называе разгледжаны вопіс усё ж як «опись *литовского архива XVI ст., хранящуюся в метрике* отдела Зап(исей) А. № 1 и 2» (выдзелена мной. — А. Л.) [14, с. 271].

Як вядома, трактоўка зместу тэрміна «Літоўская метрыка», адлюстраваная ў працах даследчыка, рашучым чынам паўплывала на дарэвалюцыйную гістарыяграфію Расіі, а ў савецкай гістарычнай навуцы погляд на яе як на «дзяржаўны архіў ВКЛ» да сярэдзіны 80-х гг. XX ст. быў пануючым. На гэта, напрыклад, указвае пазіцыя рэдакцыі выдання *Метрыкі ВКЛ у сервіі «Русская историческая библиотека»*, у тым ліку І. І. Лапо (1869—1944)**. Г. Л. Харашкевіч (1931—2017) адзначала, што дадзеная пазіцыя падтрымлівалася М. Г. Беражковым,

* Крыптычна трэба ставіцца і да ўяўленняў С. Л. Пташыцкага аб канцэлярыі вялікіх князёў літоўскіх, якія грунтаваліся на вопісе 1570—1584 гг. Так, ён прыводзіў яго як доказ агульнадзяржаўнага характару велікакняжацкай канцэлярыі канца XIV — першай паловы XV ст.: «Литовские князья — Сигизмунд, Витовт, Свитригайло имели свои частные канцелярии и своих писарей. Что и в то время великокняжеская канцелярия имела *общий государственный характер*, доказывает тот факт, что в XVI столетии в архиве великого княжества сохранились такие акты, как присяги — Корибута, Василия Пинского, Свитригайлы и т. п. акты» (выдзелена мной. — А. Л.) [14, с. 3]. Трактоўку вопісу 1570—1584 гг. як вопісу актаў, што знаходзіліся ў XV ст. у «вялікакняжескай канцэлярыі», дае таксама М. К. Любаўскі (гл. ніжэй) [13, с. 387]. Вядома, што некалькі актаў прысяг князёў ВКЛ у вернасці польскаму каралю Уладыславу-Ягайле канца XIV — пачатку XV ст., якія фіксуе вопіс, у тым ліку тыя, да якіх апелюе С. Л. Пташыцкі («такіе акты, как присяги — Корибута, Василия Пинского...»), першапачаткова належалі не ВКЛ, а захоўваліся ў Архіве Скарбца Каралеўства Польскага ў Кракаўскім замку. Яны зафіксаваны ў вопісе М. Кромера 1551 г. Адметна, што аб ім, як і ў 1884 г., згадвае вучоны ў сваёй працы 1887 г. Названыя акты трапілі ў склад дзяржаўнага архіва ВКЛ толькі ў 1551—1584 гг. Для параўнання, апісанне пералічаных вышэй актаў з вопісу 1570—1584 гг. і з вопісу М. Кромера, 1551 г.: 1) «1386. Basilii ducis Pinensis homagium Wladislawo regi, Hedvigi reginae, ac regno Poloniae»; 2) «Homagium ducis Coributi regi et regno. Binae literae»; 3) «Demetrii Coributhi ducis fidelitas regi et regno Poloniae» [5, с. 455—456]. Гл. тое ж аб гісторыі захоўвання акта князя Сямёна Дзмітрыевіча Друцкага, 1401 г. [8, с. 116, 123]. Разам з тым карэнным чынам гэта не адмяняе высоў вучоных — існаванне іншых актаў агульнадзяржаўнага значэння канца XIV — першай паловы XV ст. як часткі дзяржаўнага архіва ВКЛ пацвярджае рээстр яго актаў ад 26 лістапада 1623 г. [12].

** У прадмове да т. XXX адзначана: «Книги Публичных дел Метрики Литовской, хранящиеся в Московском архиве Министерства юстиции, представляют собой собрание документов высокого государственного значения. Именно этот характер книг и послужил основанием для выделения их в особую группу по комиссией 1836 года, разбивавшей *государственный архив Великого Княжества Литовского*...»; «...*Государственный архив Великого Княжества Литовского* в эпоху значения последнего как государства не знал деления на существующие ныне отделы» (выдзелена мной. — А. Л.) [15, с. 1].

М. М. Улашчыкам, М. П. Кавальскім і інш. [18; 20, с. 11—12]. Погляд С. Л. Пташыцкага стварыў істотную навуковую праблему ў межах «метрыцьяны». Крытка яго мае асобную гістарыяграфію. Такім чынам, спецыфіка тэрміналогіі С. Л. Пташыцкага стала прычынай не зусім дакладнага ўяўлення аб самастойнасці комплексу арыгіналаў актаў адносна Метрыкі ВКЛ, садзейнічала маналізацыі значэння «дзяржаўны архіў ВКЛ» і негатыўна адбляса на станаўленні навуковай тэрміналогіі праблемы ў цэлым.

Тэрміналагічнае афармленне такой прыкметы актаў як «арыгінал» у працах С. Л. Пташыцкага з'яўляецца вельмі паказальным для дадзенага аспекта праблемы. У сваіх працах гісторык пазначаў гэта ў залежнасці ад мовы ўласнага тэксту — у адпаведнасці і з польскамоўнай, і з рускамоўнай дарэвалюцыйнай гістарыяграфічнай традыцыяй. На рускай мове — перадаваў прыкмету праз словы «подлинник», «подлинный грамотъ», «отдельные подлинныя документы» [14, с. 8, 55—58]. У польскамоўных тэкстах карыстаўся паняццямі «арыгінальны дакумент», «арыгінальны акт», «аўтэнтык / сапраўдны акт», («dokumenta oryginalne», «akt oryginalny», «autentyk») [28, s. 21, 22, 30]. У сваёй пазнейшай працы 1902 г. С. Л. Пташыцкі выкарыстоўвае тыя ж паняцці («autentyczne akty unii Litwy z Polską», «akty w oryginalach») [29]. Тэксты арыгіналаў («подлинных грамот»), занесеныя ў кнігі метрыкі, называў «отпуски» [28, s. 30; 14, с. 8].

Прыкмету агульнадзяржаўнага значэння арыгіналаў актаў гісторык перадаваў праз словы «агульналітоўскія дакументы», «тыя, што адносяцца да ўсяго вялікага княства літоўскага ў цэлым» («общелитовские документы», «относящиеся к в. княжеству литовскому вообще», «przywileje ogólno-litewskie»), адрозніваў іх ад актаў маёмасна-прававога характару на зямельныя ўладанні ў асобных ваяводствах, адлюстраваных у вопісе 1570—1584 гг. («документы, ... по выделении общелитовских, распределены по воеводствам») [14, с. 8, 271; 29].

У тэрміналагічнай сістэме С. Л. Пташыцкага на канец XIX ст. комплекс арыгіналаў актаў агульнадзяржаўнага значэння архіва ВКЛ выглядаў наступным чынам: «подлинныя общелитовские грамоты архива великого князя литовского / архива великого княжества литовского / архива канцелярии короля польского и великого князя литовского / архива литовской метрики».

У далейшым тэрміналагічным апарат С. Л. Пташыцкага ў дачыненні да аб'екта, што разглядаецца, эвалюцыяніраваў. У артыкуле, спецыяльна прысвечаным радзівлаўскай частцы комплексу арыгіналаў (1902) і справакаваным даследаваннямі М. К. Любаўскага, ён істотна развівае свае погляды на дадзены масіў дакументацыі і яго гістарычны лёс. Былы метрыкант фактычна прадстаўляе яго як самастойны не толькі адносна Метрыкі ВКЛ, але і адносна аналагічнага яму архіва Каралеўства Польскага. Ён адзначае факт захоўвання актаў у скарбе земскім на 1547 г., разам з тым абыходзіць пытанне суаднясення комплексу з «дзяржаўным архівам ВКЛ», абазначае гэты збор праз агульныя паняцці «прывілеі», «акты» і пералічэнне іх відаў [29]. Заслугоўвае ўвагі праца С. Л. Пташыцкага 1922 г. «Encyklopedia nauk pomocniczych historii i literatury polskiej». У

ёй комплекс арыгіналаў актаў агульнадзяржаўнага значэння архіва ВКЛ у выглядзе сваіх найважнейшых элементаў — актаў уніі і агульназемскіх прывілеяў («akta unji Litwy z Polska», «przywileje ogólno-litewskie»), фігуруе пад назвай «Агульны Літоўскі Архіў» («Litewskie Archiwum Ogólne»), пры гэтым яна змешчана ў якасці назвы структурнай часткі кнігі адпаведнага зместу [30, s. 212]. У тэксце С. Л. Пташыцкі адначасова выкарыстоўвае назвы «Літоўскі архіў», «літоўскі архіў», «дзяржаўны літоўскі архіў» («Litewski archiwum», «litewski archiwum», «państwowy archiwum litewski») [30, s. 215]. У кантэксце назваў архіваў Польшчы, прыведзеных у кнізе, слова «Літоўскі» ў цытаваных выпадках трэба разумець як «Вялікага Княства Літоўскага», г. зн. «Агульны Архіў Вялікага Княства Літоўскага», «архіў Вялікага Княства Літоўскага», «дзяржаўны архіў Вялікага Княства Літоўскага». Цытаваныя вышэй назвы прымяняюцца С. Л. Пташыцкім у дачыненні да комплексу арыгіналаў актаў агульнадзяржаўнага значэння, аднак яны ўжыты ў працы і ў дачыненні да ўсіх актаў, што захоўваліся ў пэўны перыяд у скарбе земскім ВКЛ, а таксама пры разглядзе вопісу актаў архіва 1570—1584 гт., які, як вядома, апісваў і дакументы маёмасна-прававога характару, г. зн. тэрэтычна дадзеныя абазначэнні распаўсюджваліся на ўсю сукупнасць актаў скарбу земскага ВКЛ, г. зн., як у працы 1887 г., аднак ужо без прывязкі да Метрыкі ВКЛ. С. Л. Пташыцкі таксама больш выразна ўказвае на верагоднасць арганічнай сувязі «дзяржаўнага архіва» са скарбам земскім на 1547 г., а не толькі «супадзення» месца яго захоўвання, г. зн., схільны атаясамліваць скарб земскі ВКЛ з архівам дзяржавы на 1547 г. Ён піша: «Да 1547 г. агульна-літоўскія прывілеі знаходзіліся ў «скарбе земскім», на сейме 1547 г. станы літоўскія прасілі караля «...абы прывілія и всякие листы на права и вольности даны... не в скарбе... земском были хованы, але на inom певном особливом местцу». А гэта значыць, мы бачым, што і на Літве было супадзенне месца, а можа і арганічнае злучэнне аж да таго года дзяржаўнага архіва са скарбцам («скарбам»)*. У тэрміналагічным значэнні важна таксама падкрэсліць правядзенне С. Л. Пташыцкім прамой аналогіі «скарба земскага» ВКЛ са «скарбцам» Каралеўства Польскага, г. зн. у яго разуменні карэктным было б ужыванне ў якасці аналага тэрміна «Архіў скарбца Каралеўства Польскага», тэрміна «Архіў скарбу земскага ВКЛ», але не «Архіў скарбца земскага ВКЛ».

Больш глыбокім разуменнем уласцівасцей аб'екта адрозніваюцца працы гісторыкаў, якія прадметна займаліся вывучэннем інстытутаў дзяржаўнай улады і права ВКЛ. Важнае месца сярод іх займае М. К. Любаўскі (1860—1936). Пад «дзяржаўным архівам ВКЛ» ён разумее менавіта сукупнасць арыгіналаў

* «Do roku 1547 przywileje ogólno-litewski znajdowały się w «skarbie siemskim», na sejmie r. 1547 stany litewskie prosiły króla, «aby przywileja i wsakije listy na prawa i wolnosti даны... nie w skarbie... ziemskom byli chowane, ale na inom певном особливом местцу». А więc widzimy, że i na Litwie było połączenie miejscowe, a może i organiczne, aż do tego roku archiwum państwowego ze skarbcem («skarbem»») [30, s. 212].

актаў агульнадзяржаўнага значэння — агульназемскія прывіліі, міждзяржаўныя пагадненні, а таксама закончаныя кнігі Метрыкі ВКЛ («кнігі Метрыкі ўже заполненыя записями»), якія пры гэтым захоўваліся ў земскім скарбе ВКЛ [13, с. 394—395, 519—520]. Згадку М. К. Любаўскага аб захоўванні арыгіналаў актаў непасрэдна ў велікакняжацкай канцэлярыі ў 1440—1466 гт. (раней за «вторую половину великокняжения Казимира») варта ўспрымаць крытычна, у кантэксце разважанняў даследчыка аб часе ўзнікнення саміх кніг Метрыкі ВКЛ*. Для акрэслення менавіта комплексу арыгіналаў вучоны пераважна прымяняў зборныя паняцці: «привилеи земские», «привилеи земские, выданные всему великому княжеству», «привилеи великого княжества», «общеземские привилеи»; «подлинники договоров с иностранными государствами», «грамоты, полученные от соседних государей»; «разные другие подлинные акты». Разам з тым у фармулёўцы аўтарскага погляду аб пераводзе ў 1547—1551 гт. агульназемскіх прывіліяў на захоўванне ў асобнае памяшканне ў скарбе земскім, ён прадстаўляе дадзены від дакументаў як аснову «дзяржаўнага архіва», фактычна атаясамлівае іх: «Государственный архив великого княжества таким образом обособился до известной степени от скарбовой кладовой, хотя окончательно и не порывал с нею связи. . .» [13, с. 520].

Варта заўважыць, што пад «дзяржаўным архівам» М. К. Любаўскі разумеў не толькі сукупнасць актаў акрэсленага характару. Дадзенае паняцце мела ў яго і іншы, «інстытуцыйнальны» змест — ён мог прымяняцца ў значэнні «земскі скарб ВКЛ». Яму вучоны адводзіў ролю «месца захоўвання дакументаў», «памяшкання (установы ?)», «архіва» для арыгіналаў актаў агульнадзяржаўнага значэння ВКЛ і завершаных кніг Метрыкі ВКЛ**.

* М. К. Любаўскі адзначаў: «Эти книги стали вестись настоящим образом только во второй половине великокняжения Казимира. До этого же времени в великокняжеской канцелярии хранились только некоторые *подлинные документы* и отдельные копии исходящих документов, а также краткие записи состоявшихся пожалований и судебных решений самого Казимира и панов рады. . .» (выдзелена мной. — *А.Л.*) [13, с. 387]. Вучоны засноўваў сваё меркаванне на інтэрпрэтацыі вопісу 1570—1584 гт. з кнігі запісаў № 1 і 2 Метрыкі ВКЛ, на фіксацыі ў ім арыгіналаў актаў канца XIV — першай паловы XV ст. Аднак у аснове сцвярджэння — толькі даты стварэння дакументаў, а не сам факт іх захоўвання ў велікакняжацкай канцэлярыі [13, с. 387, спасылка 290]. Як адзначалася вышэй, шэраг ранніх актаў прысягі князёў ВКЛ у вернасці Уладыславу-Ягайле першапачаткова захоўваўся ў Архіве Скарбца Каралеўства Польскага ў Кракаўскім замку і патрапіў у склад дзяржаўнага архіва ВКЛ толькі ў 1551—1584 гт. Гл. таксама крытыку М. Г. Беражковым прыведзеных сцвярджэнняў М. К. Любаўскага, заснаваных на ўяўленні аб ранніх кнігах Метрыкі ВКЛ як аб арыгіналах («подлинниках») [2, с. 11—12].

** М. К. Любаўскі адзначаў: «Кроме привилеев земских, в скарбе сохранились подлинники договоров с иностранными государствами, разные другие подлинные акты, а также и книги Метрыки, уже заполненыя записями»; «Для этой [государственной] канцелярии скарб был архивом, в котором хранились ся документы и книги. До 1547 г. в скарбе

Метрыку ВКЛ вучоны трактаваў, у цэлым, згодна з поглядамі С. Л. Пташыцкага ў дачыненні да яе стану ў XVI ст., як архіў дзяржаўнай канцэлярыі Вялікага Княства Літоўскага. Яна, у сваю чаргу, адпаведна з арганізацыяй органаў дзяржаўнай улады знаходзілася пры гаспадары і панах-радзе [13, с. 386—387]. Акрамя «гістарыяграфічнай» назвы «Літоўская метрыка» (у М. К. Любаўскага — «Литовская Метрика»), ён прымяняў у дачыненні да яе назву «Метрика великого княжества Литовского» [13, с. 387]. Разам з тым, у пазнейшых працах гісторыка можна заўважыць ужыванне характарыстыкі «дзяржаўны архіў» менавіта да Метрыкі ВКЛ — у наследаванні «Литовско-русский сейм» гэта назіраецца рэдка, у адрозненне ад такой трактоўкі комплексу арыгіналаў актаў [13, с. 296, 384—396]. Так, у працы «Очерк истории Литовско-Русского государства» (1910) сцвярджаецца: «...книги государственной канцелярии, из которых и составлялась так называемая метрика великого княжества Литовского, т. е. *государственный архив* (выдзелена мной. — А. Л.)» [цѣт. па: 2, с. 154]. Тым не менш, гэта пазіцыя гісторыка дэманструе выразны дысананс з пануючым тады поглядам С. Л. Пташыцкага на комплекс арыгіналаў як на частку Метрыкі ВКЛ: згодна з уяўленнямі М. К. Любаўскага гэта — «кнігі дзяржаўнай канцэлярыі».

Такім чынам, у разуменні аб'екта М. К. Любаўскім выразна дэманструецца неразрыўная сувязь зямскага скарбу ВКЛ і комплексу арыгіналаў актаў агульнадзяржаўнага значэння, а таксама функцыя першага як архіва ў дачыненні да другога, г. зн. месца, дзе меліся ўмовы для доўгатэрміновага захоўвання дакументаў. Разам з тым прыведзеныя цытаты, а таксама і агульны змест наследаванняў М. К. Любаўскага дазваляюць выказаць меркаванне, што пад назвай «дзяржаўны архіў Вялікага Княства [Літоўскага]», рус. — «государственный архив великого княжества [Литовского]» вучоны быў схільны разумець сукупнасць двух комплексаў: 1) комплекс арыгіналаў актаў агульнадзяржаўнага значэння ВКЛ як збор дакументацыі акрэсленага характару; 2) Метрыка ВКЛ у форме кнігі дзяржаўнай канцэлярыі. У дачыненні да першага з іх дадзенае паняцце ўжываецца больш акцэнтавана.

Такую прыкмету актаў, што знаходзіліся ў скарбе як «арыгінал», М. К. Любаўскі падкрэсліваў выразна і перадаваў праз словы «сапраўдны акт» («подлинник»): «подлинныя документъ»; «подлинники договоров с иностранными государствами»; «разные другие подлинныя акты»; «грамоты, полученные от соседних государей» [13, с. 394—395, 519—520]. Рускамоўнае паняцце «подлиннику», якое прымянялася С. Л. Пташыцкім і М. К. Любаўскім у дачыненні да актаў комплексу, што вывучаецца, заклалі традыцыйно яго выкарыстання ў савецкім і расійскім дакументазнаўстве і, як падаецца, аказалі і працягва-

сохранялись привилеи земские, выданные всему великому княжеству»; «Из формулы присяги, которую приносил подскарбий земский, узнаем затем, что скарб был не только государственным архивом, но и хранилищем государственных регалий, «клейнотов и оздоб» великого княжества» [13, с. 394, 395, 519].

ноць аказваць расшчы ўплыў на сучасную беларускую тэрміналогію тэмы («сапраўдныя акты дзяржаўнага архіва ВКЛ»), а таксама на дзеючую тэрміналогію дакументазнаўства, справаводства і архіўнай справы, канкурыруючы з паняццямі лацінскага паходжання «арыгінал» і «аўтэнтык», пануючымі ў заходнеўрапейскай навуцы [16; 19].

Адметным у сэнсе тэрміналогіі, што прымянялася ў дарэвалюцыйнай Расіі ў дачыненні да архіўнай спадчыны ВКЛ і Каралеўства Польскага, з'яўляецца вопіс актаў МГАМЗС, выдадзены ў 1914 г. І. С. Рабінным [17]. Як вядома, склад архіва і яго папярэдніка — Калегіі замежных спраў — неаднаразова папаўняўся дакументамі Каралеўства Польскага і ВКЛ, вывезенымі з тэрыторыі Рэчы Паспалітай у Санкт-Пецярбург у 1794 г.: у 1798 г., 1828 г., 1888 г. Пасля перамяшчэння актаў «Літоўскай Метрыкі» з архіва 3-га Дэпартаменту Сенаата ў Маскву, у 1888 г. у МГАМЗС была перададзена дакументацыя пераважна перыяду кіравання Станіслава Аўгуста Панятоўскага. Адначасова ў падвядомаснае яму т. зв. «Древлехранилище» былі змешчаны арыгіналы актаў з былога Архіва Скарбца Каралеўства Польскага ў Кракаве (пазней — Архіва Каралеўства Польскага ў Варшаве). Выдадзены ў 1914 г. вопіс ахопліваў першы са згаданых комплексаў. Аўтар прадмовы да выдання (не пазначаны, верагодна, сам І. С. Рабін) у дачыненні да архіваў, вывезеных з Варшавы ў 1794 г., прымяняў паняцце «дзяржаўны архіў Рэчы Паспалітай», «польскі дзяржаўны Архіў», «дзяржаўны Архіў Польшчы» («государственный Архив Речи Посполитой», «польский государственный Архив», «государственный Архив Польши»). З кантэксту вынікае, што ў яго змест уключаліся як Метрыка Каралеўства Польскага або «Каронная Метрыка», так і Метрыка ВКЛ («Літоўская Метрыка») [17, с. III—VIII]. У разуменні аўтара прадмовы ў змест названага паняцця нельга, аднак, было ўключаць дакументы асабістай канцэлярыі Станіслава Аўгуста Панятоўскага, акты паўстання пад кіраўніцтвам Т. Касцюшкі і іншыя дакументы акрэсленага перыяду*. Акты дзейнасці створаных у 2-й палове XVIII ст. дзяржаўных устаноў — Пастаяннай Рады (Rada Nieustająca), Адукацыйнай Камісіі (Komisja Edukacyjna), Вярхоўнай Нацыянальнай Рады (Rada Najwyższa Narodowa) і інш., — называў «архівамі асобных устаноў XVIII ст.» [17, с. VIII]. Разам з тым у выданні ўтрымліваюцца сведчанні, якія ўказваюць на схільнасць да трактавання вышэйшымі кіруючымі коламі Расіі другой паловы XIX ст. усёй расійскай часткі дакументальнай спадчыны Рэчы Паспалітай выключна як «метрык Польшчы і ВКЛ»**. Выданне таксама свед-

* «В том же 1828 г. в Московский Главный Архив переданы были документы, которые не могли входить в 1794 г. в состав государственного Архива Польши, как то кабинетные бумаги Станислава-Августа Понятовского, бумаги относящиеся к возманию Косцюшки и др.» [17, с. VI].

** Аўтар згадвае аб абмеркаванні ў Дзяржаўнай Радзе Расіі ў 1870-я гг. праекта стварэння пры ІПБ адзінага сховішча для вывезеных з Польшчы архіваў, дзе, між іншым, адзначае: «...Возник проект объединения при последней [Императорской Публичной Би-

чыць, што на пачатку ХХ ст. у разуменні супрацоўнікаў аднаго з галоўных архіваў Расіі арыгіналы актаў агульнадзяржаўнага значэння, якія патрапілі ў Расію разам з «іншымі часткамі дзяржаўнага архіва Рэчы Паспалітай», разглядаліся выключна як частка «метрыкі»*.

Асобна аўтар прадмовы вылучаў назву «Архіў Царства Польскага». Праз яе ён акрэсліваў масіў дакументацыі, які быў сканцэнтраваны да пачатку ХХ ст. у МГАМЗС: 1) дакументацыя перыяду кіравання Станіслава Аўгуста Панятоўскага і часу яго жыцця пасля адрачэння ад трону, у т. л. дакументы Станіслава Аўгуста Панятоўскага, акты паўстання пад кіраўніцтвам Т. Касцюшкі, акты Пастаяннай Рады, Адукацыйнай Камісіі, Вярхоўнай Нацыянальнай Рады, Камісіі Паліцыі Абодвух Народаў і да т. п., разрозненыя дакументы XII—XVIII стст. (склад дакументаў гэтай часткі раскрывае само выданне); 2) дакументы па гісторыі знешніх стасункаў Каралеўства Польскага, ВКЛ і Рэчы Паспалітай (пасольскія кнігі, іншыя дакументы па гісторыі адносін з Расіяй і іншымі дзяржавамі XIV—XVIII стст.). Комплекс арыгіналаў актаў («збор»), сканцэнтраваны ў сховішчы пад назвай «Древлехранище», у змест паняцця «Архіў Царства Польскага» не ўваходзіў**. Адметна, што для абазначэння прыкметы арыгінала аўтар выдання як сінонімамі карыстаецца абодвума паняццямі — «сапраўдны акт», «арыгінал» («подлинник», «оригинал») [17, с. VI, VII].

Такім чынам, у дарэвалюцыйны перыяд развіцця расійскай гістарычнай навукі погляд на арыгіналы актаў агульнадзяржаўнага значэння архіва ВКЛ як на асобны, самастойны комплекс у яго архівазнаўчым значэнні канчаткова не сфарміраваўся. Дадзены збор дакументаў абазначаўся праз пералік агульных паняццяў — прывілеі, акты, граматы і да т. п. з указаннем на іх тэматычную і відавую разнастайнасць, прыкмету арыгінала (пераважна праз паняцце — «подлинник») і агульнадзяржаўнае значэнне («сношения с сопредельными и отдельными государствами, грамоты и иные разного рода дипломы, трактаты и другие тому подобные письменные памятники внутренних и внешних государст-

лиотеке в Санкт-Петербурге] всех перешедших к России частей польского государственного Архива посредством основания особого «*Метрического Польско-Литовского Архива*» (выделена мной. — А. Л.) [17, с. VI]. Там жа гл. іншыя даныя па гісторыі Метрыкі ВКЛ у канцы XVIII — першай палове XIX ст., мала прадстаўлення ў гістарыяграфіі метрыцыяны.

* «В результате Сенатская Метрика передана была в 1887 г. в Московский Архив Министерства Юстиции, а часть ее, признанная имеющей не юридическое, а политическое значение, и заключающая древние акты ливонские, литовские (в том числе подлинный акт Люблинской унии), польские, акты Русского, Белзского, Люблинского и Сандомирского воеводств, Освенцимского и Заторского княжеств — в состоящее при Моск. Главном Архиве Министерства Иностранных Дел Государственное Древлехранилище» (выделена мной. — А. Л.) [17, с. VI].

** «Таким образом в Московском Архиве М. И. Д. в настоящее время хранится: во-первых, собрание упомянутых выше древних актов, отнесенных к Древлехранилищу, и, во-вторых, «Архив Царства Польского»...» [17, с. VI].

венных дел»; «привилеи ВКЛ»; «земские привилеи»; «общеземские привилеи»; «подлинники договоров с иностранными государствами», «грамоты, полученные от соседних государей»; «akta unii Litwy z Polska», «przywileje litewskie», «przywileje ogólno-litewskie» і г. д.). Разам з тым у дадзенай форме прасочваюцца рысы зборнага паняцця — пэўнай сукупнасці актаў, назіраецца выразнае імкненне да перадачы такім шляхам значэння пэўнай цэласнасці збору, што разглядаецца. Месцам канцэнтравання актаў выступалі: «архіў вялікага князя літоўскага» (да пач. XVI ст.), «архіў Вялікага Княства Літоўскага», «дзяржаўны архіў ВКЛ». Сэнс, які ўкладаўся ў гэтыя назвы, у розных даследчыкаў меў адрозненні. Найбольш выразным і распаўсюджаным стаў падыход, згодна з якім назва «дзяржаўны архіў ВКЛ» замацавалася за Метрыкай ВКЛ («Літоўскай метрыкай»), а арыгіналы актаў разглядаліся як яе частка, што ўтварала ў межах адпаведнага фонду аддзел «Старажытных актаў» або ўвогуле не мела прыкмет сукупнасці («асобныя акты»). Найбольш выразна дадзены погляд быў сфармуляваны ў працы С. Л. Пташыцкага «Описание книг и актов Литовской метрики» (1887). Ён засноўваўся на класіфікацыйных падыходах расійскіх чыноўнікаў і архіварыгусаў да дакументацыі Рэчы Паспалітай Абодвух народаў, вывезенай з Варшавы і Вільні ў 1794 г. Згодна з нашымі папярэднімі назіраннямі, такія, не зусім абгрунтаваныя ўяўленні аб комплексе арыгіналаў актаў агульнадзяржаўнага значэння архіва ВКЛ, а таксама заснаваныя на іх тэрміналагічныя рашэнні, былі часткова ўспрыняты савецкай гістарыяграфіяй метрыцыяны і панавалі да сярэдзіны 80-х гг. XX ст.

Крыніцы і літаратура

1. Archiwum Główny Akt Dawnych. — Archiwum Radziwiłłów, t. zw. Warszawski. — Dział II, Dokumenty historyczne. — Sygn. 2460, Regestr Pact, Hramot, Correspondentyi [...]. 1729.06.01. Oryginał, kopii. — 22 s.
2. Бережков, Н. Г. Литовская метрика как исторический источник / Н. Г. Бережков. — Москва; Ленинград: Издательство АН СССР, 1946. — Ч. 1: О первоначальном составе книг Литовской метрики по 1522 год. — 178 с.
3. Галенчанка, Г. Я. Метрыка Вялікага Княства Літоўскага: гісторыя, даследаванні, выданні (кароткі нарыс) / Г. Я. Галенчанка. — Мінск: БелНДЦДАС, 2014. — 88 с.
4. Грамоты и регесты из собрания «древних актов» писанных на пергаменте на литовско-русском, латинском, нижне-германском, старо-чешском и польском языках / сост. Л. М. Зельверович / Людвик Максимилианович Зельверович. — С.-Птб.: Тип. Поставщика Двора ЕИВ, 1883. — Т. I: Акты Литовские 1487—1589. — 118 с.
5. Книга посольская Метрики Великого Княжества Литовского, содержащая в себе дипломатические сношения Литвы в государство короля Сигизмунда-Августа (с 1545 по 1572 год). Издана, по поручению Императорского московского общества истории и древностей российских, кн. М. Оболенским и проф. И. Даниловичем. — Москва: Университетская типография, 1843. — XX, 428 с.
6. Лагушкін, А. М. Аб гісторыі ўключэння грамаці і актаў дзяржаўнага архіва Вялікага Княства Літоўскага ў склад архіва Нясвіжскай ардынацыі князёў Радзівілаў у другой палове XVII ст. / А. М. Лагушкін // Беларускі археаграфічны штогоднік. — Вып. 16. — Мінск: БелНДЦДАС, 2015. — С. 292—309.

7. Латушкін, А. М. Аднаўленне целаснасці комплексу арыгіналаў дзяржаўна-прававых актаў канца XIV — пачатку XVII ст. архіва Вялікага Княства Літоўскага: пастаноўка праблемы / А. М. Латушкін // Журнал Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Гісторыя. — 2017. — № 4. — С. 98—107.
8. Латушкін, А. М. Акты XV ст. з дзяржаўнага архіва Вялікага Княства Літоўскага ў калекцыі расійскага археографа П. А. Муханова (1797—1871) / А. М. Латушкін // Беларускі археографічны штогоднік. — Вып. 18. — Мінск: БелНДДАС, 2017. — С. 114—127.
9. Латушкін, А. М. Лёс радзівілаўскай часткі архіва Вялікага Княства Літоўскага (1685—1946 гг.) / А. М. Латушкін // Беларускі гістарычны часопіс. — 2018. — № 10. — С. 3—15.
10. Латушкін, А. М. Феномен захоўвання актаў дзяржаўнага архіва Вялікага Княства Літоўскага ў прыватных зборах кіруючай эліты / А. М. Латушкін // Беларускі гістарычны часопіс. — 2018. — № 7. — С. 29—40.
11. Латушкін, А. М. Акт перамер'я паміж Расійскай дзяржавай і Вялікім Княствам Літоўскім 1556 г. з Расійскай нацыянальнай бібліятэкі: пытанні правеніенцы / А. М. Латушкін // Актуальныя праблемы істочніковедзення: матэрыялы IV Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі к 420-летню даравання гораду Віцебску магдэбургскаго права, Віцебск, 20—21 апреля 2017 г. / Віцеб. гос. ун-т; рэдкал.: А. Н. Дулов і М. Ф. Румянцова (отв. ред. [и др.]. — Віцебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2017. — С. 160—163.
12. Латушкін, А. М. Рэстр дзяржаўнага архіва Вялікага Княства Літоўскага ад 26 лістапада 1623 г. і яго значэнне для рэканструкцыі складу комплексу арыгіналаў актаў кан. XIV — пач. XVII стст. / А. М. Латушкін // Беларускі археографічны штогоднік. — Вып. 18. — Мінск: БелНДДАС, 2017. — С. 247—264.
13. Любавский, М. К. Литовско-русский сейм. Опыт по истории учреждения в связи с внутренним строем и внешнею жизнью государства. — Москва: Императорское общество истории и древностей российских при Московском университете, 1901.
14. Пташицкий, С. Л. Описание книг и актов Литовской метрики / С. Л. Пташицкий. — СПб.: Тип. Правительствующаго Сената, 1887. — VIII, 279 с.
15. Русская историческая библиотека. Т. XXX: Отделы 1—2. — Ч. 3: Книги публичных дел, т. 1 / [редактор И. И. Лаппо]. — Юрьев, 1914. — IV, 74 с., 895 стб.
16. Рыбакоў, А. Я. Арганізацыя дзяржаўнага архіва Вялікага княства Літоўскага ў канцы XV — XVII ст. / А. Я. Рыбакоў // Архівы і справаводства. — 1999. — № 2. — С. 70—76.
17. Рябинин, И. С. Архив Царства Польского / описал И. С. Рябинин; Московский Главный архив Министерства иностранных дел; Комиссия печатания государственных грамот и договоров. — Москва: Типография Г. Лисснера и Д. Собко, 1914. — Т. I. — Ч. 1: Внутренние дела Польши. — VIII, 241 [1] с.
18. Светенко, А. С., Хорошкевич, А. Л., Рецензия: П. Кеннеди Гримстед при участии И. Сулковской-Курасевой. «Литовская метрика» в Москве и Варшаве: Реконструкция архива Великого княжества Литовского. С включением аннотированного издания «Описания» 1887 г., составленного С. Л. Пташицким. Кембридж, Массачусетс, 1984, XVI, 73, 279, А 110. Издано совместно с Институтом истории РАН / А. С. Светенко, А. Л. Хорошкевич // Советские архивы. — 1986. — № 2. — С. 86—88.
19. СТБ 2059-2013 «Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения». — Минск, 2013. — 20 с.

20. Хорошкевич, А. Л. Литовская метрика, состав и пути формирования / Анна Леонидовна Хорошкевич // Исследования по истории Литовской Метрики / Академия наук СССР; Институт истории СССР. — Москва: Институт истории СССР, 1989. — С. 11—31.
21. Antanavičius, D. Originalių lietuvis matricos XVI a. knygu sąrašas / D. Antanavičius // Istorijos šaltinių tyrimai. / sudarė A. Dubonis. — T. 4. — Vilnius: Leidykla, 2012. — S. 157—186.
22. Jakubowski, J. Archiwum Państwowe W. X. Litewskiego i jego losy // Archeion. — 1931. — T. 9. — S. 1—18.
23. Jankowska, J. O tak zwanej Metryce Litewskiej / Jadwiga Jankowska // Archeion. — 1960. — T. XXXII. — S. 31—56.
24. Kennedy Grimsted, P. Czym jest i czym była Metryka Litewska? (Stan obecny i perspektywy odtworzenia zawartości archiwum kancelaryjnego Wielkiego Księstwa Litewskiego) / Patricia Kennedy Grimsted // Kwartalnik Historyczny. — 1985. — R. 92. — T. 1. — S. 55—83.
25. [Kutrzeba, S.] Wstęp / S. Kutrzeba. W. Semkowicz // Akta unji Polski z Litwą 1385—1791. — Kraków, 1932. — S. VII—XLI.
26. Lietuvos Metrika. = Lithuanian Metrica = Metryka Litewska = Литовская Метрика: Kn. 5 (1427—1506). Užrašymų knyga 5. — Vilnius, 2012.
27. Lietuvos Metrika. = Lithuanian Metrica = Metryka Litewska = Литовская Метрика: Kn. 1 (1380—1584). Užrašymų knyga 1 / Lietuvos istorijos inst.; Parengė A. Baliulis ir R. Firkovičius. — Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidybos institutas, 1998. — 207 p.
28. Ptaszycki, S. Cesarska Biblioteka Publiczna i Metryka Litewska w Petersburgu / S. Ptaszycki. — Kraków: Druk. A. Kozańskiego, 1884. — 34 s.
29. Ptaszycki, S. Gdzie się przechowywały i przechowują obecnie akta unii Litwy z Polską? // Kwartalnik historyczny. 1902. Rocznik 16, zeszyt 1. — S. 589—591.
30. Ptaszycki, S. Encyklopedia nauk pomocniczych historii i literatury polskiej / S. Ptaszycki. — Lublin, 1922. — Cz. 1. — Wyd. 2.
31. Volumina legume. — Petersburg: Jozafat Ohryzko, 1859—1860. — T. 2: ab ab anno 1550—ad annum 1609. 1859. — 482., XIII s.

Артыкул наступіў у рэдакцыю 11.09.2019

*В. С. Іванова,
даірынт кафедры крыніцазнаўства гістарычнага факультэта
Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта,
кандыдат гістарычных навук;
e-mail: ivanova.volga.s@gmail.com*

ПАДХОДЫ ДА ДАСЛЕДАВАННЯ ГІСТОРЫІ І ШТОДЗЁННАСЦІ БЕЛАРУСКАЙ ВЁСКІ (НА ПРЫКЛАДЗЕ ПАЛЕСКАЙ ВЁСКІ ЛІПЛЯНЫ)

Яшчэ ў канцы 1990-х гг. беларускі гісторык Вячаслаў Насевіч адзначаў, што веданне кожным прадстаўніком грамадства свайго паходжання на глыбіню хаця б некалькіх пакаленняў паступова становіцца неад'емнай часткай сучаснага ўяўлення пра тое, што значыць «ведаць гісторыю», а прынцыповая адмова ад падзелу гістарычных з'яў на значныя і нязначныя набліжае яе да маштабу чалавечай асобы [1, с. 134]. На той час такая заява была скіравана хутчэй на будучыню, сёння ж яна паўстае ўжо як рэчаіснасць.

Актуальныя патрэбы грамадства скіраваны на пошукі не проста чалавечага вымярэння гісторыі, але вымярэння асабістага, у якім так ці інакш прысутнічае «я» канкрэтнага чалавека. Гэтая прысутнасць прарастае праз гісторыю сям'і, роду, вёскі, мясцовасці, рэгіёна ці нават нацыі. Адбываецца пошук уласнай ідэнтычнасці і выпрацоўка новых механізмаў перадачы памяці, якія былі моцна парушаны ў XX ст. Письмовая гісторыя становіцца адной з формаў стварэння такіх механізмаў.

Як аб'ект даследавання вёска Ліпляны Лельчыцкага раёна мае шэраг характарыстык [2]. Палескі рэгіён нездарма і сёння прываблівае вялікую колькасць даследчыкаў розных накірункаў, якія спрабуюць зафіксаваць рэлікты найбольш архаічных праяўленняў культуры, захаваных у лакальнаадасобленых супольнасцях. Вёска знаходзіцца ў т. зв. Убарцкім Палессі — памежжы Мазырскага і Турава-Пінскага рэгіёнаў. Але гістарычна і культурна яна мае больш сувязей з Украінскай Жытоміршчынай, чым з Туравам, Пінскам ці нават Радзілавічамі (цяперашні Дзяржынск, Лельчыцкі р-н), што ляжаць у васьмідзесяці кіламетрах на захад ад Лельчыц. Да асноўных фактараў, што фарміруюць ментальнасць і гаспадарчыя стратэгіі жыхароў вёскі, можна аднесці: наяўнасць р. Убарць, балот, а таксама блізкасць да раённага цэнтра, былога мястэчка Лельчыцы. Вёска цалкам праваслаўная. Ліпляны ўжо да вайны сталі часткай савецкай сістэмы, там нашмат раней пачаліся сацыялістычныя пераўтварэнні, чым у Заходняй Беларусі. Гэты рэгіён вельмі моцна пацярпеў падчас вайны.

Для даследавання гісторыі і штодзённасці вёскі Ліпляны быў абраны як асноўны — вуснагістарычны метада, які, як вядома, пачынаецца са стварэння ўласна крыніц. У 2004 г. колькасць жыхароў вёскі Ліпляны складала 740 чалавек. У 2018 г. былі запісаны аповеды 22 жыхароў і ўраджэнцаў вёскі, агульнай працягласцю каля 40 гадзін. Сярод рэспандэнтаў: 15 жанчын і 7 мужчын, усё

праваслаўнага веравызнання (толькі ў трох продкі — католікі). Ва ўспамінах прадстаўлена эвалюцыя памяці на працягу трох пакаленняў: 9 чалавек — 1920—1930-х гг. нараджэння, 12 — 1940—1950-х гг., 1 — 1980-х гг. Як бачна, ключавой групай апытаных сталі прадстаўнікі пасляваеннага пакалення. Але яшчэ дзесяцігоддзе таму гэта маглі б быць рэспандэнты, народжаныя ў 1920—1930-х гг. [14, с. 225—227], у памяці якіх адклаліся больш раннія падзеі гісторыі вёскі. Сёння ж рэканструяваць на падставе ўспамінаў гісторыю міжваеннага перыяду можна ўжо толькі фрагментарна, засноўваючыся пераважна на постпамяці. А найбольш поўна адностроўваецца тут пасляваенная штодзённасць вёскі. Цікава, што ключавой падзеяй у памяці ліплянцаў як для непасрэдных сведак падзей, так і для прадстаўнікоў пасляваеннага пакалення з’яўляецца Другая сусветная вайна.

Значны ўплыў на апісанне і ацэнку падзей мелі адукацыя і сацыяльны статус суразмоўцаў. 10 з іх маюць толькі пачатковую ці сярэдняю адукацыю і працавалі ў калгасе ці на цагляным заводзе. 4 рэспандэнты атрымалі адукацыю настаўнікаў, 1 — бібліятэкара, двое з іх займалі пазней кіруючыя пасады ў Лельчыцах, трое — усё жыццё прапрацавалі ў Ліплянах. Таксама сярод рэспандэнтаў ёсць два былыя міліцыянеры і два кандыдаты тэхнічных навук, выкладчыкі мінскіх вышэйшых навучальных устаноў. Таму тут выразна вылучаюцца дзве асноўныя супольнасці: сяляне (калгаснікі і працаўнікі цагельні) і інтэлігенцыя (пераважна настаўнікі), — кожная з якіх рэпрэзентуе ў сваіх успамінах розныя пласты вясковай рэчаіснасці.

Вёска з’яўляецца геаграфічна неамагеннай і падзяляецца на пасёлкі: Малое сяло, Вялікае сяло, Вялікае поле, Пасёлак. Часта падзеі на адным з пасёлкаў былі невядомыя жыхарам іншых, таму падзел рэспандэнтаў па тэрытарыяльных падгрупах ёсць тут даволі актуальны. Напрыклад, на Пасёлку жылі пераважна настаўнікі і кіраўнікі гаспадаркі, найбольш архаічная і тэрытарыяльна адасобленая частка вёскі — гэта Малое сяло.

Даволі шырокую разнастайнасць мела мова праведзеных інтэрв’ю. Для ўраджэнцаў вёскі, якія ўжо не жывуць у ёй, яна пераважна руская. Для прадстаўнікоў мясцовай інтэлігенцыі — руска-беларуская, для іншых жыхароў вёскі — усходнепалеская гаворка з лакальнымі мясцовымі асаблівасцямі.

Вусныя крыніцы для гісторыі в. Ліпляны хаця і далі ґрунтоўны матэрыял па пасляваеннай штодзённасці, але пакінулі шмат пытанняў аб вытоках культуры і ментальнасці, гісторыі сацыяльных трансфармацый XIX — першай паловы XX ст., больш старажытнай гісторыі з часоў Сярэднявечча і стаўленні вясцоўцаў да гэтых працэсаў. Асаблівасць сабраных успамінаў вымусіла да пошуку іншых метадаў і крыніц даследавання праз наступовае рэтраспектыўнае пагружэнне ў яе гісторыю, прастору і ментальнасць.

Навуковае даследаванне гісторыі, побыту і традыцый беларускіх вёсак пачалося з другой паловы XIX ст. і рабілася пераважна праз этнаграфічныя і статыстычныя апісанні. У цэнтры ўвагі былі адносіны да таго боку жыцця

людзей, які з'яўляецца паўтаральным, традыцыйным ці шырока распаўсюджаным. Хаця выпадковасць, падзейнасць і асабістасць выпадала з поля зроку тагачасных этнографў, гэтыя крыніцы маюць значную вартасць для вывучэння вобразу і побыту вёскі ў агульным кантэксце штодзённасці пэўнага рэгіёна [3].

Лакальнасць і асабістасць стала даследавацца ў 1920-х гг., калі сябры Краязнаўчага таварыства пры Беларускам дзяржаўным універсітэце зрабілі некалькі дзясяткаў апісанняў беларускіх вёсак, некаторыя з якіх знаходзіліся і ў Лельчыцкім раёне [4]. Ацэнкі і ўражанні ад іх наведвання мы маем дзякуючы нататкам гісторыка Мікалая Улашчыка [5]. Яны ствараюць вобраз гэтай мясцовасці міжваенных гадоў. Менавіта ў гэты час М. Улашчык, абапіраючыся на тагачаснае наватарскае лакальна-антрапалагічнае даследаванне адной з расійскіх вёсак [6], задумаў і сваю знакамітую Віцкаўшчыну [7]. Больш падрабязнае этналінгвістычнае і мікрапанімічнае вывучэнне рэгіёна бярэ свой пачатак у 1980-я гг. і працягваецца да нашага часу [8]. Так, у 2006 і 2011 гг. гэтыя мясціны наведвалі этнаграфічныя экспедыцыі вядомых беларускіх даследчыкаў Вольгі Лабачэўскай і Таццяны Валодзінай.

У канцы 1970-х гг. у прадмове да гісторыі вёскі Віцкаўшчына Мікалай Улашчык фактычна абвясціў праграму развіцця лакальнай гісторыі Беларусі: *«аб'ектам даследавання мае права быць кожны населены пункт, і вельмі ішкда, што гісторыі вёсак і невялікіх паселішчаў у нас наогул няма. Без вывучэння гісторыі гарадоў, вёсак, хутароў немагчыма і глыбокае веданне гісторыі краіны»*. Гісторыя кожнага населенага пункта абвясчалася значнай і годнай навуковага даследавання [7, с. 21—22]. Яе стварэнне было скіравана на запаўненне лакун памяці, што ўтварыліся ў макрагістарычным дыскурсе, а таксама на пабудову ўласнай ідэнтычнасці і ідэнтычнасці супольнасці, якая праз асобных сваіх членаў заяўляла аб праве пакінуць свой след у гісторыі.

За апошнія трыццацігоддзе было распрацавана некалькі сотняў, калі не тысяч, гісторый рэгіёнаў, гарадоў, мястэчак і вёсак, ад серыі кніг «Памяць» да ратапрынтных выданняў з мінімальным накладам і артыкулаў. Убарцкаму Палессю тут значна пашанцавала, бо акрамя кнігі «Памяць» па Лельчыцкім раёне ў 2001 г. з'явілася фундаментальная праца Анатоля Атнагулава, якая з'яўляецца зборнікам крыніц і даследаванняў па гісторыі рэгіёна [9].

У цэнтры такіх лакальных гісторый заўсёды стаіць постаць аўтара, які адчувае неабходнасць іх з'яўлення, бярэ адказнасць за збор і інтэрпрэтацыю даных у даступных яму ракурсах і метадыках, а часам, як, напрыклад, Улашчык у сваёй Віцкаўшчыне фактычна становіцца галоўным героем кнігі. Пераважная большасць аўтараў, нават многія навукоўцы, дэкларуюць стварэнне лакальных гісторый у навукова-папулярным ці нават папулярным фармаце, верагодна, імкнучыся да максімальнага пашырэння чытацкай аўдыторыі. Тым не менш, апошнім часам відавочнай з'яўляецца і тэндэнцыя да прафесіяналізацыі лакальных даследаванняў з дапамогай здабыткаў розных навуковых дысцыплін: археалогіі, этнаграфіі, вуснай гісторыі, архіўнай эўрыстыкі, генеалогіі, мова-

знаўства і інш. Краязнаўцы ці мясцовыя супольнасці ўсё больш карыстаюцца паслугамі прафесійных даследчыкаў. З аднаго боку, гэта дае магчымасці для стварэння больш якасных з метадалагічнага пункта гледжання прац, з іншага, даследчыку-чужынцу патрабуецца даволі працяглы час для пагрузэння ў прас-тору вёскі, і ён, магчыма, ніколі не здолее стаць тут «сваім», грунтоўна спазнаць ментальнасць, мову і іншыя асаблівасці жыхароў вёскі.

Для ілюстрацыі сучасных метадалагічных і крыніцзнаўчых падыходаў лакальнай гісторыі можна прааналізаваць некалькі прац такога кшталту. У даследаванні вёскі Віцкаўшчына, што знаходзіцца ўсяго ў 20 кіламетрах ад Мінска, М. Улашчык апісвае развіццё вытворчых адносін, побыт і норавы жыхароў вёскі, выкарыстоўваючы як архіўныя крыніцы, так і вусныя ўспаміны жыхароў, а таксама метады аналогіі. Сама вёска значна багацейшая за тыповыя беларускія вёскі таго часу, і паколькі заснавана яна была толькі ў 1883 г., то амаль не захавала традыцыйных побытавых рыс.

Мікрагістарычнае даследаванне вёскі Корань, што таксама знаходзіцца ў цэнтральнай Беларусі, у 50 кіламетрах на поўнач ад Мінска, засноўваецца пераважна на колькасным аналізе архіўных дакументаў дэмаграфічнага характару. Гэта першая навуковая праца такога кшталту з дакладна вызначанай метадалогіяй і колам крыніц [10]. Другой навуковай біяграфіяй вёскі стала даследаванне вёскі Бершты, што на Скідзельшчыне [11, с. 266—308]. Яно пераважна закранае перыяд з XIX па XX ст. і з'яўляецца прыкладам вывучэння мадэрнізацыйных змен у традыцыйнай беларускай вёсцы. Аб'ектам навуковай распрацоўкі нядаўна стала і спеўная традыцыя вёскі Велеўшчына Лепельскага раёна [12], якая з'яўляецца выдатным прыкладам фіксацыі культурных здабыткаў асобнай вясковай супольнасці. Даследаванне пра вёску Азярычына, што ў Пухавіцкім раёне, таксама ўключае ў сябе навукова распрацаваныя часткі: па археалогіі, этнаграфіі, мовазнаўстве, мікратапаніміцы і анамастыцы [13].

Такім чынам, можна казаць пра назапашванне даволі грунтоўнага метадалагічнага і крыніцзнаўчага інструмента, які выкарыстоўваецца ў беларускіх лакальна-гістарычных даследаваннях. Гэта археалогія вёскі (Азярычына), дэмаграфічны колькасны аналіз (Корань і Бершты), вусная гісторыя (мястэчка Мір [14]), спеўная культура і этнаграфія (Велеўшчына), мікратапаніміка, лінгвістыка і анамастыка (Азярычына, Убарцкае Палессе), антрапалогія, візуальныя крыніцы (Скідзельшчына [15]) і інш.

Гэтыя інструменты даюць магчымасць разглядаць гісторыю вёскі ўжо не як аматарскі краязнаўчы накірунак, але як навуковую дысцыпліну. Праз іх раней нікому невядомыя віцкаўцы, каранёўцы, берштаўцы ці ліплянцы становяцца супольнасцямі гістарычнымі, якія змогуць увайсці ў падручнікі як прыклады тыповых, спецыфічных ці выпадковых рыс і традыцый гістарычнага мінулага.

Сённяшняе вымярэнне лакальнай гісторыі набывае пэўныя рысы, якія не існавалі яшчэ дзесяцігоддзе таму. Яна з'яўляецца рэверсам сучаснай глабаліза-

цьці, механізмам адбудовы лакальных і рэгіянальных супольнасцей, фарміравання лакальнай свядомасці. Гэта накладаецца і на т. зв. глакалізацыю, якая вызначае поле канфлікту паміж глабалізацыяй і лакальнасцю. Глабальныя рынкі вымушаны прыстасоўвацца да лакальных патрабаванняў, шырока распаўсюджваюцца адукацыйныя праграмы для мясцовых супольнасцей. Працэсы глабалізацыі/глакалізацыі прымушаюць асэнсоўваць свет як цэлае, але ў разнастайнасці складнікаў яго культур. Адным з базавых паняццяў светаўспрыняцця становіцца «іншасць чужой культуры», што спараджае пошук новага лакальнага суб'екта гістарычнага дзеяння. Краязнаўства і лакальная гісторыя, скіраваныя на адзін аб'ект, тым не менш разглядаюцца сёння ў кантраверсійнасці сваіх функцый. Калі краязнаўства выступала як сродак доказу ўласнай унікальнасці і было скіравана ўнутр самой супольнасці (інтравертыўнасць), то лакальная гісторыя выступае як канцэптуальная аснова для пераадолення ксенафобіі і выхавання талерантнага светаўспрымання «іншага» (экстравертыўнасць). Магчыма таксама казаць пра амаатарскі характар краязнаўства, яго настальгічнасць, засяроджанасць на мінулым, у той час калі лакальная гісторыя, як ужо адзначалася, мае свой прафесійны інструментарый, крыніцазнаўчую базу, а таксама будзе ідэнтычнасць, скіраваную ў будучыню [16].

У навуковай літаратуры сялянская лакальная супольнасць разглядаецца як група, што адрозніваецца ад іншых груп традыцыйнага грамадства сваёй мовай, верай, ментальнасцю. Сфарміраваўся грунтоўны накірунак сяляназнаўчых даследаванняў [17]. Вызначаны таксама і ўстойлівыя характарыстыкі традыцыйнасці беларускай вёскі: пераважна натуральная выптворчасць, заснаваная на працы на зямлі, адасобленасць супольнасці і фактычная немагчымасць выхаду асобных членаў па-за яе межы, непісьменнасць і дамінаванне вуснай традыцыі і маральных нормаў, тутэйшасць і інш. З другой паловы XIX — пачатку XX ст. назіраецца паступовае разбурэнне гэтых рыс праз пашырэнне сувязей вясковай грамады са знешнім светам. Парушаецца лакальная замкнёнасць, мяняецца самасвядомасць, адбываецца пошук новых ідэнтычнасцей [11, с. 9—20].

Гэтая традыцыйнасць, нягледзячы на моцныя разбуральныя працэсы ўрбанізацыі, індустрыялізацыі і саветызацыі, а таксама апошняй вайны, на думку польскага антрапалага Ганны Энгелькінг, у сваім глыбокім антрапалагічным значэнні перажыла апошнія стагоддзе. Сучасныя беларускія сяляне па-ранейшаму называюць свой сацыяльны космас у адпаведнасці з правіламі продкаў. Захоўваюцца старыя сялянскія каштоўнасці, а жыццё праходзіць у лакальным і сямейна-суседскім асяроддзі, заснаваным на звыклых сувязях. У іх каштоўнасцях не дамінаюць, ці нават цалкам адсутнічаюць канцэпты нацыі, дзяржавы, мовы. Іх гістарычная памяць — у адрозненне ад традыцый нацыянальнай супольнасці — з'яўляецца ў сваёй аснове міфчнай і фаталістычнай казкай пра выжыванне ў цяжкіх умовах. Гэта негераічная гісторыя людзей, якія не змагаліся з узброенымі сіламі, але пацярпелі як нявінныя ахвяры ў сцэнарыях, якія рэалізуюцца знешнімі сіламі і ідэалогіямі. Каштоўнасці гэтай супольнасці — гэта

прадзавітасць, разважліваць, непрыкметнасць і далікатнасць, а таксама пастаяннае абнаўленне, непарушнасць і даўгавечнасць традыцый [18, с. 759—763]. Даўнія стэрэатыпы і міфы не перастаюць уплываць на сацыяльны свет сёння. Старэйшае, пераважна вясковае, пакаленне перадае асноўныя каштоўнасці і стратэгіі паводзін сучасным гараджанам, заклапочаным пошукамі ўласнай ідэнтычнасці.

Даследаванне гісторыі вёскі XX ст. можа быць скіравана на выяўленне стратэгіі выжывання, адаптацыі, прасоўвання і супраціву. Гэтая методэдыка была распрацавана ў межах *сацыяльнай гісторыі і гісторыі штодзённасці* (ням. Alltagsgeschichte). Класічнымі ў дачыненні да гісторыі штодзённасці савецкага сялянства з’яўляюцца працы Шэйлы Фіцпатрык, якая разглядала асноўныя стратэгіі гэтай сацыяльнай групы ў перыяд калектывізацыі [19]. У кантэксце таталітарнага грамадства Фіцпатрык характарызавала іх як «стратэгіі падпарадкаваных», бо яны былі непарыўна звязаны з залежным статусам сялян у грамадстве. Сяляне з’яўляліся аб’ектамі агрэсіі і эксплуатацыі з боку вышэйшых органаў і асоб і фарміравалі розныя спосабы супраціву ўладзе і іншым членам супольнасці. Апошнія дазвалялі чалавеку, на долю якога выпала выконваць загады, хаця б у нейкіх аспектах дамагацца свайго. Калектывізацыя, як феномен, характэрны для ўсяго савецкага сялянства, была ініцыявана дзяржавай без уліку спецыфічных мясцовых умоў. Гэта стварыла не толькі падобныя арганізацыйныя структуры, але культурныя мадэлі супраціву і адаптацыі.

У працах Шэйлы Фіцпатрык вызначана і розніца паміж вяскоўцамі і гараджанамі перыяду трансфармацыі 1930-х гг. З-за скіраванасці асноўных матэрыяльных рэсурсаў на індустрыялізацыю горада сяляне сталі лічыцца, што называецца, «плодзмі другога гатунку». І гэтая тэндэнцыя назіралася аж да 70-х гг. XX ст., калі вёска стала жывць пераважна з дзяржаўных дапамог і дасягнула пэўнага ўзроўню матэрыяльнага дабрабыту. Але з іншага боку, на той час сяляне ўжо канчаткова страцілі сваю традыцыйную прагу да вядзення ўласнай гаспадаркі і ў 1990-я гг. ужо не маглі ўявіць сваё жыццё без калгасаў.

На сялян значна менш уплывала тагачасная прапаганда. Часткай савецкага народа яны сталі толькі ў другой палове стагоддзя. Тут цікава адзначыць, што ў гарадскіх біяграфічных наратывах заўсёды пераважала сацыяльна-палітычная храналагізацыя падзей, у той час як для жыхароў вёскі жыццёвымі храналагічнымі маркерамі ў большай ступені становіліся падзеі асабістыя. Ва ўмовах паўсядзённай барацьбы за выжыванне сяляне былі больш адасобленымі ад уладных структур і заўсёды мелі традыцыйны для іх сродак выжывання — зямлю і ўласную гаспадарку. Гаспадарка ж з-за жорсткіх умоў дзяржаўнай палітыкі магла даць плён толькі праз вельмі цяжкую працу, што ўжо ў апошняй чвэрці стагоддзя перастала задавальняць вяскоўцаў, якія бачылі больш лёгкія сродкі матэрыяльнага забеспячэння ў горадзе.

Калектывізацыя ў лёсах беларускага сялянства была справай надзвычайнай, якая выпрацавала падобныя механізмы паводзін у сялян як заходнебеларускіх.

рускай, так і ўсходнебеларускай вёсак [18]. Яшчэ больш надзвычайнымі былі падзеі Другой сусветнай вайны, якія адаптавалі насельніцтва да цяжкіх умоў выжывання. Гэтыя цяжкасці шырока прадстаўлены ў беларускай гістарыяграфіі, літаратуры і мастацтве.

Што тычыцца пасляваеннай штодзённасці, то яна была прааналізавана гісторыкам Ірынай Кашталян пераважна на матэрыяле сацыяльнай групы гараджан [20]. Больш спрыяльныя ўмовы жыцця савецкага (беларускага) грамадства, пачынаючы з 60-х гг. XX ст., сталі для гісторыкаў штодзённасці, традыцыйна арыентаваных на вывучэнне таталітарных супольнасцей, значна менш цікавай і даследаванай тэмай. Асноўныя рамкі гэтых працэсаў можна знайсці толькі ў межах сучасных сацыялагічных даследаванняў.

Такім чынам, выбар методдыкі даследавання гісторыі беларускай вёскі будзе наўпрост залежаць ад наяўнасці, паўнаты і спецыфікі крыніц: археалагічных, этнаграфічных, вусных успамінаў, дакументаў справаводства, эгадакументаў, выяўленага матэрыялу і інш., а таксама ад майстэрства даследчыка, спрактыкаванага звычайна ў полі адной з дысцыплін, якія маюць уласныя падыходы для раскрыцця тэмы. Менавіта спалучэнне падыходаў адкрывае шырокія магчымасці для ўзаемадзяння і ўзаемаўзбагачэння розных дысцыплін. Так, напрыклад, адсутнасць канкрэтнай даты заснавання вёскі можа быць хачя б прыкладна ўстаноўлена з дапамогай захаваных у памяці вяскоўцаў легенд; ідэнтыфікацыя жыхароў вёскі — праз мову, этнаграфічны матэрыял, культурныя здабыткі і гістарычныя асаблівасці развіцця рэгіёна. Даследчык-гісторык тут знойдзе багаты матэрыял тыповых, спецыфічных ці ўнікальных рыс развіцця грамадства.

Літаратура і крыніцы

1. Насевіч, В. Мікрагісторыя: мінулае ў чалавечым вымярэнні // Беларускі гістарычны агляд. — 1999. — Т. 6. — Сш. 1—2. — С. 133—151.
2. Іванова, В. Ліпляны. Біяграфія і штодзённасць беларускай вёскі (у друку).
3. Пяткевіч, Ч. Грамадская культура Рэчыцкага Палесся. — Мінск, 2015. — 318 с.; Сержпутоўскі, А. К. Палешукі-беларусы: этнаграфічны нарыс. — Мінск, 2018. — 173 с.; Машынскі, К. Усходняе Палессе. — Мінск, 2014. — 525 с.; Шпилевский, П. Мозырщина. Из путешествия по западнорусскому краю // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России / Н. Калачов. — Кн. 2, 3. — М., 1859. — С. 1—49; Маракуев, В. Полесье и полешуки: (из путевых записок). — М., 1879. — 32 с.
4. Бараноўскі, Я. Санітарна-бытавы стан вёскі Радзілавічы, Букчанскі сельсавет, Тураўскі раён, Мазырская акруга // Наш край. — № 8—9 (35—36). — С. 47—64.
5. Краязнаўства: Нататкі пра бадзяні ў 1924—1929 гг.: 3 рукап. спадчыны / М. Улашчык. — Мінск, 1999. — 158 с.
6. Феноменов, М. Я. Современная деревня. — М.—Л., 1925. — 212 с.
7. Улашчык, М. Была такая вёска // Выбранае. — Мінск, 2001. — С. 21—128.
8. Полесский этнолингвистический сборник: материалы и исследования / Академия наук СССР, Институт славяноведения и балканистики. — Москва, 1983. — 286 с.; Замовы / Уклад. Г. А. Барташэвіч. — Мінск, 2000. — 595 с.; Палескі слоўнік. Лельчыц-

- кі раён / І. М. Кучук, А. К. Малок. — Мазыр, 2000. — 155 с.; Микропонимия Мозырского Полесья: монография / А. А. Иванова. — Мозырь, 2007. — 219 с.
9. Памяць: Лельч. р-н. Гіст.-дак. хронікі гарадоў і р-наў Беларусі / Уклад.: М. З. Башлакоў, Дз. С. Жук. — Мінск, 2002. — 606 с.; Хроніка Убарцкага Палесься / Аўт.-склад. А. І. Атнагулаў. — Мінск, 2001. — 495 с.
 10. Носевич, В. Традиционная белорусская деревня в европейской перспективе. — Минск: Тэхналогія, 2004. — 350 с.
 11. Токць, С. Беларуская вёска ў эпоху зьменаў. Другая палова XIX — першая траціна XX ст. — Мінск: Тэхналогія, 2007. — 308 с.
 12. Песні Велеўшчыны ў запісах Міколы Залатухі / уклад., уступ. арт. і паказ. Т. В. Валодзінай; запіс тэкстаў М. Залатухі; падрыхтоўка аўдыядыска С. Лісіцы. — Мінск: Беларуская навука, 2018. — 247 с.
 13. Санько, З. Слаўнае сяло Азярычына / З. Санько, Ю. Санько. — Мінск: Тэхналогія, 2019. — 352 с.
 14. Раманав, І. Мір: гісторыя мястэчка, што расказалі яго жыхары / І. Раманав, І. Махоўская. — Вільня: ЕГУ, 2009. — 247 с.
 15. Токць, С., Дзелянкоўскі, М. Скідзель і яго ваколіцы. Жывая гісторыя / С. Токць, М. Дзелянкоўскі. — Мінск: Тэхналогія, 2014. — 375 с.
 16. Traba, R. Historia stosowana jako subdyscyplina akademicka. Konteksty i propozycje // Historia — Dzis. Teoretyczne problemy wiedzy o przeszłości / red. E. Domańska, R. Stobiecki, T. Wiślicz. — Kraków, 2014. — S. 160; Румянцева, М. Ф. Новая локальная история и современное гуманитарное знание // Новая локальная история [Электрон. ресурс]. — Рэжым доступу: <http://www.newlocalhistory.com/node/990>. — Дата доступу: 26.06.2019.
 17. Гл., напрыклад: Кознова, И. Е. XX век в социальной памяти российского крестьянства. — Москва, 2000. — 207 с.; Щеглова, Т. К. Деревня и крестьянство Алтайского края в XX веке. Устная история. — Барнаул, 2008. — 528 с.; Сухова, О. А. Десять мифов крестьянского сознания. Очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX — начало XX в.) по материалам Среднего Поволжья. — М.: РОСПЭН, 2008. — 679 с. і інш.
 18. Engelking, A. Kolchoznicy. Antropologiczne studium tożsamości wsi Białoruskiej przelomy XX i XXI wieku. — Toruń, 2012. — 838 s.
 19. Фицпатрик, Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. — М., 2001. — 422 с.; Фицпатрик, Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. — М., 2008. — 336 с.
 20. Kashtalian I. The Repressive Factors of the USSR's Internal Policy and Everyday Life of the Belarussian Society (1944—1953). — Wiesbaden, 2016. — 345 p.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 02.09.2019

Ю. В. Нестерович,*старший научный сотрудник**Центра исследований белорусской культуры,**языка и литературы НАН Беларуси,**кандидат исторических наук;*

e-mail: nesterca.com@yandex.by

**ЗНАЧИМЫЕ ОСОБЕННОСТИ
АРХИВОВЕДЕНИЯ И ДОКУМЕНТОВЕДЕНИЯ
НА СТАДИИ РАЗВИТОЙ НАУКИ
В УСЛОВИЯХ ТЕНДЕНЦИИ ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОСТИ
(ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)**

В постсоветской философии науки принята концепция развитой науки и трехстадийная схема развития науки от «преднауки» до стадии развитой науки (В. С. Степин и др.). Доминирующая в последние годы в науке тенденция трансдисциплинарности (характеризуется широким синтезом знаний, «формированием аксиом для ряда взаимодействующих дисциплин» (В. К. Савченко), «выходом в практику» (И. Я. Черникова) и др.) требует корректировать черты перехода наук на развитую стадию. Для архивоведения и документоведения следование тенденции трансдисциплинарности видится, прежде всего, в необходимости тесной координации понятий и знаний практики с понятиями и схемами теории, а последних — с мета- и общетеоретическими знаниями документологии. Большинство особенностей, присущих архивоведению и документоведению на стадии развитой науки, присущи всем документально-информационным наукам (далее — ДИН), иначе — *дисциплинам документальной информатики*, принимая во внимание аналогичность характера и механизмов построения в них системы научных знаний. В соответствии с критерием превалирования аспекта изучаемых явлений среди информационных наук продуктивно различать ДИН — с превалированием изучения технологических аспектов явлений, и социально-информационные науки — с превалированием изучения семантико-социальных аспектов. К ДИН относятся документоведение, архивоведение, документалистика, книговедение, библиотековедение, эдициоведение (теория и методология редактирования и издательского дела) и иные дисциплины [1], участвующие и в формировании систем междисциплинарных знаний. Так, теория электронного обмена информацией [2] разработана на стыке документалистики, документоведения, управления данными, охватывает изучение обработки, преобразования, защиты данных, документооборота в аспекте взаимодействия субъектов документационной деятельности с компьютером и шире — электронно-программной средой. Наименование «документальная информатика» к *системе* ДИН вытекает из маркера «документальная информация», используемого в номенклатуре специальностей научных работников Республики Беларусь по отношению к группе специальностей с шифром 05.25. Основным объектом таких дисциплин в научном дискурсе чаще выделяется

«документальная коммуникация» (Г. Г. Воробьев, Г. Г. Добров и др.). А этому соответствует иное наименование — «документальная коммуникология». Исходя из критерия характера процессов деятельности, изучаемых в ДИН, идентифицируем эти научные дисциплины «науками о документационной и информационно-обеспечивающей деятельности». Проводя их науковедческий анализ, склоняемся к именованию системы ДИН «документаристикой» [3; 4] и др.

Эпистемологическому аспекту документоведения уделяет внимание З. А. Сайфуллина, но выявление его особенностей, архивоведения и иных ДИН на стадии развитой науки — новая тема. В философии науки обосновывается, что развитию современной науки соответствует постнеклассический тип научной рациональности (С. А. Лебедев и др.). Следование его стандартам само по себе «требует» выверения применяемых подходов и принципов. Среди прочего, следование им допускает относительную (неабсолютную) строгость и точность результатов исследования. В терминоведении выдвинут претендующий на общенаучную значимость методологический тезис, отражающий примат постнеклассического типа научной рациональности: допущение для терминов полиморфных определений (разнообразно их толкующих) и полиморфных терминов позволяет использовать толкования, а не только определения, которые характерны для «современной науки, обеспечивают относительную целостность понятийного аппарата науки в целом» [5]. Термины имеют полиморфную семантику, если их значения нетвердо фиксированы, определения их допускают разное понимание (С. Д. Шелов). Устранение негативных терминов-явлений выступает одной из метазадач, преследуемых для любой науки на ее развитой стадии. В научном дискурсе представляется допустимой полисемия (разное смысловое значение при сохранении предметного) и разновременная многозначность термина, возникающего в результате перехода исследования *от его эмпирического к теоретическому уровню*, когда изучаемый объект соответственно выдвигаемой теоретической модели дополняется спектром новых признаков.

На теоретическом уровне изменяется логико-эпистемологический тип объекта — он выступает результатом абстрагирования, идеализирования. Если на эмпирическом уровне объект наделяется признаками эмпирических методов (например, документ признаками наличия информации на носителе, идентифицирующих информационных элементов (далее — ИЭ), архивный документ признаком сохранения в архиве), может дополняться и результатами теоретизации (в ГОСТ Р ИСО 15489-1-2007 и СТБ 2059-2013 первый объект дополняется признаком служить доказательством; в ГОСТ Р 7.0.8-2013 второй объект — признаком значимости для граждан, общества, государства), то на теоретическом уровне эмпирические признаки объекта устраняются, заменяются, трансформируются. Так, наличие признаков, идентифицирующих ИЭ, нуждается в уточнении корреляции понятий идентификации и аутентификации. Для такого

уточнения недостаточна гармонизация с содержанием терминов СТБ 1221-2000, ГОСТ 7.0-2004, СТБ 34.101.69-2014 и др. Необходимы результаты корреляции понятий ИЭ, реквизита, атрибута, метаданных документа. Теории документа и классификации документов, учитывая, что в компьютерной сети любой инфопродукт, не имеющий элементов оформления в традиционной инфосреде, например, личная переписка, сопровождается метаданными. Здесь существенно то, что эмпирический и теоретический объекты обозначаются одинаково — «документ». Такое явление выходит за пределы полисемии, но здесь отсутствует явление омонимии, в наличии результаты изучения объекта *на разных уровнях исследования*. Если такую разновременную многозначность, возникающую в процессе построения системы знаний, классифицировать полиморфностью термина, то наличие ее (но не размытости) приемлемо выделять значимой особенностью перехода архивоведения и документоведения, а равно и иных наук, минимум — ДИН, на стадию развитой науки, релевантной постнеклассическому типу научной рациональности.

Допущение полиморфных значений и определений терминов при построении *непротиворечивых* теорий, особенно общих интертеорий (при их построении образцова оптимизация с искоренением полиморфности), снижает точность научного исследования, оно пропорционально степени эксплицированности понятий и унифицированности терминов. Оно, в частности, не только препятствует терминологизации научного исследования, но и исключает гармонизацию терминосистем. Во всяком случае, очевидный сегодня явный консерватизм подавляющего большинства представителей сообщества архивоведов и документоведов генезисно связан со стандартами классического и неклассического типов научной рациональности, а они не склонны уже к чрезмерной модификации терминов и «эмансипации» понятий.

Особенностью вхождения архивоведения и документоведения в стадию развитой науки выступает наличие общей интертеории и области исследований (за ней закрепилось наименование «документология»), в которой она разрабатывается. Такая теория приращает конкретно-онтологические знания о сущности объекта (их *следует отличать от* общеонтологических — *философских знаний*) — его качественных характеристиках, и общетеоретические знания, продуцируемые при обобщении частных и общих внутридисциплинарных теорий ДИН и смежных с ними. *Не приращая предметные теоретические знания*, касающиеся закономерностей процессов делопроизводства и архивного дела. Например, В. П. Козлов при построении общей интертеории обобщает знания архивоведения, документоведения, археографии и источниковедения. Развивая в ней идеи концепции трансформации документа в исторический источник, в построении которой приняли участие наряду с ним В. Н. Автократов, Б. С. Илицаров, С. Г. Кулешов, О. М. Медушевская и др. *Особенность структуры теоретических знаний* в архивоведении показывает В. И. Тихонов, анализируя труды В. Н. Автократова. Она заключается в том, что общие теории — не просто

обобщения частных теорий, между ними существует взаимопроникновение (межинтеграция): В. Н. Автократов включает в общетеоретические знания «многие идеи, теоретическое обоснование которых он проводит в частных теориях» [6]. С. Г. Кулешов исходит из релевантности общетеоретических знаний документоведения знаниям ДИН и смежных с ними, и частичную синтезируемость первых из вторых [7]. Полагаем, что рассматриваемая особенность структуры знаний архивоведения и документоведения может сохраниться и при вхождении их в развитую стадию науки.

Недопустимым для ДИН на их развитой стадии считаем нечеткое выделение объектов, относительно которых формируются базисные понятия. Следует напомнить, что методологические пристрастия значительной части документально-информационного сообщества, главным образом библиотекосведов и части книговедов, с выдвиганием тезиса об *условности, конвенциональности, относительности* понятия документа и иных понятий минимум в ДИН [8] (который не только подхватили и пытаются иллюстрировать библиотекосведы, например, Е. В. Динер осуществляет экспликацию понятий коррелятивно понятию нечеткого множества — совокупности элементов *произвольной* природы [9], но придерживаются и некоторые документосведы, например, Г. А. Двоеносова [10]) резко контрастируют с консерватизмом архивосведов и документосведов. Последний тезис явно противоречит практике принятия в делопроизводстве, архивном, издательском, библиотечном деле и сфере информатизации стандартов по терминологии, в идеале направленной на искоренение многозначности, синонимии терминов, гармонизацию даже с международными терминосистемами.

При обосновании «полиморфных определений», допускающих различную интерпретацию одних и тех же языковых выражений, упускается из вида, что многозначность термина снимается их дифференциацией и межинтеграцией. Например, разные определения термина «документ» в ГОСТ Р 7.0.8-2013 и СТБ 2059-2013 не следует полагать полиморфностью определения, поскольку определению в СТБ (а также ГОСТ Р ИСО 15489-1-2007) соответствует (за пределами стандарта, в *терминсистеме документоведения*) иной термин — «*деловой документ*». Определенную полиморфность многих терминов приемлемо усматривать и в научном исследовании. Тем не менее, их полиморфность вызывается закономерностями развертывания системы знаний. Например, значение термина «документ» из ГОСТ Р 7.0.8-2013 (соответствует эмпирическому обобщению) востребовано для использования термина при установлении закономерностей роста документооборота, т. е. продуцировании эмпирических знаний. А также при продуцировании теоретических знаний (определений тенденций документооборота) и модельно-проектных знаний (проектировании автоматизированной системы документооборота). При переходе к построению общей теории документа и документной коммуникации продуцируются *конкретно-онтологические* знания о сущности объекта, о статусе, функциях, роли

документа в социальном взаимодействии, выполняемых социальных функциях, месте документооборота в производственной инфраструктуре общества и документной коммуникации и пр. В отличие от теоретических и модельно-проектных знаний, научно-онтологические знания не связаны с прикладными вопросами, но также формируют систему знаний ДДИН.

Социальная сущность документа, т. е. превалирование социальных аспектов функционирования документа постоянно подчеркивается ведущими документоведами — С. Г. Кулешовым, М. В. Лариным, Н. С. Ларьковым, А. Е. Рыбаковым и др. Это вовсе не означает необходимости привлечения для раскрытия сущности документа и архивного документа знаний социологии, даже социальной информатики. Применению деятельностного подхода соответствует привлечение для этого знаний праксеологии. А выделению требования культурологической обоснованности к социально-гуманитарной рациональности (С. А. Лебедев) соответствует привлечение для этого знаний культурологии. При раскрытии сущности иных составных объектов документоведения и архивоведения необходимо привлечение знаний иных наук. Так, подчеркивается раскрытие М. В. Лариным сущности системы управления документацией (В. Д. Володин и др.). Вместе с этим он раскрыл сущность инфоменеджмента (объединение элементов делопроизводства, ДОУ, автоматизированных систем и средств обработки информации «в единую систему на общей методической базе под единым руководством») и принципиальное отличие его от ДОУ [11, с. 247]. При этом он привлекал, прежде всего, знания теории социуправления, а также частично коммуникологии (интегрируя идеи М. Н. Костомарова). Такое конкретно-онтологическое знание непосредственно связано со знанием по методологии проектирования документных систем и теоретическими моделями документационного обеспечения принятия решения, а опосредованно — со знанием определения задач и функций органов управления архивным делом.

С начала 1980-х гг. распространилось краткое тавтологичное определение констатирующего безоценочного характера термина «архивный документ»: «документ, хранящийся в архиве», из которого не выводим референт термина (обозначаемый им предмет). Такая трактовка архивного документа зиждется лишь на единственном эмпирическом признаке. Такой конструкт можно было бы принять в качестве оправданного пункта при построении теории, если бы не противоречивость трактовки. В самом деле (игнорируя абсурдную трактовку документа в ГОСТ 16487-70 (вследствие характеристики его средством, а не результатом, на это указывал М. В. Ларин [11, с. 76]), если исходить из трактовки документа в ГОСТ 16487-83, то к архивным документам следует относить керамику с узорами и иные предметы археологических раскопок. Если исходить из трактовки его в ГОСТ Р 51141 и ГОСТ Р 7.0.8 (из дефиниций которых именно оперативный характер функций документа не выводим), то возникает допущение хранения в архиве документов, выполняющих оперативные функ-

ции в социодетальности. В ГОСТ Р ИСО 15489-1-2007 из дефиниции документа вытекает наделение его исключительно оперативными функциями. В связи с этим во избежание противоречий при формировании дефиниции архивного документа возникает необходимость изложения о хранении в архиве экземпляров документов и документов с «погашенной» оперативной значимостью. Хотя этого недостаточно для полновесного охвата объекта дефиницирования, поскольку в архиве хранятся в изрядном количестве экземпляры изданий, рукописные материалы и прочие единицы обеспечения общества информацией, выполняющие диахронные функции. Дефиниция архивного документа в Законе Республики Беларусь «Об архивном деле и делопроизводстве в Республике Беларусь» 2011 г. дополняет понятие двумя существенными признаками. Второй — онтологический признак.

При составлении эпистемологического профиля конкретной дисциплины следует учитывать, что *концепция развитой науки*, допускающая переход на *развитую стадию любой науки* [12], иллюстрирует такой переход по отношению к опытным наукам, широко использующим математический формализм (это связано с ориентацией на стандартную модель научной теории). Что для ДИН и иных социотехнологических наук, в которых на первый план выходит изучение процессов и явлений деятельности, значимых для социального взаимодействия, не может браться за основу раскрытия особенностей перехода. Сама по себе эта концепция не раскрывает связь данного перехода с тенденциями развития науки и со стандартами постнеклассического типа научной рациональности. А эти тенденции в значительной мере обуславливают такой переход. При оценке развития конкретной науки на первый план выходят параметры мощности (общности и продуктивности) и эффективности (продуктивности и рациональности, в прагматическом плане — выполнимость) применяемых в ней методов (А. С. Кармин, Г. Г. Бернацкий), о которых можно заключать по достигнутым результатам исследования. При выделении особенностей перехода архивоведения и документоведения на стадию развитой науки мы охватываем эпистемологический аспект, оставляя методологический для отдельного исследования.

В отечественной науке значительное внимание уделяет изучению организации и технологии ДОУ, разработке инструкций по делопроизводству и их *научному* комментарию А. Е. Рыбаков. Практические знания о процессах и явлениях делопроизводства нагружены теоретическими знаниями либо образуют с ними единые комплексы (блоки) знаний. Например, при организации службы ДОУ при определении факторов, влияющих на организацию и технологию в учреждениях различных уровней управления, факторов, способствующих выбору организационных форм ДОУ в конкретной организации, необходимы теоретические знания: модель ДОУ, знания по типологии оргформ ДОУ и др. При изучении организации документооборота эмпирические обобщения о тенденциях роста документооборота в учреждениях разного профиля основаны

ваются и на знаниях структуры и общих характеристик документооборота и т. п. Вместе с этим А. Е. Рыбаков выходит за пределы эмпирических и нормативных знаний делопроизводства (повторим — нагруженных теоретическими знаниями) при изложении знаний документоведения. Когда определяет сущность составных объектов документоведения, раскрывает содержание базисных терминов и теоретических схем. Определение внутренней сущности предметов — наиболее значимая часть онтологического знания в науке. Такое знание выделяется компонентом знаний и технико-технологических наук (далее — ТТН). Его изложение соответствует выдвинутому по отношению к ТТН тезису о *единстве в них теоретического знания с онтологическими* (знаниями о сущности объектов) *и модельно-проектными знаниями* [13]. В теоретическом знании документоведения и архивоведения широко заимствуются знания из других дисциплин, в том числе из технической информатики. Например, А. Е. Рыбаковым приводится трактовка кода «набором знаков или сигналов, упорядоченных в соответствии с правилами того или иного языка для передачи информации», а кодирование информации — «процессом преобразования сигнала из формы, удобной для непосредственного использования, в форму, удобную для передачи, хранения или автоматической обработки» [14]. Эти знания используются для описания и объяснения разных аспектов документационной деятельности. В. И. Тихонов подчеркивает значимость (*прагматических*) концепций теории информации при разработке теоретических аспектов экспертизы ценности архивных документов [15].

Хотя для архивоведения, документоведения, иных ДИН первостепенную значимость имеют эмпирические обобщения, инструктивные и модельно-проектные знания, без развитых конкретно-онтологических знаний и непротиворечивого формирования теоретических схем, связанных с ними системы понятий и коррелятивной ей терминосистемы, нет достаточных оснований для отнесения их к *развитой* науке. Например, в архивоведении отсутствует и оптимальное установление, и полновесное раскрытие сущности архивного документа и непротиворечивая корреляция понятий архивного документа, АФ (архивного фонда), документа АФ, национального АФ, документа национального АФ. Для развертывания в очерченный эпистемологический формат необходима документология, возникшая при преследовании других целей, — выработки оптимальной модели документа и пр., но выполняющая функцию координации междисциплинарной проекции формирования терминосистем и систем понятий ДИН. В самом деле, экспликация понятий документа и архивного документа достижима сегодня в рамках общей теории, следующей трансдисциплинарности.

Применяя системно-структурный подход, в структуре знаний архивоведения и документоведения следует выделять эмпирический базис, теоретические основы теории делопроизводства, систем документации и другие классификации и типологии документов. В рамках системного подхода приемлемо выде-

лять видовой состав знаний архивоведения и документоведения. Он, если и не идентичен, то максимально схож. Система теоретических знаний (далее — СТЗ) их включают (конкретно-)онтологические знания (наличие таких знаний в системах знаний ТТН подчеркивается С. А. Лебедевым [13]) — о функциях, статусе документов, архивных документов, документных и архивных фондов и пр. СТЗ их включают прикладные аксиологические знания — о критериях осуществления разного рода практической деятельности. Такие знания входят в СТЗ и иные ДИН — библиотековедение, книговедение и смежные с ними дисциплины — музееведение и др. Экспертиза ценности документов — сегмент и делопроизводства, и архивного дела. СТЗ их включают теоретические знания в форме типологий и т. п. Постоянно подчеркивается весомость типологий и классификаций документов, систем документации документов национального АФ при разрешении практических и теоретических задач (М. Н. Костомаров, Н. С. Ларьков, С. В. Жумарь, М. Ф. Шумейко и др.). Этому соответствует *стабильная значимая роль систематико-типологических знаний* в документоведении.

СТЗ ДИН может включать ряд видов объектных надэмпирических знаний (т. е. формируемых на теоретическом уровне): теоретические (знания, связывающие эмпирические факты и зависимости с теоретическими моделями и законами), онтологические (о сущности объектов), аксиологические, теоретико-методологические, нормативные (инструктивные), модельно-проектные знания. При этом различаем знание о сущности *объектов* — о *внутренних* фундаментальных характеристиках их свойств, элементов, статуса (такой тип сущностного знания в философии науки терминологически «внутренняя сущность» [13]). И знание о сущности *проявлений объектов* — о *внешних* фундаментальных характеристиках их связей, отношений, структуры. Научные законы — знания об устойчивой связи явлений, процессов и т. д. — теоретические знания, раскрывающие именно *сущность проявлений объектов*.

Отличительными чертами развитой теории в признанной концепции развитой науки обосновывается наличие фундаментальной теоретической схемы (далее — ФТС), синтезирующей частные схемы, образующей единство с основными законами теории, набор понятий и идеализированных конструктов, формирующих данную схему, обобщающий теоретические модели [5, с. 171]. Следование тенденциям интер- и трансдисциплинарности в науке добавляет к этому максимальную интеграцию знания, заимствование в трансформированном виде схем и моделей других наук (например, из документалистики схему циркуляции документа в инфосистеме). Данная концепция ориентирована на описание опытных наук, широко использующих математический формализм, не рассчитана на описание ДИН. В ДИН на первый план выходит построение СТЗ без *общих законов* и их математических формулировок, коррелятивных непротиворечивой терминосистеме научной дисциплины, эссенцирующих знания о сущности объектов. Общей для большей части наук в связи с расширени-

ем информатизации и оказываемым ею научно-техническим прогрессом предстает особенность развития их через обработку данных средствами информатизации. Первой значимой *особенностью перехода* архивоведения и документоведения (и иных ДИН) на стадию развитой науки выделим для их СТЗ наличие откоррелированной системы понятий и соответствующей ей непротиворечивой терминосистемы с унификацией и в междисциплинарной проекции, задающей теоретические схемы, репрезентирующие эмпирические зависимости. Это является сложной задачей, учитывая наличие разветвленного понятийного аппарата, а также необходимость, если не гармонизации (О. Н. Будилева), то согласования терминосистем разных концептуальных направлений, областей знаний и выражений их на разных языках, координации эмпирических понятий, возникающих в отраслях практической деятельности и теоретических понятий [16]. Этому соответствует возрастание *удельного веса и роли эпистемологическо-терминоведческих знаний* в структуре знаний архивоведения и документоведения.

По отношению к ТТН отмечается, что их практическая направленность ведет к сочетанию в них дескриптивных и проскриптивных знаний (Б. И. Иванов, В. В. Чешев). Первые охватывают описание и объяснение всех аспектов технического объекта, вторые — нормативы и рецепты действий, осуществляемых при его производстве и эксплуатации. Дескриптивные знания, относящиеся к теоретическому уровню исследования, характеризуются онтологической направленностью — выяснением существенных качеств, функций объекта и т. д. Отмеченное сочетание характерно для развития архивоведения и документоведения. В них описываются все аспекты технологии и организации архивных работ и ДОУ. Другой особенностью их перехода выделяем *сочетание дескриптивных* (без наличия ФТС с идеализированными объектами и их математическим выражением) *и инструктивных регулятивно-рецептурных знаний*. Описание технологии и организации ДОУ, стратегии комплектования, организации хранения, учета и использования архивных документов и т. д. *дополняется* теоретическими знаниями (в форме теоретических моделей и законов о проявлениях объектов), *но не заменяется ими*. Предпосылкой развития вторых знаний выступает дальнейшее развитие теоретико-методологических знаний.

Рост числа теорий и концепций предполагает необходимость *метатеоретических знаний* (дающих всестороннюю оценку предметных теорий) и обуславливает возрастание их роли. Изучение (анализ и оценки) предыдущих теорий и концепций с учетом имеющихся метатеоретических знаний способствует повышению эффективности новой теории. Такое изучение востребовано и при разрешении частных вопросов. Например, М. В. Ларин в рамках построения теории управления документацией в организациях при разрешении вопроса состава информационного ресурса изучил не только не менее десятка теорий и концепций, выдвинутых западными учеными, но и результаты их оцен-

ки [11, с. 61—62]. Это соответствует *возрастанию роли метатеоретических знаний* при формировании СТЗ архивоведения и документоведения.

На теоретическом уровне исследования в архивоведении и документоведении и других ДИН формируются знания, соотносимые с эмпирическими фактами и зависимостями (устанавливаемыми относительно процессов и явлений архивного дела и делопроизводства) и обобщающие их (в форме *частных* теоретических моделей и закономерностей), но теоретические знания в них:

1. Не обобщаются в форме *ФТС* и общих законов. Эпистемологический индуктивный вывод, вытекающий из анализа такой особенности: в науках о ДИН принципиально иной ракурс *обобщений и формирования схем* в СТЗ, нежели в опытных науках, основывающихся на математическом формализме, для которых на развитой стадии в общей теории вырабатываются общие законы. Для ДИН, в том числе архивоведения и документоведения при формировании *общих* теорий (В. Н. Автократов, Е. А. Плешкевич и др.), характерна в целом *высокая доля* онтологических знаний — о сущности социального феномена документа, о роли архивов в общественной жизни и т. д. В теории электронного обмена информацией формируются частные теоретические схемы функционирования документов в электронной и программной среде и пр. Тем не менее, взамен ФТС представлены концептуальные знания: о сущности документа: «объект инфовзаимодействия в социальной среде, предназначенный для формального выражения социальных отношений между другими объектами этой среды» [2] и др. В СТЗ ДИН устанавливаются общие закономерности в процессах определенной предметной области, без формирования общих теорий. Так, В. С. Мингалев, систематизируя общие закономерности документообразования, строит *двухслойную* модель документа с выделением внешних свойств документа: «атрибуты-признаки» и «внутренних свойств» его: «содержанием документированной информации». Под этим он по сути подразумевал *теоретическую зависимость*: соответствие содержания документа функциям управления [17, с. 9]. Тем самым, *общие* закономерности документообразования в разных областях *уже* выступают *основанием* построения общей теории документообразования, поэтому *основное* содержание ее *необходимо* сдвигается в онтологическую плоскость — роли документообразования и т. д. С. Г. Кулешов, анализируя законы, устанавливаемые В. Н. Автократовым в общей теории, также усматривает в них теоретические зависимости. А анализируя законы, устанавливаемые К. Г. Митяевым и В. С. Мингалевым, характеризует их «тенденциями» [7, с. 65].

2. *Не играют решающую роль* при формировании нормативно-методических и нормативно-инструктивных знаний (знаний, образующих «эссенциальное ядро» архивоведения и документоведения). В ДИН нет необходимости в ФТС, устанавливающих наиболее общие закономерности. Особенностью формирования знаний архивоведения и документоведения является единство тео-

ретико-методологических и нормативных знаний. Такая черта сохраняется и при их переходе на стадию развитой науки.

Источники и литература

1. Нестерович, Ю. В. Особенности трансдисциплинарного потенциала документально-информационных и социально-информационных наук / Ю. В. Нестерович // Интеллектуальная культура Беларуси: методологический капитал философии и контуры трансдисциплинарного знания. Матер. межд. науч. конф. Минск, 15—16 нояб. 2018 г. В 3-х ч. — Ч. 2. — Минск: Четыре четверти, 2018. — С. 211—214.
2. Гадасин, В. А. Основы понимания феномена электронного обмена информацией / В. А. Гадасин, В. А. Коняевский. — Минск: Беллитфонд, 2004. — 281 с.
3. Нестерович, Ю. В. Новая инфолого-документологическая парадигма (методологический аспект) / Ю. В. Нестерович // Научно-техническая информация. — Сер. 1. — 2011. — № 5. — С. 1—9.
4. Нестерович, Ю. В. Документология: на пути к трансдисциплинарному знанию / Ю. В. Нестерович // Научные и технические библиотеки. — 2014. — № 6. — С. 81—97.
5. Шилова, Е. В. Терминологическая дефиниция как метатекст в русскоязычной и англоязычной научно-технической литературе. Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. В. Шилова. — Екатеринбург, 2005.
6. Тихонов, В. И. Архивная теория В. Н. Автократова: анализ основных положений и подходов / В. И. Тихонов // Вестник РГТУ. Сер. Документоведение и архивоведение. — 2015. — С. 9—29.
7. Кулешов, С. Г. Загальне документознавство: Навч. посіб. / С. Г. Кулешов. — Київ, 2012.
8. Столяров, Ю. Н. Документ — понятие конвенциональное (в порядке дискуссии) / Ю. Н. Столяров // Делопроизводство. — 2005. — № 2. — С. 11—18.
9. Динер, Е. В. Теоретико-методологические подходы к обоснованию электронной книги как книговедческой категории. Дис. докт. пед. наук / Е. В. Динер. — М., 2015.
10. Двоеносова, Г. А. Категории философии в научном познании документа / Г. А. Двоеносова // Отечественные архивы. — 2011. — № 1. — С. 8—15.
11. Ларин, М. В. Управление документацией в организациях / М. В. Ларин. — М.: Научная книга, 2002. — 288 с.
12. Степин, В. С. Теоретическое знание: структура, историческая эволюция / В. С. Степин. — М.: Прогресс — Традиции, 2000. — 743 с.
13. Лебедев, С. А. Философские проблемы технических наук: Предмет и структура технических и технологических наук / С. А. Лебедев // Философия математики и технических наук: учеб. пос. — М.: Академический проект. — С. 497—611.
14. Назаренко, А. М. Документоведение: учеб. пос. / А. М. Назаренко, А. Е. Рыбаков. — Минск: БГУ, 2013.
15. Тихонов, В. И. Применение традиционных методов в экспертизе ценности электронных документов / В. И. Тихонов // Отечественные архивы. — 2009. — № 3. — С. 37—47.
16. Нестерович, Ю. В. О сложности построения терминосистемы архивоведения и документоведения в связи с различением стандартизируемых терминов и терминов, обозначающих понятия научных теорий / Ю. В. Нестерович // Беларускі археаграфічны штогоднік. — Вып. 18. — Минск: БелНИИДАД, 2017. — С. 169—179.

17. Мингалев, В. С. Общие закономерности и тенденции документообразования в социально-экономических системах управления. Уч. пос. / В. С. Мингалев. — М.: МГИАИ, 1983. — 83 с.

Артикул настуліў у рэдакцыю 27.12.2018

С. С. Злобин,*магистр исторических наук;*

e-mail: ZlobinSSSS@mail.ru

ПОНЯТИЕ «ИСТОРИЯ» В ПОСТКОЛОНИАЛЬНЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ (НА ПРИМЕРЕ КОЛОНИАЛЬНОЙ ИНДИИ)

Понятие «история» в современном мире очень разнообразно. Это касается не только различия между историей как наукой и как процессом. Историю можно связывать с эмоциями, переживаниями, чувством истории, воображением, вживанием, другими практиками; можно задавать вопросы, как история соотносится с прошлым, памятью, современностью и традицией, политикой и т. д. История — это рассказ, правдивый рассказ, не очень правдивый рассказ, едва меняющийся рассказ. А может история — это то, что лучше всего характеризуется все-таки эпитетом «исследование»? Такое разнообразие связано с эпохой постмодернизма, с резким увеличением доступности идей, расширением научного и повседневного дискурса. Каждое исследовательское направление и даже каждый отдельный исследователь вносят и должны вносить в этот хор свою лепту. Постколониализм не является исключением.

Постколониализм — направление в гуманитаристике, истоки которого связаны с выходом в 1978 г. книги арабо-американского ученого Эдварда Саида «Ориентализм» [8]. По Э. Саиду, дискурс о Востоке представляет собой сложный комплекс знания / власти, где знание является коррелятом властных интенций Запада, который посредством различных дискурсивных практик о Востоке предписывает ему подчиненное географическое положение [1, с. 23—24]. Приращение Востока осуществлялось и осуществляется за счет монополии Запада на репрезентационные средства, что позволяет генерировать мифы, конструирующие единственно возможную реальность. Примеры из исследований колониальной Индии неизбежны в силу того значительного места, которое на данный момент занимает индология в постколониальных исследованиях.

Гуманитаристика для постколониализма — это сетка видения мира, навязанная в ходе европейской экспансии, эпистемологическое поле, тяжким грузом нависшее над идентификационными проблемами бывших колоний. История выступает как часть этой сетки, и в постколониальной историографии они рассматриваются с точки зрения роли, сыгранной в конструировании оппозиции колонизатор — колонизированный. Учитывая, какое большое значение придается постколониализмом анализу власти, ответ на вопрос, что такое история в постколониальных исследованиях, может быть найден только вследствие рассмотрения, как в постколониальном дискурсе сходятся понятие «колониальная власть» и то, что имеет отношение к понятию «история».

Гьянендра Панди проявление этой связи между историческим дискурсом и колониальной властью видит в содействии исторического дискурса становлению концепции коммунизма в эпистемологическом пространстве Южной

Азии. Британцам необходимо было объяснить, как происходили столкновения между религиозными группами. Коммунализм стал путеводной звездой в толковании отношений между мусульманами и индусами (и другими общинами в Индии). К коммунализму обращались британские историки, чиновники, офицеры, а затем и деятели национально-освободительного движения в Индии. И колониальная, и национальная историография своей задачей имеют поиск причин коммунализма, что подразумевает некой признаваемой обоими позициями данности коммунализма, чьи причины без труда могут быть найдены [7, р. 12—13]. Так для колониального дискурса Индия являлась местом, обитатели которого постоянно доставляли неприятности своим непонятым, непредсказуемым поведением. Вызывали тревогу дни поминовения Хусейна. Тазию — театральное представление о мученической смерти Хусейна — называли одним из самых впечатляющих религиозных представлений в Индии, однако в то же самое время отмечалось, насколько трудно местной власти регулировать эти процессии, наполненные криками фанатиков и возможным насилием против индусов [7, р. 34—36].

Исторический дискурс в значительной мере поспособствовал превращению коммунализма в одну из основных проблем развития индийского. В нем также постепенно утвердилась норма априорности коммунализма в интерпретации различных событий [7, р. 23—65, р. 62—63, р. 109—157]. Г. Панди обращается к исследованию создания посредством различных официальных документов нарратива коммунализма вокруг конфликта в Бенаресе в 1809 г. Колониальные описания придавали насилию причину, а причине имя (фанатизм, иррациональность), опустошая все другие значения. Таким образом, давалось описание «дуземного» характера, устанавливалась развращенная природа населения и фундаментальный антагонизм между индусами и мусульманами [7, р. 39]. Детали и цифры этого нарратива постепенно подвергались интересному изменению. Если ранние документы говорили о 28 или 29 погибших, то в 1907 г. в социально-географическом справочнике Бенареса уже указывалось некоторое расплывчатое число «нескольких сотен» [7, р. 32]. По мнению Г. Панди, через подобные рассказы появилась особая историческая реконструкция индийского прошлого, в рамках которой коммунализм стал рассматриваться как одна из основных движущих сил индийской истории [7, р. 23—24].

В погоне за лобым проявлением колониальной власти, постколониализм стремится увидеть связь между властью и историческим дискурсом на как можно более глубоком уровне, радикальным образом дестабилизируя понятие «история». Поэтому критика взаимодействия истории и колониализма развивается в рамках постколониализма в сторону выхода за рамки того, чтобы просто подвергнуть исторические тексты исследованию на предмет того, какие элементы в них коррелируют с властными интенциями Запада в виде различных клише, устойчивых языковых выражений.

Гаятри Спивак сосредотачивается на проблеме исторических знаний как таковых. Здесь она развивает свою трактовку феномена угнетения, впервые выдвинутую ею в знаменитом эссе «Могут ли угнетенные говорить?» (*Can the Subaltern Speak?*) [13]. Как отмечает Г. Спивак в посвященной исторической дисциплине главе своей книги «Критика постколониального разума» [12, р. 198—312], проблемы не только в написании истории отдельно взятого объекта (в данном случае рани (правительницы) Сирмура), а в написании истории в общем [12, р. 239]. История разваливается у Г. Спивак на набор слов. Так происходит, когда индийская исследовательница берется за критику конкретного властного исторического колониального дискурса, построенного на трех британцах: капитан Джеффри Берч, установление беглым взглядом чужестранца как суверенного субъекта информации, агент-инструмент; майор-генерал сэр Дэвид Очтерлони, реинскрипция права как быть-принужденным, агент-стереотип империалистического злодея; разделенный господин в метрополии, испускающий желание преждевременно как закон, агент анонимный, потому что являющийся частью целого [12, р. 217]. Такой язык изложения свидетельствует о неразрывности анализа конкретных вопросов использования британским колониализмом истории и вопроса о сути истории и историографии, для чего Г. Спивак прибегает к таким авторам, как Ж. Деррида, З. Фрейд. Г. Спивак признается, что использует З. Фрейда для того, чтобы заимствовать соблазнительный и рискованный интерпретативный словарь и сильные метафоры [12, р. 209].

Как и Г. Спивак, Д. Чакрабарти полагает, что репрессивное действие колониальной системы исторических знаний не закончилось с началом деколонизационных процессов на политической карте мира. Д. Чакрабарти утверждает, что историческое познание до сих пор опирается на эту структуру. Ведь именно с колониальных времен истории излагают, будучи полностью уверенными в том, что описание локальных миров должно быть осуществимо на рационально-аналитическом языке универсалий, порожденных эпохой Просвещения [2, р. 3—5]. Одним из результатов европейского колониального правления в Южной Азии является то, что интеллектуальные традиции, когда-то неразрушимые и живые в санскрите, персидском или арабском языках, являются сегодня только предметами исторического исследования для большинства — а может быть всех — социальных исследователей этого региона [2, р. 5—6]. Это ведет к убеждению, что историческое развитие возможно только при определенном прогрессе, на начальных стадиях которого останутся неевропейские миры, являющееся всего лишь объектом описания для того, кто хорошо овладел аппаратом европоцентричных универсалий.

Д. Чакрабарти приводит в качестве иллюстрации историю борьбы против угнетения женщин в Индии, в частности, вдов. Для Д. Чакрабарти очевидно, что обобщенная фигура страдающей вдовы была произведена в бенгальской истории путем создания коллективного, «публичного» прошлого из многочис-

ленных индивидуальных и фамильных воспоминаний опыта вдовства [2, р. 118—119]. Д. Чакрабарти интересуется то, что сама постановка проблемы вдов оказалась возможной только в колониальную эпоху, когда сложился специфический дискурс модерна, основу которого составляли и составляют стереотипы эпохи Просвещения, и в котором появилась позиция страдающего субъекта. Способность сострадать в мире модерна выходит на новый уровень, становится универсалией, обращается не только на себя, но и к другому человеку [2, р. 119—120].

По Д. Чакрабарти, такое современное описание борьбы за права вдов (сострадание, универсальность феномена «человек») устанавливает определенную структуру исторического рассказа, которая появилась в эпоху колониализма и которая возвышает некую абстрактную Европу, место Разума и раскрытия истинной природы социальных феноменов, при помощи того, что находит именно в рамках эпохи колониализма точку отсчета появления возможности раскрытия этой истинной природы. Поэтому, так или иначе, историческое описание до некоторой степени будет заключать в себе идею перехода, которая говорит о том, что одни уже добрались до более высокой ступени развития, другие только подходят к ней [2, р. 7—8].

Д. Чакрабарти в борьбе с европоцентричной историей не поддерживает радикализм позиции Г. Спивак и на вопросы: можно ли заставить заговорить туземца, Другого? можно ли пробиться к некоему аутентичному нарративу сквозь эту толщину колонизированной идентичности? — дает положительный ответ. Д. Чакрабарти считает, что если уж подвергать дискредитации историю, порожденную колониализмом, то следует что-либо дать взамен. В этом плане интересна выдвинутая им идея перевода, заменяющая идею перехода [2, р. 71]. Например, касательно вопроса вдов Д. Чакрабарти показывает, как разворачиваются немодерновые, локальные понятия и термины в рамках нарратива модерна в контексте уточнения соответствующих европоцентричных универсалий, вводя неумолимое пространство перевода. Пространство перевода обязывает нас перестраивать свой язык, дополняя его современную структуру. Эти понятия и термины — особые «архивные» отложения в дискурсе, они не вписываются в выстроенный по некоему устоявшемуся образцу нарратив, как это происходит в биографиях Рамояна Роя и Ишванчандра Видьясагара, двух активных борцов за права вдов [2, р. 124—127].

Д. Чакрабарти, Г. Спивак критику взаимосвязи исторических знаний и колониальной власти начинают с проблемы построения аутентичного исторического нарратива — они не исследуют просто какую-то собственно историографическую проблему развития исторических знаний в колониальном контексте. Подобное отношение к связи исторических знаний с оппозицией Индия — Британия хорошо прослеживается у многих, кто работает в русле постколониальных исследований колониализма в Индии и затрагивает проблему зависимости исторических знаний от колониальной власти. Преодоление

наследуемого от колониализма стиля исторического письма провозглашается магистральной линией сборника, посвященного деятельности группы «Исследования угнетения» [11]. В исследованиях Ран. Гуха [6] и Г. Пракаша [9] очевидно преобладание мнения о том, чтобы понять, как британская колониальная власть манипулировала историческими знаниями, следует приступить к написанию своей истории. Пытаясь восстановить историческую линию литературной традиции Индии, знаменитый литературный критик Ганеш Н. Деви, хоть и говорит о том, что его задачей не является опровержение западной литературной историографии, замещение действующих историографических практик какой-либо новой или более подходящей практикой [3, р. 4], так или иначе основывается на критике доминирующей парадигмы, связанной с колониализмом.

Постановка вопроса о столь тесной связи исторических знаний с колониальной властью приводит к исследованию влияния британского колониализма на основы основ исторических знаний, например, на архив как социокультурный феномен. В постколониальном историческом дискурсе речь идет не о каких-то конкретных исторических знаниях, концепциях или теориях, которые привели к сегодняшнему стилю или направлению историографии, а об истории как о современном стиле мышления, что вынуждает исследователей прибегать к сложным дискурсивным средствам для того, чтобы хотя бы попытаться составить неевропоцентричный нарратив той же Бенгалии.

Такой сумбур в описании реализации колониальной власти через исторические знания может привести к критике постколониализма за непонимание истории, неумение проводить *настоящие* исторические исследования.

Например, Н. Диркс возражает Э. Саиду, подвергая сомнению утверждение о том, что прошлое колонизированного было стерто вместе с тем, как колониальное завоевание сделало возможным производство новых форм знания, которые наделили колониализм естественной легитимностью [4, р. 280]. Уточнить рассказ Э. Саида может обращение к деятельности британского офицера, ориенталиста Колина Макензи, потратившего много времени на сбор исторических записей и артефактов. Коллекция К. Макензи отображает самое широкое занятие колониальной Британии индийской историей и индийской историчностью [4, р. 281]. Однако затем колониальная власть переработала и замолчала эту тенденцию архива К. Макензи, молчание К. Макензи растворилось в замалчивании Индии, подавлении как истории, так и историчности Индии [4, р. 311]. Но такие рассуждения даже нельзя назвать искажением постколониальной позиции по поводу истории. У постколониализма просто нет никакой позиции по поводу того, что такое история. Есть некоторое предположение того, что есть что-то, имеющее отношение к истории, дискурсу о прошлом, о времени, предположение о том, что это что-то существует под влиянием колониальной власти. Наверное, это что-то можно назвать историческими знаниями, чтобы сохранить широту понятия истории в постколониализме, которая ему очень

нужна. Постколониализм не может обходиться без исторического дискурса. Ведь в постколониальной индологии, прописывание исторического разрыва между развитой, современной Британией и неразвитой, цивилизационно замкнутой, несовременной Индией трактуется как одно из главных орудий колониальной власти.

Проблема достижения современности, преодоления разрыва между до-модерном и модерном, чего стремились достичь индийские политические элиты, Конгресс, в частности, путем организации выставок, является центральной для защищенной в 2015 г. диссертации Дениса Гоньо «Представляя Индию: южноазиаты, выставки и развитие нации в конце девятнадцатого и начале двадцатого века». Например, организация в Бомбее выставки, касающейся здравоохранения, предоставляла возможность для Конгресса включить себя в регулируемые дискурсы санитарии и здравоохранения. Конгресс заимствовал выставочную модель метрополии, но делал эти имперские измененные формы своими. Показываемые экспонаты были объектами для гибридной системы классификации, заимствованной из Европы. Равный статус, данной категориям «сельскохозяйственное» и «индустриальное», указывал на важность сельского хозяйства для индийской модернити, что обычно не присутствовало на выставках XIX в. в метрополии [5, p. 242]. Современная историография влияния колониальной власти на индийский социокультурный мир не может не обойтись без отображения этой концепции. Исторический разрыв между Индией и Британией находил свое выражение и в архитектуре, и искусстве. Викрамадитья Пракаш в статье «Между объективностью и иллюзией: архитектурная фотография в колониальных рамках» пример фотографии махараджи туземного княжества Джайпура Саваи Рам Сингха колониальных времен как туземную попытку взломать и трансформировать, согласно своему желанию, колониальные рамки, в которых он рассматривался как туземный колониальный махараджа [10, p. 269].

Согласно постколониальной историографии, роль исторических знаний в осуществлении британского колониализма в Индии заключалась в адаптации в историческом измерении цивилизационного различия между Индией и Британией. Постколониальный исторический дискурс находит проявление этого различия в становлении оппозиции современность — досовременность. Современность — это пространство существования Британии, ассоциировавшееся с полной реализацией возможностей, предоставленных историей (мир развития). Досовременность — пространство существования Индии, описывавшееся в понятиях и терминах, отсылающих к ее цивилизационным особенностям (древность, религия) и призванных подчеркнуть то, что мешало реализации возможностей, предоставленных историей.

Для того чтобы не разрушить такие рассуждения, постколониализм не связывает себя четкой дефиницией того, что такое история. Скорее, начальной точкой постколониального дискурса об истории является треугольник «коло-

ниализм — история — современность», от которого уже можно вести проекции для исследования исторических произведений эпохи колониализма, повседневногo дискурса об истории в колониальной Индии, роли исторического сознания в становлении современной картины мира и т. д. Постколониализм не терпит четких понятий, и понятие «история» не является исключением.

Литература и источники

1. Саид, Э. Ориентализм: западные концепции Востока / Э. Саид; пер. с англ. А. В. Говорунова. — СПб.: Рус. мирь, 2006. — 636 с.
2. Chakrabarty, D. Provincializing Europe: postcolonial thought and historical difference / D. Chakrabarty. — Princeton; Oxford: Princeton Univ. Press, 2000. — 301 p.
3. Devy, G. N. «Of many heroes»: an Indian essay in literary historiography / G. N. Devy. — Mumbai: Orient Longman, 1998. — IX, 213 p.
4. Dirks, N. Colonial histories and native informants: biography of an archive / N. Dirks // Orientalism and the postcolonial predicament: perspectives on South Asia / ed.: C. A. Breckenridge, P. van der Veer. — Philadelphia, 1993. — P. 279—313.
5. Gonyo, D. Envisioning India: South Asians, exhibitions and the development of nation in the late nineteenth and early twentieth centuries: thesis ... dr. of philos. / D. Gonyo. — Brighton, 2015. — 265 p.
6. Guha, Ran. Dominance without hegemony: history and power in colonial India / Ran. Guha. — Cambridge: Harvard Univ. Press, 1997. — XVII, 245 p.
7. Pandey, G. The construction of communalism in colonial North India / G. Pandey. — Delhi [etc.]: Oxford Univ. Press, 1990. — XVI, 297 p.
8. Postcolonial studies reader / ed.: B. Ashcroft, G. Griffiths, H. Tiffin. — London; New York: Routledge, 1995. — XVIII, 526 p.
9. Prakash, G. Writing post-orientalist histories of the Third World: perspectives from Indian historiography / G. Prakash // Comparative Studies in Soc. and History. — 1990. — Vol. 32, № 2. — P. 383—408.
10. Prakash, V. Between Objectivity and Illusion: Architectural Photography in the Colonial Frame / V. Prakash // ACSA International Conference, Rome, 29 May— 2 June, 1999: proceedings / Association of Collegiate Schools of Architecture: K. Deines, K. B. Jones (eds). — Rome, 1999. — P. 267—269.
11. Selected subaltern studies / ed.: R. Guha, G. Ch. Spivak. — New York; Oxford: Oxford Univ. Press, 1988. — XIV, 434 p.
12. Spivak, G. Ch. A critique of postcolonial reason: toward a history of the vanishing present / G. Ch. Spivak. — Cambridge: Harvard Univ. Press, 1999. — XIV, 449 p.
13. Spivak, G. Ch. Can the subaltern speak? / G. Ch. Spivak // Colonial discourse and post-colonial theory: a reader / ed.: L. Chrisman, P. Williams. — New York; London, 1993. — P. 66—111.

Артыкул наступіў у рэдакцыю 29.04.2019

**НАВУКОВА-МЕТАДАЛАГІЧНЫ «КРУГЛЫ СТОЛ»
«АКТУАЛЬНЫЯ ПРАБЛЕМЫ АРХЕАГРАФІІ,
КРЫНІЦАЗНАЎСТВА, АРХІВАЗНАЎСТВА Ў БЕЛАРУСЬ»**

«Круглы стол» пад такой назвай адбыўся 1 лістапада 2018 г. на гістарычным факультэце Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Ён быў арганізаваны кафедрай крыніцазнаўства сумесна з аддзелам крыніцазнаўства і археаграфіі Інстытута гісторыі НАН Беларусі і прысвечаны 150-годдзю з дня нараджэння вядомага беларускага археографа і архівіста Д. І. Даўгялы (1868—1942). У працы «круглага стала» разам з арганізатарамі прынялі ўдзел прадстаўнікі архіўных, музейных устаноў і ўстаноў адукацыі Беларусі і Украіны. Запрашэнне да ўдзелу ў рабоце «круглага стала» было накіравана арганізатарамі і ўнучцы Дзмітрыя Іванавіча — Марыяне Мікалаеўне Смірчэк, якая пражывае ў Санкт-Пецярбургу. На жаль, яна не змагла прыехаць у Мінск па шэрагу прычын, аднак даслала на імя загадчыка кафедры крыніцазнаўства М. Ф. Шумейкі пісьмо з падзякай у адрас арганізатараў і ўдзельнікаў «круглага стала»:

Уважаемый Михаил Федорович!

Письмо Ваше от 19-го окт. добралось до меня только 6 ноября — у нас 4-го нерабочий праздник «Российского Флага», да и почта вообще работает скверно. Очень сожалела, могла бы хоть телеграмму послать!

Думала даже — знай заранее, преодолела бы свою возрастную инерцию и поехала в Минск, живыми словами сказать Вам и кафедре благодарность за то, что вы спасли из небытия имя моего деда, еще в начале 60-х добились его реабилитации, а затем приложили много трудов, собрали и опубликовали фундаментальную работу.

«Круглый стол» памяти 150-летия рождения моего деда — это дорогого стоит. Я не воцерковленный человек, но в какие-то семейные даты (наверное единственная из оставшихся семейных потомков) иду в церковь и ставлю свечу, потому что Дм. Ив., мама моя и сестра ее были верующими людьми. И сейчас, когда пишу Вам, вдруг предстала, что Дм. Ив. присутствует на «круглом столе», как он тронут и рад происходящему, что вы не «Иваны не помнящие отца», что в годы безвременья вы сохраняете и бережете историю и учите этому ваших студентов. Вам ли не знать, историкам, как это важно.

Извините меня великодушно, Михаил Федорович, что пишу Вам спустя месяц. Несколько раз, поверьте, бралась за перо, хотела сказать, как тронута Вашим вниманием. Ныне доброжелательность и обязательность (по поводу переиздания) столь редкое явление. Но... Все не то пишу. Обступили семейные воспоминания, совсем не к месту Вам и Вашим коллегам, вашему собранию и Вашим интересам. Месяц прошел.

Всяких Вам благ, успехов и, конечно, здоровья.

С уважением, искренне Ваша

Марианна.

14.12.2018

Ніжэй публікуюцца выступленні некаторых удзельнікаў «круглага стала».

*М. Ф. Шумейка,
мадэратар «круглага стала»,
загадчык кафедры крыніцазнаўства,
кандыдат гістарычных навук*

М. Ф. Шумейка,
*ведущий научный сотрудник
Белорусского научно-исследовательского института
документоведения и архивного дела,
кандидат исторических наук;
e-mail: jesti@inbox.ru*

Д. И. ДОВГЯЛЛО — АРХИВИСТ, АРХЕОГРАФ, АРХИВОВЕД

(к 150-летию со дня рождения ученого)

Перечень вынесенных в название статьи сфер научной и практической деятельности, в которых проявил себя Д. И. Довгялло, может быть значительно дополнен и расширен. Он был еще и музееведом (в начале 1920-х гг. создавал и даже возглавлял в Могилеве наряду с губернским архивом и исторический музей), и библиотечным работником (заведовал в 1930-е гг. библиотекой Белорусской академии наук), и историком (исполнял должность секретаря созданного в октябре 1929 г. Института истории Белорусской академии наук). Однако стихией Дмитрия Ивановича все-таки были архивы, сохранявшие исторические документы, эти основные объекты публикации, требовавшие, как и при подготовке аналитических исследований, всестороннего источниковедческого анализа.

С учетом данного обстоятельства автор намеренно ограничил предмет своего исследования именно этими тремя, тесно связанными между собой ипостасями ученого, поставив задачей на примере одной конкретной личности рассмотреть их во взаимосвязи и взаимодействии. При этом он принимал во внимание работы своих выдающихся предшественников, около ста лет назад сформулировавших вывод о том, что только во взаимодействии историка с археографом и архивистом может быть достигнут результат в получении нового научного знания. Мы имеем в виду носившую методологический характер статью члена-корреспондента (с 1925 г. — действительного члена) Российской АН С. В. Рождественского «Историк—археограф—архивист», помещенную в первом номере начавшего выходить с 1923 г. журнала «Архивное дело», органа Центрархива РСФСР, которая, конечно же, была известна и Д. И. Довгялло. В ней автор, в частности, отмечал: «Только получив ясное представление об анатомии архивного дела или целого фонда, сможет археограф приступить к своей работе по выяснению формальной ценности содержащихся в них документов, а историк-исследователь — выбрать из них необходимые ему факты [13, с. 5]. Держа в уме это, методологического характера, положение, перейдем далее к теме нашей статьи.

Но вначале короткий доксографический очерк о Дмитрии Ивановиче Довгялло, который позволит проследить генезис и развитие его архивно-археографических и источниковедческих пристрастий, выявить оказавших наибольшее влияние на его формирование как исследователя, а также практика-архивиста и археографа учителей, очерпить круг друзей и коллег.

Дмитрий Иванович Довгялло родился 1 ноября (по новому стилю) 1868 г. в с. Козьяны Городокского уезда Витебской губ. (ныне Шумилинский р-н Витебской обл.) в семье потомственного православного священника. Его отец, Иоанн Максимилианович Довгялло, в январе этого же года был рукоположен в священники к Козьянской церкви; дослужился впоследствии до сана протоиерея, занимал должности настоятеля Лепельского Спасо-Преображенского собора и благочинного 1-го Лепельского округа; умер 3 февраля 1902 г. и был погребен на Георгиевском городском кладбище, напротив входной двери кладбищенского Свято-Георгиевского храма, построенного с его участием. В числе провожавших его в последний путь были младший сын Иван, диакон местной Крестовоздвиженской церкви, и старший Дмитрий, ставший к этому времени архивариусом (заведующим) Витебского центрального архива древних актов.

Детские и юношеские годы будущего историка, архивиста и археографа проходили так же, как и у большинства выходцев из духовного сословия. Закончив в 1882 г. Козьянское народное училище, 14-летний юноша поступил в Витебскую духовную семинарию, ректором которой на заключительном этапе пребывания в ней Дмитрия был протоиерей Иоанн Пичета, отец будущего выдающегося историка-слависта, первого ректора БГУ, академика АН БССР и АН СССР В. И. Пичеты. Вероятно, тогда и состоялось их знакомство — двадцатилетнего семинариста и десятилетнего гимназиста и начались, несмотря на значительную разницу в возрасте, их общения, продолжавшиеся до самой смерти Дмитрия Ивановича весной 1942 г. в административной ссылке в Южном Казахстане*.

По окончании семинарии Дмитрий как сын священнослужителя поступил в Петербургскую духовную академию, на казенный кошт. Большую роль в его становлении как архивиста-археографа сыграл Петербургский археологический институт, слушателем которого он являлся, будучи на последних курсах академии. Что касается источниковедческо-историографических пристрастий, то здесь, по словам биографа, влияние на него оказали известный историк-славист, филолог, академик Российской АН В. И. Ламанский и признанный белорусский краевед, непревзойденный знаток витебской старины А. П. Сапунов. Именно благодаря им у Довгялло, по словам биографа, «склалася прыхільнасць да працы ў вузкіх рамках гісторыі» [4, с. 70].

Еще во время учебы в академии и институте у Довгялло проявилась склонность к историко-архивным и археографическим изысканиям. Разумеется, она не могла не лежать в области церковной истории. Он, как и его именитый земляк, заведующий кафедрой русской гражданской истории академии М. О. Коялович, избрал предметом своих исследований церковную Унию. Пер-

* В личном архивном фонде В. И. Пичеты хранится письмо к нему Д. И. Довгялло, отправленное 26 ноября 1941 г. из кишлака Пахта-Арал Чимкентской обл., свидетельствующее о продолжавшихся сохраняться между ними добрых отношениях (подр. об этом см.: [7]).

вая его работа, увидевшая свет в первых двух номерах «Полоцких епархиальных ведомостей» за 1893 г., носила археографический характер. Она представляла собой публикацию выявленных в архиве Святейшего синода и канцелярии обер-прокурора Синода документов об истории передачи в 1799 г. Витебского Успенского собора в ведомство православного исповедания. Для подготовки предисловия к публикации Д. И. Довгялло привлек документы из архива Полоцкой духовной консистории, «Акты Виленской археографической комиссии», а также работу незадолго до того скончавшегося М. О. Кояловича «История воссоединения западнорусских униатов старых времен (до 1800 г.)».

По окончании в 1894 г. академии Д. И. Довгялло был направлен в свою родную Витебскую духовную семинарию в качестве помощника инспектора (должность инспектора в ней занимал В. А. Демидовский, который вскоре стал тестем своего помощника). Дмитрий Иванович и Екатерина Васильевна прожили в браке 45 лет, воспитали двух сыновей (Николая и Константина) и двух дочерей (Екатерину и Веру). Старший Николай, 1898 г. р., стал известным ученым-медиком, профессором Донецкого мединститута, в память о научных заслугах которого в здании института после его смерти в 1966 г. была открыта мемориальная доска. Константин, по некоторым данным, умер в декабре 1941 г. — январе 1942 г. в блокадном Ленинграде [6]. С Ленинградом связали свои судьбы и обе дочери Довгялло: здесь они получили высшее образование, обзавелись семьями. С дочерью Екатерины — Марианной Николаевной Смирчек — автор статьи познакомился в 2005 г., затем неоднократно встречался в Минске, в том числе и на истфаке БГУ в апреле 2008 г. Именно тогда она любезно позволила снять цифровые копии с оригинальных фотографий из семейного архива, которые автором переданы на государственное хранение в БГАКФФД.

Дальнейшие жизненные вехи Д. И. Довгялло выглядят следующим образом. В 1897 г. он возглавил открытый в 1862 г. Витебский центральный архив древних актов, одновременно выступая в качестве составителя и редактора последних томов издававшегося архивом сборника документов «Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг Могилевской и Витебской губ.». После принятия в 1903 г. Государственным советом Российской империи решения о слиянии витебского архива с аналогичным виленским Д. И. Довгялло перевез архив в административный центр учебного округа, где стал помощником «генерала от архивного дела», каким по праву считался И. Я. Спрогис, бессменный с 1879 г. архивариус Виленского центрального архива древних актов. Его ввели в состав действовавшей здесь с 1864 г. Виленской археографической комиссии; в сентябре 1913 г. он возглавил ее. Одновременно Довгялло являлся членом комиссии по созданию Виленской публичной библиотеки; работал правителем дел канцелярии попечителя Виленского учебного округа, Северо-Западного отдела императорского Русского географического общества, редактировал издававшиеся последним «Записки». Летом

1915 г., накануне занятия города немецкими войсками, Д. И. Довгялло вместе с сотрудниками археографической и библиотечной комиссией эвакуировался в Могилев. Здесь он пережил обе революции, непродолжительную оккупацию Могилева немецкими войсками.

С созданием Главного управления архивным делом (Главархива) Наркомпроса РСФСР Д. И. Довгялло как опытный архивист был назначен в марте 1919 г. уполномоченным управления по Могилевской губ., отошедшей, как известно, в середине января 1919 г. к РСФСР. Одновременно он возглавлял губернский архив, участвовал в создании исторического музея. С учреждением в 1922 г. в Минске предшественника Белорусской академии наук — Института белорусской культуры — Довгялло стал его деятельным сотрудником, на что указывают многочисленные сохранившиеся делопроизводственные документы последнего*.

Летом 1925 г., после произошедшего за год до этого так наз. «первого укрупнения Беларуси» (т. е. возвращения Могилевской и Витебской губерний в состав Белорусской республики), по приглашению Наркомпроса Беларуси и руководства Инбелкульта Д. И. Довгялло переехал в Минск, где вместе с проф. М. В. Довнар-Запольским, также переехавшим из Баку, возглавил Историко-археологическую (Археографическую) комиссию Инбелкульта, руководителем которой до этого был ректор БГУ В. И. Пичета. С 1925/26 уч. года он включился в преподавательскую деятельность в качестве доцента педагогического факультета БГУ. Он читал разработанный им комплексный курс по источниковедению истории Беларуси. С созданием в октябре 1929 г. Института истории Белорусской академии наук Дмитрий Иванович был назначен временно исполняющим обязанности его секретаря, тогда же стал директором академической библиотеки. В 1937 г. переведен на должность научного сотрудника Института истории. 10 декабря этого же года арестован и по решению внесудебного органа в сентябре 1939 г. выслан сроком на 5 лет в Южный Казахстан. Отбывая ссылку в кишлаке Пахта-Арал Чимкентской обл., по документально неподтвержденным данным умер в апреле 1942 г. Реабилитирован посмертно 9 июня 1964 г.

Как уже отмечалось, интерес к архивно-археографическим изысканиям у Д. И. Довгялло проявился еще во времена учебы в духовной академии и археологическом институте. (В скобках заметим, что многие, ставшие впоследствии известными историками, тот же В. И. Пичета, начинали свою научную деятель-

* В частности, в письме ученого секретаря Инбелкульта И. Л. Дыло, 8 декабря 1924 г. направленном Д. И. Довгялло, он приглашался в Минск для обсуждения вопроса об издательской деятельности. На обороте письма Дыло сделал 5 февраля 1925 г. запись о том, что Инбелкультом получены копии 16-й книги записей Литовской метрики на 466 листах и инвентаря г. Мозыря 1552 г. на 81 листе [8, л. 15]. В фонде Инбелкульта сохранилась эта рукописная копия 16-й книги записей со штампом Главлита и правками, сделанными рукой Д. И. Довгялло [16].

ность примерно таким же образом, с подготовки к изданию документальных публикаций). Он носил сугубо прикладной характер, направленный, как совершенно справедливо заметил цитиrowавшийся выше биограф, «да працы ў вузкіх рамках гісторыі» [4, с. 70]. Однако в ходе последовавшей затем в Витебском архиве систематической работы, связанной с подготовкой серийного документального издания, знакомством с археографическим опытом коллег, Д. И. Довгялло начинает размышлять о принципах и критериях отбора исторических источников для издания, применение которых могло бы отвечать взыскательным требованиям тех, для кого эти издания предназначались.

По аналогии с Санкт-Петербургской археографической комиссией, перешедшей при подготовке подсерии «Литовская метрика» в рамках серийного издания «Русская историческая библиотека» к пофондовой публикации (т. е. полной публикации книг Метрики), Д. И. Довгялло в ставших заключительными 30-м и 32-м томах «Историко-юридических материалов» (выйдут в 1903—1906 гг.) применил тот же прием, опубликовав полностью документы 1-й книги Могилевского магистрата за 1577—1578 гг. Эта работа была продолжена в Вильно, где в редактируемом им заключительном, 39-м томе «Актов Виленской археографической комиссии», он опубликовал в форме регест 2 035 актов двух очередных книг Могилевского магистрата за 1578—1580 гг.

Понимая уязвимость тематических публикаций, готовившихся как его предшественниками по витебскому архиву, так и киевскими, московскими, петербургскими коллегами, Дмитрий Иванович обратил внимание на целесообразность применения видового подхода к отбору документов при комплектовании томов. Такой подход, равно как и подготовка пофондовых публикаций, в некоторой степени защищал археографа от воздействовавших на него внаучных влияний (политических, идеологических, конфессиональных и др.), которым были особенно подвержены тематические публикации. Именно это, на наш взгляд, он и имел в виду, обращаясь к чиновнику учебного округа, завалировав свою мысль в форму предложения о необходимости ввести систему в дело издания архивом документов. Речь идет о его письме помощнику попечителя Виленского учебного округа А. В. Белецкому, предшествовавшем началу подготовки 29-го тома «Историко-юридических материалов» (выйдет в 1901 г.). В нем Д. И. Довгялло писал: «Означенный выпуск, долженствующий быть изданным на специальный кредит [...] я намерен посвятить исключительно лишь инвентарям, явленным в актовых книгах бывшего Полоцкого уезда и таким образом ввести некоторую систему в издание материалов Витебского центрального архива» [9, л. 1].

Подтверждение нашего предположения относительно понимания Довгялло уязвимости тематических изданий, более других подверженных внаучным влияниям, находим в его докладе на Первой всебелорусской конференции архивных работников в мае 1924 г. Обосновывая необходимость введения в научный оборот не только не публиковавшихся документов, но и переиздания

ранее опубликованных, он говорил: «Не требует доказательств то мнение, что три кита лежали в основе казенных изданий по истории: православие, самодержавие и великорусская народность. Отсюда подлинная жизнь народа белорусского остается до сих пор для одних периодов совершенно не выясненной (XIX—XX вв.), для других — освещенной односторонне, гл. обр. с точки зрения церковно-религиозных отношений. Отсюда для беспристрастной истории белорусского народа обнаруженные исторические материалы прежде всего недостаточны по своей неполноте» [11, с. 94—95].

Уже первая значительная археографическая работа Д. И. Довгялло — составленный им 27-й том «Историко-юридических материалов» (вышел в 1898 г.) — свидетельствовала, что он вполне по-научному подходил к решению проблемы отбора документов для публикации. Излагая в пространном введении к тому принципы группировки документов, Довгялло отмечал их значение как исторического источника, содержащего сведения о руководстве магистрата, ценах на основные продукты и т. д.

Объясняя целесообразность публикации в томе 37 документов из книги Ушачской магдебургии за 1733—1764 г., он писал: «При выборе этих документов для печати мы руководствовались уже не одними интересами историческими. Означенная книга сильно подверглась тлению и многие документы еле могут быть разбираемы, а некоторые уже и безвозвратно утрачены. Чтобы сохранить что можно из тронутого тлением, мы и решили напечатать предлагаемые документы из означенной книги»*. Здесь налицо учет Довгялло двух из трех основных факторов (ценностного (источниковедческого) и архивоведческого), помогающих археографу более или менее успешно решать проблему выбора объекта публикации. Что же касается историографического фактора, то его Довгялло имел в виду в упоминавшемся выше докладе на архивной конференции 1924 г., когда говорил: «Издание в печати архивных материалов как первоисточников для истории белорусского народа и характеристики белорусской культуры является со всех точек зрения не только крайне желательным, но и необходимым. На ближайшей очереди масса документов чрезвычайно ценных, без которых не может быть поставлено правильно и всесторонне освещено прошлое белорусского народа, особенно под углом марксистской точки зрения» [11, с. 94].

Наиболее полное представление о теоретико-методических взглядах Довгялло в области археографии дает содержание его доклада «Археографические работы в Белоруссии» на упоминавшейся выше архивной конференции. Уже в первом его разделе докладчик обратил внимание на теоретические проблемы в области археографии как научной дисциплины. К сфере археографии он относил не только эдиционное, но и камеральное направление, выступая таким образом сторонником широкого толкования археографии: «В собственном

* Цит. по: [17, с. 27].

смысле археографии обнимает описание и научное издание в печати разных архивных материалов, служащих историческими первоисточниками» [11, с. 91]. Заметим, что в более поздних своих работах, особенно носивших краеведческий характер, Довгялло будет вести речь и о полевой археографии, как третьей составляющей этой научной дисциплины и сферы практической деятельности.

Пятый раздел доклада, названный им «Замечание о методе работы», по сути представлял собой одну из первых попыток, если не считать составленных в сентябре 1919 г. сотрудниками Петроградского отделения Главархива России «Правил издания документов» и появившихся в 1922 г. подготовленных А. С. Лаппо-Данилевским «Правил издания Сборника грамот Коллегии экономики», хотя бы тезисно изложить основные методические приемы в области практической археографии.

Первое, базисное положение для установления метода работ по белорусской археографии заключалось, по мнению Довгялло, в публикации исторических документов «лишь в полном виде, без всяких самомалейших изменений или выпусков, а тем более добавлений».

Ко второму требованию методики издания археографических материалов он относил определение объекта публикации через выработку плана, который «гарантировал бы выпуск в свет в ближайшую очередь самонужнейших для разработки истории белорусского народа материалов». К последним, как выше уже отмечалось, он относил прежде всего документы XIX—XX вв.

И, наконец, в-третьих, опираясь на опыт работы Виленского центрального архива древних актов, занимавшегося описанием хранившихся здесь документов, составлением и публикацией описей этих документов и книг, Д. И. Довгялло полагал необходимым «в целях дальнейшего планомерного осуществления задачи по белорусской археографии, чтобы все архивы безотлагательно стали работать над составлением описей и при том в такой форме, которая обеспечивала бы возможность печатания их с пользой для научной работы по истории белорусского народа» [11, с. 96].

Таким образом, Д. И. Довгялло в Беларуси, как и С. В. Рождественский в России, выступал за прочный союз архивиста с археографом как неперемненное условие успешного развития историографии.

Представляются значимыми и выступления Довгялло по архивно-архивоведческим проблемам: его доклад о составлении архивных описей, участие в дискуссии по вопросу экспертизы ценности документов (в отличие от В. И. Пичеты, предлагавшего установить в качестве ограничительной даты для уничтожения архивных документов 1819 год, Довгялло считал целесообразным продлить срок до 1861 или даже 1865 г., «ибо эта эпоха является для Белоруссии очень интересной»), об архивной реституции (его выступление с инициативой войти с предложением в ЦИК БССР о нев выдаче Польше Литовской метри-

ки «па той прычыне, што пры адсутнасці яе беларускія вучоныя ня змогуць весці даследаванні сваёй краіны») [11, с. 38—39] і др.

Если на архивной конференции Д. И. Довгялло касался широкого спектра архивно-архивоведческих и археографических проблем, то на состоявшемся в январе 1926 г. Первом съезде исследователей белорусской археологии и археографии он сконцентрировал внимание исключительно на археографически-источниковедческих сюжетах через призму архива великокняжеской канцелярии, т. е. Метрики ВКЛ. «Літоўская метрыка і яе каштоўнасць для ввучэння мінуўшчыны Беларусі», так назывался его доклад, открывавший 17 января 1926 г. первое заседание съезда. В нем, опираясь на опубликованную 24 декабря 1925 г. в газете «Советская Белоруссия» статью проф. М. В. Довнар-Запольского о Метрике, Довгялло проанализировал ее историю, состав и пришел к выводу об огромном значении Метрики как исторического источника в деле изучения истории Беларуси. «Якое б пытаньне не закрануць па гісторыі Беларусі соцыяльна-грамадзкага, эканомічнага і іншага зьместу ад XIV да канца XVIII стагоддзя, — падкрывал он, — мы напэўна знойдзем заўсёды найлепшыя веды ў Літоўскай Мэтрыцы» [12, с. 58].

Несмотря на заказной характер доклада, равно как и самого включения вопроса о Метрике в повестку дня работы съезда*, а также достаточно скромную авторскую самооценку, он, по нашему мнению, носил оригинальный характер, подтверждением чему может служить ссылка на доклад в предисловии к до сих пор остающейся одной из лучших монографий источниковедческого характера о Метрике [2, с. 3, 154], а также его неоднократная публикация помимо «трудов» съезда. Текст доклада составил также одну из лекций разработанного Д. И. Довгялло курса по источниковедению истории Беларуси, о котором выше уже упоминалось.

В числе слушателей курса был и ставший впоследствии известным историком Н. Н. Улащик (1906—1986), благодаря которому сохранился студенческий конспект лекций. В составленной Улащиком в 1965 г. для Краеведческого музея Минской обл. (в г. Молодечно) автобиографии, он, в частности, писал: «Замечательным педагогом в то время в университете был В. И. Пичета, интересно вел занятия по источникам Беларуси Д. И. Довгялло»**.

Представляется неслучайным, что эти две фамилии упомянуты Улащиком вместе. Анализ структуры и содержания догьялловского курса явственно указывает на то, что составляя его, автор находился под влиянием вышедшей тремя годами ранее монографии В. И. Пичеты «Введение в русскую историю (источники и историография)» (М., 1923), в которой значительное место было отведено источникам белорусского происхождения. В то же время эта, носившая дидактический характер, работа Довгялло представляла собой скорее комплексный курс основ источниковедения, архивоведения и археографии

* Подр. об этом см. [18].

** Цит. по: [17, с. 91].

Беларуси, нежели традиционный курс исторического источниковедения и предназначена для сопровождения читавшегося им основного курса по истории Беларуси до разделов Речи Посполитой. По мнению того же Пичеты, курс по источниковедению был крайне полезен для студентов, а потому ректор БГУ отстаивал его в 1928 г., когда по надуманным причинам, обусловленным личностью его разработчика, он был исключен из программы педагогического факультета. «Кожны студэнт, які скончыў педфак, павінен ведаць крыніцы і крыніцазнаўства Беларусі, — писал Пичета в июне 1928 г. в Наркомпрос БССР. — Скасаванне гэтага курса толькі сведчыць аб тым, што тут маецца незнаемства з самаю сутнасцю курса і яго метадалагічнага і практычнага значэння. Калі ў сучасны момант дзяржаўны ўрад выдае розныя законы адносна архіўнай справы і студэнтам у сваёй практычнай працы прыходзіцца сустракацца з гэтымі пытаннямі, то, мне здаецца, яны амаль што не могуць быць добрымі працаўнікамі, калі яны па гэтым пытанні не будуць мець элементарных ведаў» [10, с. 279].

Нельзя не отметить, что архивоведческая деятельность Д. И. Довгялло не отличалась, в отличие от его российских коллег, особой оригинальностью. Дело в том, что он был больше практиком-архивистом, нежели ученым-архивоведом. Знаменательно, что именно его фамилия открывает в предисловии к изданному к 100-летию Государственной архивной службы России двухтомному сборнику документов перечень инспекторов и уполномоченных Главархива России, благодаря стараниями которых были сохранены бесценные документальные комплексы в послереволюционный период [1, с. 48].

Однако это вовсе не значит, что он индифферентно относился к происходившим в первое послереволюционное десятилетие теоретическим спорам и дискуссиям в области складывавшегося в качестве научной дисциплины архивоведения. Как известно, теоретическим ядром науки об архивах является учение о фонде, сформулированное еще в первой четверти XX в. Опиравшийся на принцип провениенции (происхождения), архивный фонд противопоставлялся коллекции, в основе которой лежал принцип пертинентности (отношения). Само понятие архивного фонда рассматривалось тогда более или менее широко: от ЕГАФ до фондов учреждений, должностных и частных лиц.

Какую позицию на этот счет занимал Д. И. Довгялло? Ответ содержится в его выступлении на Втором совещании архивных работников Беларуси в декабре 1927 г. Как следовало из содержания его выступления, Довгялло не во всем был согласен со своими российскими коллегами-архивоведами, в частности, Б. И. Анфиловым и В. В. Снигиревым, которым принадлежал приоритет в определении понятия «архивный фонд». По мнению В. В. Снигирева, изложенному хотя и несколько витиевато, но по сути своей точно: «Архивный фонд есть своего рода геологическое напластование, исторически сложившаяся индивидуальная группа архивных материалов различного содержания, объединенных в одно органическое целое, выросших, так сказать, на одном корню,

каковым является их общее возникновение в связи с деятельностью определенного учреждения, или же бывшая принадлежность одному и тому же физическому или юридическому лицу, сгруппировавшему их именно так, а не иначе»*.

В отличие от Снигирева Довгялло несколько иначе определял понятие фонда: «Цяпер аб разуменьні, што такое фонд. Я лічу, што фонды павінны будавацца на дзейнасці паасобных устаноў. Тут ня трэба вельмі дробна размяркоўваць некаторыя архіўныя матар’ялы, як гэта робяць некаторыя з загадчыкаў акрархіваў: забраў матар’ялы з адной царквы і мае адзін фонд, з другой — другі фонд і г. д. Я лічу, што царкоўныя архіўныя матар’ялы можна ўсе лічыць адным фондам, калі патрэбна, можна некаторыя асобныя групы гэтых матар’ялаў выдзеліць у другі фонд і г. д. Па ўсякім выпадку аб разуменьні фонда тут нарадзе трэба будзе дагаварыцца» [3, с. 15].

Как видим, не отрицая целесообразности формирования архивных фондов по принципу их происхождения, Д. И. Довгялло вместе с тем, исходя из практики работы окружных архивов, склонялся к возможности и допустимости их объединения: по аналогии с существовавшим Единым государственным архивным фондом БССР он предлагал создать «Единый церковный архивный фонд», что, конечно же, шло вразрез с фондовым принципом комплектования архивов. Не настаивая на принятии совещанием его позиции, он предлагает обсудить вопрос о понятии архивного фонда с тем, чтобы прийти к единому общему мнению. К сожалению, ограниченный объем документации совещания не дает возможности проследить за ходом дискуссии (и была ли она?), предлагаемой Д. И. Довгялло.

И еще об одной важной инициативе, с которой Д. И. Довгялло выступил на этом же совещании. Она, на наш взгляд, была обусловлена позицией ленинградского историка-архивиста, будущего профессора Московского историко-архивного института И. Л. Маяковского, сформулированной им в статье «Об архивах как об одной из областей краеведческой работы» (опубликована в 1-м номере журнала «Краеведение» за 1927 год). По мнению автора, к архивной работе, особенно на местах, должны активнее привлекаться краеведы; Маяковский предлагал не форсировать процесс централизации, оставляя на местах необходимые для краеведческой работы архивы. Нетрудно предположить, что в условиях наступавшей «коммунизации» архивного дела такая позиция однозначно расценивалась как «политическая ошибка» историка-архивиста, как «сопротивление ленинскому декрету о централизации архивного дела» [Подр. об этом см.: 15, с. 38—39].

Тем не менее, на архивном совещании в Минске в декабре 1927 г. Д. И. Довгялло полностью разделял и поддерживал эту позицию российского коллеги, несмотря на то, что к этому времени уже была известна негативная на нее реакция [см., напр.: 5].

* Цит. по: [14, с. 370].

«Адносна матар’ялаў дарэвалюцыйных архіваў, — гаворыў он, — добра было б ня спяшыць з іх канцэнтрацыяй па гістархам. Добра было б іх захоўваць на месцах, паступова і па меры магчымасці выкарыстоўваць мясцовымі працаўнікамі-краязнаўцамі» [3, с. 15]. Этот тезис, базировавшийся на одном из основополагающих в архивоведении принципов — принципе происхождения (архивные фонды должны храниться по месту их создания), к сожалению, не был принят во внимание преемниками Довгялло, что привело к тому, что в нынешнем Национальном историческом архиве Беларуси (Минск) хранятся архивные фонды дореволюционных учреждений губернского и даже уездного уровней не только Минской, но и Витебской, Могилевской губерний, вызывая порой недоумение у исследователей, особенно зарубежных, и у архивистов этих двух восточнобелорусских областей.

Завершая статью, отметим, что Д. И. Довгялло по праву был и остается одним из авторитетнейших белорусских археографов, архивистов, источниковедов, внесших значительный вклад в становление и развитие этих научных дисциплин в республике. Его личность знаменовала собой сохранение, преумножение и передачу накопленных во второй половине XIX — начале XX в. традиций в области этих дисциплин. И прошедший 1 ноября 2018 г. на истфаке БГУ «фруктый стол», посвященный актуальным проблемам археографии, источниковедения, архивоведения, приуроченный к 150-летию со дня рождения ученого — наглядное тому подтверждение. В этой связи автор настоящей статьи полагал бы целесообразным вернуться к идее, ранее уже высказывавшейся архивно-археографическим сообществом республики, — об установлении премии его имени за лучшую работу в области археографии, архивоведения, архивного дела, как это сделали, например, наши украинские коллеги, учредив премию им. В. И. Веретенникова. Это было бы не только данью признательности и уважения к заслугам Д. И. Довгялло, но и послужило бы стимулом для дальнейшего развития в Беларуси архивоведения, археографии, источниковедения, уровень которых, несмотря на имеющиеся в последние два десятилетия место позитивные изменения, тем не менее, оставляет желать лучшего.

Источники и литература

1. Архивы и власть: Первое послереволюционное десятилетие. Протоколы и журналы заседаний руководящих органов управления архивной отраслью за 1918—1928 гг.: Сборник документов: В 2 т. Т. 1. 1918—1920. — М.: Кучково поле, 2018. — 1040 с.; 8 л. ил.
2. Бережков, Н. Г. Литовская метрика как исторический источник. Часть первая: О первоначальном составе книг Литовской метрики по 1522 год. — М.; Лг., 1946. — 180 с.
3. Второе совещание архивных работников Беларуси 19—24 декабря 1927 г.: Док. и материалы / Сост. М. Ф. Шумейко. — Минск: БелНИИДАД, 2001. — 74 с.
4. Вывучэнне культурнага стану краю (3 досьледу Віцебшчыны) // Наш край. — 1927. — № 6—7 (21—22) чэрвень—ліпень. — С. 65—76.
5. Голубцов, И. А. Красведческие «поправки» к организации архивного дела в РСФСР // Архивное дело. — 1927. — Вып. XIII. — С. 11—26.

6. Горбова, М. В., Шумейко, М. Ф., Довгялло, Ю. В. Николай Дмитриевич Довгялло: ученый, педагог, публицист // Медицина в художніх образах: Статгі. — Вып. 10. — Донецьк: Норд-прес, 2012. — С. 460—476.
7. «Искренне любящий Вас Старик» (письмо Д. И. Довгялло В. И. Пичете) (публ. подг. М. Ф. Шумейко) // Архивы и делопроизводство. — 2003. — № 6. — С. 91—93.
8. Национальный архив Республики Беларусь. — Ф. 251 (ЦГИА Республики Беларусь). — Оп. 2. — Д. 2.
9. Национальный исторический архив Беларуси. — Ф. 2790 (Витебский центральный архив древних актовых книг Витебской и Могилевской губ.). — Оп. 1. — Д. 109.
10. Памяць і слава: Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт. 1921—1941. — Мінск: БДУ, 2006. — 383 с.: ил.
11. Первая всебелорусская конференция архивных работников 12—15 мая 1924 г.: Док. и материалы. — Минск: БелНИИДАД, 1999. — 148 с.
12. Працы Першага зьезду дасьледчыкаў беларускае архэалёгіі і архэографіі 17—18 студзеня 1926 году. — Менск: [Б. и.], 1926. — 86 с.
13. Рождественский, С. В. Историк—археограф—архивист // Архивное дело. — 1923. — Вып. 1. — С. 1—12.
14. Хорхордина, Т. И. История архивоведческой мысли. Учеб. — М.: РГГУ, 2012. — 448 с.
15. Хорхордина, Т. И. «Неизвестный» И. Л. Маяковский (1878—1954). — М.: РГГУ, 2001. — 96 с.
16. Центральный научный архив Национальной Академии наук Беларуси. — Ф. 67 (Инбелкульт). — Оп. 3. — Д. 25.
17. Шумейко, М. Ф. Архивист и археограф Дмитрий Иванович Довгялло. — Минск: БелНИИДАД, 2002. — 165 с.
18. Шумейко, М. Ф. Первый съезд исследователей белорусской археологии и археографии 1926 года // Археографический ежегодник за 2007—2008 гг. — М.: Наука, 2012. — С. 171—181.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 04.02.2019

Д. А. Безмацёрных,
архівіст Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі,
аспірант Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта;
 e-mail: darijatka.vkl@gmail.com

КНІГІ БРАСЛАЎСКАГА ЗЕМСКАГА СУДА: ФАРМІРАВАННЕ КРЫНІЦЫ І ЯЕ ЗАХАВАНАСЦЬ

Праблема судовай сістэмы Вялікага Княства Літоўскага пасля рэформаў сярэдзіны XVI ст. з'яўляецца вельмі складанай міждyscyплінарнай вобласцю даследаванняў. Асобнае месца ў ёй займаюць земскія суды, якія разам з павятовымі сеймікамі сталі адпостраваннем шляхетнай дэмакратыі. Часткай гэтай сістэмы стаў і Браслаўскі земскі суд, без аналізу якога карціна даследаванняў гэтай міждyscyплінарнай вобласці будзе не поўнай.

У 1565—1566 гг. у Вялікім Княстве Літоўскім былі праведзены адміністрацыйна-тэрытарыяльная і судзэбная рэформы, у іх выніку быў утвораны сярод іншых і Браслаўскі павет — адзін з самых маленькіх паветаў дзяржавы, а разам з гэтым на землях новаўтворанага павета была ўсталявана новая судовая сістэма, у рамках якой быў створаны земскі суд. Знаходзячыся на перыферыі, аддалены ад палітычных цэнтраў, павет быў дастаткова маланаселеным. На паўночным захадзе ён межаваў з Інфлянцкім княствам, на захадзе яго ляжаў Вількамірскі павет, на поўдні праходзіла мяжа з Ашмянскім (часткова па рацэ Дзісна) і Віленскім паветамі, а на паўночны ўсход і ўсход ад яго знаходзілася Полацкае ваяводства.

Сам горад Браслаў уяўляў горад-крэпасць, які меў важнае ваеннае значэнне ва ўмовах частых войнаў з Вялікім Княствам Маскоўскім. Браслаўскі замак са стальым гарнізонам размяшчаўся на гары. На гэтай жа гары адбываліся пасяджэнні земскага і гродскага судаў, знаходзіўся судзэбны архіў, а таксама збіраліся павятовыя сеймікі. Каля гары раскінуўся сам горад, насельніцтва якога ў XVI—XVII стст. агулам складалася прыкладна з тысячы чалавек.

Першая сесія Браслаўскага земскага суда адбылася каля 1566 г. Напачатку свайго дзеяння пастаяннага памяшкання суд не меў, засядаў у замку. Але ў 1590 г. сеймам Рэчы Паспалітай зямлянам павета было дазволена пабудаваць спецыяльны будынак для дзейнасці земскага суда. Для захавання кніг гэты будынак павінен быў мець каменны склеп пад ім. А да заканчэння пабудовы засяданні па-старому павінны былі працягвацца ў замку [1, с. 317]. У дакуменце самай старажытнай актавай кнігі Браслаўскага земскага суда, якая захавалася да нашага часу, а менавіта ў скарзе браслаўскага зямлініна Кляўса Ведыка на пісара земскага Яна Самсона ад 15 студзеня 1603 г. упамінаецца «изба судовая» [2, арк. 46] як адасоблены будынак, што сведчыць пра тое, што на студзеньскай (трохкрольскай) сесіі 1603 г. асобны будынак для пасяджэнняў земскага суда ўжо існаваў.

Кнігі земскага суда запісваліся пісарам і падпіскамі. Кнігі трымаліся пад замком. Адчыняліся яны за тры дні да пачатку «рочкаў» (судовыя рочкі (рокі) ці

сесіі — тэрмін ад пачатку да заканчэння пасяджэнняў суда [3, с. 317]), калі збіраліся разам судовыя ўраднікі. У гэты час усім жадаючым даваліся выпісы з гэтых кніг, складаліся спецыяльныя рээстры, якімі вызначаўся парадак разглядання спраў на судзе (аднак на самім судзе гэты парадак не заўсёды выконваўся), з унясеннем пазваў. Колькасць дзён, як і спраў, якія разглядаў суд за рочкі, магла быць рознай. Засядалі кожны дзень, выключачоучы вялікія святы і нядзелі. Запісы, якія рабіліся падчас сесіі, можна падзяліць на дзве групы: некаторыя моманты, што патрабавалі натарыяльнай ці проста юрыдычнай фіксацыі (сюды можна аднесці акты куплі-продажу, тастаменты, сведчанні па розных справах, скаргі, аповеды возных і г. д.) і судовыя справы з запісам судовага выраку. Пасля заканчэння сесіі судовыя ўраднікі яшчэ тры дні выдавалі выпісы з кніг, запісвалі яшчэ неўнесеныя «сазнанні». Пасля кнігі ранейшых рочкаў хаваліся ў спецыяльную скрыню, ключы ад якой мелі толькі суддзя, падсудак і пісар. Яны ж апячатвалі скрыню сваімі пячаткамі. Скрыня захоўвалася ў спецыяльным бяспечным месцы, якое ахоўвалася ваяводам ці старастам. Запісы з апошняй сесіі захоўваліся ў пісара, як у прысягнуўшага ўрадніка, да наступнай сесіі. За гэты час ён павінен быў начыста перапісаць іх. Пасля яны далучаліся да астатніх кніг у агульную скрыню. Пасля трох сесіі і да пачатку чацвёртай справы з гэтых трох рочкаў сшываліся разам [4, с. 590]. Аднак, як сведчаць запісы, якія не заўсёды ідуць у храналагічным парадку, кнігі не заўсёды перапісваліся набела, часам пакідалася пустое месца, куды ўпісваліся іншыя запісы.

Нельга не адзначыць, што нягледзячы на ўсе перасцярогі і меры для захавання актавых кніг, верагодна, выпадкі і спосабы ўнесці змены ва ўжо зафіксаваныя судом справы і дакументы былі. Так, падчас трохкрольскай студзеньскай сесіі 1605 г. была зафіксавана скарга зямляніна Полацкага ваяводства Яна Ахозскага на зямляніна Браслаўскага павета Яна Падзейку з-за вынас уначы судовых кніг, мэтай якога было выняцце некаторых ранейшых запісаў [2, арк. 200—200адв.]. Далейшае разбіральніцтва ў запісах адсутнічае, але гэты выпадак сведчыць пра магчымасць змен у асобных месцах судовых кніг. Аднак уся прадуманая сістэма захоўвання кніг зямскіх судаў усё-такі забяспечыла іх захаванасць да сучаснасці.

За XVII ст. падчас войнаў Рэчы Паспалітай з Маскоўскай дзяржавай Браслаў некалькі разоў быў спалены. У актавай кнізе Браслаўскага зямскага суда за 1725 г. ужо было ўказана пра правядзенне рочкаў у Браслаўскай юрыдыцы (частцы горада, якая належала касцёлу) [5, л. 15]. Сесіі суда ў Браславе адбываліся да 90-х гг. XVIII ст.

У 1793 г. расшэннем сойма, якім быў адобраны акт другога падзелу Рэчы Паспалітай, была праведзена адміністрацыйна-тэрытарыяльная рэформа, а Браслаў набыў статус цэнтра ваяводства, павятовыя сеймікі, зямскія і гродскія суды разам з архівам былі пераведзены ў Відзы. Паводле запісу заявы маршалка браслаўскага Беньдыкта Ваўжэцкага ў актавай кнізе ад 5 лютага 1794 г., пры непасрэдным фінансаванні апошняга ў той частцы мястэчка, якая належала

таму ж маршалку, павінны былі быць пабудаваны судзэбны дом, каменны архіў і спецыяльны навес для сходаў павятовых сеймікаў [6, л. 1]. І ўжо 11 сакавіка 1794 г. у Відзах адбылося першае пасяджэнне Браслаўскага земскага суда [7, л. 1—1v].

У новае Браслаўскае ваяводства ўваходзілі тры тэрытарыяльныя адзінкі — землі — Браслаўская, Анікшцінская і Вількамірская.

11 мая 1794 г. у Браславе адбыўся бой паміж войскам Т. Касцюшкі і рускай арміяй, падчас якога горад быў амаль цалкам спалены. А пасля ўваходжання тэрыторый у склад Расійскай імперыі быў зноў створаны Браслаўскі павет, які ўвайшоў у Віленскую губерню (з 1797 да 1801 г. — Літоўскую).

Паводле ўказа Паўла I ад 12 снежня 1796 г. на далучаных землях, да якіх адносіўся і Браслаўскі павет, была ўзноўлена былая судовая сістэма, але з некаторымі зменамі (так, напрыклад, змяніўся склад: замест суддзі, падсудка і пісара былі ўведзены земскі суддзя, два падсудкі і дваране, але ўдзел апошніх быў не абавязковым; таксама было пашырана кола спраў, якія разглядаў суд). Цэнтрам павета засталіся Відзы, дзе працягваў захоўвацца архіў гродскага і земскага судоў.

Падчас адступлення напалеонаўскай арміі 28 лістапада 1812 г. у Відзах адбыўся бой паміж рускімі і французскімі войскамі. Большая частка горада была спалена, а разам з ёй былі знішчаны і гродскія актавыя кнігі за XVI—XVIII стст. [8, р. 48].

Скасаванне земскіх судоў адбылося ў 1831 г., калі яны былі заменены на павятовыя суды, дзейнасць якіх поўнасьцю абапіралася на расійскае заканадаўства. Архіў Браслаўскага земскага суда быў перададзены новастворанаму Браслаўскаму павятовому суду. Новыя змены адбыліся ў 1836 г. Разам з перайменаваннем Браслаўскага павета ў Новааляксандраўскі яго цэнтр быў перанесены ў Езясросы (сёння — Засарай), якія за год да гэтага таксама атрымалі новую назву — Новааляксандраўск. Туды ж былі перавезены і справы Браслаўскага земскага суда. А ў 1843 г. Новааляксандраўскі павет быў далучаны да Ковенскай губерні.

У 1852 г. асабістым імператарскім указам Мікалая I быў заснаваны Віленскі цэнтральны архіў старажытных актаў, дырэктарам якога стаў Мікіта Гарбачэўскі. 3 ліпеня па верасень наступнага года з Новааляксандраўскага павятовага суда былі перададзены ў Вільню 99 спраў, 84 з якіх былі з Браслаўскага земскага суда. У іх лік уваходзіла 46 актавых кніг — пераплецёных і пранумараваных. Большасць з іх была зацверджана сургучнай пячаткай рэвізійнай камісіі Віленскай, Гродненскай і Беластоцкай губерняў, а некаторыя — пячаткай Віленскага губернскага праўлення. Астатнія (38 спраў) уяўлялі сабой судовыя пратаколы і рээстры [9, л. 355—408].

У 1872 г. Мікітам Гарбачэўскім быў выдадзены каталог спраў, якія знаходзіліся на захаванні ў Віленскім архіве старажытных актаў [10]. Кожнай справе быў нададзены асабісты інвентарны нумар, указваліся колькасць лістоў і храна-

лагічныя рамкі. Пад заглавак Браслаўскага земскага суда патрапілі 86 спраў, якія атрымалі нумары 15385—15470. Падзелены яны былі на чатыры групы: актавыя кнігі (48 спраў, № 15385—15432, ахоплівалі перыяд з 1600 па 1794 г.), пратаколы паточныя (№ 15433—15438), рэестры ардынацыйныя (№ 15439—15448), рэестры розных найменняў (№ 15449—15470). Дакументы ахопліваюць перыяд з 1600 па 1802 гг.

За першую палову XX ст. з-за дзвюх сусветных войнаў і змен на палітычнай карце тэрыторый, якія складалі былую Рэч Паспалітую, частка архіўных дакументаў Віленскага цэнтральнага архіва старажытных актаў была страчана, частка апынулася ў суседніх дзяржавах. Вынікам усіх змен стаў падзел архіва Браслаўскага земскага суда на некалькі частак.

Пасля Другой сусветнай вайны справы Віленскага архіва старажытных актаў знаходзіліся ў Цэнтральным дзяржаўным архіве Літоўскай ССР. У 1946 г. усе архіўныя фонды былі ўзяты на ўлік з прысваеннем кожнаму асабістага нумара. У рамках гэтага фонд «Браслаўскі земскі суд» набыў № 46 (пад гэтым нумарам ён праходзіць і цяпер). Частка спраў з гэтага фонду была перададзена ў Беларусь.

24 жніўня 1956 г. рашэннем Савета Міністраў ЛітССР дакументы, што засталіся ад архіва Старажытных актаў, былі змешчаны ў створаны Цэнтральны Дзяржаўны гістарычны архіў Літоўскай ССР (сёння — Дзяржаўны гістарычны архіў Літвы).

У 1980 г. у Дзяржаўным гістарычным архіве Літвы (далей — LVIA) падчас правядзення праверкі наяўнасці і стану спраў фонду была ўстаноўлена наяўнасць 40 спраў паводле спісу Гарбачэўскага (№ 15404—15410, 15412—15414, 15416—15431, 15434—15436, 15440—15449, 15459). У 1981 г. да фонду быў дададзены вопіс № 2, у які была ўключана адна справа, знойдзеная сярод неапісаных спраў (дэкрэтны пратакол Браслаўскага эксдывізарскага суда) [11].

Як было адзначана вышэй, частка фонду 46 была перададзена ў Беларусь. 5 кастрычніка 1948 г. паводле загаду Галоўнага архіўнага ўпраўлення пры МУС СССР было перададзена з Літвы ў філіял Цэнтральнага гістарычнага архіва БССР у Гродна чатыры справы Браслаўскага земскага суда [12, арк. 1]. Паводле акта аб перадачы ад 1951 г. было перададзена 35 спраў [12, арк. 3].

Да фонду былі далучаны і іншыя справы. У 1946 г. у Магілёўскім гістарычным архіве пры пераправерцы ў фондзе «Браслаўскі павятовы суд» была пазначана адна справа за 1628—1632 гг., якая ўяўляла актывую кнігу Браслаўскага земскага суда. Яна была таксама перададзена ў далейшым у Гродна і ўключана ў фонд «Браслаўскі земскі суд» [12, арк. 5]. Яшчэ адну актывую кнігу за 1638—1640 гг. перадалі з гістарычнага архіва Масквы [12, арк. 11].

У 1964 г. 38 спраў Браслаўскага земскага суда было перададзена з Гродна ў Мінск у Цэнтральны дзяржаўны гістарычны архіў БССР, дзе быў створаны фонд № 1747 [12, арк. 12], пад гэтым жа нумарам дадзеныя дакументы праходзяць і цяпер. Фонд быў апісаны, былі пераправяраны даты і назвы, указана

колькасць старонак. Таксама з фонду была выключана адна кніга Браслаўскага падкаморскага суда, а з іншага фонду быў далучаны дэкрэтны пратакол за 1824 г. У 1981 г. з Вільнюса была перададзена яшчэ адна справа — актавая кніга за 1821 г.

На дадзеным этапе па фонду аўтарам артыкула ствараюцца геаграфічны і асабовыя паказальнікі, вопісы да кожнай са спраў. Была зроблена спроба суаднесці справы з вопісам, складзеным Гарбачэўскім, аднак адназначна вызначыць шэраг крыніц, якія на дадзены момант знаходзяцца на захаванні ў Нацыянальным гістарычным архіве Беларусі, з каталогам дастаткова праблематычна з-за пашкоджанасці ці згубленых частак спраў, што можа прывесці да высокай верагоднасці памылак. Аднак нават на пачатковым этапе аналізу можна назваць шэраг страчаных актавых кніг (так, напрыклад, толькі за першую палову XVII ст. знікла пяць кніг, дзве з якіх — самыя раннія з каталога Гарбачэўскага).

Дзякуючы польскім даследчыкам Г. Люлевічу і Х. Граля стала вядома пра месцазнаходжанне яшчэ дзвюх актавых кніг Браслаўскага земскага суда: адна кніга за 1620 г. знаходзіцца ў Яраслаўскім музеі-запаведніку [13], а другая, за 1649—1652 гг., — у Расійскім дзяржаўным архіве старажытных актаў у Маскве (далей — РГАДА) [14].

Дакументы архіва Браслаўскага земскага суда ўключаюць некалькі відаў крыніц: актавыя, паточныя і дэкрэтныя кнігі, актавыя і паточныя пратаколы, сумарыйныя, тактавыя, ардынаныя і іншыя рэестры спраў. Часам можна сустрэць укладныя дакументы [15]. Крыніцы змяшчаюць шырокі спектр інфармацыі, што дазваляе праз прызму працы земскага суда закрануць вялікае кола пытанняў. Яны датычацца канфлікталогіі паміж саслоўямі і ўнутры шляхецкага саслоўя, эканамічных пытанняў, пытанняў сацыяльнага статусу, даюць рэлігійныя, біяграфічныя звесткі і інш.

Прааналізаваўшы актавыя кнігі Браслаўскага земскага суда за 1602—1632 гг., Г. Люлевіч прапанаваў падзяліць матэрыялы на некалькі груп: 1) дэкрэты земскага суда; 2) дакументы цяжучага функцыянавання дадзенага суда (рэляцыі, інтрамісіі, позовы і г. д.); 3) дакументы іншай шляхты для натарыяльнага завярэння (тастаменты, акты куплі-продажу, арэндныя лісты, акты маёмаснага падзелу спадчыны і інш.). Аднак, як пазначае навуковец, шэраг запісаў у гэтыя групы не ўлічваецца (напрыклад, рэгістр збору сярэбшчыны ў 1628 г. і г. д.) [16, с. 155].

Асноўныя мовы напісання — польская і старабеларуская, радзей сустракаецца лаціна. Да 1697 г. мовай справаводства была старабеларуская, што вызначае і мову крыніц. Для XVII ст. асноўнай з’яўляецца старабеларуская, польскай часам напісаны ў асноўным запісы дакументаў асабістага характару (лісты куплі-продажу, тастаменты і г. д.) і сведчанні возных. Гэта стварае магчымасць на падставе аналізу выкарыстанай мовы прыкладна апісаць моўную сітуацыю рэгіёна. Пасля 1697 г. старабеларускай мовай пачалі запісвацца толькі выпісы папярэдняга стагоддзя.

Такім чынам, вывучэнне актавых кніг Браслаўскага земскага суда дазваляе стварыць разгорнутую карціну розных бакоў жыцця Браслаўскага павета за часы існавання вызначанага суда. Розная ступень інфарматыўнасці ствараецца шырокай разнавіднасцю дакументаў, сабраных у актавых кнігах. Разнастайнасць матэрыялаў выклікае неабходнасць іх дэталёвага аналізу, а шматлікасць утрыманай інфармацыі робіць дадзеныя матэрыялы цікавымі для даследавання розных сфер жыцця Браслаўскага павета ў вызначаны перыяд.

Крыніцы і літаратура

1. Volumina Legum: przedruk zbioru praw staraniem XX pijarów w Warszawie, od roku 1732 do roku 1782: leges, statuta, constitutiones et privilegia regni Poloniae, magni ducatus Lithuaniae, omniumque provinciarum annexarum, a committis vislicle anno 1347 celebratis usque ad ultima regni comotia. — Petersburg: J. Ohryzko, 1859. — Т. 2.
2. НГАБ. — Ф. 1747. — Воп. 1. — Спр. 1.
3. Горбачевский, Н. И. Словарь древнего актового языка Северо-Западного края и царства Польского / составлен архивариусом Центрального архива древних актовых книг, губерний: Виленской, Гродненской, Минской и Ковенской, членом Виленской археографической комиссии Н. Горбачевским. — Вильна: издан иждивением Виленского учебного округа, 1874. — [2], XVIII, 397 с.
4. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 г. // Вялікае княства Літоўскае: ВКЛ: энцыклапедыя: у 2 т. / Беларус. навук.-даслед. ін-т дакументазнаўства і арх. справы; рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. — Мінск: БелЭн, 2005—2010. — Т. 3. — 2010. — С. 550—689.
5. LVIA. — F. 46 (SA). — Ap. 1. — B. 1.
6. LVIA. — F. 46 (SA). — Ap. 1. — B. 17.
7. LVIA. — F. 46 (SA). — Ap. 1. — B. 18.
8. Mienicki, R. Archiwum Akt Dawnych w Wilnie w okresie 1793—1922 / R. Mienicki. — Warszawa: Wydawnictwa Archiwów Państwowych, 1923. — 138 p.
9. LVIA. — F. 594. — Ap. 1. — B. 663.
10. Горбачевский, Н. И. Каталог древним актовым книгам губерний: Виленской, Гродненской, Минской и Ковенской, также книгам некоторых судов губерний Могилевской и Смоленской, хранящимся ныне в Центральном архиве в Вильне / составлен архивариусом оного, членом Виленской археографической комиссии Н. Горбачевским. — Вильня, 1872. — 957 с.
11. LVIA. — Pažumą apie Breslaujos žemes teismo fondą Nr. 46 (SA).
12. НГАБ. — Справа ф. 1747.
13. Ярославский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник. — № 15935.
14. РГАДА. — Ф. 356. — Оп. 1. — Д. 2
15. LVIA. — F. 46 (SA). — Ap. 1. — B. 10.
16. Lulewicz, H. Sąd ziemski braslawski w świetle zachowanych ksiąg ziemskich z lat 1603—1632 / H. Lulewicz // Miscellanea Historico-Archivistica / Naczel. dyrekt. arch. państw., Arch. głów. akt dawn; komit. red.: F. Ramotowska [i in.]. — Warszawa, 1999. — Т. 10. — S. 151—161.

Артыкул напісаны ў рэдакцыю 27.02.2019

А. Б. Доўнар,
 загадчык аддзела крыніцазнаўства і археаграфіі
 Інстытута гісторыі НАН Беларусі,
 кандыдат гістарычных навук;
 e-mail: dounar_zagor@mail.ru

**ЦІ АТРЫМЛІВАЛА ШЛЯХТА
 ВЫПІСЫ СУДОЎ НА ПЕРГАМІНЕ Ў XVI ст.?
 ВЫПІСЫ 1589 г. З АКТАВЫХ КНІГ ЗЕМСКАГА СУДА
 ВІШЕБСКАГА ВАЯВОДСТВА**

На працягу XVI ст. у Вялікім Княстве Літоўскім адбываліся значныя змены ў розных галінах жыцця, у першую чаргу ў грамадска-палітычнай, прававой сферах. Былі прыняты Статуты 1529, 1566, 1588 гг., якія акрэслілі прававыя межы існавання грамадства. Статуты сталі гарантам становішча грамадзян краіны, усяго яго насельніцтва. І як вынік сфарміравалася ўяўленне грамадства аб неабходнасці свайго існавання ў межах прававога поля, якое было замацавана ў законах. Так, адносна правамоцнасці грамадзянскіх актаў па куплі-продажы нерухомасці законы патрабавалі публічнасці аперацыі праз прызначанне ў судзе аформленага пісьмова дагавора па куплі-продажы. Дзякуючы дадзенай прававой традыцыі зберагліся шматлікія дакументы: арыгіналы дамоў, выпісы з актавых кніг пра разнастайныя маёнткі Беларусі...

Звычайна шляхта брала выпісы з зямскіх і гродскіх павятовых судов у паперы. Але Статуты ВКЛ 1566 і 1588 гг. прадугледжвалі магчымасць выдачы выпісаў і на пергаменце. Так, у Статуце ВКЛ 1566 г. у артыкуле аб памерах аплаты працы зямскага пісара, адзначалася: «писару земскому ... отъ выпису съ книгъ грошь, ... отъ листу паркгаминового, естли сторона потребуе съ приве-систыми печатями, за працу писару дванадцать грошей, а паркгамень шнуры и воскъ сторона будеть повинна дати» [2, раздз. IV, арт. 3]. А ў аналагічным артыкуле Статута ВКЛ 1588 г. адзначаецца: «писару земьскому... от ... сознанья вечностей и всякихъ записовъ и тежъ перенощенья записовъ з ктроду до земьства за такойъ выписъ, што будеть на арькушу — гроше[й] дванадцать; а естли на двухъ арькушах албо и болшь — гроши двадцят чотыри; а на паркгамене бы и наважнейшая речъ — грошей сорокъ осм; а паркгамень, шнуръ и воскъ сторона повинна дати» [3, раздз. IV, арт. 6]. Г. зн. выдача выпісу з кніг суда на пергаменце была магчымай па ініцыятыве зацікаўленага боку. Але такі выпіс каштаваў болей, а сам пергамент і матэрыялы для пячатак (шнур, воск і т. д.) павінны былі быць прадастаўлены зацікаўленым бокам.

Узнікае пытанне: «Ці карысталася шляхта правам атрымання выпісаў на пергаменце з павятовых судов?» Існуюць нешматлікія крыніцы, якія дазваляюць адказаць на дадзенае пытанне станоўча.

Так, у Расійскім дзяржаўным архіве старажытных актаў захоўваюцца два ўнікальныя выпісы зямскага суда Вішэбскага павеата 1589 г. адносна маёнтка

Лучоса. Яны былі аформлены ў сувязі з купляй дадзенага маёнтка адным шляхціцам у другога.

1 студзеня 1589 г. у Оршы адбылася здзелка куплі-продажу маёнтка Лучоса Віцебскага павета за 1 тыс. коп* грошаў паміж шляхціцамі Віцебскага павета** Грыгорам Фёдаравічам Шапкам, яго жонкай Даротай Ільінінай і Андрэем Васільевічам Варапаем, пісарам земскага суда Аршанскага павета. Акт куплі-продажу быў аформлены пісьмова і адпавядаў тагачасным прававым патрабаванням. Акт продажу быў ажыццёўлены ўласнікамі маёнтка шляхціцамі Шапкамі: мужам і жонкай, якія дзейнічалі «ободва сполне за одного человека... з добрай воли, без прымусу». Даставернасць акта зацвярджалася пятчаткамі былых уладальнікаў маёнтка Г. Ф. Шапкі і яго жонкі Дароты Ільінінай і сведкаў віцебскага войскага Льва Міхайлавіча Сапегі, Мікалая Дзеружынскага і Лаўрына Іванавіча Камара [1].

15 лютага 1589 г. Грыгоры Фёдаравіч Шапка і яго жонка Дарота Ільініна з'явіліся ў гродскі суд Аршанскага павета, прад'явілі вышэйзгаданы акт куплі-продажу і прызналі яго правамоцнасць перад судом. У дадзеным выпадку гродскі суд засядаў у складзе аднаго толькі аршанскага старасты Андрэя Іванавіча Сапегі. Дадзены акт куплі-продажу быў прызнаны судом і запісаны ў кнігі «спраў гродскіх гаспадарскага замка Аршанскага староства». Пасля ўдзелнікам аперацыі куплі-продажу былі выдадзены выпісы з дадзенага запісу [1].

30 мая 1589 г. на пасяджэнні земскага суда Віцебскага павета, які працаваў у поўным складзе (г. зн.: судзі Івана Багушэвіча Рамейкі, падсудка Бальцара Багданавіча Старасельскага, пісара Андрэя Асіпоўскага), з'явіўся слуга аршанскага земскага пісара А. В. Варапай Пётр Янавіч Ляскаўніцкі і засведчыў, што яго пан А. В. Варапай купіў сабе «на вечнасць» у шляхціцаў Шапак вышэйзгаданы маёнтак. П. Я. Ляскаўніцкі прад'явіў суду арыгінал акта куплі-продажу і выпіс з актавых кніг гродскага суда Аршанскага павета ад 15 лютага 1589 г. з подпісам аршанскага старасты. Земскі суд Віцебскага павета прызнаў правамоцнасць дакументаў, якія яму прад'яўляліся, і запісаў у свае актавыя кнігі вышэйзгаданы выпіс з кніг гродскага суда Аршанскага павета. Адрозна ж быў выдадзены выпіс з дадзенага запісу з кніг земскага суда Віцебскага павета, які быў выкананы на пергаменце [1].

Апісаная працэдура прызнання акта куплі-продажу была звычайнай з'явай і адпавядала тагачасным прававым нормам.

Аналагічным чынам Андрэй Васільевіч Варапай купіў маёнтакі на рацэ Лучоса і ў стрыечных братоў Грыгора Фёдаравіча Шапкі: Яна, Мацея, Грышкі,

* Капа — 60 грошаў ВКЛ («літоўскіх грошаў»).

** У артыкуле для абазначэння адміністрацыйна-тэрытарыяльнай адзінкі Віцебскага павета аўтар выкарыстоўвае тэрмін «Віцебскі павет», у той час як у тагачасных дакументах ён называўся «Віцебскім ваяводствам», што падкрэслівала яго цэнтральнае, сталічнае месца ў складзе Віцебскага ваяводства. Віцебскае ваяводства складалася з Віцебскага і Аршанскага паветаў.

Багдана Міхайлавічаў Юшкоўскіх. Маёнтак братоў Юшкоўскіх быў куплены за 800 коп грошаў. Дакументы па продажы былі аформлены аналагічным чынам, як і ў выпадку з Шапкам. Купля-продаж адбылася, як і ў выпадку з Шапкам, 1 студзеня 1589 г., але не ў Оршы, а ў Дужынічах. Сведкамі ў дадзеным выпадку выступалі, як і ў Шапкі, віцебскі войскі Леў Міхайлавіч Сапега і Лаўрын Іванавіч Камар. Трэцім сведкам быў Геляш Багушэвіч Шлусовіч (у Шапкі — Мікалай Дзеружынскі) (Шлусовіч, дарэчы, у адрозненне ад сваіх «калег», падпісаўся па-польску) [1]. Акт дадзенай куплі-продажу быў прад'яўлены і прызнаны братамі Юшкоўскімі ў гродскім судзе Аршанскага павета 12 лютага 1589 г. (Г. Ф. Шапка гэта зрабіў 15 лютага). Акт продажу быў запісаны ў актавыя кнігі суда, аб чым быў выдадзены выпіс за подпісамі аршанскага старасты А. І. Сапегі і аршанскага гродскага пісара Мікалая Падбярэзскага.

30 мая 1589 г. вышэйзгаданы слуга А. В. Варапая Пётр Ляскаўніцкі прад'явіў земскаму суду Віцебска арыгінал акта куплі-продажу маёнткаў у Юшкоўскіх і выпіс гродскага суда Аршанскага павета аб іх прызнанні дадзенага акта. Выпіс аршанскага гродскага суда быў запісаны ў актавыя кнігі віцебскага земскага суда, аб чым быў выдадзены выпіс на пергаменце. Г. зн. у дадзеным выпадку было зроблена тое ж і тады ж, як і з актамі куплі маёнткаў у Г. Шапкі [1].

Звяртаюць на сябе ўвагу пэўныя асаблівасці зместу дадзеных актаў куплі-продажу і выпісаў з аршанскага гродскага і віцебскага земскага судоў (*гл. табл.*).

Табл. Інфармацыя адносна маёнткаў на рацэ Лучоса ў дакументах 1589 г. [1]

	адносна былых маёнткаў Г. Шапкі	адносна былых маёнткаў братоў Юшкоўскіх
у <u>выпісах</u> <u>віцебскага</u> <u>земскага</u> <u>суда</u> гаворыцца пра куплю Варапаям:	маёнтка <i>Юшкоўскага</i> «над ракою Лучесою <i>и над реками Серодкоротнею и Клупеницю</i> в повете Витебском лежачое»	маёнтка « <i>Луческое Юшковокое</i> над ракою Лучесою в повете Витебском лежачое, прозываемое <i>Михайловицynu, Стомовицynu, Тишковицynu, Грыгорьевицynu</i> »
у <u>выпісах</u> <u>аршанскага</u> <u>гродскага</u> <u>суда</u> гаворыцца:	пра продаж шляхціцамі Шапкамі <i>маёнткаў</i> «отчызные и дедизные и спадковые в повете Витебском в одном обрубе тые вси именья над рекою Лучесою лежачые, прозываемые Луческое, <i>Евлашковское</i> , Юшковское, Стомовицynu, Тишковицynu, Грыгорьевицynu и отчизну свою	пра продаж шляхціцамі Юшкоўскімі <i>маёнткаў</i> «отчызные и дедизные и спадковые в повете Витебском в одном обрубе тые вси именья над рекою Лучесою лежачые, прозываемые Луческое, Юшковское, Стомовицynu, Тишковицynu и Грыгорьевицynu

	<i>Федоровіцзну</i> обель вечно и на веки»	и отчызну свою <i>Михайловицзну</i> обель вечно и на веки»
у актах куплі- продажу маёнткаў гаворыцца:	пра продаж Грыгорам Фёдаравічам Шапкам і яго жонкай «именье мое Луческое мене Грыгорья Шапки отчызное и дедизное, над рекою Лучесою в повете Витебском лежачое, прозывается <i>по прадеду моем</i> <i>мене Грыгорья</i> — <i>Евлашевицзна</i> , а по деду — Юшковцызна, а ку тому пры том же именью моем отчызном, именье наше мне Грыгорю Шапцэ по дядках моих, по небожчыку пану Стому и по пану Тишку и по пану Грыгорю, <i>которые на мене правом</i> <i>прырожоньым, яко и за долги их,</i> <i>которыми были винни на мене,</i> <i>Грыгоря Шапку, спали и</i> <i>досталисе»</i>	пра продаж шляхціцамі Юшкоўскімі «именье ... отчызное и дедизное Луческое, Юшковское над рекою Лучесою в повете Витебском лежачое, прозывается по <i>отцу наином</i> <i>Михайловицзну</i> , а по деду — Юшковцызну, а ку тому пры том же именью нашом отчызном, спольне к кгрунты з кгрунты лежачое, удвоем именью нашом по стрях наших, по небожчыку пану Стому и по пану Тишку и по пану Грыгорю, <i>которые по</i> <i>тыхъ стрях наших правом</i> <i>прырожоньым на нас спали и нам</i> <i>ровно з стрием наиым з паном</i> <i>Грыгорем Шапкою досталосе»</i>

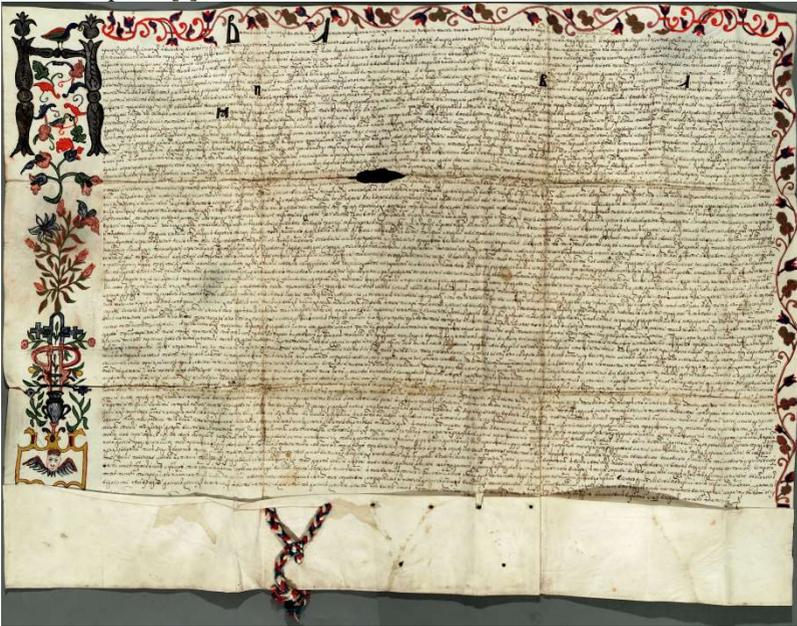
У дадзеным выпадку вышэйзгаданыя прыклады яскрава сведчаць пра два шляхі паходжання назваў маёнткаў шляхты. Так, назвы маёнткаў паходзілі ад дамінуючых геаграфічных аб'ектаў, у межах якіх знаходзілася тэрыторыя маёнтка — рака Лучоса дала назву маёнтку «Лучоса». Таксама назвы маёнткаў паходзілі ад імён яго ўладальнікаў: ад Стомы — «Стамоўшчына», ад Цішкі — «Цішкоўшчына» і г. д.

Вышэйзгаданыя выпісы земскага суда Віцебскага ваяводства зафіксавалі пераходны перыяд у фарміраванні геаграфічных назваў ад старажытных форм на паланізаваныя формы, якім было характэрна заканчэнне «-зна». Так, маёнтакі на рацэ Лучоса называюцца як «Юшковским», «Михайловщиной», «Евлашковское», так і «Юшковцызной», «Михайловицзной», «Евлашевицзной» і інш. [1] (гл. табл.).

Таксама дадзеныя матэрыялы дазваляюць прасачыць гісторыю існавання маёнтка на рацэ Лучоса. Спачатку дадзеным маёнткам валодаў прадзед Грыгора Фёдаравіча Шапкі — Еўлаш, ад якога маёнтак атрымаў назву «Еўлашоўшчына». Затым маёнткам валодаў сын Еўлаша — Юшка, і па ім маёнтак стаў называцца «Юшкоўскае». Пасля маёнтак быў падзелены паміж сынамі Юшкі: Стомам, Цішкам, Грыгорам, Міхаілам і Фёдарам. Іх часткі маёнтка атрымалі назвы «Стамоўшчына», «Цішкоўшчына», «Грыгор'еўшчына», «Міхаілоўшчына» і «Фёдароўшчына» адпаведна.

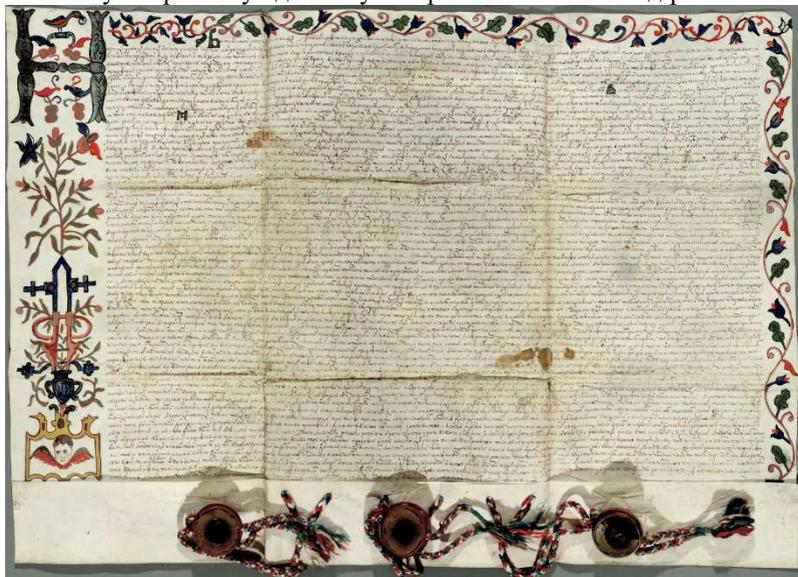
Пасля смерці сыноў Юшкі іх маёнткі перайшлі ва ўласнасць да іх нашчадкаў:

- найперш, землі маёнтка Юшкоўскі атрымалі ў спадчыну як «дэдзныя» Г. Ф. Шапка і браты Юшкоўскія (цікава, што па невядомай пакуль прычыне маёнтак прадзеда Еўлаша — Еўлашоўшчына згадваецца толькі як уладанне Г. Ф. Шапкі);
- маёнтак Фёдароўшчына ад Фёдара перайшоў да яго сына Грыгора Фёдаравіча Шапкі як спадчына бацькі — «айчызна»;
- маёнтак Міхайлоўшчына ад Міхаіла — да яго сыноў Яна, Мацея, Грышкі, Багдана Міхайлавічаў Юшкоўскіх-Лучоскіх;
- маёнткі Стамоўшчына, Цішкоўшчына, Грыгор’еўшчына былі падзелены папалам паміж Г. Ф. Шапкам і братамі Юшкоўскімі;
- прычым адзначалася, што Грыгор Фёдаравіч Шапка трымаў тыя маёнткі «яко того власного отчызного, так теж и тых спадковых Евлашевычны, Тишковычны, Стомовычны и Грыгоровычны ... в спокойном держанью и вжыванью своем от *пятидесяти и от kilku лет* не пенно и перед сим никому не заведеное»;
- а ў 1589 г. маёнткі на Лучосе ў Г. Ф. Шапкі і братоў Юшкоўскіх купіў А. Варапай [1].

Мал. 1. Выпіс зямскага суда Віцебскага навета ад 30 мая 1589 г. аб куплі А. Варапаям маёнткаў Лучоса ў Г. Ф. Шапкі.

Маёнтак Лучоса паноў Шапак быў прададзены з дваром «зо всяким будованнем, з дваром в гумне, з огороды, погнои, пашни дворные, ... з службами, и з людьми тяглыми оселыми, давность заседельными, и з их жонами, детьми, маетностями, статками, з данью грошовой и з медовой, з дзяклям, всякими их повинностями, з землями их пашными оремыми и неоремыми, и з их сеножатыми, выгоны и выпусы, з гай, з лесы, з зарослями ... и старынами и з деревом бортным в борех и в старынах, з ловы зверынными и пташыными, з рэками, речышцами, з озерами, з ставы, з ставишцами, з млыны и их вымелками, з ловенем рыб в них, и з бобровыми гоны и со всим на все, яко се тое именье ... здавна в границах, в межах, обыходах, в крунгах и пожытках своих само в себе, в *одном обрубе лежачое*, мело и тепер мает». У адным месцы акта продажу маёнтка, пры апісанні падданах маёнткаў, згадваюцца баяры маёнтка [1]. Аналагічным чынам апісваўся склад маёнткаў Лучоса паноў Юшкоўскіх. Гэта сведчыць, што маёнкі Лучоса розных уладальнікаў былі разгалінаванымі гаспадаркамі.

Мал. 2. Выпіс земскага суда Віцебскага павета ад 30 мая 1589 г.
аб куплі А. Варапаем маёнткаў Лучоса ў братоў Юшкоўскіх

Як бачна, 30 мая 1589 г. пісар земскага суда Аршанскага павета Андрэй Васільевіч Варапай скарыстаўся сваімі правамі і замовіў выпісы з актавых кніг земскага суда Віцебскага павета адносна куплі маёнткаў Лучоса ў Г. Ф. Шапкі і братоў Юшкоўскіх на пергаменце...

Пергамент з матэрыяламі куплі А. Варапаем маёнтка Лучоса Г. Ф. Шапкі мае памер 72 на 53(+9,5) см, а пергамент з матэрыяламі куплі маёнтка Лучоса братоў Юшкоўскіх — 72 на 51(+7,2) см.

Унікальнасць дадзеных выпісаў заключаецца і ў тым, што яны былі аздоблены рознакаляровымі застаўкамі, якія былі выкананы для двух выпісаў адна тыпна (розніліся толькі дробныя дэталі і каляровае афармленне заставак). Зверху і справа на палях у 3,2 см размяшчаліся застаўкі ў выглядзе расліннага арнаменту. Злева на палях у 8,5 см месцілася шматкампазіцыйная застаўка з выявай анёла, геаметрычным і раслінным арнаментам і выявамі кветак, птушак з кольцамі ў дзюбах (гл. мал. 1 і 2).

У выпісе аб куплі маёнтка Лучоса ў братоў Юшкоўскіх захаваліся прывесістыя пячаткі судзі, падсудка і пісара земскага суда Віцебскага ваяводства. Пячаткі мацаваліся шоўкавым шнуром, які быў сплечены з трох шнуркоў рознага колеру: белага, чырвонага, светла-сіняга. На шнурах мацаваліся драўляныя футляры такарнай работы для пячатак (гл. мал. 3). Крышкі футляраў не зберагліся. У футляры быў заліты жоўты воск, самі пячаткі земскіх ураднікаў выкананы на чорным воску.

Мал. 3. Чашкі для пячатак і пячатка падсудка земскага суда Віцебскага павета Бальцара Багоданавіча Старасельскага з выпісу земскага суда Віцебскага павета ад 30 мая 1589 г. аб куплі А. Варпааем маёнткаў Лучоса ў братоў Юшкоўскіх

Неабходна адзначыць, што выпісы з павятовых судов на пергаменце былі рэдкасцю. Але названыя два выпісы не з'яўляюцца адзінымі вядомымі. Так, літоўскі даследчык Дарюс Вілімас выявіў у Аддзеце рукапісаў бібліятэкі Варшаўскага ўніверсітэта выпіс земскага суда Ваўкавыскага павета ад 30 верасня 1583 г. аб прызнанні выпісу з гродскага суда Гродзенскага ваяводства ад 21 лютага 1583 г. аб прызнанні акту продажу маёнтка Бераставіца Ваўкавыскага павета Тэадорам Лядскім Стэфану Бяляўскаму за 2500 коп грошаў, які быў складзены 19 лютага 1583 г. у Гродне. Згаданы выпіс земскага суда Ваўкавыс-

кага павета выкананы таксама на пергаменце [4] (аўтар выказвае шчырую ўдзячнасць Д. Вілімасу за прадстаўленую інфармацыю).

Такім чынам, згаданыя выпісы земскага суда Віцебскага павета 1589 г. сведчаць пра тое, што нормы Статутаў ВКЛ 1566 і 1588 гг. аб магчымасці выдання выпісаў з актавых кніг земскіх і гродскіх судоў на пергаменце рэалізаваліся шляхтай на практыцы і захоўваюць цікавыя звесткі пра шляхецкія маёнткі на рацэ Лучоса і пра іх уладальнікаў. Заслугоўвае ўвагі і той факт, што ў Віцебску ў другой палове XVI ст. меліся спецыялісты, якія афармлялі дакументы на пергаменце і аздаблялі іх на высокамастацкім узроўні.

У цэлым, можна канстатаваць, што выпісы земскага суда Віцебскага павета ад 30 мая 1589 г. адносна куплі А. Варапаем маёнткаў Лучоса ў Г. Ф. Шапкі і ў братоў Юшкоўскіх з’яўляюцца яскравым прыкладам справядства на беларускіх землях у другой палове XVI ст. і своеасаблівым помнікам высокага ўзроўню пісьмовай культуры ў Вялікім Княстве Літоўскім.

Літаратура і крыніцы

1. Российский государственный архив древних актов (Расійскі дзяржаўны архіў старажытных актаў). — Ф. 1473. — Воп. 1. — Спр. 971.
2. Статут Вялікага княства Літоўскага 1566 года (па выданню 1855 года) / Т. І. Доўнар, У. М. Сатолін, Я. А. Юхо / рэдкал.: Т. І. Доўнар і [інш.]. — Мінск: Тэсей, 2003. — 352 с.
3. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588. Тэксты. Даведнік. Каментарыі / рэдкал.: І. П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. — Мінск: БелСЭ імя Петруся Броўкі, 1989. — 572 с.
4. Biblioteka Uniwersytetu Warszawskiego. Dział Rękopisów (Бібліятэка Варшаўскага ўніверсітэта. Адзел рукапісаў). — Sign. Акс. 260, Nr. 61.

Артыкул наступіў у рэдакцыю 04.05.2019

Е. В. Хрленок,
*соискатель кафедры истории России
Белорусского государственного университета,
магистр юридических наук;
e-mail: evgeny00@mail.ru*

ИСТОРИЯ СТАРОДУБСКОГО ПОЛКА (1654—1781) КАК ПРЕДМЕТ ИЗУЧЕНИЯ

Стародубский полк входил в состав Гетманщины, являясь ее военно-административной единицей, на протяжении всего ее существования сначала как части Московского государства, а затем Российской империи в 1654—1781 гг. На первоначальном этапе, в 1654—1663 гг., он управлялся наказными полковниками и включал в себя территорию, ранее входившую в Стародубский повет Великого Княжества Литовского (ВКЛ), состоял из восьми сотен: Погарской, Стародубской, Почепской, Топальской, Попогорской, Бобовской, Дроковской и Мглинской. В 1663 г. Стародубский полк был преобразован в самостоятельный полк, и в него были включены еще три сотни из Новгородского повета, до 1654 г. входившие в состав Короны Польской: Новгородская, Шептаковская и Погарская [1, с. 33]. Таким образом, полк стал самым обширным из всех в Гетманщине, а его земли располагались на территории трех современных государств: Республики Беларусь, Российской Федерации и Украины. В 1781 г. Стародубский полк вместе со всей структурой гетманской Украины был упразднен и вошел в состав образованного Новгород-Северского наместничества [1, с. 85].

К истории Стародубского полка в разное время обращались российские, советские и украинские историки. В настоящей работе попробуем провести комплексный анализ основных трудов, коснувшихся данной темы. Полагаем, что данный подход может иметь определенную научную новизну в изучении истории Гетманщины в целом, а также региональной истории белорусско-российско-украинского пограничья в частности.

Процесс исследования Стародубщины можно условно разделить на три этапа: дореволюционный, советский (в том числе и труды историков в эмиграции) и современный.

Интерес к истории Гетманщины возник уже в XIX в. вскоре после упразднения полкового деления. К ее политической, военной и социальной истории обращались в своих работах Н. И. Костомаров [2], Н. А. Маркевич [3], А. Ригельман [4], Н. М. Сементовский, Д. М. Бантъш-Каменский [6], Н. В. Стороженко [7; 8], в трудах которых есть сведения и о Стародубском полке.

Многочисленные документы об участии жителей Стародубского полка в восстании Б. Хмельницкого (1648—1654) и войне (1654—1667) содержатся в «Актах, относящихся к истории Южной и Западной России», собранных и изданных Археографической комиссией в Санкт-Петербурге во второй половине XIX в. Кроме фактов непосредственного участия в военных действиях, из этих документов можно почерпнуть сведения о быте жителей полка, формиро-

вании казачьего сословия, а также отношении к нему со стороны властей как ВКЛ, так и Московского царства [9].

Огромный вклад в изучение истории Стародубщины был внесен А. М. Лазаревским. В своей книге «Описание старой Малороссии. Материалы для истории заселения, землевладения и управления. Полк Стародубский» [1] он дал краткое историческое описание самого полка, исследовал документы, касающиеся землевладения. Используя не дошедшую до нас ревизию 1723 г., привел данные о жителях полка по всем населенным пунктам. Таким образом, его работа является практически единственным источником, из которого можно почерпнуть данные той ревизии. Другой труд А. М. Лазаревского «Малороссийские посполитые крестьяне» [10] дает представление о быте, юридических правах и обязанностях посполитых Левобережной Украины в 1648—1781 гг., в том числе и Стародубского полка. Он же совместно с Н. А. Константиновичем составил «Обозрение Румянцевской описи Малороссии», в которое вошел и Стародубский полк [11]. Данный труд позволяет нам получить сведения о количестве населения и сословной принадлежности жителей региона, кроме того, в нем приведены документы, отражающие различные способы приобретения права собственности на территории полка в XVIII в. Также к ревизиям XVIII в. обращалась Е. П. Радакова, однако Стародубский полк рассматривает-ся ей не отдельно, а вместе с другими полками Гетманщины [12].

В середине XIX в. архиепископом Черниговским и Нежинским Филаретом (в миру Д. Г. Гумилевский) составлено «Историко-статистическое описание Черниговской епархии» [13], в состав которой входили территории бывшего Стародубского полка. В своем исследовании он описал не только историю городов, сел и местечек, но и Стародубщины в целом, опираясь, в том числе, и на не сохранившиеся до наших дней источники. Кроме исторических фактов Филаретом приведены сведения и о быте «обывателей» полка, участия казаков в военных походах, отражены некоторые культурные особенности стародубцев. Схожее описание населенных пунктов бывшего Стародубского полка было составлено и А. И. Ханенко [14].

Интерес к истории Стародубщины проявлял В. Л. Модзалевский. Под его редакцией были изданы акты книги Стародубского магистрата за 1664—1673 гг. [15] и 1693 г. [16], содержащие сведения о сделках, заключаемых между жителями Стародубского полка, а также о различных судебных процессах. Им же был составлен «Малороссийский родословник» [17], в котором отражена история многих дворянских родов Гетманщины, в том числе и Стародубского полка. К истории дворянства Левобережной Украины обращался и Д. П. Миллер [18]; кроме того, он издал вместе с М. М. Плохинским отрывки из книг Стародубского магистрата за 1690—1722 гг. [19].

В конце XVII — начале XVIII в. на территории Стародубского полка начали основывать свои слободы раскольники, бежавшие с территории Московского царства. История их поселения, особенности быта, культуры, юридических

прав и обязанностей освещены в работах М. И. Лилеева «Из начальной истории раскола в Стародубье» [20], «Новые материалы для истории раскола на Ветке и Стародубье» [21] и «Из истории раскола на Ветке и в Стародубье» [22], изданных в конце XIX в.

Процесс инкорпорации бывших казаков Стародубского полка в состав регулярной армии Российской империи после 1781 г. изложен А. Г. Мартыновым в «Истории 12-го драгунского Стародубского полка» [23].

После 1917 г. интерес к истории Стародубского полка не иссяк. Уже в 1929 г. в Киеве под редакцией К. А. Лазаревской было издано «Генеральное следствие о маенностях Стародубского полка 1729 г.» [24]. В нем собраны все правоустанавливающие документы на земли в Стародубщине по состоянию на 1729 г., записаны «сказки» старожилов о владениях казацкой старшины. «Следствие» является ценнейшим источником как для истории Стародубского полка в частности, так и истории землевладения в Гетманщине в целом.

В 20-е гг. XX в. филолог П. А. Расторгуев провел анализ метрических книг г. Погара за XVIII в. [25]. В результате пришел к выводу о том, что язык, которым пользовались жители Стародубского полка, «никогда не был украинским», а имеет большее сходство с белорусским [25, с. 15].

В 1939 г. Институт истории Украины начал публикацию документальных сборников «История Украины в документах и материалах». Третий том содержит различные документы о восстании Б. Хмельницкого в 1648—1654 гг. [26], которые затрагивают также историю Стародубщины. На этом томе издание сборников было прервано начавшейся Великой Отечественной войной 1941 г.

Кроме советских ученых, к истории Гетманщины обращались и историки в эмиграции. В. А. Мякотин издал несколько работ, посвященных социальной истории Украины времен полкового деления [27; 28]. Однако он не рассматривал Стародубский полк отдельно. То же относится и к «Истории Украины» М. Антоновича, изданной в Праге в 1941 г., третий том которой освещает историю Гетманщины [29].

В послевоенный период было издано значительное количество работ, посвященных истории Украины и Гетманщины. Однако лишь немногие ученые обращались к истории непосредственно Стародубщины. На примере Стародубского полка Т. А. Крулова проанализировала «Генеральную опись Левобережной Украины», рассматривая ее как источник по истории городов [30]. И. И. Мяло посвятил данному региону свою работу «Стародуб. Историко-экономический очерк о г. Стародубе и Стародубском районе» [31], а С. П. Кизимова исследовала историю Мглина [32]. Значительный вклад в историю Стародубского полка внесла А. К. Швидько. В своих работах она обращалась не только к истории Левобережной Украины в целом [33], но и непосредственно к истории Стародубского полка, вводя в научный оборот такой важный документ, как переписная книга 1721 г. [34]. Однако все работы, созданные в дан-

ный период, так или иначе имеют специфические особенности, связанные с идеологией советского государства.

С распадом СССР стал вновь пробуждаться интерес к казачеству, которое являлось преобладающим сословием в Гетманщине. Этим объясняется появление значительного количества работ, посвященных именно этой теме. К истории Стародубского полка обращались как российские, так и украинские историки. Однако их взгляды на историю Стародубщины различны. Одни считают, что генезис стародубских казаков следует рассматривать совместно с историей традиционного российского казачества (например, донского) [35; 36], другие видят Стародубский полк лишь частью Гетманщины со всеми присущими ей особенностями, не обращая внимания на сложность и многогранность этого пограничного региона [37]. Трудов отечественных историков, посвященных истории Стародубского полка, нет совершенно. Несмотря на то, что пусть и незначительная часть территории полка сегодня находится в Республике Беларусь, многие из населенных пунктов Стародубщины основаны еще в период ее нахождения в составе ВКЛ (до 1503 г., затем в 1618—1654 гг.) [24] и среди населения полка было значительное количество выходцев с территории современной Беларуси. Не отрицая белорусского происхождения многих казаков [38, с. 181], отечественные историки касаются темы Стародубского полка лишь в контексте событий восстания Б. Хмельницкого (1648—1654) [38] и войны (1654—1667) [39].

Абсолютное большинство работ в области истории Стародубского полка принадлежит украинским историкам. В контексте изучения казацкой старшины периода Гетманщины, сведения о представителях привилегированного сословия Стародубского полка встречаются в работах В. М. Зарубы [40], В. В. Кривошеи [41], И. И. Кривошеи [37]. Кроме того, у И. И. Кривошеи есть и работы, посвященные как старшине [42; 43], так и мещанству [44] Стародубского полка, в которых на основе архивных документов показана история становления бунчукового товарищества полка в конце XVII — начале XVIII в.; основываясь на данных ревизии 1735—1737 гг., приведены именные списки значковых товарищей Стародубского полка; используя сведения из Румянцевской описи 1767 г., проведен анализ экономического положения знатных мещан и казацкой старшины г. Стародуба. П. В. Пирог обращался к социально-экономическому развитию Стародуба во второй половине XVII в. [45], он же описал участие Стародуба в восстании Б. Хмельницкого (1648—1654) [46]. П. В. Пирог, используя широкий круг источников, попытался воссоздать картину ремесленного производства, торговли и развития промыслов в Стародубе. Изучая историю участия жителей Стародубщины в казацкой войне (1648—1654), П. В. Пирог отразил события, происходившие на территории будущего Стародубского полка. В работах В. М. Зарубы [47], О. А. Репана [48] и Г. Г. Шпитальова [49; 50], посвященных участию казаков Левобережных полков Украины в военных кампаниях, можно также встретить сведения о Стародубском полке. О некоторых осо-

бенностях земельных мер в Стародубском полку писала Н. А. Герасименко [51], а формированию и эволюции характерной для Стародубщины социальной группы стрельцов посвящена работа О. А. Васильевой [52].

Также в Украине были изданы различные именные списки казаков Стародубского полка, такие как присяги российским царям 1654 и 1718 гг. [53]. Это исключительно ценный источник, обобщающий обширные данные.

Труды российских историков, обращавшихся к истории Стародубского полка, в основном носят краеведческий характер. К ним можно отнести энциклопедический словарь «Населенные пункты Брянского края» [54], очерки Д. Р. Поклонского «Стародубская старина» [55], очерк В. М. Кровко «Далекое и близкое» [56], статьи Е. А. Чеплянской «Стародубский уезд. Села и их жители» [57]. На уровне диссертационных исследований истории Стародубского полка можно выделить работы С. Н. Бирюкова, изучавшего историю города Стародуба в XVIII в. [58], и «Историю казачества Брянского региона и сопредельных территорий в XVI—XVIII вв.» Я. Ю. Трифанкова [35]. Так, С. Н. Бирюков исследовал экономику городов, систему городского самоуправления и социальную структуру городов Стародубья в XVIII в., а Я. Ю. Трифанков — историю казачества региона в XVI—XVIII вв., в который включил наряду со Стародубщиной Брянщину, Курщину, Орловщину и другие территории. Это, конечно, чрезмерно расширяет предмет и размывает его.

К различным аспектам истории Стародубского полка обращался также С. М. Каштанов в своих работах, посвященных истории землевладения Киево-Печерской Лавры на территории Стародубщины [59]; денежная система Стародубского полка была исследована В. М. Пусь [60]. Также в Москве были опубликованы именные списки потерь Запорожского войска в Чигиринской кампании 1678 г., которые затронули и Стародубский полк [61].

Среди российских авторов укоренилось мнение, переходящее из одной публикации в другую, о том, что после упразднения полкового деления в 1781 г. фактически преемником Стародубского полка стал Стародубский карабинерный полк, сформированный в 1784 г. [35; 62]. Однако полагаем, что такое суждение является верным лишь отчасти. Действительно, по состоянию на 1784 г. Стародубский карабинерный полк на 80% был укомплектован казаками Стародубского полка, поступившими на службу еще до 1781 г. [7, с. 11]. Но уже в 1786 г. началась их ротация с другими воинскими частями, которая привела к тому, что в начале XIX в. в Стародубском полку выходцев с самой Стародубщины были единицы [8, с. 31—33]. В последующем рекрутские наборы, проходившие в уездах бывшего Стародубского полка, направляли рекрутов наравне с жителями других губерний Российской империи в другие воинские части. Таким образом, Стародубский карабинерный полк может считаться преемником территориального полка Гетманщины лишь на его первоначальном этапе. В последующем продолжателями традиций Стародубских казаков следует считать иррегулярные военные части, формируемые на время, когда в них остро

нуждалось государство, в 1791 г. [8, с. 32], 1794 г. [8, с. 32], 1807 г. [63, с. 93], 1812 г. [64, с. 8], 1831 г. [8, с. 58], 1855 и 1864 гг. [65].

Как мы видим, история Стародубского полка привлекала к себе внимание историков с момента его ликвидации и до настоящего времени. О нем в своих трудах упоминали как исследователи истории России и Украины в целом, так и исследователи периода Гетманщины. В их работах, наряду с другими, можно найти сведения о социальном положении жителей полка, участия его казаков в военных кампаниях. Многие статьи современных и дореволюционных историков освещают положение казацкой старшины на примере Стародубского полка и процесс ее инкорпорации в российское дворянство. Непосредственно истории Стародубского полка посвящены многочисленные статьи, написаны диссертационные исследования. Большинство из них обращается к истории и социальному статусу казаков как определяющему сословию в регионе. Значительно меньшее количество трудов затрагивает историю «посполитства»: мещан и крестьян. А история жизни казацкой старшины и зажиточного мещанства, а также история их землевладения является преобладающей темой основной массы работ. Как в дореволюционный, так и в современный периоды опубликовано большое количество источников и их обзоров по истории полка, хранящихся в архивах России и Украины, на основе которых написано значительное количество краеведческой литературы. При этом многие исследования, в зависимости от времени и территории их создания, имеют ярко выраженный политический подтекст.

Подводя итог вышеизложенному, можно сделать вывод о том, что, несмотря на столь высоко проявленный интерес, на сегодняшний день отсутствует комплексное беспристрастное исследование, раскрывающее проблемы социальной истории Стародубского полка, которое охватывало бы все слои населения, показывающее идентичность и уникальность региона, вобравшего в себя традиции, культуру и другие особенности РП, Московского царства и Гетманской Украины.

Источники и литература

1. Лазаревский, А. М. Описание старой Малороссии: в 3 т. / А. М. Лазаревский. — Изд. 2-е. — Брянск: Белые Берега: Белобережье, 2008. — Т. 1: Полк Стародубский. — 560 с.
2. Костомаров, Н. И. Исторические монографии и исследования: в 12 т. / Н. И. Костомаров. — Санкт-Петербург: Издание Д. Е. Кожанчикова: Тип. Императорской Академии Наук, 1863—1872.
3. Маркевич, Н. А. История Малороссии: в 5 т. / Н. А. Маркевич. — Москва: Издание О. И. Хрусталева: Тип. Августа Семина, 1842—1843.
4. Ригельман, А. И. Летописное повествование о Малой России, ее народе и козаках вообще / А. И. Ригельман. — Москва: Университетская тип., 1847. — 823 с.
5. Сементовский, Н. М. Старина Малороссийская, Запорожская и Донская / Н. М. Сементовский. — Санкт-Петербург, 1846. — 64 с.
6. Бантыш-Каменский, Д. Н. История Малой России от водворения Славян в сей стране до уничтожения Гетманства: в 3 ч. / Д. Н. Бантыш-Каменский. — Изд. 4-е. — Санкт-

- Петербург, Киев, Харьков: Южно-Русское Книгоиздательство Ф. А. Иогансона, 1903. — 609 с.
7. Стороженко, Н. В. Реформы в Малороссии при гр. Румянцеве / Н. В. Стороженко. — Киев: Тип. Корчак-Новицкого, 1891. — 27 с.
 8. Стороженко, Н. В. Очерк из истории Малороссийских козаков в конце XVII и в начале XIX века / Н. В. Стороженко. — Киев: Тип. Корчак-Новицкого, 1898. — 107 с.
 9. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России: в 15 т. / Археографическая комиссия. — Санкт-Петербург: Тип. Эдуарда Праца, 1863—1892.
 10. Лазаревский, А. М. Малороссийские посполитые крестьяне (1648—1783) / А. М. Лазаревский. — Киев: Тип. 1-ой Киевской Артели Печатного Дела, 1908. — 121 с.
 11. Константинович, Н. А. Обзорение Румянцевской описи Малороссии. Полк Стародубский / Н. А. Константинович // Обзорение Румянцевской описи Малороссии / Н. А. Константинович, А. М. Лазаревский — Чернигов, 1875. — С. 391—857.
 12. Радакова, Е. П. О ревизиях в Малороссии в XVIII столетии / Е. П. Радакова // Труды Одиннадцатого археологического съезда в Киеве 1899: сб. / под ред. Графини Уваровой и С. С. Служкого. — Москва, 1902. — Т. 2. — С. 14—125.
 13. Гумилевский, Д. Г. Историко-статистическое описание Черниговской епархии: в 7 кн. / Д. Г. Гумилевский (Филарет). — Чернигов: Губернская тип., 1873. — Кн. 7. — 439 с.
 14. Ханенко, А. И. Историческое описание некоторых местностей Черниговской губернии / А. И. Ханенко. — Чернигов: Тип. Губернского правления, 1887. — 38 с.
 15. Отрывки из Стародубовской меской книги за 1664—1673 гг. / под ред. В. Л. Модзалевского // Труды Черниговской губернской архивной комиссии. 1909—1910. — 1911. — № 8. — С. 71—105.
 16. Актовая книга Стародубского городского уряда 1693 года / Под редакцией В. Л. Модзалевского. — Чернигов: Тип. Г. М. Веселой, 1914. — 141 с.
 17. Модзалевский, В. Л. Малороссийский родословник: в 4 т. / В. Л. Модзалевский. — Киев, 1908—1914.
 18. Миллер, Д. П. Очерки из истории и юридического быта старой Малороссии. Превращение козацкой старшины в дворянство / Д. П. Миллер. — Киев: Тип. Императорского Университета Св. Владимира Н. Т. Корчак-Новицкого, 1897. — 135 с.
 19. Стародубского магистрата книга справ поточных (1690—1722) / Д. П. Миллер, М. М. Плохинский // Труды педагогического отдела историко-филологического общества: сб. / Харьковское историко-филологическое общество. — Харьков, 1894. — Т. 6. — Вып. 2. — С. 259—274.
 20. Лилеев, М. И. Из начальной истории раскола в Стародубе / М. И. Лилеев. — Киев: Типография Корчак-Новицкого, 1889. — 42 с.
 21. Лилеев, М. И. Новые материалы для истории раскола на Ветке и в Стародубе XVII—XVIII вв. / М. И. Лилеев. — Киев: Типография Корчак-Новицкого, 1893. — 306 с.
 22. Лилеев, М. И. Из истории раскола на Ветке и в Стародубе XVII—XVIII вв. / М. И. Лилеев. — Киев: Типография Корчак-Новицкого, 1895. — 614 с.
 23. Мартынов, А. Г. История 12-го драгунского Стародубского полка / А. Г. Мартынов. — Санкт-Петербург: Тип. Бережливость, 1908. — 328 с.
 24. Генеральне слідство про маєстності Стародубського полку / Український архів, вид. Археографічної комісії; сост. К. О. Лазаревська. — Київ: Друк. ВАН, 1929. — 576 с.
 25. Расторгуев, П. А. К характеристике говора Стародубского полка XVIII века / П. А. Расторгуев // Сборник в честь академика А. И. Соболевского / АН СССР; под ред. В. Н. Перетца. — Ленинград, 1928. — С. 157—162.

26. Історія України в документах і матеріалах: в 3 т. / Академія наук УРСР; сост. М. Н. Петровський, В. К. Пугілов. — Київ: Видавництво Академії наук УРСР, 1939—1941. — Т. 3. — 1941. — 290 с.
27. Мякотин, В. А. Крестьянство Левобережной Украины во второй половине XVII века / В. А. Мякотин. — София: Придворна Печатница, 1933. — 56 с.
28. Мякотин, В. А. Очерки социальной истории Украины в XVII—XVIII вв. Том 1: в 3 вып. / В. А. Мякотин. — Прага, 1924—1926.
29. Антонович, М. Д. Історія України: в 4 т. / М. Д. Антонович. — Прага: Видавництво Юрія Тищенка, 1941—1942. — Т. 3. — 1941. — 118 с.
30. Круглова, Т. А. Генеральная опись Левобережной Украины 1765—1769 гг. как источник по истории городов. На примере городов Стародубского полка: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Т. А. Круглова; МГУ. — Москва, 1982. — 25 с.
31. Мяло, И. И. Стародуб. Историко-экономический очерк о г. Стародубе и Стародубском районе / И. И. Мяло. — Брянск: Брянский рабочий, 1951. — 44 с.
32. Кизимова, С. П. Мглин: Историко-экономический очерк / С. П. Кизимова. — Изд. 2-е. — Клинцы: ГУП Клинцовская Городская Тип., 2015. — 292 с.
33. Швидько, А. К. Социально-экономическое развитие Украины в XIV—середине XVIII в. / А. К. Швидько. — Днепропетровск: Днепропетровский государственный университет, 1988. — 86 с.
34. Швидько, А. К. Население Стародубщины по переписной книге 1721 г. / А. К. Швидько // Тезисы докладов 1 межвузовской историко-краеведческой конференции. — Брянск, 1988. — С. 48—49.
35. Трифанков, Я. Ю. История казачества Брянского региона и сопредельных территорий в XVI—XVIII вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Я. Ю. Трифанков; Курский государственный университет. — Курск, 2013. — 24 с.
36. Дзюбан, В. В. Субкультура Брянского (Северского) казачества в историческом и социокультурном аспектах (XVI—XXI вв.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 24.00.01 / В. В. Дзюбан; Костромской государственный университет. — Курск, 2015. — 42 с.
37. Кривошея, І. І. Присяги російським царям XVII—XVIII ст. як джерело історії неурядової старшини Гетьманщини / І. І. Кривошея // Сіверянський літопис. — 2011. — № 4. — С. 17—26.
38. Чырвінскі, В. С. Беларусь у войнах. Асобы і падзеі / В. С. Чырвінскі. — Мінск: Харвест, 2016. — 400 с.
39. Сагановіч, Г. М. Невядома вайна 1654—1667 / Г. М. Сагановіч. — Мінск: Навука і тэхніка, 1995. — 144 с.
40. Заруба, В. М. Адміністративно-територіальний устрій та адміністрація Війська Запорозького у 1648—1782 рр. / В. М. Заруба. — Днепропетровск: Ліра, 2007. — 380 с.
41. Кривошея, В. В. Козацька еліта Гетьманщини / В. В. Кривошея. — Київ: ІПіЕНД імені І. Ф. Кураса НАН України, 2008. — 452 с.
42. Кривошея, И. И. Бунчуковое товарищество Стародубского полка (вторая половина XVII—первая треть XVIII вв.) / И. И. Кривошея // Научные ведомости БелГУ. Сер.: История. Политология. Экономика. Информатика. — 2013. — № 8. — Вып. 26. — С. 80—88.
43. Кривошея, І. І. Реєстри значкових товаришів Стародубського полку 1735 та 1737 років // І. І. Кривошея // Гілея (науковий вісник). Збірник наукових праць. — 2009. — Вип. 19. — С. 64—71.

44. Кривошея, І. І. Неурядова старшина Гетьманщини і міщанська верхівка в середині XVIII ст. (на прикладі м. Стародуба) / І. І. Кривошея // Сіверянський літопис. — 2009. — С. 40—48.
45. Пиріг, П. В. Соціально-економічний розвиток Стародуба в другій половині XVII століття / П. В. Пиріг // Сіверянський літопис. — 2011. — № 6. — С. 33—43.
46. Пиріг, П. В. Стародуб у вирі визвольної боротьби українського народу середини — другої половини XVII століття / П. Пиріг // Сіверянський літопис. — 2011. — № 4. — С. 33—44.
47. Заруба, В. М. Українське козацьке військо в російсько-турецьких війнах останньої чверті XVII століття / В. М. Заруба. — Днепропетровск: Ліра ЛТД — ЮА МВС, 2003. — 464 с.
48. Репан, О. А. Іржа на лезі: лівобережне козацтво і російсько-турецька війна 1735—1739 рр. / О. А. Репан. — Київ: Києво-Могилянська Академія, 2009. — 195 с.
49. Шпитальов, Г. Г. Лівобережне козацтво в російсько-турецькій війні 1768—1774 рр. / Г. Г. Шпитальов // Записки історичного факультету Одеського національного університету. — Одеса, 2006. — Вип. 17. — С. 133—139.
50. Шпитальов, Г. Г. Українське козацтво у Семилітній війні / Г. Г. Шпитальов // Вісник Запорізького юридичного інституту Дніпропетровського державного університету внутрішніх справ. — Запоріжжя, 2009. — № 1. — С. 215—224.
51. Герасименко, Н. О. Міри земельних площ Лівобережної України (друга половина XVII — XVIII ст.) / Н. О. Герасименко. — Київ: Ін-т історії України, 1998. — 135 с.
52. Васильєва, О. О. Стрільці в структурі козацького стану (друга половина XVII — XVIII ст.) / О. О. Васильєва // Гілея. — 2011. — № 52. — С. 185—191.
53. Присяжні книги 1654 р. Білоцерківський та Ніжинський полки / НАН України, Інститут української археографії та джерелознавства ім. М. Грушевського, Національний ун-т «Києво-Могилянська академія», Ніжинська міська рада; упоряд. Ю. Мищик, М. Кравець; голова ред. кол. П. С. Сохань. — Київ: КМ Академія, 2003. — 350 с.
54. Населенные пункты Брянского края: энциклопедический словарь / Сост. О. Р. Вязьмитин. — Изд. 2-е. — Брянск: Белые Берега: Белобережье, 2012. — 468 с.
55. Поклонский, Д. Р. Стародубская старина XI—XIX вв. Исторические очерки: в 3 кн. / Д. Р. Поклонский. — Клинцы: Изд-во городской тип., 1998.
56. Кровко, В. М. Далекое и близкое. Историко-краеведческий очерк о селе Павлички / В. М. Кровко. — Клинцы: Изд-во Клинцовской городской тип., 1997. — 191 с.
57. Чеплянская, Е. А. Стародубский уезд. Села и их жители [Электронный ресурс] / Е. А. Чеплянская // История Стародуба. — Режим доступа: http://starodub.ucoz.ru/fio_sel.htm. — Дата доступа: 23.05.2018.
58. Бирюков, С. Н. Социально-экономическое развитие городов Стародубья в XVIII в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / С. Н. Бирюков; Санкт-Петербургский государственный университет. — Санкт-Петербург, 2014. — 31 с.
59. Каштанов, С. М. О взаимоотношениях Киево-Печерского монастыря с правительством царя Федора Ивановича в 1585 г. / С. М. Каштанов // Исторический архив. — 2005. — № 1. — С. 175—197.
60. Путь, В. М. Денежная система Малороссийской части Брянщины XVII — начала XVIII в. / В. М. Путь // Вестник Брянского государственного университета. — 2011. — С. 109—117.

61. Кочегаров, К. А. Потери Войска Запорожского в Чигиринской кампании 1678 г. / К. А. Кочегаров // Единорогъ: Материалы по военной истории Восточной Европы эпохи Средних веков и Раннего Нового времени. — 2011. — № 2. — С. 348—431.
62. Дзюбан, В. В. Становление и эволюция казачьих военных формирований Брянского региона / В. В. Дзюбан, С. А. Киселев // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. — 2012. — № 19(138). — Вып. 24. — С. 72—80.
63. Абаляхин, Б. С. Украинское ополчение 1812 г. / Б. С. Абаляхин // Исторические записки. — Москва, 1964. — Т. 72. — С. 87—118.
64. Калинин, С. Е. Малороссийские казачьи полки в 1812—1814 гг. [Электронный ресурс] / С. Е. Калинин // Казачество XV—XXI вв. — Режим доступа: http://www.cossackdom.com/articles/k/kalinin_maloros.pdf. — Дата доступа: 23.05.2018. — 11 с.
65. Лисниченко, А. И. Малороссийские казаки в войнах XIX века [Электронный ресурс] / А. И. Лисниченко, Н. И. Шило // Історія Чернігівщини. — Режим доступа: <http://www.orluka.h16.ru/tw08maloros2.html>. — Дата доступа: 23.05.2018.

Артикул наступіу у редакцію 04.05.2019

А. Я. Паўлава,*дацэнт кафедры гісторыі Беларусі і музэязнаўства
Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта культуры і мастацтваў,
кандыдат гістарычных навук, дацэнт;
e-mail: elena_yaravlova@mail.ru*

ПАШТОЎКІ ЯК КОМПЛЕКСНЫЯ ГІСТАРЫЧНЫЯ КРЫНІЦЫ

Тэрміны «паштоўка», «адкрыты ліст» і «паштовая картка» ў літаратуры ўжываюцца як сінонімы. У адрозненне ад замежных спецыялістаў і калекцыянераў, якія выкарыстоўваюць тэрмін «картка» (post card, carte postale), у айчынай філакартыі перавага аддаецца тэрміну «паштоўка». Расійская даследчыца М. У. Самбур падтрымлівае тэрмін «паштоўка» і дае сваю трактоўку паняцця, у адпаведнасці з якой да паштовак адносяцца: бланк, на адным баку якога можа размяшчацца малюнак, а адваротны бок прызначаны для напісання адрасоў адрасата і адрасанта, для паштовай маркі і размяшчэння якой-небудзь інфармацыі; паштоўкі з разваротам (у тым ліку аб'ёмныя і музычныя) для адпраўкі ў канверце; карткі, не прызначаныя для выкарыстання ў сістэме сувязі [8; 22, с. 3, 24].

Аднесці вызначэння крыніцы да комплексных можна па некалькіх прычынах: гісторыя з'яўлення і развіцця камунікацыі праз паштоўкі, поліфункцыянальнасць і інфармацыйны патэнцыял, перспектывы актуалізацыі гэтых крыніц для шырокіх колаў грамадства. Яны спалучаюць у сабе рысы пісьмовых, рэчавых, выяўленчых, а часам і фанічных крыніц. Паштоўкі з'явіліся на стыку паштовай і выдавецкай справы, сферы графічнага мастацтва і фатаграфіі. Адкрытыя карткі ўяўлялі новы стыль камунікацыі: з'яўляліся адначасова і сродкам зносін, і сродкам фіксацыі факту сувязі паміж людзьмі.

Сярод функцый паштовак у першую чаргу неабходна вылучыць сацыяльна-эканамічную, з якой пачалася гісторыя адкрытага ліста. Паштоўка можа выступаць спосабам для збору сродкаў і носьбітам рэкламы. Інфармацыйная функцыя паштоўкі заключаецца ў тым, што яна з'яўляецца гістарычнай крыніцай. Больш таго, з'яўленне паштовак садзейнічала пачатку друкавання спецыяльных перыядычных выданняў па філакартыі і павелічэнню корпуса гістарычных крыніц. Пазнавальная функцыя паштоўкі забяспечвае атрыманне новых ведаў аб свеце. Эстэтыка-рэлаксацыйная функцыя: тут паштоўка разглядаецца як твор выяўленчага, фатаграфічнага і паліграфічнага мастацтва; выступае як сродак задавальнення, забавы, упрыгажэння, адпачынку [22 с. 121—141]. Паштоўкі з'яўляюцца адным з аб'ектаў калекцыянавання. У познесавецкі час паштовыя карткі выкарыстоўвалі для стварэння прадметаў інтэр'ера. Важна адзначыць і такую падфункцыю адкрытых лістоў, як стварэнне атмасферы адпаведнай эпохі пры правядзенні святочных і забаўляльных мерапрыемстваў, арганізацыі выставачных праектаў.

Па меркаваннях спецыялістаў, да папярэднікаў паштовак можна аднесці народныя і лубачныя карцінкі, якія вырабляліся ў Англіі, Германіі, Расіі, Фран-

цыі. Але толькі 1 кастрычніка 1869 г. «карэспандэнцкая картка» была ўведзена ў абарачэнне. Феномен ілюстраваных паштовак склаўся і перажываў росквіт, галоўным чынам, у межах гарадской культуры, што напрамую было звязана з распаўсюджваннем пісьменнасці і адукацыі, ростам гарадскога насельніцтва.

У Расіі адкрыцця лісты былі ўведзены ў зварот 1 студзеня 1872 г. У 1895 г. пачалі распаўсюджвацца ілюстраванья паштоўкі. У гэты ж час паштоўкі з'явіліся і на тэрыторыі сучаснай Беларусі. Мастацтвазнавец С. Харэўскі адзначае, што першыя паштоўкі з выявамі сюжэтаў з рэпрадукцый «Беларускіх малюнкаў» ілюстратара М. Мікешына з'явіліся напрыканцы 1860-х гг.

Сярод выдавецтваў, якія выпускалі ілюстраванья паштоўкі ў Расіі, варта назваць «Камітэт апекі сяспёр міласэрнасці Руска-турэцкай вайны». У Беларусі выданнем паштовак займаліся ўладальнікі прыватных выдавецтваў, кніжных крамаў, фотаатэлье і друкарняў, прозвішчы якіх маглі быць паказаны на адваротным баку (С. Л. Юхнін, Ц. Сыркін, Д. Вісун, Л. Шык, Абрамовіч, М. Галашчокін, М. Г. Нейман і інш.). Выдаваліся паштоўкі і ў буйных выдавецтвах Вільні, Беластока, Берліна, Масквы, Пецярбурга, Стакгольма і г. д. [27]. У канкурэнтнай барацьбе за пакупніка выдаўцы паштовак выкарыстоўвалі рэгуш, віньетки, калажную тэхніку, займалі пад фота не ўвесь вонкавы бок, а пакідалі месца для дадатковага паведамлення.

У 1906 г. суполка «Загляне сонца і ў наша ваконца» выдала першую, уласна беларускую паштоўку ў гонар паэта Янкі Лучыны, дзе побач з партрэтам паэта былі змешчаны радкі яго твора. Усяго суполка выдала звыш двух дзясяткаў паштовак, сярод якіх былі маляваныя. «Таварыства імя Францыска Скарыны» каля 1915 г. выдала паштоўкі з выявай беларускага кнігадрукара. Унікальная паштоўка невядомага аўтара з выявай беларускіх дзяцей і надпісам «Белорусь» ў пачатку XX ст. выйшла ў Парыжы [26].

Калекцыі паштовак захоўваюцца ў вядучых беларускіх архівах. Так, у БДАКФФД у г. Дзяржынску цікавае ўаўляе адзін з альбомаў калекцыі № 39: паштоўкі, выдадзеныя на тэрыторыі розных дзяржаў Еўропы ў перыяд з 1905 па 1940-я гг. Калекцыя сфарміравалася на тэрыторыі Заходняй Беларусі на аснове паштовых картак, выдадзеных у прыватных друкарнях. Найбольшую цікавае прадстаўляюць віды беларускіх гарадоў і мястэчак [2].

У асабістых фондах грамадскіх дзеячаў, прадстаўнікоў культуры, беларускіх архітэктараў і навукоўцаў у цэнтральных архівах захаваліся прадстаўнічы збор яшчэ не апісаных паштовак з цікавымі тэкстамі. У БДАМЛІМ захаваліся паштоўкі М. Багдановіча ў «Нашу ніву» і брату (ф. 153 і ф. 3), у БДАНТД — віншавальныя паштоўкі беларускіх архітэктараў Г. У. Заборскага (ф. 113), Э. М. Гальдштэйна (ф. 286), В. Б. Ладзгінай (ф. 296) і фізіка А. С. Рубанава (ф. 279). Сярод збораў беларускіх архітэктараў у БДАНТД захаваліся і альбомы каларных фотапаштовак з відамі савецкіх і балгарскіх курортаў (ф. 124. В. П. Шульнікоўская) і сталіцы Арменіі — г. Ерэвана — у асабістым фондзе В. М. Волчака (ф. 81).

У НАРБ сярод дакументаў вядомага беларускага гісторыка Г. В. Штыхавы (ф. 1456) знаходзіцца сабраная ім разам са старэйшымі братам Яўгенам калекцыя з 250 паштовак за перыяд з 1900 па 1960-я гг. Браты Штыхавы сабралі паштоўкі з выявамі салдат і жыхароў Старой Беліцы перыяду Першай сусветнай вайны, краявідныя фотапаштоўкі савецкіх і еўрапейскіх гарадоў, паштоўкі-рэпрадукцыі твораў выяўленчага мастацтва са збораў Дзяржаўнага Рускага Музея і Дзяржаўнай Трэцякоўскай галерэі [13—16]. Цікавыя паштоўкі-лісты можна знайсці ў фондзе С. С. Шушкевіча (ф. 599), прывабныя віншавальныя карткі — у У. М. Сікорскага (ф. 606).

Значныя зборы філакартыі знаходзяцца ва ўстановах культуры. Калекцыя адкрытых лістоў у Нацыянальным гістарычным музеі Рэспублікі Беларусь (далей — НГМБ) налічвае каля 9,5 тыс. адзінак захоўвання. Гістарычную каштоўнасць уяўляюць паштоўкі пачатку XX ст. з відамі гарадоў і мястэчак Беларусі, а таксама віншавальныя паштоўкі да Вялікадня, Калядаў і Новага года. Унікальнымі з'яўляюцца паштоўкі Беларускага выдавецкага таварыства «Загліне сонца і ў наша ваконца» (1906—1913) з фотаздымкамі этнаграфічнага характару. Вядома паштоўка «Беларусь» з серыі «Народы Расіі», выкананая мастачкай Л. Бем у модным рускім стылі. Паштоўкі «Беларуская жніўка», «Падвечорак», «На кірмашы», «У вёсцы», «Саўгас «Новы двор», выдадзеныя ў 1920-я гг. выдавецтвам Беларускага Чырвонага Кръжа, наглядна распавядаюць пра побыт гарадскіх і сельскіх жыхароў. З сучасных паштовак у калекцыі НГМБ цікавае уяўляюць аўтарскія фотаработы мінчаніна У. Суцягіна, выкананыя на працягу 1984—1996 гг., асноўная іх тэма — стан помнікаў архітэктуры Беларусі [18; 19].

Утрымліваюць ілюстраваныя лісты таксама зборы Віцебскага абласнога краязнаўчага музея, Полацкага музея беларускага кнігадрукавання, Дзіцячага музея ў Полацку, Гродзенскага гісторыка-археалагічнага музея, Вілейскага краязнаўчага музея, Музея абароны Брэсцкай крэпасці.

Калі ў архіўныя і музейныя ўстановы паштоўкі трапляюць у складзе збораў асабістага паходжання, то бібліятэкі паралельна з такім шляхам папаўнення калекцыі ажыццяўляюць і планавыя закупкі. Калекцыя паштовак у фондах Нацыянальнай бібліятэкі Рэспублікі Беларусь налічвае больш за 21,5 тыс. адзінак. Каля тысячы — гэта недатаваныя паштоўкі канца XIX — пачатку XX ст. Большая частка паштовак датычыцца перыяду ад сярэдзіны XX ст. да нашых дзён — больш за 7 тыс. экзэмпляраў. Асноўная маса паштовак выканана спосабам фотадруку і фотамеханічнай рэпрадукцыі.

Сярод прыватных збораў неабходна адзначыць калекцыю з 8 тыс. навагодніх паштовак Н. Баранавай, М. Малаткова, чыя калекцыя паштовак па мастацтве налічвае больш за 70 тыс. экзэмпляраў. Самым вялікім прыватным зборам можна лічыць калекцыю філакартыста У. А. Ліхадзедава, што налічвае больш за 50 тыс. адзінак дасавецкага перыяду.

Часцей за ўсё даследчыкі звяртаюцца да ілюстраваных паштовак, шматлікія зборы якіх адкаліся ў архівах, установах культуры і прыватных калекцыях.

У Расіі паштовыя карткі неаднаразова станавіліся прадметам дысертацыйных даследаванняў. У Беларусі гэтага пакуль не адбылося. Асноўную працу па вывучэнні паштовак па-ранейшаму праводзяць калекцыянеры. Варта адзначыць дзейнасць лаўрэата прэміі «За духоўнае адраджэнне» У. Ліхадзедава і выпусчання іх у межах праекта «У пошуках страчанага» 20 альбомаў-каталогаў, а таксама выданні В. Целеша, якія, на жаль, утрымліваюць зусім невялікі крыніцзнаўчы элемент.

Даследчыкі, якія вывучаюць паштоўку, даўно адзначылі яе велізарны інфармацыйны патэнцыял. Аднак неабходна канстатаваць, што ў расійскіх і айчынных дапаможніках па крыніцзнаўстве да гэтага часу адсутнічаюць асобныя параграфы аб паштоўках. Між тым адкрыты ліст цалкам можна вылучыць у асобную групу крыніц, як гэта было зроблена з перыядычным друкам.

Нават паштоўкі, адпраўленыя без канвертаў, даюць інфармацыю аб «паштовым следзе». Адкрытыя лісты могуць расказаць пра тое, як ад краіны да краіны мяняліся правілы допуску паштовак да адпраўкі. Па старых паштоўках можна прасачыць імклівае развіццё спосабаў графічнага ўзнаўлення ад літаграфіі да фатаграфіі.

На пачатковым этапе вывучэння даследчыку неабходна зафіксаваць звесткі, выяўленыя на пярэднім і адваротным баках адкрытага ліста. Важнай часткай працы з'яўляецца атрыбуццё паштовай карткі: вызначэнне выдаўца і фатограффа для краявідных дакументальных паштовак. Для вызначэння даты выдання паштоўкі неабходна ўлічваць асаблівасці афармлення паштовага бланка ў розных храналагічных перыяды, даты, адзнакі на штэмпелях, малюнку, размешчаныя на вонкавым баку. Даты айчынных паштовак, выдадзеных пасля 1953 г., можна ўдакладніць па «Летапісу выданых твораў выяўленчага мастацтва».

Наступным этапам даследавання філакартычных крыніц з'яўляецца іх групоўка. Да нядаўняга часу асноўнымі даследчыкамі паштовак выступалі філакартысты. Яны разам з бібліятэкарамі выкарыстоўваюць два прынцыпы групоўкі паштовак: тэматычны і серыйны. За аснову бяруцца знешнія фактары, бо адкрытыя лісты разглядаюцца менавіта ў якасці выяўленчай крыніцы: час і месца выдання, выдавецтва, тэхніка друкавання. Савецкі філакартыст Э. Файнштэйн падзяліў паштоўкі на звычайныя паштовыя карткі і ілюстраваныя. Апошнія падзяляюцца на мастацкія (рэпрадукцыі мастацкіх твораў і арыгінальныя паштоўкі — выявы, спецыяльна створаныя для паштоўкі) і дакументальныя фотапаштоўкі рознай тэматыкі [25].

М. У. Самбур прапанавала падзел паштовак па трох прынцыпах: па тыпу бланка, па прызначэнні і па тыпу малюнка. Класіфікацыя па тыпу бланка вылучае неілюстраваныя і ілюстраваныя. Групоўка па наяўнасці тэксту прадугледжвае падзел на паштоўкі з тэкстам і без тэксту. У залежнасці ад спосабу адлюстравання рэчаіснасці вылучаюцца паштоўкі мастацкія і натуральныя. Да натуральных можна аднесці карткі, выявай для якіх паслужыла дакументальная фатаграфія [22, с. 75—89]. А. М. Ларына падзяляе дакументальныя паштоўкі на

карткі з арыгінальнай фатаграфіяй і карткі з фатаграфіяй-рэпрадукцыяй [6]. Група мастацкіх паштовак уключае карткі, выкананыя мастацкім спосабам, а таксама мастацкія фатаграфіі. Групоўка па прызначэнні ўключае ў сябе віншавальныя, рэкламныя, сувенірныя, адукацыйныя, палітыка-агітацыйныя, эратычныя паштоўкі.

Значная частка першых паштовак уяўляла сабой карткі з відамі буйных населеных пунктаў. У пачатку XX ст. на дакументальных паштоўках з'яўляюцца і павятовыя гарады: часцей за ўсё здымалі цэнтральныя і рынковыя плошчы, навучальныя ўстановы, культурныя збудаванні, масты і набярэжныя, цэнтральныя вуліцы. Захаваліся паштоўкі з выявай галоўных паштовых офісаў у беларускіх гарадах. Амаль не выдаваліся паштоўкі з відамі ўскраін [3, 27].

Пачатак выдання відавых ілюстраваных картак супаў з развіццём турызму. Вандроўнікі, адпачываючыя і камандзіраваныя асобы сталі актыўнымі пакупнікамі гэтай прадукцыі. Звычайка пасылаць адкрыты ліст з месца адпачынку ці камандзіроўкі захавалася да нашых дзён. Паштоўкі сталі неад'емным атрыбутам турыстычнай рэкламы: на іх друкаваліся славутасці таго ці іншага краю, якія кожны падарожнік павінен быў абавязкова паглядзець. Як асаблівы від рэкламных паштовак варта вызначыць паштоўкі «Прывітанне з дарогі» для турыстаў, якія вандруюць на цягніку. Выдадзеныя фотаальбомы ўтрымліваюць такія турысцка-рэкламныя паштоўкі Рызска-Арлоўскай чыгункі, якая праходзіла праз Віцебск, і Маскоўска-Брэсцкай чыгункі. На паштоўках адлюстроўвалася карта чыгункі названага напрамку, размяшчаліся віды населеных пунктаў, праз якія праходзіў маршрут [7; 27 с. 88, 118]. Па меркаваннях шэрагу даследчыкаў, прыгаданыя абставіны паўплывалі на той факт, што на паштоўках прадстаўлены ў асноўным гарадскія краявіды і вакзалы, «саборы новага стагоддзя» (Баранавічы, Бабруйск, Віцебск, Мінск пачатку XX ст. і г. д.).

Перыяд, калі паштоўкі ўвайшлі ў моду, супаў з часам імклівага развіцця і прагрэсу транспарту. Аўтамабілі сталі любімай тэматыкай паштовак. Можна даведацца пра існаванне цікавых маршрутаў для аўтамабільных гонак пачатку XX ст.: Санкт-Пецярбург—Масква—Гомель—Кіеў—Санкт-Пецярбург ці Санкт-Пецярбург—Масква праз Баранавічы [27, с. 62, 136].

Ілюстраваныя паштоўкі могуць прадстаўляць сабой крыніцу інфармацыі пра дзейнасць прамысловых і сельскагаспадарчых кірмашоў і выстаў, закліканых паказаць лепшыя дасягненні навукі і тэхнікі Расіі і краін Еўропы. Па відах на паштоўках можна меркаваць аб архітэктурных стылях у стварэнні прамысловых і сацыяльных аб'ектаў, мастацкім падыходзе да выканання выставачных павільёнаў. Савецкія паштоўкі аб Усесаюзным сельскагаспадарчым кірмашы 1939 г. спалучалі выяву аб кірмашы з рэкламным заклікам: «Захоўвайце грошы ў сберкасе! Карыстайцеся паслугамі сберкас на выставе» [23].

Не меншы інфармацыйны патэнцыял сёння маюць і камплекты, прысвечаныя гістарычным падзеям, выбітным асобам дзяржавы і культуры. Так, у калекцыі Нацыянальнай бібліятэкі Беларусі можна сустрэць камплекты адкры-

тых лістоў пра беларускі фальклор, пісьменнікаў і мастакоў і іх творы, герояў Вялікай Айчыннай вайны, артыстаў кіно і тэатра.

Вялікую цікавасць уяўляюць паштоўкі, выдадзеныя ў перыяд Першай сусветнай вайны краінамі-ўдзельнікамі ваенных дзеянняў: Расіяй, Германіяй, Францыяй, Аўстрыяй і інш. Гэтыя паштоўкі выдаваліся з подпісамі на рускай, нямецкай, польскай і французскай мовах. Само выданне такіх картак наводзіць на думку, што кіраўніцтва Германскай імперыі разглядала гэтыя тэрыторыі як свае. Подпісы на паштоўках унікальныя. Так, адна з паштовак з выглядам г. Баранавічы мае два подпісы: на нямецкай мове — Kaiser Wilhelm strasse, на рускай — вуліца Аляксандраўская [5; 18; 27, с. 55]. Багатыя зборы паштовак гэтага перыяду знаходзяцца ў фондах НГМБ, калекцыях У. Ліхадзедава і У. Багданава. Менавіта паштовыя карткі вызначанай тэматыкі сталі фаварытамі выставачных праектаў музеяў на працягу 2014—2018 гг.

Вываы даюць магчымасць больш даведацца аб бытавой культуры, архітэктурных перавагах людзей. Выгляд людзей на дакументальных і віншавальных паштоўках дазваляе прасачыць модныя тэндэнцыі ў адзенні.

Зборы адкрытых лістоў могуць стаць каштоўнай крыніцай пры правядзенні генеалагічных даследаванняў, вывучэнні гісторыі некалькіх пакаленняў сямей на працягу XX ст.

Краявідныя паштоўкі з інтэр'ерамі розных музеяў часткова адлюстроўваюць метадыку, прынцыпы пабудовы пастаянных і часовых экспазіцый, што дазваляе меркаваць аб развіцці музейна-экспазіцыйнай дзейнасці.

Бытаванне адкрытых лістоў напрамую звязана са станаўленнем паняцця «помнік гісторыі і культуры»: распаўсюджванне і тыражаванне паштовых картак з выявамі славутасцей пэўнага горада (або краіны) спрыялі злучэнню вобраза мясцовасцей менавіта з захаванымі аб'ектамі. На старых ілюстраваных паштоўках могуць быць размешчаны малючкі і творы архітэктуры, што не захаваліся [2].

Паштоўкі аддыгрваюць вялікую ролю ў папулярызацыі твораў мастацтва. Рэпрадукцыйныя паштоўкі з'яўляюцца выяўленчай крыніцай, дзякуючы якой можна рабіць высновы пра цікавасць дзяржавы і шырокай публікі да творчасці таго ці іншага мастака ці мастацкага аб'яднання [17]. На адваротным баку паштовак маглі быць надрукаваны дадатковыя звесткі аб аўтары і ілюстраваным аб'екце. На рэпрадукцыйных паштоўках давалася інфармацыя аб месцы знаходжання арыгінала, яго памеры, тэхніка выканання і нават на якой выставе экспанавалася дадзеная праца, біяграфія аўтара ці мастацтвазнаўчы аналіз твора. Так, на паштоўцы з выглядам г. п. Свіслач прадстаўлены малюнак мясцовага касцёла, выкананы Н. Ордай. Там жа, на адным баку, размешчана і кароткая інфармацыя пра гісторыю стварэння дадзенага архітэктурнага аб'екта [27, с. 314].

Рэпрадукцыйныя паштоўкі ў шэрагу выпадкаў засталі адзінымі крыніцамі пра творы мастацтва, страчаныя музейнымі ўстановамі падчас Другой сусветнай вайны. Так, у калекцыі расійскага філакартыста С. У. Розанава знахо-

дзіцца картка з выявай карціны Д. Р. Лявіцкага «Партрэт графа Санці», якая была перададзена ў Карцінную галерэю БССР у 1940 г. Рускім музеем [21].

У асяроддзі філакартыстаў вялікай папулярнасцю карыстаюцца віншавальныя паштоўкі. Іх сюжэты былі разлічаны на розныя густы і сацыяльныя слаі грамадства і складаліся з сімволікі свят. На віншавальных картках паспяхова знаходзілі адлюстраванне тэхнічныя навіны XX ст.

Як высветлілі супрацоўнікі Гродзенскага гісторыка-археалагічнага музея, у XIX ст. калядныя паштоўкі ў Беларусь завозілі з Германіі, Італіі і Расіі. Закупляліся карткі без надпісаў і ўжо ў Беларусі друкавалі на іх: *Wesołych świąt!*, або «З Калядамі!» [5]. З пачаткам XX ст. у моду ўвайшоў рускі стыль. Падчас Першай сусветнай вайны і звяржэння самадзяржаў ваенная тэматыка з’яўляецца і ў сюжэтах віншавальных паштовак. У перыяд двух першых дзесяцігоддзяў савецкай улады паштоўкі былі абвешчаны перажыткам буржуазнага перыяду. Але людзі ўсё роўна віншавалі адзін аднаго, выкарыстоўваючы для гэтых мэт удалелья замежныя паштоўкі са святочнымі сюжэтамі [28—30]. Традыцыя навагодніх паштовак вяртаецца толькі ў гады Вялікай Айчыннай вайны. Сюжэты гэтых паштовак у большасці носяць характар ваенна-палітычнай сатыры, але сустракаюцца і экзэмпляры, выкананыя ў стылі дзіцячых малюнкаў і лістоў да бацькі на фронт [29, с. 10—11], што наглядна дэманструе збор Нацыянальнага гістарычнага музея.

Пасля стварэння ў 1953 г. Дзяржаўнага выдавецтва выяўленчага мастацтва перапіска з дапамогай віншавальных паштовак набыла той характар, які яна наслала да кастрычніка 1917 г. Сімволіка шэрагу рэлігійных свят у трансфармаваным выглядзе паспяхова прысутнічала і на савецкіх паштоўках. У абставінах савецкага дэфіцыту паштоўка часам станавілася паўнаватарасным падарункам. Практыка віншавання паштоўкай з цягам часу пераўтварылася ў абавязковы рытуал для жыхароў СССР, ажыццяўляючы сувязь прасторы і часу. Рытуал віншавання ўяўляў сістэму, дзе сумясціліся задачы ўлады (прапаганда праз сістэму сімвалаў і тэкстаў) і неабходнасць камунікацыі паміж людзьмі. Трэба адзначыць, што камунікацыя праз паштоўку ажыццяўлялася не толькі праз пошту. Гэтыя абставіны садзейнічалі фарміраванню вельмі прадстаўнічых калекцый сярод устаноў культуры (перш за ўсё, музеяў і бібліятэк) і прыватных збіральных каў, захаваліся паштоўкі ў асабистых архіўных фондах выбітных асоб Беларусі.

Па выявах ілюстраваных паштовак яркая бачна захаванне ў савецкай святочнай культуры традыцыйных элементаў свята, а таксама падзел святочнай прасторы на сельскую (у фармаце народнага свята) і гарадскую (з дэманстрацыяй і салютам). У афармленні пасляваеннай савецкай віншавальнай паштоўкі можна вызначыць два накірункі: ідэалагічна-прапагандысцкі і сентыментальна-дзіцячы. Шырока прадстаўлена ў сюжэтах паштовак адчуванне пачуцця калектыўнай радасці. Неабходна адзначыць выданне святочных паштовак на мовах народаў СССР.

Адкрытыя лісты на працягу свайго існавання выкарыстоўваліся і ў прапагандысцкіх мэтах. Пасля пачатку Першай сусветнай вайны і звяржэння самадзяржаў ваенная і палітычная тэматыка з прапагандысцкімі заклікамі з'яўляецца ў сюжэтах калядных і велікодных паштовак. У 1920—1921 гг. з'яўляюцца дабрачынныя паштоўкі, на адваротным баку якіх размяшчаліся заклікі: «На карысць галадаючых дзяцей!» і г. д. [29, с. 8]. Сучасныя калекцыянеры ў якасці тлумачэння адсутнасці цікавасці да савецкіх паштовак пазначаюць іх залішняю ідэалагізаванасць. Але вывучэнне публікацый савецкіх часопісаў за 1930-я гг. сведчыць, што ў грамадстве існавала незадаволеннасць тэматыкай сюжэтаў на паштоўках, выдаваемых «Саюздрукам» і «Саюзфота»: мала фота герояў-працаўнікоў і «мастацкіх выяў домны» пры вялікай колькасці паштовак пра курортныя мясцовасці і артыстаў [9]. Мэтам прапаганды савецкага ладу жыцця служылі і паштоўкі-рэпрадукцыі твораў выяўленчага мастацтва з выставы «Індустрыя сацыялізму» [17, с. 109, л. 3, 9, 10, 13]. Прысутнасць дзяцей на віншавальных паштоўках таксама з'яўляецца прапагандысцкім ходам — гэта пасыл-вобраз, звернуты да дарослых: менавіта дзеці канцэнтруюць радасць жыцця, яны з'яўляюцца ўвасабленнем мар аб шчасці.

Савецкі перыяд пакінуў для даследчыкаў багацейшы збор паштовак-запрашэнняў на выбары дэпутатаў розных узроўняў. Такія крыніцы спалучаюць рысы адкрытых лістоў і ўлётак-плакатаў. Стыль звароту да грамадзян — персанальны, людзей запрашаюць выканаць грамадзянскі доўг ад імя «акруговай выбарчай камісіі» і аддаць свой голас за кандыдата ад «блока камуністаў і беспартыйных». Дарэчы, з такіх лістоў-запрашэнняў можна даведацца, што ў савецкі час выбарчыя камісіі працавалі па іншым графіку — з 6 раніцы да 10 вечара.

Беларускія аўтарскія паштоўкі ў эміграцыі рабілі творцы-аматары і прафесійныя мастакі — Івонка Сурвіла, Пётр Мірановіч, Віктар Жаўняровіч, Галіна Русак, Мікалай Пашкевіч, Дзмітрый Чайкоўскі. Сярод сюжэтаў аўтарскіх паштовак былі выявы гарадоў, архітэктурных помнікаў, краявідаў Беларусі. Захаваліся выдздзеньня за мяжой беларускія калядныя паштоўкі: у зборы Беларускага інстытута навукі і мастацтва ў Нью-Ёрку і ў лонданскай Беларускай бібліятэцы імя Скарыны. У эміграцыі было выдздзена больш за 50 калядных паштовак. Для паштовак часам выкарыстоўвалі інтэрнацыянальныя сюжэты, але на развагоце заўсёды давалі беларускі тэкст [1, 26].

Тэксты з'яўляюцца не менш важнай часткай адкрытых лістоў, часам — вызначальнай для даследчыкаў [20]. Цікава, што ў першы перыяд бытавання паштовак на адваротным баку прысутнічаў надпіс: «Пошта не прымае на сабе адказнасць за змест паведамленняў».

У большасці сваёй перапіска на паштоўках з'яўляецца аднабаковай. Гэтая аднабаковасць у нейкай ступені заахвочвае камунікатыўныя сродкі: напісанне і адпраўленне паштовак лічыцца, у першую чаргу, прыкметай жыцця, а ўжо затым — матывацыяй да пісьмовага дыялогу [29, с. 11—21]. Сістэматычная

перапіска ў форме лістоў у другой палове XX ст. паступова змянялася, але людзям патрэбна была камунікацыя. Часта замест лістоў выкарыстоўваліся краявідныя фотапаштоўкі: так атрымлівалася выяўленча-пісьмовая крыніца [11, 12]. На маленькіх віншавальных картках разам з пажаданнямі размешчаны міні-паведамленні аб паўсядзённым жыцці аўтараў: бытавых умовах і дабрабыце, сямейных справах, стане здароўя. Даследаванне віншавальных паштовак познесавецкага перыяду яскрава дэманструе, што па меры адыходу традыцыйнага эпістальнага жанра, паштоўкі актыўна выкарыстоўваліся для гэтых мэт.

Тактоўная стрыманасць з-за адкрытай формы адпраўкі паштовак узмацніла ўсеагульную тэндэнцыю да скарачэння пісьмовага тэксту і да ўжывання простых слоў і выразаў. Вывучэнне вялікай колькасці паштовак паказвае невырагодную прастадушнасць аўтараў тэкстаў, створаных у таталітарным грамадстве. Пры адсутнасці на паштоўках гатовых тэкстаў віншаванні прэдумвалі самі людзі. Пажаданні былі простыя: шчасця і здароўя, каханні і дабрабыту, поспехаў на працы і міру. У адным віншаванні адначасова паспяхова сусінуюць «дэйныя» (поспехаў на карысць Радзімы, дзецям расці добрасумленнымі грамадзянамі) і прыватныя пажаданні [10, л. 3; 30, с. 11—21].

Аўтаматызаваныя дзеянні віншавання паштоўкамі зацвердзіліся ў паўсядзённасці людзей на вялікай прасторы, нягледзячы на палітычныя катаклізмы. Узоры віншаванняў 1980—1990-х гг. з цягам часу набываюць новы сэнс. Паштоўкі згаданага перыяду ўтрымліваюць шмат апавяшчэнняў з характарыстыкай тагачаснай сацыяльна-эканамічнай і духоўна-эмацыянальнай сітуацыі жыхароў краіны, разважаннімі аб дзеяннях кіраўніцтва. На пачатку 1990-х гг., пасля развалу СССР, нягледзячы на межы, людзі па звычцы віншавалі адзін аднаго са святамі 8 сакавіка, 1 і 9 мая, Новага года і, часам, 7 лістапада. Такім чынам яны спрабавалі пераадолець вакуум зносін, які ўзнік пасля распаду вялікай краіны. Паштоўкі з'яўляліся аб'яднаючым звяном.

Паштоўка, незалежна ад тэматыкі, чым даўжэй захоўваецца, тым большую гістарычную каштоўнасць уяўляе. І ўсё ж сёння асноўным прадметам калекцыянавання і актуалізацыі з'яўляюцца краявідныя паштоўкі, выпушчаныя да 1917 г., а таксама віншавальныя карткі. Савецкая паштоўка цікавіць мастацтвазнаўцаў і калекцыянераў больш як мастацкі прадмет. У якасці прычыны непавагі калекцыянераў да савецкіх і постсавецкіх картак У. А. Ліхадзедаў пазначае, што ў іх «няма душы» [3].

Выкарыстанне паштовак працягваецца і ў наш час. З'явілася электронная паштоўка. Развіваецца мастацтва самаробнай паштоўкі. Функцыянуюць рэкламныя і карпаратыўныя паштоўкі. Застаюцца актуальнымі ілюстраваныя паштоўкі з выявай слаўтасцей і сувенірныя паштоўкі да знамянальных падзей. Нацыянальны мастацкі музей Беларусі сумесна з Белпоштай аднавілі выпуск рэпрадукцыйных паштовак з творамі беларускіх майстроў.

Паштоўка — гэта перспектыўны аб'ект музейнага паказу. Як комплексныя крыніцы, ілюстраваныя адкрытыя лісты валодаюць такімі вартасцямі

музейнага прадмета, як інфарматыўнасць і прывабнасць. Таму музейныя ўстановы і бібліятэкі пры правядзенні выстаў аддаюць перавагу не толькі паштоўкам стогадовай даўніны, але таксама і маляўнічым паштоўкам да любімых свят — 8 сакавіка і Новага года. У 2015 г. быў паспяхова праведзены фестываль аўтарскай паштоўкі, арганізаваны Музеем гісторыі беларускага кіно і Беларускім саюзам дызайнераў [26].

Адметныя рысы паштоўкі патрабуюць сур'ёзных падыходаў пры выданні каталогаў адкрытых лістоў. Прымаючы да ўвагі комплекснасць гэтых крыніц, навуковая публікацыя павінна прадугледжваць і наяўнасць крыніцазнаўчай крыткі.

Усё вышэйсказанае сведчыць аб тым, што адкрытыя лісты з'яўляюцца каштоўнай часткай гісторыка-культурнай спадчыны. Шматтранны інфармацыйны патэнцыял паштовак вельмі шырокі і заслугоўвае ўважлівага вывучэння.

Літаратура і крыніцы

1. Гордиенко, Н. Белорусские рождественские открытки на Западе [Электронны рэсурс]. — Рэжым доступу: <http://nn.by/?c=ar&i=102360&lang>.
2. Дубатова, Г., Лапковская, І. Почтовые открытки в фондах Белорусского государственного архива кинофотодокументов // Архівы і справядства. — 2008. — № 4. — С. 134—141.
3. Лиходедов, В. А. Минск. Путешествие во времени. — Минск: Звезда, 2015. — 269 с.
4. Карлюкевич, А. Почтовая открытка: диалог с прошлым // Банкаўскі веснік. — № 1. — 2009. — С. 62—65.
5. Комягина, О. Белорусские рождественские открытки в XIX веке печатали в Германии // Комсомольская правда в Беларуси. — 24.12.2014. — С. 6.
6. Ларина, А. Н. Документальная открытка конца XIX — начала XX века как источник по истории и культуре Москвы // Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09. — М., 2004 [Электронны рэсурс]. — Рэжым доступу: <http://www.dissercat.com/>.
7. Ларина, А. Н. Почтовая открытка в руках историка — Историк и художник. — 2004. — № 2. — с. 109—121.
8. Маркова, В. О. Открытые вопросы терминологии в филокартии // ЖУК. — 2009. — № 2—3 (21—22). — С. 9—13.
9. Набагов, Б. Фотооткрытку — в массы! // Советское фото. — 1933. — № 5. — С. 30—31.
10. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). — Ф. 551. — Воп. 1. — С. 147.
11. НАРБ. — Ф. 599. — Воп. 1. — Стр. 70.
12. НАРБ. — Ф. 599. — Воп. 1. — Стр. 71.
13. НАРБ. — Ф. 606. — Воп. 1. — Стр. 42.
14. НАРБ. — Ф. 1456. — Воп. 1. — Стр. 95.
15. НАРБ. — Ф. 1456. — Воп. 1. — Стр. 96.
16. НАРБ. — Ф. 1456. — Воп. 1. — Стр. 98—99.
17. НАРБ. — Ф. 1456. — Воп. 1. — Стр. 100, 108, 109, 110.
18. Нацыянальны гістарычны музей Рэспублікі Беларусь [Электронны рэсурс]. — Рэжым доступу: <http://www.histmuseum.by/collections>.

19. НГМБ. — Фонды. — Філакартыя. — КП 45548_19; КП43567_13; КП43567_14; КП 43534_2; КП 43473_30; КП 43473; КП 43473_22; КП 43473_14; КП 43473_8; КП 43363_2; КП 43363_5; КП 042982_43, НД3107, НД31310; КП 43226_3.
20. Партолина, Н. Жители Глубокого вкладчину купили для музея уникальную открытку с видом города // Комсомольская правда в Беларуси. — 17.01.2015. — С. 6.
21. Розанов, С. С. В поисках утраченного [Электронны рэсурс]. — Рэжым доступу: <http://www.bjpost.org/page.php?id=330>.
22. Самбур, М. В. Открытка в контексте культуры: атрибуция, научное описание, экспонирование // Дис. ... канд. ист. наук: 24.00.03. — М., 2014. — 178 с.
23. Тиновицкий, Г. Всесоюзная сельскохозяйственная выставка. Павильон «Московская, Рязанская и Тульская области». — Иллюстрационно-издательское бюро ВСХВ, 1939. — [калекцыя НББ, ізаматэрыял: 17//3774А(008)].
24. Третьякова, В. П. Поговорим о терминах // ЖУК. — 2009. — № 2—3 (21—22). — С. 5—8.
25. Фанштейн, С. Первые русские художественные открытки // Советский коллекционер. — 1965. — Вып. 3. — С. 116—124.
26. Харэўскі, С. На добры ўспамін пра незавершаны мінулы час [Электронны рэсурс]. — Рэжым доступу: <http://budzma.by/na-dobry-wspamin-pta-nyezavyershany-minuly-chas.html>.
27. Целеш, В. Гароды Беларусі на старых паштоўках. — Мінск: Беларусь, 2014. — 335 с.
28. Чапкина, М. Я. Москвичи поздравляют. — М.: Контакт-культура, 2009. — 256 с.
29. Чапкина, М. Я. Привет из столицы. Советская поздравительная открытка 1917—1991. — М., 2013.
30. Шабурова, О. Советский мир в открытке. — Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2017. — 327 с.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 25.03.2019

*А. С. Кудрицкий,
аспірант історычнага факультэта
Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта*

ИСЧЕЗАЮЩАЯ ИСТОРИЯ: ПРОБЛЕМЫ ХРАНЕНИЯ И АНАЛИЗА ИНТЕРНЕТ-КОНТЕНТА НА ПРИМЕРЕ БЛОГОВ И БЛОГ-ПЛАТФОРМ

Несмотря на кажущуюся современность Интернета и технологий, связанных с компьютерными сетями, сама всемирная паутина скоро отметит свое тридцатилетие, а технологиям передачи данных по современным средствам коммуникации уже более полувека. За это время компьютерные сети стали неотъемлемой частью общения между людьми и даже средой, внутри которой формируются отдельные сообщества.

Одним из примеров такой среды и связанных с ней источников являются блоги и блог-платформы. Блог (от английского web log) — способ периодической организации информации в вебе одним или несколькими авторами [14, с. 134]. Блог-платформа — это сервис, который предоставляет пользователям возможность ведения собственного блога. Под блогосферой обычно понимают совокупность всех блогов. Как блоги, так и блог-платформы могут быть рассмотрены в качестве исторических источников исходя из того, что они создаются людьми и из них можно черпать сведения о прошлом, что укладывается в определение исторического источника, данное С. О. Шмидтом [21, с. 21] или Л. Н. Пушкаревым [20, с. 579]. Начиная с середины 1990-х гг. такие источники получают распространение и используются исследователями при характеристике различных исторических событий (блоги о войне в Ираке, Сирии и др.).

Тем не менее, в отечественной историографии данный вопрос неправомерно игнорируется по разным причинам. Это приводит к тому, что многие события, о которых будет идти речь ниже, прошли совершенно незаметно для общества, включая историков.

Блоги обладают чертами различных типов и видов исторических источников [14, с. 134]. Так, современный российский исследователь Е. Боброва утверждает, что они схожи с источниками личного происхождения, массовыми, аудиовизуальными источниками [14, с. 134].

Появление блогов и блог-платформ

Как средство коммуникации блоги и интернет-дневники появились в середине 1990-х гг. на заре становления Интернета. В виду отдельных технических особенностей, связанных с ведением личной страницы (необходимостью знания языка разметки, знаний о размещении страниц в сети и т. д.), массовым явлением в тот период они не стали. Своеобразной революцией, резко увеличившей количество блогов, стало появление первых блог-платформ, значительно упростивших сам процесс создания и ведения блогов. Блог-платформы позволяли быстро создать свой блог на основе уже существующих шаблонов и

вести его, даже если пользователь не знал языка разметки и языка программирования.

Такие сервисы стали появляться в конце 1990-х гг. Так, Open Diary начал свою работу 20 октября 1998 г., Live Journal — 15 апреля 1999 г., Blogger — 23 августа 1999 г. Их удобство привело к тому, что даже те блоги, которые велись до их появления, начали переходить на блог-платформы.

Эта тенденция не обошла стороной и Беларусь. Многие ее граждане впервые стали вести свой блог, пользуясь одной из уже созданных за рубежом блог-платформ. К сожалению, научные исследования на этот счет отсутствуют, за исключением отдельных публикаций, в которых утверждается, что самой популярной платформой размещения блогов является Live Journal [16].

Чуть позже в белорусском сегменте Интернета появляются и свои собственные блог-платформы. В 2005 г. начала работу блог-платформа blog.inf.by [16], в 2007 г. — blogs.tut.by [15], в это же время появляется и платформа [By Journal.com](http://ByJournal.com) [исходя из индексации сайта в Wayback Machine, 4].

Вопрос этики в анализе материалов блогов и блог-платформ

Большинство исследователей выделяют ряд проблем, связанных с вопросом хранения и использования материалов блогов. Чаще всего они разделяются на большие группы. Так, в статье Андреаса Раубера, Макса Кайзера и Берндарда Вахтера «Этические вопросы в создании и использовании Веб-архива — навстречу к программе исследований» говорится о двух из них. В первую авторы выносят проблемы, связанные с правовым регулированием доступа к материалам и их использования. Во вторую они включают этические вопросы, связанные с доступом и использованием этих материалов [9]. Причем, если первую группу в своей статье они даже не рассматривают, аргументируя это тем, что она решается путем совершенствования законодательства [9], то на второй сосредотачивают свое внимание. В целом, выдвигаемые ими тезисы могут быть применимы и на белорусской почве.

Так, они ставят вопрос, можно ли рассматривать коммуникацию в сети родственной частной коммуникации на публике? [9]. Такой, например, как частный разговор двух лиц в метро, который потенциально могут слышать и другие пассажиры. Они указывают, что активность в Интернете носит зачастую ситуативный характер, пользователи не предполагают, что высказанное ими может не просто остаться в сети, но и сохраниться на длительный срок даже после того, как ресурс, на котором они высказались, прекратит свою работу.

С одной стороны, этот довод имеет, конечно, основания. Однако, с другой стороны, история как наука во многом основана на нарушении тайны личной жизни. В качестве исторических источников исследователями рассматривается частная переписка (причем всякого рода, включая такую, которая явно не предназначена для чужих глаз), дневники и личные заметки. Здесь есть, конечно, определенный нюанс, который связан прежде всего с тем, что подобные документы не собирались историками в момент создания.

Стайн Ломборг также поднимает этот вопрос и указывает, что многие пользователи склонны рассматривать свои открытые профили в социальных сетях и блоги как свое личное пространство или, во всяком случае, как пространство, где они не ожидают каким-либо образом попасть в поле зрения исследователей [7]. Что интересно, Стайн Ломборг использует ту же метафору, что и Раубер, Кайзер и Вахтер, описывая характер своей работы по сбору и анализу материалов социальных сетей — «подслушивание».

И стоит сказать, что многие исследователи отмечают, что именно этические проблемы создают определенные трудности в проведении работы именно с материалами, созданными в Интернете. И связано это не только с этическими ограничениями, которые ставят для себя различные исследователи, но также и с различными институализированными ограничениями (стандартами или законодательством). Так, в статье Эн Бульо и Адольфо Эстанеллы указывается, что для исследований в области этнографии с использованием источников, создаваемых в Интернете, этические нормы, устанавливаемые Институциональным комитетом по рассмотрению (Institutional Review Board, IRB), налагают существенные ограничения на исследования [2]. И здесь необходимо указать на определенный оптимизм, с которым подходят к рассмотрению данной проблемы Раубер, Кайзер и Вахтер, когда пишут о том, что правовые проблемы можно отодвинуть на второй план по сравнению с этическими. Все же, с точки зрения историка, определенных этических проблем с «подслушиванием» нет и никогда не было — в комплексе источников, активно используемых историками, входят и дневники, и личные записи, и переписка самого различного характера. Будь у историка возможность переместиться в исследуемую им эпоху, «подслушивание» стало бы одним из основных методов его исследовательской работы.

Правовые проблемы при анализе материалов блогов и блог-платформ

Правовые ограничения налагают достаточно сильные ограничения на работу с личными данными в Интернете, особенно сейчас, когда процесс регулирования этой сферы актуализировался как в Беларуси, так и за ее пределами. Самым ярким примером таких законодательных актов является Общий регламент о защите данных (GDPR), принятый в Европейском Союзе 27 апреля 2016 г.

Так, основным условием для сбора и анализа персональных данных в Регламенте является согласие. Некоторые исследователи указывают, что именно этот вопрос вызывал бурные дебаты во время его принятия [5]. Но стоит указать, что в ст. 50 GDPR указывается, что дальнейшая обработка информации в научных или исторических целях является полностью законной [10].

Законодательство по защите персональных данных разрабатывается и в Беларуси, хотя закон о защите персональных данных в нашей стране все еще не принят. Тем не менее, Национальным центром законодательства и правовых исследований Республики Беларусь разработан проект закона о защите персональных данных [17]. Авторы его постарались адаптировать нормы, которые

были приняты в Европейском Союзе после принятия GDPR. И что более важно, кроме норм, защищающих персональные данные, в проект закона включены и нормы, позволяющие удалять данные по запросам.

Подобные случаи уже были в Беларуси, когда некоторые предприниматели, желая скрыть свое нахождение под стражей, обращались в редакции различных интернет-изданий с просьбой удалить информацию об этом [12].

Но, тем не менее, и в проекте белорусского закона предусматривались нормы, согласно которым использование персональных данных на условиях обезличивания разрешалось в исследовательских целях без предварительного согласия их субъекта, что повторяет нормы в GDPR [19].

Системные проблемы и риски, связанные с блогами и блог-платформами

Одной из основных проблем, которая встает при необходимости использования исторических данных о блогах и блог-платформах, является их зависимость от действий той или иной компании владельца хостинга блога или блог-платформы. В отличие от источников личного происхождения прошлых эпох, которые создавались преимущественно на долговечных (или относительно долговечных) материалах (таких, как бумага) и могли сохраниться просто оставшись в каком-либо месте, где их физической сохранности ничего бы не угрожало, новые источники личного происхождения, которые находятся в сети Интернет, не являются отдельными документами в полном смысле определения документа (т. е. они закреплены на материальном носителе лишь постольку, поскольку их с него не удаляют). Эти источники в настоящий момент являются частью больших и сложных систем, которые собирают огромное количество персональных данных, и эти системы существуют постольку, поскольку их существование выгодно их владельцам.

Работу с информацией в современную эпоху в некотором роде можно сравнить со средневековыми практиками, когда монахи для создания новых документов смывали с пергаменов более древнюю информацию, находя ее ненужной. Теперь же огромные объемы информации регулярно записываются и перезаписываются, удаляются, дробятся и т. д., следуя логике той информационной системы, в которой они находятся.

И здесь стоило бы вернуться к опыту непосредственно Беларуси в контексте информации в блогах и блог-платформах. Из перечисленных выше блог-платформ, blog.inf.by последний раз индексировалась Wayback Machine в 2012 г. и в настоящий момент недоступна [3]. Адрес byjournal.com в настоящее время перенаправляет на сайт компании, которая занимается гостиничным бизнесом, а в качестве блог-платформы последний раз индексировалась Wayback Machine в 2011 г. [4]. В 2015 г. была закрыта и крупнейшая блог-платформа Беларуси — «Блоги.ТУТ.Бай» [13].

Блог-платформа blogs.tut.by заранее предупредила своих пользователей о закрытии и предоставила возможность получить архив записей или перенести их на отдельный (но уже платный) хостинг [13].

Какое количество данных было утеряно? На момент последней индексации на платформе blog.inf.by было зарегистрировано 3066 блогов [3]. В 2007 г., через несколько месяцев после запуска блог-платформы blogs.tut.by, там было зарегистрировано уже более 500 блогов.

И что самое интересное, владельцы таких блог-платформ в Правилах пользования фактически отказываются от какой-либо ответственности за сохранность данных. Так, в «Правилах пользования разделом «Блоги» на белорусском портале TUT.BY» указывается, что услуги «предоставляются как есть, т. е. без каких-либо гарантий их доступности и пригодности для целей использования» [18].

И стоит отметить, что здесь речь идет только о белорусских блог-платформах, в то время как большая часть ведущих блог белорусов пользуются иностранными блог-платформами, такими, как Blogger, Livejournal, Medium и др. или же ведут его сейчас в социальных сетях, что было актуально, и еще при наличии популярных белорусских блог-платформ [16].

Вопрос сохранения материалов блогов и блог-платформ

Рассматривая блоги в качестве исторического источника, можно заметить некоторые отличия (или, скажем, более явно выраженные особенности) их от тех источников личного происхождения, которые использовались в исторических исследованиях до широкого распространения сети Интернет. Во-первых, данные в любом блоге являются частично-структурированной информацией, поскольку они создаются с помощью специального языка гипертекстовой разметки. Во-вторых, такие данные чаще всего снабжены мета-информацией. В-третьих, данные источники возможно рассматривать в качестве различных сетей, поскольку блоги также являются и средством коммуникации, могут содержать ссылки друг на друга, а также формируют определенные сообщества.

Довольно подробно вопрос работы с блогами был описан в работе Нитина Агаруола и Хуан Лю «Моделирование и Data Mining в блогосфере» [1]. В этом исследовании они сосредоточили свое внимание на том, что различные блоги и посты в них формируют различные сети, которые также можно анализировать. Поэтому для таких исследований важно не только сохранить какую-либо текстовую информацию, содержащуюся непосредственно в записях в блоге (или постах), но и сохранить платформу как систему, как отпечаток какого-либо виртуального сообщества, сохраняя при этом ссылки друг на друга, цитирования, комментарии и т. д.

Еще одним аргументом в пользу ценности полных архивов является необходимость репрезентации в истории полной картины того или иного события. Например, в статье «Проблемы архивирования блога: взгляд на блоги о крупных событиях и популярные блоги» Сяотян Чен указывает, что некоторые блоги об основных событиях первой декады этого века уже утеряны [6]. Для примера он приводит блоги о войне в Ираке, которые использовала в своей работе

«Блоги войны, Блоги как новости» Мелисса Уолл. 20 из 29 рассматриваемых блогов уже не имеют в доступе постов за март—апрель 2003 г. (время войны в Ираке). Таким образом, рассмотреть полную (или приближенную к ней) картину репрезентации войны в тематических блогах уже не представляется возможным.

Интересное исследование в этой сфере провели Маурин Пеннок и Ричард Дэвис. В своей статье «Действительно простое решение для архивирования контента блогов» [8] они представили проект ArchivePress и провели опрос, в котором задавали вопросы о хранении данных блогов. Из результатов данного опроса наиболее интересными являются ответы на два: «Что, по вашему мнению, является наиболее ценным элементом в блоге?» (выставлялась рейтинговая оценка) и «Какие типы данных, по вашему мнению, архиватор блога должен сохранять?» (можно было выбирать несколько вариантов ответа). По результатам опроса наиболее ценными были признаны записи в блоге (posts), которые получили рейтинговую оценку 4,92 (из 5), и комментарии к записям (4,08). Во втором вопросе наибольший процент получили записи (66,7%), комментарии (66,7%), название блога и его адрес (58,3%), а также имена тегов и категорий (50%), встроенные объекты (напр., изображения) (33,3%) и все из перечисленного (33,3%) [8].

Таким образом, можно видеть, что в целом для авторов блогов наиболее ценными являются именно записи и комментарии к ним. Для исследователя же могут быть ценными и другие данные, которые позволяют посмотреть на определенный массив блогов, так сказать, с высоты.

Тем не менее, в виду рассмотренных выше особенностей данного вида источников встает вопрос: каким образом сохранять данные блогов? Однозначного ответа на данный вопрос сейчас нет. Тем не менее, выработаны несколько подходов, которыми в настоящий момент руководствуются некоторые исследователи или организации.

Довольно оригинальный вариант хранения данных блогов поднимается в статье Донджи Синна, Сью Йон Син и Сунмин Кима «Персональные записи в сети: кто отвечает за архивирование, Hotmail или архивисты?» [11]. В статье в числе всего прочего упоминается вариант сохранения данных из блогов и электронной почты владельцами блогов и аккаунтов электронной почты. С помощью специальных приложений они архивируют данные на свои локальные носители. Тем не менее, приводятся и аргументы против такого варианта: 33% пользователей теряют данные электронной почты и около 30% теряют информацию в цифровом виде дома. Этот вариант, конечно, имеет определенную ценность при формировании личных архивов, и для исследователей в будущем оставляет некоторые возможности для извлечения информации с носителей, которые останутся после владельца. Однако, как представляется, такой способ хранения материалов блогов нарушает их целостность — теряют-

ся ссылки и часть метаданных. Теряется репрезентация блога как вида коммуникации.

Основным способом сохранения данных является веб-скрэпинг, на основе которого уже делаются дальнейшие схемы сохранения данных. Т. е. автоматическое прохождение по интересующим веб-страницам и сохранение данных в какую-либо базу данных, откуда уже пользователи данного архива могут получить доступ к сохраненным таким образом веб-страницам (в т. ч. и веб-страницам блогов).

Также в качестве способов сохранения данных можно назвать подключение к RSS-лентам блог-платформ или использование их API.

Все приведенные выше методики хранения данных уже используются на практике. Самым известным проектом, использующим веб-скрэпинг для сохранения данных из сети Интернет, является запущенный в 2001 г. проект Archive.org, который имеет сейчас специальное приложение Wayback Machine.

Тем не менее, было бы очень наивно думать, что данный сервис решает проблему хранения данных. Так, в статье Сяотян Чена указывается, что ряд рассматриваемых им блогов о войне в Ираке не только уже не действуют или не имеют постов за период войны в Ираке в доступе, но и не имеют этих постов и в Wayback Machine [6].

Существует также сообщество ArchiveTeam (archiveteam.org), которое специализируется на сохранении данных различных блог-платформ, однако какой-либо единой концепции работы с данными они не выработали и в настоящее время практикуют различные способы сохранения информации, основанные как на веб-скрэпинге, так и на доступе к данным через API.

Также существуют и различные государственные организации (например, в странах Северной Европы, Великобритании и др.), которые занимаются данными вопросами и соответственно вырабатывают решения по хранению исторической информации национального сегмента сети Интернет.

В Беларуси в настоящий момент не ведется систематической работы по сохранению материалов из сети Интернет, хотя и есть определенные подвижки в этом направлении. Однако данный вопрос стоит на повестке дня и, замешкавшись, можно потерять целый пласт исторических источников по самым различным направлениям, как это уже произошло с целым корпусом блогов, появившихся в середине 2000-х.

Литература и источники

1. Agarwal, N., Liu, H. Modeling and data mining in blogosphere // Synthesis lectures on data mining and knowledge discovery. — 2009. — Т. 1. — № 1. — С. 1—109.
2. Beaulieu, A., Estalella, A. Rethinking research ethics for mediated settings // Information, Communication & Society. — 2012. — Т. 15. — № 1. — С. 23—42.
3. Blog.inf.by // Internet Archive Wayback Machine [Digital Source]. — Access mode: <https://web.archive.org/web/20121001000000/http://blog.inf.by>. — Date of access: 30.10.2018.

4. ByJournal.com// Internet Archive Wayback Machine [Digital Source]. — Access mode: https://web.archive.org/web/*/http://byjournal.com/. — Date of access: 30.10.2018.
5. Chassang, G. The impact of the EU general data protection regulation on scientific research// *ecancermedicalsecience*. — 2017. — Т. 11.
6. Chen, X. Blog archiving issues: A look at blogs on major events and popular blogs// *Internet Reference Services Quarterly*. — 2010. — Т. 15. — № 1. — С. 21—33.
7. Lomborg, S. Personal internet archives and ethics// *Research Ethics*. — 2013. — Т. 9. — № 1. — С. 20—31.
8. Pennock, M., Davis, R. M. ArchivePress: A really simple solution to archiving blog content. — 2009. P. 3.
9. Rauber, A., Kaiser, M., Wachter, B. Ethical Issues in Web Archive Creation and Usage-Towards a Research Agenda// 8th International Web Archiving Workshop (IWAW08). — 2008.
10. Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation) [Digital source]. — Access mode: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32016R0679>. — Date of access: 25.10.2018.
11. Sinn, D., Syn, S. Y., Kim, S. M. Personal records on the web: Who's in charge of archiving, Hotmail or archivists?// *Library & Information Science Research*. — 2011. — Т. 33. — № 4. — С. 320—330.
12. БАЖ осудил удаление материалов о Викторе Прокопене [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://belsat.eu/ru/news/bazh-osudil-udalenie-materialov-o-viktore-prokopene/>. — Дата доступа: 26.10.2018.
13. Блоги TUT.BY прекратили работу// TUT.BY [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://news.tut.by/society/450453.html>. — Дата доступа: 25.10.2018.
14. Боброва, Е. В. Блог как исторический источник и повседневный инструмент историка// *Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер»*. — М. — 2006. — № 34. — С. 145—147.
15. История TUT.BY// TUT.BY [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://tutby.com/history/>. — Дата доступа: 28.10.2018.
16. Кудепапенко, Т. Белорусский блоггинг// *ProBelnet.com* [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://probelnet.com/content/view/40/31/>. — Дата доступа: 27.10.2018.
17. Национальный центр законодательства и правовых исследований Беларуси — о защите персональных данных [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2018/july/29569/>. — Дата доступа: 25.10.2018.
18. Правила пользования разделом «Блоги» на белорусском портале TUT.BY// TUT.BY// Internet Archive Wayback Machine [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://web.archive.org/web/20150317005415/http://blog.tut.by/terms/>. — Дата доступа: 20.10.2018.
19. Проект закона о персональных данных [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://forumpravo.by/files/proekt_zakona_o_personalnih_dannih.pdf. — Дата доступа: 26.10.2018.
20. Пушкарев, Л. Н. Источники исторические// БСЭ. — 3-е издание. — М., 1972 г. — 10-й том. — с. 579.

21. Шмидт, С. О. О классификации исторических источников // Вспомогательные исторические дисциплины. — 1985. — Т. 16. — С. 21—22.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 25.03.2019

ПУБЛІКАЦЫІ ДАКУМЕНТАЎ

В. С. Пазднякоў,

*загадчык аддзела археаграфіі
Беларускага навукова-даследчага інстытута
дакументазнаўства і архіўнай справы,
кандыдат гістарычных навук;
e-mail: vprmiensk@gmail.com*

МЯСТЭЧКА РУДЫЯ БЕЛКІ: ПАЧАТАК ГІСТОРЫІ Ў ДАКУМЕНТАХ

Як вядома, пачатковая гісторыя мястэчка Рудыя Белкі губляецца недзе ў сярэдзіне XV ст. У той час яго ўласнікам быў пан Іван Гайцэвіч. Так паведамлялі мясцовыя жыхары, калі ў 1528 г. разглядалася памежная справа паміж Рудымі Белкамі і Пціцкай воласцю [1, № 641, с. 264—265]. Акалічнасці, пры якіх Гайцэвіч стаў уладальнікам мястэчка Рудыя Белкі, застаюцца невядомымі. У гістарычных крыніцах ён згадваецца ў 1433—1452 гг. Быў намеснікам (старастам) новагародскім (1433—1435), потым полацкім (1441—1444) і віцебскім (1445—1452) [2, с. 227—228]. Маёнтак Рудыя Белкі ён атрымаў, відаць, ад вялікага князя Казіміра як матэрыяльны падмурак для выканання абавязкаў вялікакняжацкага намесніка.

Іван Гайцэвіч сыноў не меў, і пасля яго смерці Рудыя Белкі вярнуліся ў склад дзяржаўных (вельікакняжацкіх) уладанняў. Маёнтак увайшоў у склад вялікай Пціцкай воласці (назва ад ракі Пціч). Вялікі князь Жыгімонт Стары ў 1507 г. даў Мікалаю Мікалаевічу Радзівілу, ваяводзе тропкаму (пасля быў ваяводам віленскім і канцлерам ВКЛ), даніну з Рудых Белак у «Пціцкоі волості» Мазырскага павета на 10 гадоў [3, № 287, с. 239]. Асаблівасць такога падаравання (не сам маёнтак, а толькі даніна з яго) дапушчала розныя варыянты адміністрацыі ў Рудых Белках. Але Радзівіл меў уплыў і волю, так што ў рэшце рэшт Рудыя Белкі апынуліся пад яго ўладай — спачатку часовай, пасля сталай. Жыгімонт Стары падараваў 15 снежня 1516 г. маёнтак Рудыя Белкі М. М. Радзівілу ў вечнае валоданне [4, № 144, с. 205—206]. Мікалай Мікалаевіч Радзівіл меў сыноў Яна, Мікалая, Станіслава, так што пасля яго смерці (1521) Рудыя Белкі засталіся ў яго родзе, а менавіта: перайшлі да сына Яна, паднашага ВКЛ і старасты жамойцкага. Захаваліся звесткі, што Жыгімонт Стары пацвердзіў права ваяводзічаў віленскіх (сыноў М. М. Радзівіла) на валоданне Рудымі Белкамі [5], а ў 1528 г. уладальнікам гэтага маёнтка названы толькі Ян Радзівіл. У гэтым годзе разглядалася памежная справа паміж жыхарамі Пціцкай воласці і Рудых Белак [1, с. 264—265]. Жыгімонт Стары 30 лістапада 1529 г. пацвердзіў права ваяводзічаў віленскіх на ўладанне Рудымі Белкамі [5, № 419, с. 347].

Ян Мікалаевіч Радзівіл памёр у 1542 г., сыноў ён не меў, як і яго брат Мікалай, біскуп жамойцкі (памёр у 1529/1530 г.), і трэці брат Станіслаў (памёр у 1531 г.). Пасля гэтага маёнтак Рудыя Белкі вярнуўся ў склад вельікакняжацкай Пціцкай воласці.

Наступная старонка ў гісторыі Рудых Белак звязана з магнацкім родам Зяновічаў. У ходзе Лівонскай вайны 1558—1582 г. вялікі князь Жыгімонт Аўгуст для папаўнення дзяржаўнага скарбу, абцяжаранага велізарнымі ваеннымі расходамі, пазычыў у Юрыя Зяновіча, кашталяна смаленскага, 1000 коп грошаў, а ўзамен даў яму ў трыманне (заставу) маёнтак (ён названы воласцо) Рудыя Белкі ў Мазырскім павеце [6]. Гэта адбылося 7 лістапада 1567 г. Пасля сума доўгу павялічылася яшчэ на 830 коп грошаў. Скарб не меў сродкаў на выплату даўгоў, таму і гэта сума зноў была запісана на маёнтак (воласць) Рудыя Белкі, што адбылося 28 лістапада 1569 г. [7]. Такім чынам маёнтак (воласць) Рудыя Белкі (інакш Рудабелка) апынуўся ў родзе Зяновічаў. Дзяржаўны скарб пакінуў за сабой права выкупіць маёнтак за 1830 коп грошаў або перадаць гэта права іншай асобе.

Юрый Зяновіч у тастаменце ад 27 лістапада 1582 г. завяшчаў грошы, запісаныя на сяле Рудыя Белкі ў Мазырскім павеце (гэта значыць, само сяло, пакуль яно не выкуплена), сваёй дачцэ Гальшцы, якая была замужам за князем Міхаілам Вішнявецкім, кашталянам кіеўскім [8, с. 508—509; 9, с. 32]. Сужэнцы мелі сына Аляксандра. Вялікі князь літоўскі і кароль польскі Стафан Баторый 16 лістапада 1583 г. дазволіў Аляксандру Вішнявецкаму выкупіць сёлы Рудыя Белкі і Пячалавічы за 1830 коп грошаў у сваёй маці [10; 11, № 31, с. 96—97] (у гэтым выданні ліст датаваны 17 лістапада 1583 г.).

Сялю Пячалавічы, відаць, знаходзілася недалёка ад Рудых Белак. Магчыма, яны абодва з больш дробнымі сёламі і ўтваралі тую Рудабельскую воласць, якая ўпамінаецца ў дакументах.

Міхаіл Вішнявецкі, гаспадарачы ў Рудых Белках, меў клопаты з суседскімі панамі, якія, як яму падалося, захапілі некаторыя землі Рудабельскага маёнтка. Гэта былі князь Аляксандр Палубінскі, стараста вількійскі і пагорскі, са сваёй жонкай княгіняй Соф’яй Гальшанскай і князь Юрый Чартарыйскі, саўладальнікі маёнтка Глуска, сумежнага з Рудабельскім маёнткам. Пакуль справа цягнулася, князь Міхаіл Вішнявецкі памёр, так што яна скончылася ўжо пры яго сыне Аляксандры Вішнявецкім. Вішнявецкія гэту справу выйгралі. Адпаведны вырак (дэкрэт) кароль польскі і вялікі князь літоўскі Стафан Баторый выдаў 8 лістапада 1584 г. [12].

Князь Аляксандр Вішнявецкі памёр у 1593 г. (а не 1594 г. як меркаваў Ю. Вольф [13, с. 560]), не пакінуўшы нашчадкаў мужчынскага полу (прынамсі, у ВКЛ). Рудыя Белкі, як і іншыя княжацкія маёнткі, перайшлі да яго братоў. Але хутка знайшоўся новы прэтэндэнт на Рудыя Белкі. Каралеўскі дваранін Пётр Рыбскі здолеў атрымаць 12 верасня 1593 г. прывілей ад караля польскага і вялікага князя літоўскага Жыгімонта Вазы на Рудыя Белкі [14]. Пры гэтым была замоўчана акалічнасць, што на гэтым маёнтку вісеў дзяржаўны доўг у памеры 1830 коп грошаў. Пэўна, у дзяржаўным апарате ўжо не засталася працаўнікоў, якія ведалі пра гэты доўг. Але пра яго памяталі князі Вішнявецкія і запатрабавалі ад прэтэндэнта на маёнтак адпаведную суму грошай. П. Рыбскі палічыў сябе

пакрыўджаным (бо ў каралеўскім прывілеі гаворкі пра выплату грошай не было) і звярнуўся ў гаспадарскі суд. Спадчыннікі Аляксандра Вішнявецкага прад'явілі адпаведныя дакументы, з якіх вынікаў доўг, запісаны на маёнтку. Суд Жыгімонта III быў вымушаны прызнаць гэты доўг. Таму Пятру Рыбскаму 20 сакавіка 1595 г. быў дадзены іншы прывілей — з «правам» (а фактычна, з абавязкам) выплаціць спадкаемцам А. Вішнявецкага доўг і толькі пасля гэтага авалодаць Рудымі Белкамі [15].

Судовая справа цягнулася доўга. У ходзе яе Пётр Рыбскі зразумеў, што яму прыйдзеца не проста атрымаць падарунак-маёнтак з гаспадарскіх рук, а выкупіць яго ў князёў Вішнявецкіх. Грошай у каралеўскага двараніна на гэта, пэўна, не было. Таму яшчэ да сканчэння судовай справы з Вішнявецкімі П. Рыбскі быў вымушаны саступіць Рудыя Белкі іншаму патэнцыяльнаму ўладальніку пры грошак. Ім аказаўся князь Яраш Ярашавіч Жыжэмскі. Кароль польскі і вялікі князь літоўскі Жыгімонт Ваза выдаў адпаведны дазвол П. Рыбскаму на саступку Рудых Белак Я. Я. Жыжэмскаму 10 лістапада 1594 г. [16]. Аднак сума, якуто павінен быў заплаціць князь за права авалодаць маёнткам («воласцю»), у дакуменце не названа.

Калі за 10 гадоў да таго разглядалася памежная справа князёў Вішнявецкіх з уладальнікамі суседняга Глускага маёнтка, то там фігураваў у якасці камісара на баку Вішнявецкіх князь Яраш Жыжэмскі, дзяржаўца рэчыцкі. Гэта быў бацька Я. Я. Жыжэмскага. Вынікае, што Жыжэмскі-старэйшы быў у курсе гаспадарчых і горыдчных асаблівасцей маёнтка Рудыя Белкі і, магчыма, спрыяў пераходу яго ў рукі свайго сына.

Як аказалася, князі Вішнявецкія не былі гатовы так проста адмовіцца ад Рудых Белак. Узнікла судовая цяганіна. Першым судом у гэтай справе стаў камісарскі суд, для якога суддзяў (камісараў) прызначыў манарх. Імі былі: Іван Мялешка, падкаморы мазырскі, Адам Руцкі, пісар земскі мазырскі, і Купрыян Аскірка, суддзя гродскі мазырскі. Пасяджэнне суда адбылося ў Рудых Белках 1 жніўня 1595 г. Камісарскі суд пастанавіў, што новы трымальнік Рудых Белак, Яраш Жыжэмскі, павінен выплаціць Вішнявецкім толькі першы доўг памерам у 1000 коп грошаў, а доўг у 830 коп грошаў скасаваў, бо гэтыя грошы былі запісаны на маёнтку пасля заключэння Люблінскай уніі 1569 г. (паводле яе ўмоў, манарх не меў права аддаваць маёнткі ў заставу). Справа для канчатковага вырашэння была адаслана на гаспадарскі суд.

Гаспадарскі суд адбыўся ў Кракаве 25 студзеня 1596 г. Туды прыбыў князь Яраш Жыжэмскі са сваім упаўнаважаным Матэвушам Конскім, а таксама ўпаўнаважаны князёў Вішнявецкіх — Іван Гнаеўскі. Апошні паведаміў суду, што князь Міхаіл Вішнявецкі знаходзіцца на вайскавай службе са сваёй ротай на Падоллі, а пераслаць маёмасныя дакументы суду ён не адважыўся. Карацей, ён прасіў пра адтэрміноўку суда, якая і была прадастаўлена — 8 тыдняў [17].

Зноў у Варшаве, 28 лістапада 1596 г., адбыўся чарговы суд. Ні князі Вішнявецкія, ні іх упаўнаважаныя на яго не прыбылі. Суд прыняў рашэнне на

карысьць князя Яраша Жьжэмскага, згодна з якім яму пераходзіў маёнтак (воласьць) Рудабелкі за 1000 коп грошаў. Да таго Я. Жьжэмскі атрымліваў права патрабаваць ад князёў Вішнявецкіх кампенсацыю за няслушна сабраны з рудабельскіх сялян чынш і іншыя падаткі [18].

Князі Вішнявецкія, аднак, аднавілі працэс. Гаспадарскі суд абмеркаваў рудабельскую справу чарговы раз у Варшаве 27 сакавіка 1597 г. У судзе стаў асабіста князь Міхаіл Вішнявецкі і яго ўпаўнаважаны Ян Прылепскі. Суд пакінуў у сіле мінулы дэкрэт. Рудабелка перадавалася ў валоданне Ярашу Жьжэмскаму, а князі Вішнявецкія прымушаны былі ўзяць перададзеньня ім 1000 коп грошаў. Жаданне Вішнявецкіх атрымаць яшчэ 830 коп грошаў перадавалася на разгляд сойма [19]. Калі ўлічыць, што соймавы суд быў загрузаны зверху усякай меры і не разглядаў чарговыя справы дзесяцігоддзямі, то фактычна гэты была адмова.

Пасля гэтага, не зыходзячы з суда, князь Яраш Жьжэмскі зрабіў заяву, што з-за таго, што Вішнявецкія збіралі з рудабельскіх сялян чынш і іншыя падаткі пасля таго, як Рудабелка была прысуджана яму камісарскім судом у 1595 г. і гаспадарскім судом у 1596 г., то ён збіраецца патрабаваць ад іх, Вішнявецкіх, кампенсацыю ў належным судзе. Гэта заява была запісана ў судовыя (канцэлярыя) кнігі [20].

Так пачынаў гаспадарыць у Рудых Белках новы трымальнік маёнтка. На працягу XVII—XVIII стст. Рудыя Белкі яшчэ шмат разоў мянялі сваіх трымальнікаў, але заўсёды лічыліся дзяржаўным (гаспадарскім) маёнткам.

Ніжэй друкуюцца дакументы, якія асвятляюць пачатковую (да XVII ст.) гісторыю Рудых Белак. Тэкст узнаўляецца ў адаптаваным выглядзе: літары, што выйшлі з ужытку, замяняюцца на сучасныя (w — o, y — u, e — э, æ — я, л — я), літары ь і ъ захаваны ва ўсіх пазіцыях. Вынасныя літары ўстаўлены ў радок і дадзены курсівам. Прапушчаныя літары ўзнаўляюцца ў дужках. Знакі прыпынку расстаўлены па сучасных правілах.

ДАКУМЕНТЫ

№ 1

1567 XI 7, Лебедзева.

Жьгімонт Аўгуст, кароль польскі і вялікі князь літоўскі, застаўляе Юрыю Зяновічу, кашталіяну полацкаму, воласьць Рудыя Белкі за 1000 коп грошаў літоўскіх.

Арыгінал. Невядомы.

Копія. НГАБ. Ф. КМФ-18. Воп. 1. Спр. 48. Арк. 178адв.—179адв. (Метрыка ВКЛ, кніга запісаў 48).

Публікацыі. Друкуюцца ўпершыню на аснове копіі.

Лісьць пана кашталіяна полоцького на заставу на Рудыя Белькі ему даный.
Жигимонт Августь.

Ознаймумь симь листомь н(а)ш(и)мь нинешнимь и напо томь будучимь, што ведучи намь вал(ь)ку з неприятеlemь н(а)ш(и)мь, великимь кн(я)земь

московскимъ, по *взят(ь)ю* через него замьку нашего Полоцкго за росказаньемъ *н(а)ш(и)мъ г(о)с(по)д(а)рьскимъ*, а с потребъ земьскихъ и Речи Посполитое, на заплачу людей служебныхъ кашпталянь земли Полоцккое, староста *лепельский, пропойский и чечерский пан Юри Зеновьевич* выдалъ властныхъ *п(е)н(е)зей* своихъ тысячу копь грошей личьбы литовское, личачи в грошь по десети *п(е)н(е)зей* белыхъ. Которая сума *п(е)н(е)зей*, ижъ на онъ *часъ* скарбу нашего *г(о)с(по)д(а)рьского* пану кашпталяну земли Полоцккое заплачона быти не могла, тогда мы, *г(о)с(по)д(а)рь*, хотячи ему оную суму *п(е)н(е)зей*, которую для потребъ нашихъ *г(о)с(по)д(а)рьскихъ* и земьскихъ выдать, уистити, в той суме *п(е)н(е)зей*, в тисечи копахъ грошей личьбы литовское, заставили и завели *ес(ь)мо* пану *Юр(ь)ю Зеновьевичу*, мальжоньце, детемъ и потомькомъ его *м(и)л(о)сти волост(ь) н(а)шу* староства Мозьрского, прозываемую Рудые Бельки, которая ку замьку *н(а)шому* Мозьрскому держана, за всеми селы, прысельки и люд(ь)ми, во оной земли помененой оселыми, с платы грошовыми, даньми медовыми, дяклами иржаными и овсяными, и з ихъ служьбами, и всякими повиньностями, и з ихъ землями пашьными, бортьными, з лесы, боры и сеножатыми, з гаи, дубровами, реками, *озер(а)ми*, водами и потоками, за всимъ на все, якъ ся оная вся волость Рудые Бельки сама в себе и в границахъ, широкостяхъ, входахъ и обыходахъ своихъ маеть, и якъ ку замьку *н(а)шому* Мозьрскому держана была, ничего на нас, *г(о)с(по)д(а)ра*, с пожытьковъ оное волости не *выймучи*. Кашпталянь земли Полоцккое панъ *Юри Зьеновьевич*, мальжонька его, дети и потомьки ихъ в суме *п(е)н(е)зей* *вышшей* помененой, в тисечи копахъ грошей литовскихъ, волость Рудые Бельки за всимъ на все, почаяши отъ року и дня пэвного, свята *св(е)того Мартина* в року *нинеишемъ*, шестьдесятъ осмомъ, пришлого через год *зуполный, держати* и всякихъ пожытьковъ, якъ зъ стародавна бывало, *вживати* и ку пожытьку своему оборочати, ажъ тая сума *п(е)н(е)зей*, тисеча копь грошей, на рокъ, в семь листе нашомъ *описаный*, на день свѣтого *Мартина* в року шестьдесятъ осмомъ *пришлого св(я)та* отъдана и спольна заплачона *будеть*.

А где бы оная сума *п(е)н(е)зей* на рокъ и день помененый пану *Зьеновьевичу*, мальжоньце, детемъ и потомькомъ его отъдана и спольна заплачона не была, тогда онъ самъ, мальжонька, дети и потомьки его до другого году, и такимъ способомъ рокъ отъ роковъ тую волость *верху* помененую держати и *вживати* и всякие доходы ку пожытьку своему оборочати до того часу, покуль сума *п(е)н(е)зей* тисеча копь грошей на рокъ, в листе *н(а)ш(о)мъ* *описаный*, на день свѣтого *Мартина*, отъдана и заплачона *будеть*. А передь роками и межы роковъ мы сами и потомьки *н(а)ши* в него и потомьковъ его того *выкуповати* не маемъ. А *держачи* оную волость в суме *п(е)н(е)зей*, панъ *Зьеновьевич* самъ и потомьки его служьбы земское военное с тое волости служити не будутъ повиньни. Вол(ь)но тежъ *будет(ь)* пану *кашпталяну* земли Полоцккое, потребуючи сумы *п(е)н(е)зей*, кому хотячи волость *верху* писаную Рудые Бельки в суме *п(е)н(е)зей* в тисечи копахъ

грошей личьбы литовское кому хотячи заставити и суму п(е)н(е)зей поменуя записати. А мы и потомьки наши ему, потомькомъ его и тому, кому бы онъ то в суме п(е)н(е)зей завель, водле обявляковъ, в семь листе нашомъ описаных, все мощно держати будем.

И на то ес(ь)мо каштальяну земли Полоцкое п(а)ну Юр(ь)ю Зьеновьевичу дали сес(ь) наш листъ з нашего печатью.

Писанъ в Лебедеве, лета Болж(ь)его нароженья тисеча пят(ь)сотъ шестьдесятъ сего, м(е)с(е)ца ноября 7 дня.

№ 2

1569 XI 28, Кньшын.

Жьгѣмонт Аугуст, кароль польскі і вялікі князь літоўскі, павялічвае застаўную суму з 1000 да 1830 коп грошаў літоўскіх, записаную на воласці Рудыя Белкі, дадзеную ў трыманне Юрью Зяновічу, каштальяну полацкаму.

Арыгінал. Невядомы.

Копія. НГАБ. Ф. КМФ-18. Воп. 1. Спр. 267. Арк. 293—294адв. (Метрыка ВКЛ, кніга судовых спраў 53).

Публікацыі. Друкуецца ўпершыню на аснове копіі.

Застава п(а)ну Юрю Зеновичу, кашптъялану полоцкому, Рудых Белокъ в старостве Мозырскомъ в осьмисот и тридцати копах гр(о)шэй литовскихъ.

Жикгимонт Августъ.

Ознаймумь симъ нашимъ листомъ, кому *будет* потреба того ведати, што зостало было *винно* в *скарбе* нашом *немалую* суму п(е)н(е)зей каштальяну земли Полоцкое, старосте лепельскому, пропойскому и чечерскому пану Юрю Зеновьевичу, которую онъ, платечи людемъ служебнымъ, товаришомъ роты свое, и закладаючи инышие потребы земьские, *властных* п(е)н(е)зей своихъ выдалъ. Ино ижъ подъ тыми часы тая *сума* п(е)н(е)зей, которая ему *виньна* зостала, заплачона быти не могла, тогда *перьвей* сего *певную* часть заплаты помененое сумы п(е)н(е)зей, которая ему *виньна*, завели есмо пану каштальяну земли Полоцкое *обычаемъ* заставнымъ волость нашу Рудые Белки, ку замку нашому Мозырскому *належаую*, зо *всимъ* на все, яко се в себе маеть, в тисечи копахъ *грошей* личьбы литовское, на што есмо ему *особливый* листъ нашъ дали, в которомъ то *ширей* и *достаточней* описано есть. А ижъ еще того долгу старого не заплачона было каштальяну земли Полоцкое *осмисотъ* тридцати *копъ* *грошей*, тогда *тыхъ* часовъ каштальянъ земли Полоцкое *пильне* просилъ нась, *абыхъ*мо остаток того долгу его з *скарьбу* нашего *заплатити* ему казали.

Але ижъ за *недостаткомъ* *скарьбу* нашего тая *сума* п(е)н(е)зей долгу его, *осмьсотъ* *тридцать* *копъ* *грошей*, *заплатитися* не могла, тогда есмо *такое*е с нимъ *постановеньє* вчинили, же и *тую* суму п(е)н(е)зей, котора *еще* ему в *скарьбе* нашомъ *виньна* была зостала, *осмьсотъ* *тридцать* *копъ* *грошей*, на томъ же *именью* нашомъ Рудобелкахъ ему *уищам* и *симъ* листомъ нашимъ *упвняемъ* *такowymъ* *обычаемъ*, ижъ *вжо* *впродъ* *речоний* Юрьи Зеновьевичъ,

кашталянь земли Полоцкое, мальжонька, дети и потомьки его якъ в той суме п(е)н(е)зей, в которой первой сего от насъ оная волость наша Рудые Белки заведены в тисечи копах грошей, также и в той другой суме п(е)н(е)зей, восмисотъ тридцати копах грошей личьбы литовское, оную волост(ь) Рудобелки держати и вживати, всякие пожитки на себе брати подь тымъ правомъ, владностью и обовязками, яко в перьвшомъ листе нашомъ, на тисечу копь грошей ему даной описано, до тыхъ роковъ и часовъ которые в ономъ же листе нашомъ перьвшомъ ознаймены. А мы, г(о)с(по)д(а)рь, тое волости вышшей помененое Рудыхъ Белокъ от самого пана кашталяна земли Полоцкое, мальжонки, детей и потомьковъ его брати и ничимъ се в нее вступовати не маемъ до того часу, ажъ вся тая сума п(е)н(е)зей, на перьвшомъ* и на семь листе нашомъ описаная описана**, тисеча осмьсотъ тридцать копь грошей, на роки, в перьвшомъ листе нашомъ ознаймены, сполна отдана и заплачона будеть.

И на то есмо пану Юрию Зеновьевичу, кашталяну земли Полоцкое, дали сесь нашъ листъ, подписаный властною рукою нашою г(о)с(по)д(а)рьскою, и з нашою печатью.

Писанъ у Кньшине, лет(а) Бож(ьего) нарож(енья) 1569, м(е)с(е)ца ноября 28 дня.

Подпис руки г(о)с(по)д(а)рьское.

№ 3

1583 XI 16, Берасце.

Стафан Баторый, кароль польскі і вялікі князь літоўскі, дазваляе князю Аляксандру Вішнявецкаму, старасце чаркаскаму і канеўскаму, выкупіць у сваёй маці Гальшкі Зяноўевічоўны сёлы Рудабелку і Пячалавічы за 1830 коп грошаў літоўскіх.

Арыгінал. Невядомы.

Копіі. 1. НГАБ. Ф. КМФ-18. Воп. 1. Спр. 69. Арк. 187—188 (Метрыка ВКЛ, кніга запісаў 69). 2. НГАБ. Ф. КМФ-18. Воп. 1. Спр. 70. Арк. 44адв.—46 (Метрыка ВКЛ, кніга запісаў 70).

Публікацыі. Апублікаваны А. А. Мяцельскім на аснове копіі з кнігі 70 Метрыкі ВКЛ (пад датай 17 лістапада 1583 г.) [11, № 31, с. 96—97]. Тут дакумент друкуецца на аснове копіі з кнігі 69 Метрыкі ВКЛ.

Прывілей кн(я)зю Александру Вишневецкому на позволение отдать суму п(е)н(е)зей матцр его за село Рудобелки и Печаловичы в повете Мозырском.

Стэфан, Бож(ь)ю м(ил)л(о)ст(ь)ю корол(ь) пол(ь)ский, великий князь(ь) лит(о)вский.

Ознаймумъ симъ нашымъ листом, кому бы одно того потреба ведатй, ижъ што продокъ нашъ корол(ь) его м(ил)л(о)сть славное памяти Жикгимонт Августъ в пэвной суме п(е)н(е)зей осмнадцати сот и в тридцатй копах грошэй завель и заставиль кашталяну смоленскому, небожчыку пану Юр(ь)ю

* Так у рукапісе, павінна быць: перьвшомъ.

** Так у рукапісе.

Зеновьевичу села прозываемые Рудобелки и Печаловичы, в повете Мозырскомъ лежачые, яко то на листе продка нашего шырэй с пвнными варунками есть описано. Которые села Рудобелки и Печаловичы небожчыкъ пань Юрэй Зенович, кашталянъ смоленский, державшы и вжывавшы спокойне чэрэз немалый часть, пустиль и записаль дочцэ своей, кашталяновой киевской кн(е)г(и)ни Михайловой Вишневецкой паней Гал(ь)шцэ Зинов(ь)евичовне в тойжэ суме п(е)н(е)зей и таковымъ правом, яко сам от продка нашего заставою держаль.

Ино мы, г(о)с(по)д(а)рь, бачэчы на зацность и старожьпность дому дворянина нашего, старосты чэркаского и каневского кн(я)зя Александра Вишневецкого и маючы ласкавый взгляд и бачэнье на пил(ь)ные, верные, почтивые и накладные службы его, которые он нам, г(о)с(по)д(а)ру, пэрвей сего, бываючы при отцы своемъ, при кн(я)зю Михайлу Вишневецком, частокротъ в потребахъ противъ людей московских и противъ татаръ смеле себе почынаючы и здорвье свое для насъ, г(о)с(по)д(а)ра, в небезпечэньство вдаючы, показоваль, а тепер на дворе нашем на ласку нашу г(о)с(по)д(а)рскую, не беручы з скарбу нашего никоторого опатрэнья и заплаты, намъ, г(о)с(по)д(а)ру, пил(ь)не служить, не жалуючы утратъ и накладовъ маестности своее, прото хотечй его и впэрод ку службамъ нашимъ такжэ охотного мети, позволили ес(ь)мо и симъ листомъ нашимъ позволяемъ кн(я)зю Александру Вишневецкому тую суму п(е)н(е)зей кн(е)г(и)ни Михайловой Вишневецкой кнегини Зеновьевичовне, матцэ его, отложити и тое село Рудобельки и Печаловичы окупит(ь). А отложывшы тую суму п(е)н(е)зей тисечу осмьсотъ и тридцать копъ грошэй литовскихъ, ал(ь)бо якимъ кол(ь)векъ способомъ за тую суму пани матцэ своей досьпгъ учынившы, маеть кн(я)зь Александер Вишневецкий тое село Рудобелки и всякие доходы, якие кол(ь)векъ чэрэз него вынайдены быти могутъ, на себе брати и примножати и ими водлугъ воли и бачэнья своего шафовати аж до жьвота своего. А мы, г(о)с(по)д(а)рь, за нас и за потомки нашы обещаем, иж за жьвота кн(я)зя Александра Вишневецкого того села Рудобелокъ у него окуповати не будемъ, хотя бы тэжэ того потреба наша г(о)с(по)д(а)рская ал(ь)бо скарбу нашего показовала, и никому на то позволенья давати не маемъ. А по жьвоте его жона, дети и потомки его тое село Рудобелки в тойжэ суме п(е)н(е)зей, в осминадцати сотъ и тридцати копахъ личбы литовское держати мають аж до отданья, зупольного заплачэнья всее тое сумы п(е)н(е)зей. А мы и потомки нашы, их м(и)л(о)сти короли пол(ь)ские и великие кн(я)зи литовские, не отложывшы тое всее сумы п(е)н(е)зей зупольна жоне, детем и потомкомъ его, села Рудобелокъ и Печаловичъ з рукъ и з дэржанья их брати не маемъ и не будем, заховуючы ихъ во всемъ водлугъ листу продка нашего, короля его м(и)л(о)сти Жькыгимонта Августа, кашталяну смоленскому, небожчыку пану Юр(ь)ю Зеновьевичу даного.

И на то дали ес(ь)мо старосте чэркаскому и каневскому кн(я)зю Александру Вишневецкому сес(ь) наши листъ с подписомъ руки н(а)шое

г(о)с(по)д(а)рское, до которого и печать нашу Великого Кн(я)зства Литовского привесити ес(ь)мо росказали.

Писань у Бэрэст(ь)ю, лета Божого нарожэння тысяча пят(ь)сот осмдесять третего, м(е)с(е)ца ноябра шеснадцатого дня.

Подпись руки г(о)с(по)д(а)рское.

Лев Сапега писарь.

№ 4

1584 XI 8, Гародня.

Стафан Баторый, кароль польскі і вялікі князь літоўскі, вырашае памежную справу паміж князямі Міхайлам і Аляксандрам Вішнявецкімі, трымальнікамі с. Рудабелкі, і князямі Аляксандрам Палубінскім з жонкай Соф'яй Гальшанскай і Юрыем Чартарыйскім, уладальнікамі маёнтка Глуска.

Арыгінал. Невядомы.

Копія. НГАБ. Ф. КМФ-18. Воп. 1. Спр. 68. Арк. 303—305 (Метрыка ВКЛ, кніга запісаў 68).

Публікацыі. Друкуецца ўпершыню на аснове копіі.

Дэкрет кн(я)зю Вишневецкому, державцы рудобел(ь)скому, о забране кгрунтов Рудобел(ь)ских до имен(ь)я Глуска кн(я)зя Полубенского и кн(я)зя Чарторьского.

Стэфань, Божью м(и)л(о)ст(ь)ю корол(ь) пол(ь)ский.

Смотрэлі ес(ь)мо того дела с паны радами нашымі, на тот час при нас будучыми, на року, за апеяльцею от комисаров наших припалом. Што || княз(ь) Михайло Вишневецкий, кашталян киевский, староста любецкий, и малжонка его м(и)л(о)сти пани Гал(ь)шгька Юр(ь)эвна Зеновичовна, держечи сэло нашу Рудобелки, лежачоэ в повете Мозырскомь, в певной суме п(е)н(е)зей, дали намь справу, ижъ княз(ь) Александер Полубеньский, староста вил(ь)кийский и поюрский, и малжонка его м(и)л(о)сти пани Зофия Гол(ь)шанская, и княз(ь) Юрей Чарторьский з ыменя их Глуска, в повете Мозырскомь лежачоэ, немало кгрунтов того сэла н(а)шого Рудобел(ь)ского до имен(ь)я своего Глуска зашли и забрали, перешедшы стародавние знаки и границы. На илто княз(ь) Михайло Вишневецкий и малжонька его м(и)л(о)сти, давшы намь справу, одержали от нас комисаров з рамени н(а)шого г(о)с(по)д(а)рського з стороны подданыхъ наших: державцу речыцкогю кн(я)зя Яроша Жыжемского, подчашога земли Киевскоэ Стефана Лозку, а подстаростего мозырского Миколая Куновского. А кн(я)зь Александер Полубеньский з малжонкою своею, а зь князем Юр(ь)эмь Чарторьским мели з стороны своэо комисаров на тотъ же час вывести, кого бы они сами похотели.

То пакъ ктды комисары н(а)ши, подчаший земли Киевскоэ Стэфан Лозка и подстаростий мозырский Миколай Куновский в року теперешнем осмдесять четвертомь м(е)с(е)ца сентябра двадцат(ь) шостого дня там, на тьэ кгрунты забраньэ выехали, княз(ь) Алэксандер Полубеньский самь очевисто и

от малжонки своее кн(я)гини Зофеи Гол(ь)шанськоз, моц зуполную до тоз справы на зыскъ и страту показавшы, первой обьмову чинили, ижъ без участника своего кн(я)зя Юр(ь)я Чарторыского на тую жалобу перед комисар(а)ми усправедливятсе не повинен, умоцованный кашпаляна кизьского довелъ того написом возного на комисьи, такъжэ и выписомъ сознанья того жъ возного Мартина Запол(ь)ского, же комисьи так кн(я)зю Полубэньскому, яко и кн(я)зю Чарторыскому в замку их спол(ь)номъ въ Глуску положоно, допирался дей, абы княз(ь) Полубэньский далей въ право вступоваль, а княз(ь) Чарторыский абы на року завитомъ за нестанного зданъ был. Якожъ комисары нашы кн(я)зя Чарторыского за нестанного здавшы, велели кн(я)зю Полубенскому далей в право вступоват(ь). А потом княз(ь) Полубэньский просил, абы его выводу границы комисары первой смотрэли и доводу слухали, первой, нижли подданныхъ нашихъ. Што кды эму не пошло, а подданнымъ нашимъ обводъ границы сказан, тогды княз(ь) Полубенский на обводъ границы подданныхъ при комисарохъ нашихъ того дня не ездилъ и з державцою нашимъ, такъже и с подданными рудобел(ь)скими в право се вдал. Которыхъ границъ ижъ комисары обьзахат(ь) не могли, до завтрея тую справу под тою жъ моц(ь)ю отложыли. А кды было на завьтрэз, княз(ь) Полубэньский за частокротнымъ обосланьэмъ и напоминач(ь)эмъ комисаровъ нашихъ на границу възехати и до конца в той справе усправедливит(ь)сэ не хотель, вымовляючы(сэ) хоробою малжонки своэз. А комисары нашы, бачечы, из* княз(ь) Александер Полубенский ку зволоце подданнымъ нашимъ чьнит(ь), кдыжъ вжо первой моц зуполную от малжонки своее на зыскъ и страту показавшы и в право вступившы, до конца в той справе усправедливитисэ не хотэль, для чога вжо эму таковоз отрочэньз хоробою малжонки его ити не могло, сказали сторонам далей в право вступоват(ь). Нижли княз(ь) Полубэньский того сказу комисаров послушон быти и до конца в той справе росправитисэ нэ хотэл. Зачым комисары нашы обводъ границы подьданныхъ нашихъ до конца огледавшы, ку доводу ихъ припустили. Подданыэ нашы, обьведшы границы, знаки и врочыща, маючы границы того села Рудобел(ь)ского, через ревизоровъ нашихъ на пис(ь)ме описаныэ, а надъ то ос(ь)мнадцать светковъ людей посторонныхъ, сусэдь околичныхъ, ставили, и тры чоловіки подданныхъ нашихъ сэла Рудобельского з шест(ь)ма светками на тойграницы присегу учынили.

Которозъ присеги княз(ь) Полубэньский допустившы подданнымъ, вжо послэ присеги до нас, г(о)с(по)д(а)ра, агэлевал. И на року, за апелячыю водлугъ лимитации припаломъ, мовил, ижъ не вси тры комисары, от насъ высланыэ, але тол(ь)ко два възьждчали, которызъ без третего, первой в комисьи помененого, тоз справы судити и отправовати не могли. Другоз, ижъ в комисьи имя другого комисара Стэфана, алэ на берегу подле строкъ написано. Третее, ижъ участникъ его, княз(ь) Чарторыский, комисыю н(а)шою не был

* Так уруканисе, павінна быць: иж.

объещонь. А к тому, ижъ *малжонка* его кнегиня Зофия Гол(ь)шанская за хоробою своєю перед комисар(а)ми становитисе не могла и листовой отворный до нихъ, вымовляючысэ хоробою, послала, которого они приймовати нэ хотели. И просиль княз(ь) *Полубеньский*, абыхмо тотъ чудь комисаровъ нашихъ поднесли и ни во *што* обернули, а знову там, на тую границу, комисаровъ выслали.

А ижъ в том часэ *кашталяна* киевского Пань Богъ до хвалы своэе взяти рачыл, по которого смерти сынъ его, староста черкасский, державца тыхъ добръ нашихъ княз(ь) *Александр Вишневецкий*, зъ стороны тыхъ подданныхъ нашихъ сэла Рудобельского через умоцованого своего, служебника Юр(ь)я Свяцкого повэдилъ, ижъ тызъ два комисары, з стороны подданныхъ нашихъ высланыэ, мели *моци* без трет(ь)его тую комисыю отпраовати и кончыти. Перед которыми и то правнэ показано и доведено, же княз(ь) *Чарторьский* комисысю н(а)шою обещаонь, и княз(ь) *Александр Полубеньский*, показавшы перед комисар(а)ми зуполную *моцна* зыскъ и страту, в право сэ удалъ, а уступившы вжо в право, другого дня хоробою *малжонки* своее тую справу зволокати хотель, што вжо эму ити не могло. И просиль, абы *тот* вырок комисаровъ нашихъ, яко правне учыненыи, при *моцы* оставили и утвердили.

Мы, г(о)с(по)д(а)рь, тоэ все справы подоста^тку выслушавшы, а бачечы, ижъ тызъ обьомвы кн(я)зя *Александра Полубеньского* у права ити не могутъ, кдъжъ и участник его княз(ь) *Чарторьский* комисысю нашою былъ обещаонь, а княз(ь) *Александр Полубеньский*, за *моц(ь)ю малжонки* своее въ право вступившы, потомъ другого дня хоробою *малжонки* своее тую справу зволокати хотэль, што вжо эму водлугъ права ити не могло. А к тому князъ *Александр Полубеньский*, допустившы присягнути подданнымъ нашимъ, и вжо послэ присети ихъ до насъ, г(о)с(по)д(а)ра, апэлевал. С тыхъ причинъ бачечы судъ быт(ь) комисаровъ нашихъ *правный*, во всемъ при *моцы* его оставили и вырокомъ нашимъ ствердили и *тот* кгрунт при подданныхъ нашихъ сэла Рудобельского в держаньэ и ужываньэ присудили ес(ь)мо, вечными часы.

Што для памети есть до книгъ нашихъ г(о)с(по)д(а)рьскихъ канцелярейскихъ записано, с которыхи сэсь листь кн(я)зю *Александру Вишневецкому* дань *ест*.

Писанъ у Городнэ, лета Божьего нароженья тисеча *пят(ь)сот* осмьдесят четвертого, м(е)с(е)ца ноября ос(ь)мого дня.

Лев Сапега писарь.

№ 5

1593 IX 12, пад лятарнай Гданьскай.

Жыгімонт III Ваза, кароль польскі і вялікі князь літоўскі, дае Пятру Рыбскаму, двараніну гаспадарскаму, с. Рудабелкі пасля смерці князя Аляксандра Вішнявецкага, старасты чаркаскага, да жывата.

Арыгінал. Невядомы.

Копія. НГАБ. Ф. КМФ-18. Воп. 1. Спр. 76. Арк. 463адв.—464 (Метрыка ВКЛ, кніга запісаў 76).

Публікацыі. Друкуецца ўпершыню на аснове копіі.

П(а)ну Рыбскому на село Рудобелки.

Жикгимонт Трэтый.

Ознаймемь тымь листом н(а)шымь, ижъ мы, г(о)с(по)д(а)рь, маючы ласкавый взгляд на уставичныя вэрныя службы дворанина н(а)шого урожоного Петра Рыбского, которые он от часу немалого на дворэ нашомь служечы з себе показоваль, а хотечы его и напотом хуглившого до службь нашихь способити, а нагороду за таковыя службы его чынечы, залеценьемь некоторых ихъ м(и)л(о)сти панов рад и урядников н(а)шыхъ дворныхъ дали есьмо ему и симь листом н(а)шымь даемь въ воеводствэ Менскомь, в поветэ Мозьрскомь село названое Рудобелки, по смерти кн(я)зя Александра Вишневецкого, старосты черкаского, до столу и вольного шафуньку нашего спалое, с прысельсками, з люд(ь)ми в них осельми, и кгрунты пустыми, и зо всимь на все, яко держаль небошчык кн(я)зь Александер Вишневецкий, староста черкасский, до жывота его. Маеть помэненыи дворэниинь нашъ урожонный Петр Рыбский того села и с прысельсками, до него належачыми, з людьми, кгрунты осельми и пустыми, застэнками, моржгами, выгонами, сеножатми, мльынами, лесы, дубровами, борами, озерами, рэками, рэчками, з данью мэдовою, и зо всякими пожытками, доходы, прыналежностями, шырокостями и околичностями дэржати и ужывати, до жывота своего. А с того намь, г(о)с(по)д(а)ру, и до скарбу нашего никоторое повинности полнити не маеть.

И на то дали есьмо ему сесь нашъ листь с подписомь руки нашоз г(о)с(по)д(а)рьское и з нашою печат(ь)ю.

Писан под лятэрнию Кгдан(ь)скою, року Божого 1593, м(е)с(е)ц(а) сеньтебра дванадцатого дня.

Sigismundus Rex.

Матей Война писарь.

№ 6

1594 XI 10, Кракаў.

Жыгімонт III Ваза, кароль польскі і вялікі князь літоўскі, дазваляе князю Ярашу Ярашавічу Жыжэмскаму выкупіць воласць Рудабелкі ў спадчыннікаў князя Аляксандра Вішнявецкага і трымаць яе да жывата.

Арыгінал. Невядомы.

Копія. НГАБ. Ф. КМФ-18. Воп. 1. Спр. 77. Арк. 545адв.—546адв. (Метрыка ВКЛ, кніга запісаў 77).

Публікацыі. Друкуецца ўпершыню на аснове копіі.

Привилей урожоному Ярошу Жижэмскому на волость Рудобелки.

Жикгимонт Третий, Божью м(и)л(о)стью король.

Ознаймемь симь листомь н(а)шимь всимь, кому бы то ведатий належало, иж што по зосцью зь сего св(е)та небошчыка кн(я)зя Александра

Вишневецкого, старосты черкасского и каневского, з ласки нашео г(о)с(по)д(а)рьское дали есмо были дворенину нашему урожоному Петру Рибскому волость в повете Мозырскомъ лежачую названую Рудобелъки, позволивши менованому Петру Рибскому тую волость у потомьков кн(я)зя Александра Вишневецкого выкупити и доживотнымъ правомъ держати. Тогда помененьй Рибский, не будучи способень на отложенъе тое сумы п(е)н(е)зей, право свое доживотное, которое отъ нас на тую волость Рудобелки мель, кн(я)зю Ярошу Ярошевичу Жижемьскому пустить, а нашимъ позволенъемъ и право свое ему отъдать. Якожь помененьй кн(я)зь Ярошъ Жижемьский, маючи на то пушчное себе право отъ Рибского, билъ намъ чоломъ, абыхмо ему листомъ н(а)шимъ до живота его то потвердили, за которимъ и каньцлеръ Великого Кн(я)сзства Литовского, староста слонимский и ретовский вельможный Левъ Сапега у причине нас жедалъ.

Мы, г(о)с(по)д(а)рь, з ласки н(а)шое на причину его м(и)л(о)с(т)и пана каньцлерову тую волость Рудобелки зо всеми селы и приселками, якимъ кол(ь)векъ именемъ назваными и до нихъ належачими, позволяемъ менованому кн(я)зю Ярошу Жижемьскому у братьи кн(я)зя Александра Вишневецкого альбо у потомьковъ его, кому то по немъ належати будетъ, выкупити, въ уживан(ь)е свое взявши, до живота своего держати. Маеть преречоный кн(я)зь Ярошъ Ярошевичъ Жижемский тую волость Рудобелки зо всемъ, яко се в себе маеть, выкупивши в той суме п(е)н(е)зей, зъ ктрунъты и с поддаными на них оселыми, и з ктрунъты пашными и непашными, зъ сеножатыми, з реками, з дубровами, з боры, з гаи, з реками, и в нихъ гоны бобровыми, з ловы зверинными, рыбными и пташими, и зо вшелками пожитками, до тое волости Рудобелокъ належачими, держати и всякие пожитки, отъгуль приходячие, на себе уживати, до живота своего, ничего с того на насъ, г(о)с(по)д(а)ра, и до скарбу н(а)шого давати, и личбы чинити не будучи повинень. А по смерти его мы и потомки н(а)ши не маемъ и не будемъ мочи того села Рудобелокъ ани жадное части отъ его або потомьковъ его брати и никому отъдавати, ажъ перьвей тая сума п(е)н(е)зей жоне, детемъ, потомькомъ альбо тому, кому бы то отъ него якимъ правомъ заведено было и належало, отъдана и заплачона будетъ.

И на то ес(ь)мо помененому || кн(я)зю Ярошу Жижемьскому дали сесь н(а)шъ листь с подыписомъ руки н(а)шое г(о)с(по)д(а)рьское и з н(а)шою печатью.

Писанъ у Кракове, лета Бож(ь)его нароженья тисеча пятьсотъ девьдестъ четьвертого, м(е)с(е)ца ноябра десятого дня.

Подыпис руки г(о)с(по)д(а)рьское.

№ 7

1595 III 20, Кракаў.

Жьгімонт III Ваза, кароль польскі і вялікі князь літоўскі, дазваляе Пятру Рыбскаму выкупіць с. Рудыя Белкі ў спадчыннікаў князя Аляксандра Вішнявецкага і саступіць гэтае сяло іншым асобам.

Арыгінал. Невядомы.

Копія. НГАБ. Ф. КМФ-18. Воп. 1. Спр. 77. Арк. 61 надв.—612 (Метрыка ВКЛ, кніга запісаў 77).

Публікацыі. Друкуецца ўпершыню на аснове копіі.

Коньсэнсь урожоному Петру Рыбському на пуцэн(ь)э кому хотечы Рудых Белокь.

Жикгимонт Третий, Божью м(и)л(о)стью король.

Ознаймуемь симь н(а)шимь листомь, иж што по смерти кн(я)зя Александра Вишневецкого, старосты черкасского, каневского, дали ес(ь)мо былй дворянину н(а)шому урожоному Петру Рыбскому у воеводстве Миньскомь, у повете Мозырскомь село названое Рудобелки, правомь доживотнымь. Ино кгда он потомковь небощика кн(я)зя Александра Вишневецкого о непостушенье ему того села передь нас, г(о)с(по)д(а)ра, позвал, показалосе то в контроверсьи в показанью права оть потомковь небощиковскихь, же на томь селе Рудобелкахь сума якаясь оть продка н(а)шого есть внесена, и в той суме то небощикь староста черкаский держаль, а по смерти его тая сума на потомки его спала.

Прото мы, г(о)с(по)д(а)рь, тому Петру Рыбскому симь листомь привил(ь)емь н(а)шимь позволяемь ему туо суму, которая се слушне покажеть, потомкомь небощика кн(я)зя Александра Вишневецкого отложивши, тое село помененое Рудобелки до держанья своего в той суме п(е)н(е)зей, тое село Рудобелки с присельками, до него належачими, з людми, кгрунты осельми и пустыми, застенками, моржтами, выгоны, сеножатями, млыны, лесы, дубровами, озерами, реками, речками, з данью медового, грошового, и зо всякими пожитки, доходы, приналежностями, широкостями, околичностями, и зо всимь на все, яко се в себе маеть и яко небощикь староста черкаский держаль, держати и уживати до живота своего, а по животе его альбо тому, кому бы онь описал, мы сами и потомькове н(а)ши не маот(ь) того села брати, ажь первой тая сума, которую онь потомькомь небощика старосты черкасского заплатит(ь), потомькомь его альбо кому бы то он описаль, зь скарбу нашого отложона будеть. Якожь позволяемь ему тое село помененое Рудобелки и суму на немь кому хотечи за живота своего тымь же правомь своимь пустити и записати.

И на то ес(ь)мо дворянину н(а)ш(о)му урожоному Петру Рыбскому дали ес(ь) н(а)шь листь, названый коньсенсь, с печат(ь)ю н(а)шою Великого Кн(я)зства Литовского, подписавши его рукою н(а)шою г(о)с(по)д(а)рьскою.

Писан у Кракове, лета *от* нароженья с(ы)на Божьего тисеча пят(ь)сот девет(ь)десят пятого, м(е)с(е)ца марта двадцатого дня.

Подпис руки г(о)с(по)д(а)рьское.

Ярошъ Воловичъ писарь.

№ 8

1596 I 25, Кракаў.

Дэкрэт гаспадарскага суда ад імя Жыгімонта III Вазы, караля польскага і вялікага князя літоўскага, якім разгляд справы пра ўмовы пераходу дзяржавы Рудабелкі ад князёў Міхаіла і Юрыя Вішнявецкіх князю Ярашу Жыжэмскаму адкладзены на 8 тыдняў.

Арыгінал. Невядомы.

Копія. НГАБ. Ф. КМФ-18. Воп. 1. Спр. 287. Арк. 16—16адв. (Метрыка ВКЛ, кніга судовых спраў 73).

Публікацыі. Друкуецца ўпершыню на аснове копіі.

Дэкретъ кн(я)зю Ярошу Жижемскому, войскому мозырьскому, с князями Вишневецкими о державу Рудобелки и о суму на той державе.

Жижгимонт Третий, Бож(ь)ю м(и)л(о)ст(ь)ю корол(ь) пол(ь)ский, великий княз(ь) лит(о)вский.

Ознаймуемъ симъ листомъ нашымъ. Слухали ес(ь)мо тое справы с паны рады нашими, при насъ будучими. Приточилася справа за отосланьемъ комисарскимъ войского мозырскаго кн(я)зю Яроша Жижемьского з урожоньми Михайломъ а Юр(ь)емъ княжаты Вишневецькими о державу нашу Рудобелки, на которой державе и сума п(е)н(е)зей есть. Которая справа, кгда на комисари од насъ преложона была, абы они, наказавши сторонамъ перед собою на року зложомъ стати, тое справы прослухали и суму п(е)н(е)зей слушне на тые добра внесеную узнавши, отложить кн(я)зю Жижемьскому княжатомъ Вишневецкимъ казали, а державу Рудобелки водлугъ права, кн(я)зю Жежемьскому од насъ даного, абы подали. И кгда се дей тая справа в року прошломъ деветдесять пятомъ м(е)с(е)ца августа первого дня перед нами з мовенья обоохъ сторонъ отправовала, а ижъ се водлугъ наказу ихъ стороны княжатъ Вишневецкихъ не досытъ деело, одослали тую справу с певныхъ причинъ до насъ, господара, зложившы рокъ сторонамъ перед нами становитисе, и выписавшы всю тую справу, яко се точила, на листе своемъ, которые под печатями и с подписами рукъ своихъ выдали.

За которымъ одосланьемъ комисарскимъ по выйстью лимытацьи теперешнее на року припаломъ княз(ь) Ярошъ Жижемьский попирати справы своее самъ черезъ себе и через умоцованого своего Матеуша Конского былъ готовъ и сторону свою противную до права привольвать давал. За чимъ озвавшись умоцованый княжатъ Вишневецкихъ Иванъ Гноевский, за моц(ь)ю *от* нихъ себе даного, поведил, ижъ дей будучи кн(я)зю Михайлу Вишневецькому на службе господарской и Речи Посполитое з ротою своею на Подол(ь)ю поспол з ыньшимъ людомъ его королевское м(и)л(о)сти

служебнымъ рыцарскимъ, не могъ до тое справы на тотъ рокъ самъ прибыть, а справъ тежъ тыхъ, которыми тая справа о Рудобелки боронитъ бы се могла, послать не смель, просиль, абы ес(ь)мо на показанье права и привилеевъ часу узычили.

Мы, господар, через паны вранники наши, от насъ на суды высажонные, прихилияючися до права посполитого, артыкулу двадцать четвертого, розделу четвертого, того часу на показанье права, на што сесь умоцованый князятъ Вишневецкихъ браль, узычаемъ от даты сего выроку нашего за осмь недель, на которомъ року без припозву, одно за симъ вырокомъ нашымъ княжата Вишневецкие с правомъ своимъ стати и водлугъ того артыкулу присегу выконати мають, яко не ку зволоце справедливости, ани ку шкоде стороне тотъ рокъ умоцованый за моц(ь)ю ихъ зволокъ. А выконавши присегу водлугъ того отосланья комисарского, з стороною своею противною наконецъ росправитися о тую державу Рудобелки повинень будеть.

Которая справа до книгъ нашихъ канцлерейскихъ записана естъ.

Писанъ у Кракове, року деветьдесять шостого, м(е)с(е)ца генъвара двадцать пятого дня.

Лев Сапега, канцлер Великого Князства Литовского.

Матей Война писаръ.

№ 9

1596 XI 28, Варшава.

Дэкрэт гаспадарскага суда ад імя Жыгімонта III Вазы, караля польскага і вялікага князя літоўскага, якім воласць Рудабелкі прысуджана князю Ярашу Жыжэмскаму з выплаты 1000 коп грошаў князям Міхаілу і Юрыю Вішнявецкім, пры гэтым Жыжэмскаму дадзена права патрабаваць ад князёў Вішнявецкіх кампенсацыю за няслушна сабраны з рудабельскіх сялян чынш і іншыя падаткі.

Арыгінал. Невядомы.

Копія. НГАБ. Ф. КМФ-18. Воп. 1. Спр. 287. Арк. 181адв.—183 (Метрыка ВКЛ, кніга судовых спраў 73).

Публікацыі. Друкуецца ўпершыню на аснове копіі.

Дэкрет кн(я)зю Ярошу Жижемскому, войскому мозырскому, с княжаты Вишневецкими о державу Рудобел(ь)скую.

Жикгимонт Третий, Бож(ь)ю м(ил)о(ст)ю корол(ь) пол(ь)ский, великий княз(ь) лит(о)вский.

Слухали ес(ь)мо с паны радами нашыми, при нас на тотъ часъ будучими, справы урожоного кн(я)зя Яроша Жьжемьского, войского мозырского, з лимитацыи на суд вынятое, зъ урожоными Михаломъ а Юр(ь)емъ княжаты Вишневецкими о волость Рудобел(ь)скую у повете Мозырскомъ лежачую, продку ихъ в суме п(е)н(е)зей заведеную, которая се приточила за декретомъ нашимъ перво сего в року теперешнемъ деветьдесять шостомъ м(е)с(е)ца генъвара двадцать пятого дня у Кракове выданным. На которомъ року

приточиласе была перед насъ жежи ними тая справа за одосланьемъ комисаровъ нашихъ, *перво* того ку розсудку тое справы *от* насъ высъланныхъ. Тамъ же на онъ часть за жеданьемъ умоцованого княжати Вишневецкихъ мы, г(о)с(по)д(а)рь, через паны рады и врадники наши на показанье листовъ привил(ь)евъ на часть инъший отложившы и присегу кнежатоу Вишневецкимъ, яко то не ку зволоце справедливости чинили, наказавшы рокъ ку праву за тым же декретомъ нашимъ недель за осмь становит(ь)се, зложили ес(ь)мо. За которымъ декретомъ ажъ на року теперешнемъ, праву припалом, *войский мозырский*, постановившисе у суду, княжати Вишневецкихъ по три дни через возного ку праву прывольвал. Нижли кнежата Вишневецкие сами ку праву не стали и никоторое ведомости о томъ нестанью своемъ намъ и стороне своей не учинили, а сторона поводовая, *войский мозырский*, оказавшы то декретомъ нашим, в Кракове выданнымъ вышей мененымъ, рокъ завитый, той справе слушне припалый, покладал *лист* судовый урожонныхъ Ивана Мелешка подкоморого, Адама Рудкого, писара земьского, и Куприяна Оскирки, судьи кродского, врадниковъ повету Мозырского, комисарми ку розсудку тоэ справы *от* насъ зсыланныхъ, писаныи в Рудыхъ Белкахъ року деветьдесять пятого м(е)с(е)ца августа *первого* дня. Которые комисари на року *перед* ними, праву припаломъ, за показаньемъ *от* кнежати Вишневецкихъ через умоцованого ихъ дву привил(ь)евъ *од* продка и вуя нашого, короля его м(и)л(о)сти Жикгимонта Августа, небожчику Юр(ь)ю Зеновичу, каштеляну полоцкому, даный, одного на тисечу копъ грошей, *перед* унию, а другого на осмьсотъ и тридцать копъ грошей, по унии, на тую волость Рудобел(ь)скую внесеныхъ, и выслухавшы з обоохъ сторонъ споровъ и мовенья, суму тисечу копъ грошей видечи бытъ слушне *перед* унию внесеную, кнежатоу Вишневецкимъ присудившы *войскому мозырскому* *отдать*, а волост(ь) Рудобелки водле привил(ь)ю нашого до держанья взять наказали. А тамъ тотъ привилей на осмьсотъ тридцать копъ грошей, по унии внесеныхъ, яко праву противный на сторону одложили. На которомъ выроку ихъ з стороны тое осмисотъ тридцати копъ грошей умоцованыи кнежати Вишневецкихъ, не переставаячи и тамъ тое сумы тисечи копъ грошей, *перед* унию внесеное, приняти, а волости Рудобел(ь)ское поступити не хотел, зачимъ комисары всю тую справу на узнанье нашо одослали.

По вычитанью того листу *войский мозырский*, положившы привилей нашъ на тую волость, по смерти княжати Александра Вишневецкого дворенину нашому Петру Рыбскому даный, и оказавшы подостатку, же Рыбский за позволениемъ нашимъ право свое на него влил, яко о томъ в семь* нашихъ справахъ подостатку описано естъ, а подавшы притомъ з Статуту права посполитого розные артыкулы ку помочы своей, просил, ижьбы кнежати Вишневецкихъ за нестайныхъ здано, суд комисаровъ нашихъ ствержоно и за

* *Так у рукаписе.*

выбранье цыншовъ и всихъ податковъ через два годы с тое державы шкоды на княжатахъ Вишневецкихъ присужоно было.

Мы, г(о)с(по)д(а)рь, через паны рады и врадники наши, *от нас* на суды высажонные, кнежатъ Вишневецкихъ яко на року завитомъ за нестаньныхъ здати допустившы, тотъ декретъ комисаровъ нашихъ, видечи *быт(ь)* слушний и правный, во всемъ его примочи заховуемъ и ствержаемъ, волость Рудобел(ь)скую водле данины нашео войскому мозырскому до держанья присужаемъ, якожь и суму тисечу копъ грошей княз(ь) Жижемский в нестан(ь)ю кнежатъ Вишневецкихъ водле права у книгъ каньцлерей нашео Великого Князства Литовского положил и *отдал*. Зачимъ и для подан(ь)я в держанье тое волости Рудобел(ь)ское дворенина нашего зсылаемъ. А о бранье цыншовъ и всихъ податковъ и о починенье шкоды, естылибы се якие показали, войскому мозырскому потомъ вол(ь)ное мовенье и право с кнежатъ Вишневецкими зоставуемъ. Маест(ь) княз(ь) Ярошь Жижемский, войский мозырский, туо волост(ь) Рудобел(ь)скую до держанья своего взяти и зо всимъ на себе с покоемъ в той суме тисечи копъ грошей водлугъ привилью нашео, ему на то даного, *держати* и *уживати*.

Которая справа, яко се в суду нашео точила, до книгъ нашихъ каньцлерейскихъ есть записана.

Писанъ у Варшаве, лета Божого нароженья тисеча пятьсотъ девятьдесять шостого, м(е)с(е)ца ноябра двадцать осмого дня.

Лев Сапега, каньцлеръ Великого Княз(ства) Литовского.

№ 10

1597 III 27, Варшава.

Джкрэт гаспадарскага суда ад імя Жыгімонта III Вазы, караля польскага і вялікага князя літоўскага, якім воласць Рудабелкі зацвярджаецца за князем Ярашам Жыжэмскім, а пытанне пра 830 коп грошаў, запісаных на Рудабелках, перанесена на разгляд сойма.

Арыгінал. Невядомы.

Копія. НГАБ. Ф. КМФ-18. Воп. 1. Стр. 287. Арк. 282—283адв. (Метрыка ВКЛ, кніга судовых спраў 73).

Публікацыі. Друкуецца ўпершыню на аснове копіі.

Джкрет кн(я)зю Михайлу и кн(я)зю Юр(ь)ю Вишневецкимъ с кн(я)земъ Ярошомъ Жижемским о державу Рудобел(ь)скую и о суму п(е)н(е)зей на той державе им належачую.

Жикгимонт Третий, Бож(ь)ю м(и)л(о)ст(ь)ю корол(ь) пол(ь)ский, великий княз(ь) литовский.

Ознаймемъ симъ листомъ нашимъ. Слушали ес(ь)мо с паны радами нашими, при нас на *тот* часть будучими, sprawy урожоньхъ кн(я)зя Михайла, ротмистра нашео, и кн(я)зя Юр(ь)я Вишневецкихъ з урожоним кн(я)земъ Ярошомъ Жыжемскимъ, войскимъ мозырскимъ, за мандатомъ нашимъ о томъ, ижь *дей* в року прошломъ тисеча пятьсотъ девятьдесять шостомъ м(е)с(е)ца

ноябра двадцать осмого дня, в неведомости ихъ, кн(я)зей Вишневецкихъ, войский мозырский право на нихъ перевел такъ, ижъ сумы осмисоть и тридцати копь грошей на державу Рудобел(ь)скую, от короля его м(ил)л(о)сти Жикгимонта Августа внесеное, отчужоно. А з нихъ дей в онъ часть одинъ княз(ь) Михайло Вишневецкий, ротмистрь, у войску на послуже нашой, а другой княз(ь) Юрей Вишневецкий в чужихъ земляхъ, у Немьдехъ, будучы, а над то, же лимитацьи в Мозыру не опубликовано и затымъ о року ведомости не маючи, становитисе ку праву не могли. И затымъ в нестанью ихъ право перевдено, яко ширей жалоба ихъ на позве описана естъ. По вычитанью позву княз(ь) Михайло Вишневецкий самъ через себе и за моц(ь)ю от брата своего у суду нашего ставши, через умоцованого своего Яна Прилепского выводил широкою повестью, же они для того в онъ часть за позвомъ ку праву се не становили, же они* з людомъ жолнерскимъ въ войску нашомъ противъ людей свовол(ь)ныхъ, козаковъ низовыхъ, на послуже нашой и Речи Посполитое, другой в земляхъ чужоземскихъ был. О вый(сь)тью тежъ лимитацьи ведомости не мелй. А до самое справы приступуючы, покладад два привилея, один перед униєю на тисечу копь грошей, а другой по унии на осмьсотъ и тридцать копь грошей литовскихъ, от короля его м(ил)л(о)сти Жикгимонта Августа небожчику Юр(ь)ю Зеновичу, каштеляну смоленскому, даные и на державу Рудобел(ь)скую внесенные, которая дей сума, ижъ естъ правдиве от небожчика пана смоленского ку потребе Речи Посполитое дана, а по небожчику пану смоленскомъ дочыде его, а матце ихъ небожчицы кнегини Вишневецкой, каштеляновой киевской, а по немъ имъ, кн(я)земъ Вишневецкимъ, детемъ ее, належит, тогды тежъ слушне вся сума сполна имъ отдана будеть, и домавалсе, абы и тая сума, осмьсотъ и тридцать копь грошей кн(я)земъ Вишневецкимъ присужона была.

А урожоный княз(ь) Ярошъ Жьжемский, войский мозырский, оказавши тоже под онъ часть, кгда онъ на князехъ Вишневецкихъ право перевел, лимитацья в часть в повете Мозырскомъ опубликована была. Покладад тежъ декретъ нашъ, через паны рады и врадники наши в той справе учиненый, в дате року тисеча пятьсотъ деветьдесять шостого, м(е)с(е)ца ноябра двадцать осмого дня, в которомъ описано, ижъ мы, г(о)с(по)д(а)рь, допустивши сторону позваную в нестанномъ здати водлугъ декретовъ комисаровъ нашихъ суму п(е)н(е)зей, перед униєю внесеную, тисечу копь грошей кн(я)земъ Вишневецкимъ отдать наказавши, а другую суму, по унии внесеную, осмьсотъ и тридцать копь грошей яко праву противную скасовавши, тую державу Рудобел(ь)скую кн(я)зю Ярошу Жьжемскому водлугъ привилею данины наше присудили. А повычитанью того декрету войский мозырский, подавши коньстъгущью, на унии в Люблине уфаленую, и некоторые артыкулы с права посполитого Великого Князства Литовского, которыми в роздаванью добръ

* Так у рукаписе, павінна быць: один.

вечност(ь)ю и взнесенью сумь на добра рука г(о)с(по)д(а)рьская заварта есть, зачимь дей и тоть привилей, по унии, яко противь праву одержаный, жадное мощи мети не может, якожь дей вжо немало таковыхь сумь, по унии внесеньх, рознымь особамь декретами нашими знесено и скасовано. Зачимь и войский мозырский просил, абы от того позву и жалобы п(е)н(е)зей Вишневецких вол(ь)нымь учинень был, а кн(я)зеве Вишневецкие тисечу копь грошей, перед униєю внесеную и от него вжо до канцляреи нашею отданую, нехай дей воз(ь)муть, а его бол(ь)шь о то не потегають, кгдажь дей и право на нихь слушне перевел, суму тисечу копь грошей отложил и вравовне до держанья тыхь добрь нашихь Рудобелокь пришол.

А умоцovaný кн(я)зей Вишневецких посесьлю слушную быты признавачи присуженья тое сумы, по унии внесеное, домавялсе, кгдажь дей то не приватне до скарбу его королевское м(и)л(о)сти дано, але властне на потребу Речи Посполитое военную позычано.

Мы, г(о)с(по)д(а)рь, с паны радами нашими тую справу добре зрозумевши, а видечи, ижь сума тисеча копь грошей, перед униєю внесена, от комисаровь присужоная, потом декретомь нашимь ствержона и у книгь нашихь канцлярийскихь через войского мозырского положона, тую суму п(е)н(е)зей Вишневецкимь зараз взять наказуемь, и такь переводь права войского мозырского, яко и въвойстве в держанье тыхь добрь слушное быт(ь) узнаваемь. А осмьсоть и тридцать копь грошей, ижь по унии внесена есть, а право посполитое того боронит(ь), тогда о тую суму, по унии внесеную, на сесь чась розсудку не чинечи, до сойму близко пришлого, который напервей зложонь будеть, откладаемь.

Которая справа про памет(ь) до книгь канцлерыйскихь записана есть.

Писань у Варшаве, лета Божего нароженья тисеча пятьсоть деветьдесять сегого, м(е)с(е)ца марта двадцать сегого дня.

Лев Сапега, канцлер Великого Княз(ства) Литовского.

№ 11

1597 III 27, Варшава.

Запис у кнігах гаспадарскага суда ад імя Жыгімонта III Вазы, караля польскага і вялікага князя літоўскага, пратэсту князя Яраша Жыгёмскага на князёў Вішнявецкіх з-за няслушна сабранья з рудабельскіх сялян чынш і іншыя падаткі.

Арыгінал. Невядомы.

Копія. НГАБ. Ф. КМФ-18. Воп. 1. Стр. 287. Арк. 283адв.—284 (Метрыка ВКЛ, кніга судовых спраў 73).

Публікацыі. Друкуецца ўпершыню на аснове копіі.

Оповедан(ь)е того ж кн(я)зя Жижемского на тых же кн(я)зей Вишневецких о выбиран(ь)е чыншов и о кривды подданных рудобел(ь)ских по заложенью позву.

Жикгимонт Третий, Бож(ь)ю м(и)л(о)ст(ь)ю корол(ь) пол(ь)ский, великий княз(ь) лит(о)вский.

Ознаймуемъ симъ нашимъ листомъ, ижъ точилася перед нами и паны радами нашими справа урожоныхъ кн(я)зя Михайла, ротмистра нашего, и кн(я)зя Юр(ь)я Вишневецкихъ з войскимъ мозырскимъ урожонимъ кн(я)земъ Ярошомъ Жижемскимъ о державу Рудобел(ь)скую. В которой справе мы, г(о)с(по)д(а)рь, суму п(е)н(е)зей тисечу копь грошей, перед униено внесеную, кн(я)земъ Вишневецкимъ отложит(ь) всказавши, а о другую суму, осмьсотъ и тридцать копь грошей, по унии внесеную, до сойму пришлого отложивши, туу державу Рудобел(ь)скую зо всимъ кн(я)зю Ярошу Жижемскому присудили ес(ь)мо.

По которомъ декрете нашомъ княз(ь) Ярошъ Жижемский, тутъ же заразомъ сточы, оповедал, ижъ деи кн(я)зеве Вишневецкие по декрете комисарскомъ и по декрете нашомъ, перво сего в той справе учыненомъ, цыньшы и инышие всякие пожитки с тое державы Рудобел(ь)ское выбрали и подданымъ дей тое державы кривды и шкоды немалые над уставы ревизорские починено. В чомъ менечи быт(ь) собе шкоду немалую и заховуючы о то с кн(я)зями Вишневецкими у суду належного вол(ь)ное право и мовенье, просил тое оповеданье его до книгъ нашихъ канцлярейскихъ записано было.

Што мы записати казавши, сесь листь под печат(ь)ю нашого Великого Князства Литовского войскому мозырскому урожоному кн(я)зю Ярошу Жижемскому выдати ес(ь)мо велели.

Писанъ у Варшаве, лета Божего нароженья тисеча пятьсотъ деветьдесят сегомо, м(е)с(е)ца марца двадцать сегомо дня.

Лев Сапега, канцлер Великого Князства Литовского.

Літаратура і крыніцы

1. Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 14 (1524—1529). Užrašymų knyga 14 / Parengė Laimontas Karalius, Darius Antanavičius. — Vilnius: Lietuvos istorijos instituto leidykla, 2008. — 645 p.
2. Пятраўскас, Р. Літоўская знаць у канцы XIV — XV ст.: Склад — структура — улада / Р. Пятраўскас. — Смаленск: Інбелкульт, 2014. — 385 с.
3. Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 8 (1499—1514). Užrašymų knyga 8 / Parengė: A. Baliulis, R. Firkovičius, D. Antanavičius. = Литовская Метрика (1499—1514). Книга записей 8. — Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidykla, 1995. — 708 p.
4. Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 25 (1387—1546). Užrašymų knyga 25 / Parengė: D. Antanavičius ir A. Baliulis. = Литовская Метрика (1387—1546). Книга записей 25. — Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidybos institutas, 1998. — 460 p.
5. Lietuvos Metrika (1522—1530). 4-oji Teismų bylų knyga (XVI a. pabaigos kopija). = Литовская Метрика (1522—1530). 4-я книга судных дел. (Копия конца XVI в.). — Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla, 1997. — CXLIX, 513 p., pav.
6. НГАБ. — Ф. КМФ-18. — Воп. 1. — Спр. 48. — Арк. 178адв.—179адв.
7. НГАБ. — Ф. КМФ-18. — Воп. 1. — Спр. 267. — Арк. 293—294адв.
8. Пташицкий, С. Л. Деспоты Зеновичи в конце XVI и начале XVII веков / С. Л. Пташицкий // Русская старина. — 1878. — Т. XXII. — Июль. — С. 503—511.

9. Augustyniak, U. Testamenty ewangelików reformowanych w Wielkim Księstwie Litewskim w XVI—XVIII wieku / U. Augustyniak. — Warszawa: Semper, 2014. — 300 s., il.
10. НГАБ. — Ф. КМФ-18. — Воп. 1. — Стр. 69. — Арк. 187—188.
11. Метрыка Вялікага княства Літоўскага. Кніга 70 (1582—1585). Кніга запісаў № 70. (Копія канца XVI ст.) / Падрыхтаваў А. А. Мядзельскі. — Мінск: Беларуская навука, 2008. — № 31. — 354 с., іл.
11. НГАБ. — Ф. КМФ-18. — Воп. 1. — Стр. 69. — Арк. 187—188.
12. НГАБ. — Ф. КМФ-18. — Воп. 1. — Стр. 68. — Арк. 303—305.
13. Wolff, J. Kniaziowie litewsko-ruscy od końca czternastego wieku / J. Wolff. — Warszawa, 1895. — XXV, 698 s.
14. НГАБ. — Ф. КМФ-18. — Воп. 1. — Стр. 76. — Арк. 463адв.—464.
15. НГАБ. — Ф. КМФ-18. — Воп. 1. — Стр. 77. — Арк. 611адв.—612.
16. НГАБ. — Ф. КМФ-18. — Воп. 1. — Стр. 77. — Арк. 545адв.—546адв.
17. НГАБ. — Ф. КМФ-18. — Воп. 1. — Стр. 287. — Арк. 16—16адв.
18. НГАБ. — Ф. КМФ-18. — Воп. 1. — Стр. 287. — Арк. 181адв.—183.
19. НГАБ. — Ф. КМФ-18. — Воп. 1. — Стр. 287. — Арк. 282—283адв.
20. НГАБ. — Ф. КМФ-18. — Воп. 1. — Стр. 287. — Арк. 283адв.—284.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 29.05.2019

В. В. Аніяркоў,
 старшы навуковы супрацоўнік
 аддзела крыніцазнаўства і археаграфіі
 Інстытута гісторыі НАН Беларусі,
 кандыдат гістарычных навук, доцэнт;
 e-mail: anipiarkou@tut.by

МЕМАРЫЯЛЫ БРЭСТА І КАМЯНЦА ДА ГЕНЕРАЛЬНАЙ КАНФЕДЭРАЦЫІ АБОДВУХ НАРОДАЎ (1792)

Дакументы, тэксты якіх прыводзяцца ніжэй, з'яўляюцца красамоўным сведчаннем барацьбы прадстаўнікоў гарадскога самакіравання за свае правы ў апошнія гады існавання Рэчы Паспалітай. Абедрэе крыніцы захоўваюцца ў аддзеле рукапісаў Бібліятэкі імя Урублеўскіх Літоўскай акадэміі навук (Lietuvos mokslų akademijos Vrublevskių biblioteka — далей LMAVB) [1, l. 52—58v] і былі адкрыты аўтарам у снежні 2016 г.* У гістарыяграфіі яны дагэтуль не згадваліся, у тым ліку ў апошніх даследаваннях, прысвечаных як гісторыі таргавіцкага руху [10], так і становішчы гарадоў Вялікага Княства Літоўскага ў канцы XVIII ст. [7; 11]. Мемарыялы скіраваны да Генеральнай канфедэрацыі Абудвух Народаў, пасяджэнні якой праходзілі ў Брэсце з верасня 1792 г. у складзе прадстаўнікоў Генеральных канфедэрацый Польскай Кароны і Вялікага Княства Літоўскага. Іх стварэнне суправаджалася вайсковай падтрымкай з боку Расійскай імперыі, з перадачай канфедэратам функцый дзяржаўнага кіравання. Акт ад 14 мая 1792 г., абвешчаны ў Таргавіцы [21, s. 17—56], разам з наступнымі распараджэннямі канфедэрацыі патрабаваў адмены Канстытуцыі 3 мая і ўсіх рэформ Чатырохгадовага сойма. У дачыненні да гарадоў і мястэчак гэта азначала скасаванне дзеяння закона аб гарадах ад 18 красавіка 1791 г. [18, s. 215—219], прывілеяў, выдадзеных у сувязі з яго прыняццем гарадам і мястэчкам, вяртанне большасці з іх пад судовую юрысдыкцыю старастаў — у адпаведнасці з законам 1776 г.** [13; 14; 20, s. 311—317]. Незадаволенасць палітыкай канфедэрацыі ў мяшчанскім асяродку знаходзіла розныя формы: ад адкрытага супраціву да схаваных пад маскам лаяльнасці да новай улады пісьмовых зваротаў. Адсылаючы чытача да адпаведнай літаратуры [7; 10; 11], звернем далей увагу на тэкст саміх дакументаў і іх агульныя рысы.

Першае, што кідаецца ў вочы ў абодвух мемарыялах, — аднолькавая інскрыпцыя, якая ўтрымлівае форму звароту, не характэрную для іншых крыніц: «*Najjaśniejsza Konfederacyjo Generalna [у адзінай лічбе] Korony Polskiej i*

* Мемарыялы змешчаны ў зборніку рукапісных матэрыялаў за 1661—1793 гг., без згадкі ў апісанні зместу зборніка на літоўскай [12] і рускай мовах [6]. Лічбавая версія зборніка з 2018 г. выкладзена ў Інтэрнэт і даступна для чытачоў LMAVB.

** У адпаведнасці з законам 1776 г. [17, s. 566—568], магдзбургскае права пакідалася толькі ў 11-ці гарадах Вялікага Княства Літоўскага, сярод іх — у Брэсце, але скасоўвалася (на практыцы — рэгулявалася рашэннямі мясцовых старастаў [5, с. 63—64]) у Камяніцы і іншых каралеўскіх гарадах і мястэчках.

Wielkiego Księstwa Litewskiego) [1, l. 55, 57] (у таргавіцкі перыяд, як правіла, выкарыстоўвалася назва «Генеральная канфедэрацыя Абодвух Народаў», альбо назва «Генеральныя канфедэрацыі Польскай Кароны і Вялікага Княства Літоўскага» ў множным ліку). Гэта дазваляе дапусціць, што мемарыялы Брэста і Камянца (першы з якіх быў прыняты, як сведчыць яго тэкст, «на сесіі гарадской рады 18 верасня 1792 г.» [1, l. 58], а другі, у даступным на сённяшні дзень выглядзе, не датаваны) былі складзены ўзгоднена і прыкладна ў той самы час. Магчыма, камянецкі мемарыял, як больш просты па структуры, быў складзены па прыкладзе і з улікам узору фармуляра брэсцкага мемарыяла.

Па-другое, змест кожнага з мемарыялаў указвае на тое, што іх з'яўленне было выклікана ўніверсалам Генеральнай канфедэрацыі Вялікага Княства Літоўскага ад 25 жніўня 1792 г. [20, s. 311—317]. Універсал абвясціў аб вяртанні ў гарадах парадку кіравання, які існаваў да рэформы 1791 г., у тым ліку — адмену апошніх выбараў, з заменай новага складу органаў гарадской улады на ранейшыя. Не аспрэчваючы гэтае рашэнне, аўтары мемарыялаў (у складзе прадстаўнікоў гарадскога самакіравання, прызнаных канфедэрацыяй) апелывалі да іншых слоў універсала пра «*ўнутранае эканамічнае кіраванне гарадамі [...] паводле даўніх законаў, дэкрэтаў ардынацыі, задворных судаў, гэтаксама прывілеяў, якія адпаведным гарадам служылі*» [20, s. 313]. Як адзначана ў мемарыяле Камянца, «*не мае іншага намеру горад Камянец і не меў пасля адмененай Канстытуцыі 3 мая, каб толькі пры даўніх наданнях, прывілеях і павіннасцях заставацца, у чым забяспечаны ўніверсалам найяснейшай Літоўскай Генеральнай канфедэрацыі, які пакідае гарады пры даўніх правах*» [1, l. 56].

Менавіта законам, прывілеям і судовым працэсам адведзена асноўная частка зместу кожнага з мемарыялаў.

Так, у мемарыяле Камянца згадваюцца, з выкладаннем кароткага зместу, прывілеі гораду вялікіх князёў літоўскіх і польскіх каралёў Аляксандра (1503); Жыгімонта I (14 верасня 1523 г., 24 лютага 1523 г.); Стэфана Баторыя (1576); Жыгімонта III (8 сакавіка 1595 г., 14 лютага 1606 г., 23 ліпеня 1631 г.); Яна Сабескага (21 лютага 1679 г.), таксама «фэскрыпт [ад 22 лютага 1657 г.] інвентара паводле прывілея» (часоў Яна Казіміра) [1, l. 55—55v]. Канфірмацыйныя прывілеі Аўгуста II, Аўгуста III, Станіслава Аўгуста, у дадатак да іх лісты, дэкрэты і іншыя «*прававыя сведчання*», не пералічваюцца «*з-за значнай лічбы*». Таксама адзначана, што пасля прыняцця закона 1776 г. у горадзе перастаў дзейнічаць магдэбургскі суд, а яго справы перададзены ў горыдзкім мясцовага старасты, але пры гэтым сам г. Камянец надалей «*заставаўся пры сваіх даходах і павіннасцях, хаця часам праз старостаў быў у нечым уцісканы*» [1, l. 55v]. Нарэшце — падсумоўвалася ў мемарыяле — у сувязі з нядаўнім рашэннем Асэсарскага суда ВКЛ аб далейшым, пасля смерці цяперашніх стараст, далучэнні Камянецкага, Блуданскага і Рэвятынскага старастаў да Брэсцкай эканоміі, яе кіраўніцтва, заключыўшы з камянецкім старастам Ежы Вяльгорскім кантракт на атрыманне ўжо пры яго жыцці прыбыткаў са стараства, пачало «*звал-*

там [...] *уціскаць мяшчан і прыцягваць іх да выканання* [не вядомых дагэтуль] *неналежных павіннасцей»* [1, л. 56]. Такім чынам, аб'ектам скаргі ў мемарыяле камянецкіх мяшчан стала кіраўніцтва мясцовай эканоміі — у асобе яе віцэ-адміністра тара Паўла Ягміна (1747 — пасля 1808), дзеянні якога мяшчане трактавалі як неправавыя.

Мемарыял брэсцкіх мяшчан быў выкліканы праблемамі іх адносін з яўрэйскай часткай горада. Імкненне прадстаўнікоў яўрэйскай абшчыны, якія, згодна з падлікамі А. М. Карпачова, у канцы XVIII ст. складалі больш за 40% насельніцтва Брэста [4, с. 191], да пашырэння сферы сваёй эканамічнай дзейнасці і маёмасных правоў хрысціянская частка горада ўспрымала ваража; у гэтай сувязі ў маніфесце апавядалася пра шматлікія судовыя працэсы, якія з мясцовым кагалам здаўна веў горад (згадваліся судовыя дэкрэты, пачынаючы з 1582 і 1590 гг.). Адметным бокам выкладання аўтарамі мемарыяла свайго погляду на дадзёную праблему стала супрацьпастаўленне значэння ў нядаўняй гісторыі Брэста двюх асоб: канцлера ВКЛ і кіраўніка горада на пасадзе спадчыннага войта Міхала Фрыдэрыка Чартарыйскага (1696—1775) — з падкрэслена станоўчай ацэнкай яго дзейнасці — і падскарбія ВКЛ Антонія Тызенгаўза (1733—1785) — з крайне негатывнай ацэнкай [1, л. 57v]. Прадстаўнікі брэсцкага гарадскога самакіравання прасілі ў сваім мемарыяле аб выкананні палажэнняў дэкрэтаў Асэсарскага суда ВКЛ, адносна мясцовых яўрэяў, за 1761—1773 гг. — прынятых пры жыцці М. Ф. Чартарыйскага і парушаных затым (у інтарэсах Брэсцкай эканоміі) па ініцыятыве А. Тызенгаўза. У гэтай сувязі згадваліся пастановы соймаў 1775, 1776 гг., перанос судовага працэсу ў Галоўны Трыбунал ВКЛ, няўдалая спроба звароту магістрата да Пастаяннай Рады, а ў апошнія часы — дзеянні Камісіі Паліцыі Абодвух Народаў, якая «*брэсцкім яўрэям на [іх] пададзёньня мемарыялы, супярэчныя з [мінулымі] дэкрэтамі, выдала рэзалюцыю [...] да муравання камяніц і дамоў заможным замежным купцам, [...] яўрэям з пазыкамі дазволіла ставіць прыватныя дамы, канцэсіі адмяніла, каб пераадолець супраціў [гэтым рашэнням], прызначыла вайсковую дапамогу*» [1, л. 58].

Хача мы не ведаем адказаў канфедэрацыі на дадзеныя мемарыялы, але агульны кірунак яе палітыкі, змест наступных універсалаў* дазваляюць дапусціць, што просьбы мяшчан наўрад ці былі пачуты. З іншага боку, само з'яўленне мемарыялаў, у судадзясенні з данымі іншых крыніц, сведчыла пра незадаволенасць мяшчан актуальнымі станам рэчаў, а значыць, было не толькі, ці не столькі, спробай дамовіцца з новымі ўладамі, колькі акуратна зарэтушаваным на паперы выразам агульнага канфлікту паміж іх дзеяннямі і інтарэсамі гарадскога саслоўя.

* 27 кастрычніка 1792 г. Генеральная канфедэрацыя ВКЛ выдала яшчэ адзін «Універсал да гарадоў і мястэчак Вялікага Княства Літоўскага» [13], у якім забараніла ў гарадах манаполіі і іншыя абмежаванні прадпрыемальніцкай дзейнасці з боку магістратаў.

Варта адзначыць, што змест дакументаў датычыцца таксама шэрагу больш агульных тэм і аднак нашага мінулага. Адна з іх — гэта талерантнасць. Змест брэсцкага мемарыяла не дазваляе разглядаць гэту з’яву спрошчана, са знакам ідэалізацыі. У дакуменце дзеянні кагалу (фактычна — сама прысутнасць яўрэяў у Брэсце) разглядаюцца мяшчанамі ў якасці адной з дзвюх галоўных прычын заняпаду горада: разам з войнамі*. Адметна, аднак, што прэтэнзіі кіраўнікоў брэсцкага гарадскога самакіравання да яўрэйскай часткі горада ўтрымліваюць толькі адзін матыў — эканамічную канкурэнцыю, і выключна правую аргументацыю; у мемарыяле адсутнічаюць аргументы, тым больш, зневажальныя характарыстыкі рэлігійнага або нацыянальнага характару (такім чынам, на падставе дадзенай крыніцы нельга казаць ні пра добрасуседскія адносіны мясцовых мяшчан з яўрэямі, ні пра ксенафобію). Фармуляр і тэрміналогія мемарыялаў фактычна не адрознівае іх ад аналагічных крыніц, якія ствараліся прадстаўніцамі шляхецкага саслоўя. У прыватнасці, характэрнай дэталлю тэксту брэсцкага мемарыяла з’яўляецца наяўнасць арэнгі (разгорнутага ўступу са спасылкай на філасофскія і прававыя сентэнцыі [1, l. 57]), што, з аднаго боку, набліжае яго форму да ўніверсалаў канфедэрацыі (з аналагічным уступам), з другога — супярэчыць сцвярджэнням, якія сустракаюцца ў гістарыяграфіі, пра спыненне выкарыстання дадзенай часткі фармуляра ў дакументах XVIII ст. [3, с. 111]. Звернем таксама ўвагу, што стваральнікі мемарыялаў, шукаючы доказы сваёй пазіцыі ў правых сведчаннях мінулага, надаюць сваім зваротам да канфедэрацыі рысы кароткага аповеду аб гісторыі сваіх гарадоў, вылучаючы розныя этапы ў іх развіцці: росквіту ў найбольш старажытныя часы (у абодвух выпадках ён пачынаецца яшчэ ў часы да Крэйскай уніі 1385 г. [1, l. 55, 57]), заняпаду ў перыяд войнаў другой паловы XVII — XVIII ст. (згадваецца ў мемарыяле Брэста [1, l. 57v], з указаннем на непераадольнае змяншэнне колькасці гарадскога насельніцтва)** і нарэшце — апошніх дзесяцігоддзяў, з пералікам рашэнняў дзяржаўных улад, якія не спрыялі аднаўленню гарадоў [1, l. 55v—56, 57v—58]. Іншымі словамі, абодва мемарыялы з’яўляюцца доказам не толькі высокага ўзроўню прававой культуры прадстаўнікоў гарадскога самакіравання, але і захавання ў іх асяродку трывалых уяўленняў аб гісторыі ўласных гарадоў.

Кожны з мемарыялаў напісаны адным почыркам і ўтрымлівае аўтографы падаўцаў, без пячатка. Пры гэтым мемарыял г. Камянца прадстаўлены ў двух рукапісах (абодва — з аўтографамі, рукапіс [1, l. 52—54v], акрэслены ў публіка-

* Адмоўнае стаўленне мяшчан да яўрэйскага насельніцтва фіксуецца ў іншых крыніцах. Так, у сумесным праекце, паддзеным на разгляд канфедэрацыі дэлегатамі гарадоў у лютым 1793 г., яўрэі трактваліся як чужынцы, прапаноўвалася іх выселіць на адлегласць 2 міль з кожнага буйнога горада [2, л. 15—16]. Пар. са зместам артыкула К. Зенькоўскай [22].

** Згодна з данымі А. М. Карпачова, да 1654 г. у Брэсце было 1500 дымоў, у пачатку 1790-х гг. — толькі 605 дымоў (3630 чал.). У Камянцы дынаміка насельніцтва засталася станоўчай: 286 дымоў — да 1654 г., 310 дымоў (1860 чал.) — у 1775 г. [4, с. 107, 333].

цыі пад № 2, не мае першай старонкі). Мова тэксту — польская, з дадаткам лацінскіх слоў і спецыяльных тэрмінаў. Публікацыя дакументаў зроблена на падставе: «Instrukcja wydawnicza dla źródeł historycznych od XVI do połowy XIX wieku» (red. K. Lepszy) [8]. Абзацныя водступы, знакі прыпынку, вялікія і малыя літары пастаўлены паводле сучасных правіл пунктуацыі і арфаграфіі, а таксама з улікам патрэбы лепшага разумення тэксту. Напісанне ўсіх прозвішчаў захавана, як у арыгінале. У падрадкавым каментарыі прыведзены пераклад лацінскіх тэрмінаў, імёны і прозвішчы асоб, не пазначаныя ў тэксце, назвы і параўнанне фрагментаў соймавых канстытуцый — якія цытуюцца ў мемарыялах — са зместам Volumina legum [16—18].

№ 1

Мемарыял г. Брэста, пададзены да Генеральнай канфедэрацыі Абодвух Народаў, 18 верасня 1792.

Memoriał od miasta Brześcia do Konfederacyi Generalnej podany¹.

Najjaśniejsza Konfederacyjo Generalna Korony Polskiej i Wielkiego Księstwa Litewskiego.

Wolnego w ojczyźnie narodu do zupełnego uszczęśliwienia zamysły, zjednoczonymi przewodniczych stanów wsparte radami, jako rząd Rzeczypospolitej należyty z powodzeniem pomysłnym utrzymywać nieporuszenie zwykły, tak i dobro powszechnie od nadwątlenia najosobliwiej zabezpieczają, gdy w tym usiłowaniu bacznie mają starania, a lud pospolity, przy należytyм достоје́нства uszanowaniu hołdownictwa pełniąc, prawa zachowując, do tego się wszystkiego przykłada, co z publicznym, oraz jego własnym pożytkiem byдъ najprzyzwoitszego dowodnie upatruje.

W nieprzelamanej zostających jedności dwóch najmocniejszych twierdzi — króla i obywatelów — związkiem i duszą jest prawo, istotnie od wszystkich zachowane, przy którym za roztropnym udziałem Rady, z pomocą przez zasilający starunek o wolność, swobody i całość dobra powszechnego ojczyzny, zawsze niższy stany u wyższych zachowania przy sprawiedliwości prawa domagały się.

Nie inszym torem i miasto stołecznie JKM^{ci} i Rzeczypospolitej Brześć Litewski zanosi najpokorniejsze prośby do najjaśniejszej Obojga Narodów Konfederacyi, iżbyś w pierwszym celu prawom Rzeczypospolitej, tak przed uniowym, jako i następnym niezaprzeczonым oraz od wieków ustawami zaprzyjężonymi potwierdzonym zadożyć się stało.

W przeciagu wielu lat powielokrotnie miasto Brześć Litewski podawało swoje krzywды od przeciwników prawu, спор правны niesłusznie z miastem wiodących, do ostatniej ruiny też miasto przyprowadzających, poniesione; i na sejmach aż dotąd i w różnych dykasteriach, a tylko czasem obojęтnie, bezskutecznie albo z prawem niezgadzające się odbierało rezolucyje.

¹ Назва напісана іншым почыркам на адваротным баку апошняй старонкі дакумента [1, л. 58v].

Miasto Brześć Litewski, przed unią Księstwa Litewskiego od najjaśniejszych monarchów i książąt dziedzicznych założone było dostatecznym funduszem tak na utrzymanie ozdoby w kraju publicznej i wewnętrznej w mieście policyi, jako też na przyłożenie się w czasach potrzeby do sił krajowych opatrzonym zostało.

Nadania owe w dobrych wiekach odbierały swój skutek, kiedy populacja, handel i warsztaty nie tylko licznych do miasta prowadzili mieszkańców, lecz nad to stan jego do tego stopnia podniosły, że w wojennych wyprawach do kilkadziesiąt konnego i tyleż pieszego żołnierza było zdolne Rzeczypospolitej przystawić || [57 v].

Z czasem przez wojny i zamieszania w ojczyźnie los nieprzyjazny miejskiej populacji poniżył miasta krajowe, w równej kolei dał się uczuć i miastu JKМ^{ci} i Rzeczypospolitej Brześciu Litewskiemu.

Zeszczuplona liczba mieszkańców, warsztatów, handlu i prowentów, które byli istotnym tego miasta zasileniem, podupadłych mieszczan wyzuły z przed uniowych w mieście posesji i dochodów, że miasto bez sposobności do handlu i przemysłu zostało.

Przez rząd sprawiedliwy wójta dziedzicznego niegdy jo. księcia jmp. Michała Czartoryskiego, kanclerza wielkiego W. Ks. L., miasto Brześć Litewski, chcąc mieć załatwienie z dekretu oczewistego komisarskiego, jeszcze w roku 1761^m przez apelacyją do sądów zadwornych asesorskich, niektóre wyszłe kategorie dekretami oczewistymi, jednym w roku 1771 asesorskim, drugim w roku 1772 executivae commissionis¹, trzecim w roku 1773 confirmationis², takż asesorskim, ze wszystkimi wewnątrznie i zewnątrznie ukończył sprawę i na mocy praw kardynalnych oraz ostateczniej konstytucyi 1766 roku (któremi dekreta oczewiste asesorskie są porównane z dekretami sejmowymi relacyjnymi i trybunalskimi³) zbliżyło się do odzyskania swej własności od różnych stanów, a najwięcej od żydów przywłaszczonych.

Przeciwiające się powyższym dekretom niektóre strony będący w sprawie, do czego się zwierzcność ekonomii JKМ^{ci} za rządów niegdy jw. Tyzenhauza⁴ najmocniej przyłożyła, wyjednali na sejmie delegacyjnym 1775 roku konstytucyją z zastanowieniem dekretów oczewistych w sądach ultimae instantice⁵ Asesorii Litewskiej w sprawie miasta Brześcia zapadłych i z wyznaczeniem nowej komisyi⁶.

Ta komisya następnym 1776 roku sejmem moc i ważność utraciła, i zaczęty dekret z jednostronnego kilka stron doniesienia w niestanności miasta będąc nieważ-

¹ Лац. выканаўчым камісарскім [дэкрэтам].

² Лац. пацвярдзальным [дэкрэтам].

³ Гл.: Декларация inappellabilitatis, w: Volumina legum. T. VII. Petersburg, 1860 (далее — VL VII), S. 240.

⁴ Тут і далей у тэксце: Тывенгаўз Антоній (Tyzenhauz Antoni), надворны падскарбі літоўскі ў 1765—1785 г. [15, s. 163], да 1780 г. — адміністратар каралеўскіх эканомій у ВКЛ.

⁵ Лац. апошній інстанцыі.

⁶ Kommissya w sprawie Brześcia Lit. z deklaracją posesyi Uniowych, w: Volumina legum. T. VIII. Petersburg, 1860 (далее — VL VIII), S. 427.

nym, tylko stał się przeszkodą dojścia rychłej sprawiedliwości, wycienczeniem miasta i nieistotnym tłumaczeniem prawa de foro¹.

Konstytucja pomienionego sejmu 1766² wyraża w słowach: «Sprawy wszystkie i wszelkiej natury, nie zawierające w sobie materiam status³, w których o dobra, summy i granice w Wielkim Księstwie Litewskim leżące, z prywatnych między obywatelami procederów eksportowane były z sejmu przeszłego komisyje, odsyłamy do Trybunałów»⁴.

Brześć Litewski szukając skutku dekretów zgodnie z prawem, gdy sprawa miasta Brześcia nie jest z przywatnych między obywatelami procederów, że zawiera w sobie materiam status, kiedy jedne o rozpoznanie albo zniszczenie dekretów oczewistych asesorskich, przyzwoicie żądał rozprawy w Asesorii Litewskiej

Lecz przeciwnie miastu strony, żądając przedłużenia sprawy przez obojętne tłumaczenie i intrygi, z ruiną miasta, są na przeszkodzie, a najbardziej żydzi kahału brzeskiego.

1mo. Podalo było miasto memoriał do Rady Nieustającej z prośbą wyznaczenia sądu przyzwoitego, gdzie niezgodną z prawem rezolucyja || [58] odebrało, wyznaczając rozprawę w Trybunale Litewskim.

2do. Lubo konstytucyja 1791⁵⁰ [roku], dnia 18 aprila, o miastach zapadła w art. III «O sprawiedliwości dla mieszczan»⁵, miasta wszystkie z przedmieściami z pod innych wszelkich jurysdykcji, jakie są trybunalskie, ziemiańskie, wojewodzińskie, starościńskie, zamkowe, wyjęła, wyznaczając forum w Asesorii, jednak, dla miasta Brześcia przeciwna i obojętne, gdy wyraża: «Prócz spraw niedokończonych po komisyjnych do Trybunałów odesłanych»⁶, a takowego gatunku sprawy, jaki[e] ma miasto Brześć, żadne miasto w Koronie i Litwie nie ma.

3^{ciol}. Zarządzająca miastami Komiszyja Policzy, lubo nie miała mocy wdania się w władzę sądowniczą, jednakowoż żydom brzeskim na podane memoriały, przeciwne dekretom, wydała rezolucyję, mianowicie dwóm dekretom relacyjnym w latach 1582 i 1590, przy których nawet dekretach kontumacyjny dekret 1775 roku komisyjny

¹ Лац. з боку суда (трыбунала).

² Памылка ў тэксце маніфеста, правільна — канстытуцыя 1776.

³ Лац. прадмет матэрыяльнага разбіральніцтва.

⁴ Ustawa podatku Księstwu Litewskiemu w: VL VIII. S. 568: «Sprawy wszystkie i wszelkiej natury, nie zawierające w sobie materiam status, w których o dobra summy i granice w Wielkim Księstwie Litewskim leżące, z prywatnych między obywatelami procederów eksportowane były z sejmum przeszłego komisyje, a przez reieky, lub remisy komisyjne, albo trybunalne, czyli in contumaciam drugiej strony, lub ex paritate votorum na komisjach odeszle, albo też dla innych przyczyn dotąd nie zakończone i nie rozpoczęte: na ostatnie ich rozsądzenie, sine quavis exceptione, odsyłamy do trybunał[ów]» (падкрэсліваннем вылучаны тэкст канстытуцыі, прапушчаны ў маніфесте, у квадратныя дужкі ўзяты фрагмент маніфеста, які не адпавядае тэксту VL. — B. A.).

⁵ Гл.: Miasta Nasze Królewskie wolne w państwach Rzeczypospolitej, art. III, w: VL IX. S. 217—219.

⁶ Ibidem. S. 217.

żydów zostawił, bowiem gdy miasto miało zalecenie czynić staranność o zaludnienie miasta, na place ratuszne miejskie dekretami przy posesji zastawione, do murowania kamienic i domów kupcom majątnym zagranicznym, a innym powydawało konsensa¹, Komisya Policyi żydom zadłużonym pozwoliła stawić partykulame domy, konsensa pokasowała, na sprzeciwiających się pomoc wojskową przydała, tylko wolną na po tym rozprawę w sądzie przyzwoitym zachowała.

Taki stan miasta Brześcia wpośród innych miast najnieszczęśliwszy musi być w obowiązku starać się o ocalenie praw, przywilejów, dekretów oczewistych, który w przeciagu długoletnim dotąd funduszów i majątków swoich odzyskać nie jest dla przemocy zdolnym.

Do licznych ekspensów jeszcze miasto powyższone Rzeczypospolitej podatki, dla dobra powszechnego posługi, i szczególniejsze, dla przechodzących i konstytuujących wojsk potrzeby zastępować musi, a zniszczone będą przez obrót interesów krajowych, gdy kasa miejska i składka ludu wystarczyć nie mogą, do kilkunastu tysięcy musiało nowe zaciągać długi.

Zaczym zanosi najpokorniejsze do najjaśniejszej konfederacyi prośby z słusnością i z prawem zgadzające się, aby dla miasta Brześcia względną będąc do powstania obmyśliła sposoby, aby na sprawę tegoż miasta Brześcia, ponieważ w sobie zawiera materiam status, a ta z nie prywatnego między obywatelami natury ziemskiej wynika procederu, do ostatecznego ze wszystkimi stronami rozsądzenia się forum w Sądach Zadwomnych JKM^{ci} wyznaczyła, w którym by prawa kardynalne in integro² zachowane były.

Na sesji radnej w ratuszu miasta stolicznego JKM^{ci} i Rzeczypospolitej Brześcia Litewskiego roku 1792 miesiąca septembra 18 dnia³.

Woyciech Reymers prezydent miasta JKM^{ci} Brescia Litewskiego, Jan Romanowski eks[?]⁴ prezydent miasta JKM^{ci} Rzeczypospolitej Brześcia, Paweł Kowalewski radca[?]⁵ m[ia]sta] B[rze]ścia], Józef Borowik pisarz własnym, całego magistratu i wszystkich obywatelów imieniem.

LMAVBR. F. 17—68, l. 57—58 v. Pykanic.

№ 2

Мемарыял з Камянца да Генеральнай канфедэрацыі Абодвух Народаў, [1792].

Memoriał od miasta Kamieńca Litewskiego⁶.

¹ Лац, канцэсіі.

² Лац, пры вяртанні даўняга стану.

³ Апошні сказ напісаны іншай рукою — Войцеха Рэймера (як і наступны за ім аўтограф).

⁴ Неразборліва: магчыма u. s. (лат. скарачэнне ut supra — як пазначана вышэй, альбо ut sequitur — как пададзена ніжэй).

⁵ Неразборліва, магчыма la[n]dw[ójt].

⁶ Назва напісана іншым почыркам на адваротным баку апошняй старонкі документа [1, l. 56v].

Najjaśniejsza Konfederacyjjo Generalna Korony Polskiej i Wielkiego Księstwa Litewskiego.

Miasto Kamieniec Litewski, dawno przed unią od dziedzicznych monarchów, książąt litewskich z nadaniem pewnych obrębów ziemi, folwarków i swobód na osadę ludu walnego założone, przez populacją handle i utrzymywanie wewnętrznej w mieście policji z czasami na zjazdy publiczne i sądy obywatelskie (wtenczas gdy trakt kamieniecki był powiatem) było miejscem obranym i ozdobnym, a zawsze krajowi użytecznym.

Temu miastu, gdy pierwiastkowe nadania przez różne upadki i rewolucyje krajowe zaginęły z ustawami formy rządu całego państwa, w roku 1503 najjaśniejszy Aleksander król przywilejem nadał prawo magdeburskie, z wolnością obierania co rok wójta, z ostrzeżeniem wolnej apelacji do sądów Asesorii, wyłączając mieszczan od wszelkich jurysdykcji, postanowił jarmarki, od podwodnych pieniędzy uwolnił, w ich prerogatywach miejskich i swobodach dalszych utwierdził.

Kolejno też miasto Kamieniec uzyskało przywileje takowe:

1515, dnia 14 septembra, w Krakowie, przywilej najjaśniejszego króla Zygmunta I na wagi woskobojne i inne w tym mieście dochody;

1523, februarii 24 [dnia], przywilej tegoż najjaśniejszego króla Zygmunta I nadający mieszczanom wolność co rok obierania wójta, na wolną propinacją w karczmach i przedawanie wszelkiego napoju;

1576, przywilej najjaśniejszego króla Stefana konfirmujący wszystkie przywileje, prawa i nadania;

1595, marca 8 dnia, przywilej najjaśniejszego króla Zygmunta III uwalniający mieszczan od podwodnych pieniędzy;

1606, dnia 14 februarii, przywilej tegoż króla na włok dwie w Załawiu, bez opłaty, na wybudowanie karczmy i utrzymywanie ratusza, a trzydzieście cztery włok wiecznością na pewny czynsz nadający na tej ziemi, na której od dziedzicznych książąt litewskich był wrąb pozwolony do puszczy mieszczanom kamienieckim;

1631, miesiąca lipca 23 dnia, przywilej tegoż króla Zygmunta III utwierdzający dekret oczewisty komisarSKI między w. Tyszkiewiczem starostą kamienieckim a mieszczanami kamienieckimi zapadły, który żydów || [55v] na miejskich domach¹ mieszkających do jurysdykcji miejskiej przyłącza z obowiązkiem płacenia wszelkich powinności do miasta;

1657 roku, miesiąca februarii 22 dnia, reskrypt inwentarza, podług przywileju, od mieszczan opłatę z gruntu na starostę wyznaczający;

1679, miesiąca februarii 21 dnia, przywilej króla Jana III wszystkie przywileja, prawa miastu z przedmieściami i folwarkami konfirmujący.

Następnie przywileja konfirmacyjne najjaśniejszych królów Augusta II, Augusta III i Stanisława Augusta, do tego listy upominalne, rewizorskie, dekreta oczewiste i

¹ Руканіс 2: на miejsких пласах і [дададзена над радком] domach mieszkających.

дальше солености правне, которых ту спецификация для liczby znacznej nie wymienia się.

Podług tych nadań i praw trwało miasto Kamieniec przy funduszach, dochodach i własności, płacąc należne podatki do skarbu Rzeczypospolitej i do starosty, nim ekonomia JKM^{ci} za rządów niegdyś jw. Tyzenhauza krzywdzić nie zaczęła odebraniem *expulsivo modo*¹ wcałku wioski, dworów, karczmy, podług nadanego przywileju na włokach załawskich zabudowanych.

Trwała jurysdykcja sądu magdeburskiego do czasu konstytucji 1776 roku², którą magdeburje w mniejszych miastach zniesione zostały, a ustanowione sądy potoczne starościńskie. I lubo ustala powaga sądu magdeburskiego, jednak, ponieważ też konstytucja nie naruszając przywilejów pisze w słowach: «Ostrzega się, aby ciż miasteczek mieszkańce, nad płacę swych dochodów do skarbu publicznego należąca i nad dawne według swych ustaw powinności dla starostów, do żadnych innych przez tychże starostów podatków pociąganiem nie byli»³, miasto Kamieniec zostawało przez swoich dochodach i powinnościach, choć czasem przez starostów nieco ciemnione było.

W późniejszych niedawnych latach, gdyż z urosłego między ekonomią a trzema starostwami procederu, starostwa w woj. brzeskim leżące, Kamienieckie, Błudeńskie i Rewiatyckie, dekretem asesorskim z starostami wypadłym, ad corpus economicum⁴ przyłączone zostały, jednak starostów dożywotnich zachowano, w której porze i u. i.⁵ jw. Jerzy Wielhorski eks-pisarz polny litewski, przez ustąpienie ojca swojego⁶ z warunkiem dożywocia, był starostą kamienieckim. Po takowym dekrete przez ekonomią wyrobionym jw. Wielhorski eks-kuchmistrz litewski o[j]ciec, z mocy zastrzeżonego sobie dożywocia, wszedł w konwencyją z jw. Badynim⁷ i intraty starostwa kamienieckiego kontraktem wypuścił ekonomii || [56].

¹ Лац. шляхам выпнання.

² Гл.: Ustawa podatku Księstwu Litewskiemu, w: VL VIII. S. 566—568.

³ У гэцке маніфеста, як і ў іншых крыніцах XVIII ст., цьпата вылучана падкрэсліваннем; пры гэтым у VL VIII. S. 568 дадзены фрагмент канстытуцыі 1776 г. істотна адрозніваецца: «Так jednak też lustacje powinności miasteczek ułożyć i opisać mają, ażeby [ostrzega się aby] ciż miasteczek magdeburskich mieszkańce nad płacę swych dochodów do skarbu publicznego należąca, i nad dawne według swych ustaw powinności dla starostów, do żadnych innych przez tychże starostów [podatków] pociąganiem nie byli» (падкрэсліваннем вылучаны гэст канстытуцыі, прапушчаны ў маніфесте, у квадратныя дужкі ўзяты фрагменты маніфеста, якія не адпавядаюць гэсту ў VL. — B. A.).

⁴ Лац. да эканоміі.

⁵ Лац. скарачэнне u. i. (ut infra) — як пададзена ніжэй.

⁶ Вяльхорскі Міхал (Wielhorski Michał), кухмістр вялікі літоўскі ў 1763—1774 гг. [15, s. 65].

⁷ Так у гэцке: Badyні замест: Бадэні Марцін (Badeni Marcin), наступны, пасля А. Тызенгаўза, адміністратар сталовых уладанняў у ВКЛ [9]; аўтар выказвае падзяку А. У. Ерашэвічу за дапамогу ў ідэнтыфікацыі дадзенай асобы.

Po wzięciu w dzierżawę, zwierzchność ekonomii JKM^{ci} wraz przemocą chciała ucisnąć mieszczan i pociągać do odbywania niebytych¹ powinności, w czym, gdy udali się do jw. Badyniego szambelana JKM^{ci}, ekonomów najwyższego zwierzchnika, ten przez rezolucyjną na podany memoriał, zachowując wyrazy konstytucji 1776 roku, aby mieszczanie przy tych powinnościach i podatkach zostawali, które za starostów pełnili, miejscowej zwierzchności ekonomii Brzeskiej zalecił.

Tą rezolucją gdy mieszczanie złożyły w ręku jw. Jagmina² vice administratora ekonomii JKM^{ci} Brzeskiej i Kобрзыньskiej, jw. Jagmin, oną zatrzymawszy, w terażniejszym czasie znowu chce pociągnąć do nienależnych powinności.

Nie ma za tym innego zamiaru miasto Kamieniec, ani miało po upadłej konstytucji 3 maja, jak tylko prosić najjaśniejszej Obojga Narodów Konfederacji, aby przy dawnych nadaniach, przywilejach i powinnościach zostało. W czym zabezpieczeniu będąc od najjaśniejszej Konfederacji Generalnej Litewskiej uniwersałem zostawiającym miasta przy dawnych prawach, ponawia najniższe żądania, gdyby dla zachowania całości praw narodu i bezpieczeństwa każdego, nadania, przywileja i prawa, miastu Kamieńcowi Litewskiemu służące, mocą i powagą najjaśniejszej Generalnej Konfederacji przy stanowieniu innych praw były utwierdzone.

Imieniem wszystkich obywateli miasta Kamieńca podpisujemy się³: Mikołaj Wazarewicz burmistrz m[iasta] K[amieńca] Lit[ewskieg]o, Jerzy Mickiewicz s[tarej] r[ady]⁴ landwójt, Marcin Juchnowicz b[urmistrz] s[tarej] r[ady].

LMAVB RS. F. 17(B. 3) — 68, l. 55—56 v. Pykanic; ibidem, l. 52—54v. Pykanic 2.

Літаратура і крыніцы

1. Lietuvos mokslų akademijos Vrublevskių biblioteka. Rankraščių skyrius (Kolekcija B3). — F. 17—68. Įvairių dokumentų rinkinys. 1661—1793. — 78 lap.
2. Российский государственный архив древних актов. — Ф. 12. — Оп. 1. — Д. 215. Бумаги, относящиеся до Тарговицкой конфедерации 1792—1793 гг.
3. Дернович, Е. П. Формуляр документа XVIII века в Великом Княжестве Литовском / Е. П. Дернович // Беларускі археаграфічны штогоднік. — 2017. — Вып. 18. — С. 104—113.
4. Карпачев, А. М. Социально-экономическое развитие городов Беларуси во второй половине XVII — XVIII в.: дис. ... д-ра ист. наук / А. М. Карпачев. — Минск, 1969. — 661 с.
5. Карпачоў, А. М. Самакіраванне гарадоў Беларусі па «магдэбургскаму праву» ў другой палове XVII — XVIII ст. / А. М. Карпачоў // Весті Акадэміі навук БССР. Серыя грам. навук. — 1969. — № 2. — С. 56—64.
6. Описание Рукописного отделения Виленской публичной библиотеки. — Вып. 4 / [предисловие А. Миловидова]. — Вильна: Типография А. Г. Сыркина, 1903. — XXXVI, 41, 143 с.

¹ Слова надпісана над радком.

² Ягмін Павел (Jagmin Paweł), віцэ-адміністратар (фактычна — кіраўнік) Брэсцкай эканоміі ў 1785—1795 гг. [19].

³ Сказ, што папярэднічае аўтографам, напісаны іншым почыркам.

⁴ У рукапісе 2 словы «starej radu» (у аўтографі Е. Міцкевіча) паддадзены цалкам.

7. Glemža, L. Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės miestų sąjūdis 1789—1792 metais / L. Glemža. — Kaunas: Vytauto Didžiojo Universitetas, 2010. — 263, [1] p.
8. Instrukcja wydawnicza dla źródeł historycznych od XVI do połowy XIX wieku / [red. nauk. Kazimierz Lepszy]. — Wrocław: Zakład im. Ossolińskich, 1953. — IX, [1], 65, [1] s.
9. Meloch, M. Badeni Marcin / M. Meloch // Polski Słownik Biograficzny. — Kraków, 1935. — T. I. — S. 319—320.
10. Šmigelskytė-Stukienė, R. Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės konfederacijos susidarymas ir veikla 1792—1793 metais / R. Šmigelskytė-Stukienė. — Vilnius: Lietuvos Istorijos Institutas, 2003. — 429 p.
11. Šmigelskytė-Stukienė, R. Miestų dokumentai 1792—1793 m. Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės konfederacijos aktų knygoje // Lietuvos miestų istorijos šaltiniai. [T.] 3 / [red. kol. Artūras Dubonis et al.] — Vilnius: Liet. Istorijos Inst. L-kla, 2001. — P. 133—154.
12. The Wroblewski Library of the Lithuanian Academy of Sciences. Manuscripts Catalogue: Rankraščių kolekcija B3. F17—68 / Lietuvos mokslų akademijos Vrublevskių biblioteka [Elektronis resursas]. — Mode of access: http://aleph.library.lt/F?func=direct&local_base=mab04&doc_number=000072652. — Date of access: 30.04.2019.
13. Uniwersał do miast i miasteczek W. X. Lit. // Korrespondent Warszawski. — 1792. — Dodatek do № 83, 10 listopada. — S. 797—798.
14. Uniwersał JW. Kossakowskiego Hetmana Polnego Litt.: w Wilnie wydany // Korrespondent Warszawski. — 1792. — № 50, 21 sierpnia. — S. 435—444.
15. Urzędnicy centralni i dygnitarze Wielkiego Księstwa Litewskiego XIV—XVIII wieku: spisy / oprac. H. Lulewicz i A. Rachuba. — Kórnik: Biblioteka Kórnicka, 1994. — 255 s.
16. Volumina legum. — T. VII. — Petersburg: Ohryzko Jozafat, 1860. — 415 s.
17. Ibid. — T. VIII. — Petersburg: Ohryzko Jozafat, 1860. — 624 s.
18. Ibid. — T. IX. — Kraków: Akademia Umiejętności, 1889. — 503 s.
19. Zahorski, A. Jagmin Paweł / A. Zahorski // Polski Słownik Biograficzny. — Wrocław etc., 1962—1964. — T. X. — S. 319—320.
20. Zbiór Konfederacy Terazniejszej R. 92 Obojga Narodow. Wszystkich Uniwersałow i Czynności. — T. 2. — Cz. 1—9. — Warszawa: dr. na Krak. Przedm nr. 427, [1792]. — 420 s.
21. Zbiur Wszystkich Drukow Konfederacy Targowickiey y Wilenskiey [...]. — Cz. 1—2. — Warszawa: dr. na Krak. Przedm nr. 427, [1792]. — 101 s.
22. Zienkowska, K. Obywatele czy mieszkańcy? Nieudana próba reformy statusu Żydów polskich w czasie Sejmu Czteroletniego / K. Zienkowska // Sejm Czteroletni i jego tradycje. / Pod redakcją J. Kowackiego. — Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1991. — S. 152—166.

Артыкул надрукаваны ў рэдакцыю 04.05.2019

Я. М. Луняк,

доктар гістарычных навук, прафесар
Нежынскага дзяржаўнага ўніверсітэта
імя Мікалая Гоголя (Нежын, Украіна);
e-mail: lunyak@ua.fm

В. Л. Гілеўскі,

кразнаўца (Гомель);
e-mail: ipbelarus@gmail.com

НЕЖЫНСКІЯ ЗНАХОДКІ: ДАКУМЕНТЫ АБ ГІМНАЗІЧНЫХ ГАДАХ ФЁДАРА СТРАВІНСКАГА

Нежынская гімназія вышэйшых навук князя Безбародзкі — вышэйшая навучальная ўстанова Расійскай імперыі ўніверсітэцкага тыпу. Была заснавана на сродкі князя Аляксандра Андрэвіча Безбародзкі ў 1805 г. Лозунг «*Labore et zelo* (Працай і намаганнямі)» з фамільнага герба князя высечаны на франтоне гэтай установы і стаў яе дэвізам.

На працягу 15 гадоў адбывалася будаўніцтва будынка гімназіі. Першыя вучні былі прыняты на навучанне ў 1820 г., а з 1821 па 1828 г. тут вучыўся вядомы яе выпускнік Мікалай Васільевіч Гоголь, імя якога зараз носіць Нежынскі дзяржаўны ўніверсітэт.

Гімназія была навучальнай установай закрытага тыпу, прызначанай для дзяцей з прывілеяваных станаў — дваранства і духавенства. Вучні ўтрымліваліся на поўным пансіёне пад наглядом адміністрацыі і ў фактычнай ізаляцыі ад знешняга свету. Для навучэнцаў і выкладчыкаў у памяшканні гімназіі была адкрыта Свята-Аляксандраўская царква, дзейнічаў аматарскі тэатр, працавала вялікая бібліятэка. У калідорах установы виселі палотны французскіх, італьянскіх і галандскіх мастакоў XVI—XVIII стст. Гэтая калекцыя цяпер знаходзіцца ў карціннай галерэі Нежынскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Мікалая Гоголя.

У розны час выпускнікамі нежынскай гімназіі былі вядомыя прадстаўнікі беларускай навукі і культуры: Васіль Дамброўскі, Францішак Багушэвіч, Яўхім Карскі і інш.

У 1840 г. пры Нежынскім юрыдычным ліцэі была адкрыта класічная гімназія, якая рыхтавала юнакоў да паступлення ў ліцэй і іншыя навучальныя ўстановы Расійскай імперыі. Кіраўніцтва гімназіі было агульнае з ліцэйскім. У 1856—1866 гг. дырэктарам тут быў Ягор Паўлавіч Сцеблін-Камінскі (Каменскі) (1815—1882), які пазней стаў віленскім губернатарам. Адзін з вучняў таго часу ўспамінаў, што дырэктар «сваёй адукаванасцю, розумам і жывой, яснай і прастай прамовай умеў зацікавіць выхаванцаў вучыцца і спанукаў на шлях да самастойнай працы».

У 1855 г. вучнем класічнай гімназіі пры Нежынскім юрыдычным ліцэі стаў вядомы ў будучым оперны спявак Фёдар Ігнатавіч Стравінскі.

Дарэчы, адначасова са Стравінскім у Нежыне вучыўся вядомы пасля харавы дырыжор, музычны педагог і кампазітар Аляксандр Іванавіч Рубец (1837—

1913). Абодвух музыкаў — Рубца і Стравінскага — можна ўбачыць на вядомым палатне Іллі Рэпіна «Запарожць». Каларытная фігура Рубца, што заліваецца ад смеху, на гэтай карціне паўстае ў вобразе гогалеўскага Тараса Бульбы і з'яўляецца адной з галоўных у мастацкай кампазіцыі. З-за гэтай фігуры на другім плане ўсплывае сумны і змрочны твар высокага хваравітага казака з доўгімі вусамі і вялікім носам, на галаве якога жоўтая польска-ліцвінская канфедэратка. Для гэтай выявы Рэпін выкарыстаў постаць Фёдара Стравінскага.

Фёдар Стравінскі нарадзіўся ў в. Новы Двор Рэчыцкага павета Мінскай губерні ў сям'і шляхціца Ігната Ігнатавіча Стравінскага. Маці Фёдара Аляксандра Іванаўна Скараход была з сям'і прыгонных сялян і нарадзілася ў мястэчку Брагін таго ж павета. Пасля таго як бацькі разышліся, Фёдар некаторы час правёў з маці ў Брагіне, куды яна вярнулася да свайго бацькі Івана Скарахода і пражыла там да канца свайго жыцця. Каля 1850 г. Фёдар пачынае вучыцца ў Мазырскім павятовым вучылішчы, па заканчэнні якога ў 1855 г. паступае ў Нежынскую гімназію.

У Адзеле Дзяржаўнага архіва Чарнігаўскай вобласці (ДАЧВ) у горадзе Нежыне захоўваюцца нешматлікія дакументы аб навучанні Фёдара Стравінскага ў Нежынскай гімназіі (фонд 1359, вопіс 1), здольныя дапоўніць ранні перыяд яго біяграфіі.

Матэрыялы сведчаць, што ў Нежыне вучыліся некалькі прадстаўнікоў сям'і Стравінскіх: адначасова з Фёдарам тут знаходзіліся яго стрыечныя браты Мечыслаў і Людвіг Стравінскія, якія адзначаліся кіраўніцтвам гімназіі як добра-сумленныя і лепшыя вучні. Праўда, поспехі Фёдара не былі такімі выдатнымі, і яго нават пакідалі ў класах на другі год. Пры гэтым заўсёды адзначаліся яго прыкладныя паводзіны.

Аднак 21 жніўня 1860 г. у гімназіі адбыўся прыкры для Фёдара інцыдэнт — яго збіў адзін з вучняў. Пішацца менавіта аб збіцці, а не пра бойку. Да таго ж 17-гадовага Стравінскага пабіў 13-гадовы гімназіст. Гэта сведчыць аб няздольнасці Фёдара пастаяць за сябе. Можна меркаваць, што сціплы і далікатны Фёдар неаднаразова станавіўся аб'ектам насмешак, клінаў і зневажанняў з боку аднагодкаў. Відавочна, гэта і стала прычынай таго, што 10 студзеня 1861 г. у гімназію прыехаў старэйшы брат Фёдара Аляксандр з прашэннем аб выключэнні таго з Нежынскай гімназіі з наступным пераводам ў гімназію Мазырскую. Даведка аб выключэнні мае толькі станоўчыя характарыстыкі.

Трэба заўважыць, што Нежын, аднак, не адпускаў будучага спевака: пасля заканчэння Мазырскай гімназіі Стравінскі ў 1865 г. зноў вяртаецца ў Нежын і паступае ў яго юрыдычны ліцэй, але хутка пераводзіцца ў Адэсу, адкуль у снежні таго ж года пераводзіцца ў Кіеўскі ўніверсітэт. У Кіеве Фёдар вучыцца 3 гады, але ў 1868 г. вымушаны перавесціся назад у Нежынскі ліцэй. Усе біёграфы Стравінскага лічылі, што прычынай пераводу быў недахоп грошай. Аднак на самой справе высветлілася, што Фёдар у 1868 г. не здаў экзамены і перавод назад у Нежын для завяршэння адукацыі быў адзіным выйсцем. Навучанне ў

ліцці не паграбавала вялікіх высілкаў для былога студэнта Кіеўскага ўніверсітэта, Фёдар часта ездзіў у Кіеў і ўвесь аддаўся музыцы, наведваючы оперы і канцэрты. Ён канчаткова вырашыў, што не будзе юрыстам. Тым не менш, ён скончыў ліцэй у 1869 г. Нежынскі дыплом дазволіў яму паступіць у верасні таго ж года ў Пецябург на службу аж у Міністэрства юстыцыі. Праца гэтая абяцала нябеднае існаванне. Але музыка была значна важнейшай, і ў тым жа 1869 г. Ф. Стравінскі ўжо навучаецца ў Пецябургскай кансерваторыі.

Змешчаны ў справе праяздны білет у в. Карпілаўка тагачаснага Прылуцкага павета Палтаўскай губерні на імя Ф. Стравінскага пралівае святло на ўзаемаадносіны падлетка Стравінскага з бацькам — кіраваўся гімназіст менавіта да яго.

Дакументы друкуюцца ўпершыню з захаваннем арыгінальнай арфаграфіі, скарачэнні раскрыты ў квадратных дужках. Паколькі ў архіўнай справе дакументы падшыты не ў храналагічным парадку, такі парадак адноўлены публікатарамі, а ў некаторых выпадках выпраўлена памылковая храналогія дакументаў, што пазначана ў каментарыях. У той жа час няпоўная захаванасць архіўных аркушаў не дазваляе дакладна датаваць асобныя дакументы, аднавіць іх поўны змест.

1. Прашэнне Ігната Стравінскага аб залічэнні сына Фёдара ў Нежынскую гімназію. 1855 г.

Его Превосходительству Господину Директору Лицея Князя Безбородка и Нежинской Гимназии

Дворянина 1-го разряда Игнатія Стравинскаго

Прошение

Желая определить сына моего Феодора въ 1-й классъ Нежинской Гимназии, честь имею покорнейше просить Ваше Превосходительство принять его въ число учениковъ 1-го класса Нежинской Гимназии. [При] семь честь имею представить метрическое свидетельство о рождении и крещении сына моего, свидетельство изъ Мозырского Училища и пашпортъ мой, свидетельство же изъ Дворянскаго Депутатскаго Собранія обяызываютъ представить въ непродолжительномъ времени.

Дворянинъ Игнатій Стравинскій.

Означенный здесь паспортъ получилъ — Стравинскій.

1856 г. Сентября 27 означенные въ семь прошении документы, метрическое свидетельство и протоколь о дворянстве получилъ.

Рэзалюцыя: Принять въ первый классъ по свидетельству. [...]55 года [...]бря 22 дня*.

Ададзел ДАЧВ у г. Нежыне. Ф. 1359. Воп. 1. Спр. 900. Арк. 97.

* Аркуш пашкоджаны, можна разабраць толькі частку даты.

2. 3 табеля Нежинской гімназі за 1859 (?) г.

Стравинскій Федоръ

Пред[меть]	1-й Т[рыместр ?]	2-й Т[рыместр ?]	Экз[амень]
З[аконъ] Бож[ій]	3	3	4
Р[усская] Слов[есность]	4	3	3
Слав[янскій языкъ]	2	2	2
Алгеб[ра]	3	2	2
Геом[етрія]	3	2	2
Геогр[афія]	3	3	3
Истор[ія]	4	3	3
Лат[ынь]	3	3	3
Нем[ецкій языкъ]	3	3	3
Фран[цузскій языкъ]	2	2	2
Греч[ескій языкъ]	—	—	—

Резалюция: Остается.*Аддел ДАЧВ у г. Нежыне. Ф. 1359. Воп. 1. Спр. 877. Арк. 19 (18?).***3. 3 выпискі аб дысцыплінарных спагнаннях вучняў Нежинской гімназі. 1860 г.**

21 авг. 1860 г. Погорецкій Яковъ за драку посажёнъ въ карцеръ (Биль Ф. Стравинскаго).

*Аддел ДАЧВ у г. Нежыне. Ф. 1359. Воп. 1. Спр. 879. Арк. 45.***4. Празны билет Ф. Стравинскаго для наведання вёскі Карпілаўка Прылуцкага павета Палтаўскай губерні. 1860 г.**

БИЛЕТЪ

Предъявитель сего, ученикъ 4-го класса Гимназіи, состоящій при Лицее Князя Безбородко въ Нежине, *Стравинскій Федоръ*, съ дозволенія Начальства, следуетъ, *Полтавской Губ., Прилуцкаго у.* въ [село] *Карпиловку* на срокъ по 7 число *Генваря* месяца 1861 года, на который долженъ онъ, *Стравинскій*, непременно явиться въ Нежинскую Гимназію, и по прошествіи котораго, благоволенобъ было его, *Стравинскаго*, нигде не держать, а доставлять немедленно въ Гимназію. Во удостовѣреніе чего и данъ ему, *Стравинскому*, изъ Нежинской Гимназіи сей билетъ, за надлежашчою подписью и съ приложеніемъ казенной печати. г. Нежинь.

1861* года *Декабря 17* дня.Директоръ *Стеблинъ Каменскій*Секретарь *Праценко*

На семь билете Нежинской Гимназіи печать

* Так у докуменце, павінен быць 1860.

ОБЪЯВЛЕНИЕ*

Ученикъ 4-го класса Нежинской Гимназіи *Стравинскій Федоръ* въ продолженіи 1-й половины 1860/61 учебнаго года:

Вель себя *отлично*. Оказаль успехи:

- Въ Законе Божіемъ *хорошіе*
- Русскомъ языке *достаточные*
- Славянскомъ языке *достаточные*
- Русской Словесности *достаточные*
- Всеобщей Географіи (—)
- Российской Географіи *достаточные*
- Всеобщей Исторіи *хорошіе*
- Русской Исторіи (—)
- Арифметике (—)
- Алгебре *достаточные*
- Геометріи *достаточные*
- Тригонометріи (—)
- Въ Приложеніи Алгебры къ Геометріи (—)
- Физике (—)
- Космографіи (—)
- Естественной Исторіи (—)
- Латинскомъ языке *хорошіе*
- Греческомъ языке (—)
- Немецкомъ языке *посредственные*
- Французскомъ языке *посредственные*
- Чистописаніи (—)
- Рисованіи (—)

Инспекторъ Лицея Князя Безбородко и Нежинской Гимназіи *А. Андриевскій*
Аддзел ДАЧВ у г. Нежыне. Ф. 1359. Воп. 1. Спр. 900. Арк. 96—96 адв.

5. Прашэнне Аляксандра Стравінскага аб пераводзе яго брата Фёдара Стравінскага з Нежынскай гімназіі ў Мазырскую гімназію. 1861 г.

Его Высокородію Господину Директору Лицея князя Безбородька и Нежинской гимназіи Статскому Советнику Егору Павловичу Стеблинь Каменскому 4-го резервнаго баталіона Брянскаго пехотнаго Генерал-Адъютанта князя Горчакова Полка прапорщика Стравинскаго 1-го

Прошеніе

Роднаго брата моего, ученика IV класса Федора Стравинскаго, желаю перевести въ Мозырскую гимназію, а потому имею честь покорнейше просить Ваше Высокородіе уволить его изъ Нежинской гимназіи и дать свидѣтельство.

Прапорщикъ Александръ Стравинскій.

* *Тэкст на адваротным баку білета.*

Въ копіяхъ: протоколь о дворянстве и метрическое свидетельство получили 10 Генваря 1861 года.

Получилъ Прапорщикъ Стравинскій І-й

9 генваря 1861 года

АДДЗЕЛДАЧВ у г. Нежыне. Ф. 1359. Воп. 1. Спр. 900. Арк. 2—2 адв.

6. Пасведчанне Фёдора Ставінскага аб няпоўным заканчэнні 4-га класа Нежынскай гімназіі. 1861 г.

СВИДЕТЕЛЬСТВО

Дано сіе свидетельство ученику 4 класса Нежинской Гимназии Стравинскому Федору, сыну дворянина Игнатія Стравинскаго, въ томъ, что онъ, Стравинскій Федоръ, находится въ сей гимназии съ 22 сентября 1855 года, ныне жъ, согласно вступившей просьбе, изъ Гимназии уволенъ. Во время нахождения въ Гимназии поведения былъ отличнаго и въ преподаваемыхъ предметахъ оказаль следующие успехи: въ З[аконе] Божіемъ хорошіе, Русскомъ языкѣ достаточные, Р[усской] Географіи достаточные, Р[усской] Словесности достаточные, Въ Исторіи хорошіе, Славянскомъ яз[ыке] достаточные, Латинскомъ яз[ыке] хорошіе, Немецкомъ посредственные, Французскомъ посредственные, Геометріи достаточные, Алгебре достаточные. А какъ онъ, Стравинскій Федоръ, не окончилъ полнаго курса наукъ, то на него не распространяются права и преимущества Св[ода] Зак[оновъ] Изд[анія] 1857 г., т. III Устава [...]»* по определению отъ Правительства въ ст. 95 и 598 изображенныхъ и ученикамъ, окончившимъ Гимназическій курсъ, присваиваемый и для производства въ первый классный чинъ долженъ подвергнуться установленному испытанию на основаніи ст. 597 того же тома.

г. Нежинъ, Генваря 10 дня 1861 года

АДДЗЕЛДАЧВ у г. Нежыне. Ф. 1359. Воп. 1. Спр. 900. Арк. 3—3 адв.

Літаратура і крыніцы

1. Виноградова, А. Первая глава из жизни Федора Стравинского: новые находки / А. Виноградова // Opera Musicologica. — 2016. — № 3 (29). — С. 85.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 20.05.2019

* Некалькі слоў неразборлівыя.

Т. В. Кекелева,

*вядучы архівіст Беларускага дзяржаўнага
архіва-музея літаратуры і мастацтва;
e-mail: bdamlim@tut.by*

«АДЧУЦЬ ПАВЕТРА, ЯКІМ ДЫХАЎ АЎТАР...»

*(лісты дзеячаў беларускай культуры да Яўгена Мазалькова
ў Беларускаім дзяржаўным архіве-музеі літаратуры і мастацтва)*

Творчыя сувязі паміж літаратарамі розных краін развіваюцца і ўзбагачаюцца дзякуючы такой галіне прыгожага пісьменства, як пераклады. Таленавіты перакладчык з'яўляецца правадніком аўтарскіх задум і ідэй, першаадкрывальнікам твора для іншамовных чытачоў, стваральнікам сусветных мастацкіх каштоўнасцей. Сярод тых, хто ў 1930—1960-я гады быў актыўным папулярызатарам твораў беларускіх пісьменнікаў, галоўнае месца належыць Яўгену Сямёнавічу Мазалькову, літаратуразнаўцу, крытыку, перакладчыку. Да многіх дзясяткаў беларускіх кніг, выдадзеных на рускай мове, Яўген Сямёнавіч меў тое ці іншае дачыненне: як укладальнік, перакладчык, рэдактар, рэцэнзент, аўтар уступных артыкулаў. Фактычна, як сцвярджаў Іван Навуменка, Яўген Мазалькоў узначаліў школу мастацкага перакладу з беларускай мовы на рускую і прысвяціў гэтай пачэснай працы ўсё сваё жыццё [1]. Дзякуючы яго высокакасным перакладам, убачылі свет раманы і аповесці Я. Коласа, З. Бядулі, П. Галавача, К. Чорнага, М. Лынькова, І. Мележа, П. Кавалёва, М. Лобана, А. Кулакоўскага, І. Навуменкі, паэтычныя творы М. Багдановіча, Я. Купалы, Я. Коласа, М. Танка, А. Куляшова, П. Панчанкі, П. Броўкі, П. Глебкі, А. Пысіна і інш.

Яўген Мазалькоў раскрыўся і як знаны даследчык гісторыі беларускай літаратуры. Яго яўру належаць грунтоўныя працы і артыкулы пра творчасць М. Багдановіча, З. Бядулі, А. Куляшова, К. Крапівы, М. Танка, П. Панчанкі і іншых, якія і сёння з'яўляюцца яркім доказам адметнасці, творчай своеасаблівасці кожнага з беларускіх пісьменнікаў. У 1950 г. манаграфія Я. Мазалькова «Янка Купала» была адзначана Дзяржаўнай прэміяй СССР, а потым вытрымала не адно перавыданне на розных мовах. Праз 10 гадоў убачыў свет крытыкабіяграфічны нарыс «Якуб Колас». У 1965 г. літаратурныя нарысы і партрэты беларускіх пісьменнікаў, створаныя Я. Мазальковым, былі сабраны пад вокладкай кнігі «Поючая земля». У 1968 г. беларускі ўрад надаў масквічу Яўгену Мазалькову званне заслужанага дзеяча культуры БССР.

Яўген Сямёнавіч нарадзіўся 30 верасня 1909 г. у мястэчку Крычаў, што на Магілёўшчыне, у сям'і настаўніка, дзе з пашанай ставіліся да матчынай мовы. З 1919 г. выхоўваўся ў дзіцячым доме, а затым у дзіцячай сельскагаспадарчай калоніі ў Мсціслаўлі. Два гады жыў і працаваў на вёсцы ў дзеда.

У 1924 г. жыццёвыя шляхі прывялі Яўгена Мазалькова ў Маскву, дзе ён усталёўваецца на кандытарскую фабрыку Цэнтрсаюза (цяпер фабрыка «Рот-Фронт») спачатку вучнем, потым падручным цукершчыка. З цікавасцю ўклі-

часца ў працу Замаскварэцкага рабочага літгуртка «Іскра», а потым — гуртка камсамольскіх пісьменнікаў «Маладая гвардыя». У канцы 1924 г. на старонках часопіса «Московский пролетарий» адбываецца паэтычны дэбют юнака. Літаратурнае жыццё вялікага горада захапіла Яўгена. Будучы пісьменнік выступае на дыспутах і паэтычных вечарах, дзе знаёміцца з У. Маякоўскім, разам з ім распрацоўвае маніфесты, друкуецца (пераважна вершы) у часопісах «Октябрь», «На литературном посту», «Беларусь», газеце «Комсомольская правда».

У 1926 г. Я. Мазалькоў паступае на літаратурнае аддзяленне этналагічнага факультэта Першага Маскоўскага ўніверсітэта, якое скончыў у 1930 г. Але цяжкая хвароба (туберкулёз лёгкіх) прыпыніла яго працу, і толькі з 1935 г. ён стала працуе рэдактарам у рэдакцыі літаратуры народаў СССР Дзяржлітвыдавцтва.

У гады Вялікай Айчыннай вайны Яўген Сямёнавіч становіцца ўдзельнікам абароны Масквы спачатку ў якасці байца пажарнай каманды, потым кіраўніка групы самаабароны Баўманскага раёна. Таксама актыўна друкуецца ў газетах «Правда», «Известия», «Литература и искусство», выступае на радыё. У 1944 г. працуе рэдактарам рускага выдання часопіса «Беларусь», нумары якога зсылаліся ў тыл акупаванай немцамі тэрыторыі Беларусі. У 1942 г. Яўгена Мазалькова прымаюць у члены Саюза пісьменнікаў СССР. З 1948 па 1969 г. Яўген Сямёнавіч — нязменны старшыня камісіі, а потым Савета па беларускай літаратуры пры праўленні Саюза пісьменнікаў СССР.

У 1981 г. багаты архіў літаратуразнаўцы і перакладчыка быў перададзены яго дзецьмі — сынам Андрэем Яўгенавічам Мазальковым і дачкой Аленай Яўгенаўнай Ціхаміравай — у Беларускі дзяржаўны архіў-музей літаратуры і мастацтва. Асноўную частку фонду склалі рукапісы перакладаў Я. С. Мазалькова і яго нарысаў, артыкулаў, успамінаў, рэцэнзій, выступленняў, чарнавыя накідны і выпіскі для працы. Унікальны раздзел фонду — гэта лісты ад дзесячаў беларускай і расійскай культуры, якія ахопліваюць вялікі перыяд ад 1940-х гг. і да 1969 г. — года смерці пісьменніка.

Сярод шматлікіх карэспандэнтаў Яўгена Мазалькова былі выбраны найбольш значныя лісты ад Цішкі Гартнага, Гаўрылы Гарэцкага, Пятра Глебкі, Паўла Кавалёва, Янкі Казека, Якуба Коласа, Кандрата Крапівы, Янкі Купалы, Міколы Лобана, Уладзіслава Луцэвіч, Міхася Лынькова, Андрэя Макаёнка, Максіма Танка, Міколы Ткачова, Пімена Панчанкі, Кузьмы Чорнага, Рыгора Шырмы. Агульнае, што звязвала гэтых аўтараў з маскоўскім сябрам, — праца над перакладамі іх твораў на рускую мову, што сведчыла пра высокі прафесіяналізм перакладчыка. Зразумела, у цэнтры ўвагі — творчыя сувязі літаратараў, у прыватнасці ў гады Вялікай Айчыннай вайны, просьбы аб садзейнічання ў выданні твораў, правядзенні вечарын і мерапрыемстваў, праблемы перавадных кніг, стасункі літаратурныя і асабістыя і г. д.

Станоўчую ацэнку перакладчыцкай дзейнасці Яўгена Мазалькова даў празаік і мовазнаўца Мікола Лобан. Іх сяброўства стала вынікам сумеснай працы над перакладам трылогіі Міколы Лобана «Шэметы». У артыкуле да 60-годдзя

Яўгена Мазалькова яго беларускі калега пісаў: «Вялікага поспеху ў складанай і тонкай рабоце перакладчыка дасягае той пісьменнік, які здольны адчуць тое паветра, якім дыхаў аўтар, настроіцца на тую хвалю, на якой быў аўтар. А гэтыя здольнасці набывае не кожны. Ці не таму пераклад многіх твораў даецца не з першага разу. У мовах, нават самых блізкіх, нельга, мабыць, знайсці два абсалютныя адпаведнікі. Перакладаючы літаральна, мы заўсёды ў большай або меншай ступені нечым ахвяруем, бо сэнсавая эквівалентнасць дасягаецца складанай сукупнасцю сродкаў розных моў. Блізкасць беларускай і рускай моў не аблягчае, як некаторыя думаюць, а ўскладняе пераклад. Неабходна вельмі тонкае адчуванне семантыка-стылістычнай сутнасці слова, сказа, каб не паддацца на спакусу блізкасці і не перанесці нюансы адной мовы на другую. У гэтых адносінах пераклады Яўгенія Сямёнавіча могуць служыць добрым прыкладам» [2].

Прапануем чытачам заглянуць у творчую лабараторыю беларускіх літаратараў мінулага стагоддзя. Аўтарскі стыль і правапіс карэспандэнтаў захаваны. Лісты знаходзяцца ў фондзе Яўгена Мазалькова № 259 (воп. 1, 2). Большасць лістоў, акрамя лістоў Я. Коласа, Я. Купалы, М. Лобана, М. Танка, К. Чорнага, друкуецца ўпершыню.

№ 1. — 1936 г. студзеня 18. — Ліст Цішкі Гартнага да Яўгена Мазалькова

Многуважаемый тов. Мозольков!

Настоящим имею сообщить Вам, что одновременно с сим мною выслан по Вашему адресу печатный экземпляр моего романа «Перегудь», который, прошу Вас, просмотреть и не отказать сообщить мне о нем свое заключение.

С тов. приветом Цішка Гартны*

Минск, 18/1 — 36

Белорусская Академия Наук

БДАМЛМ. Ф. 259. Вон. 1. Стр. 343. Арк. 1. Автограф.

№ 2. — 1939 г. снежня 30. — Ліст Рыгора Шырмы да Яўгена Мазалькова

Высокуважаемый Евгений Семенович!

Послал вам две бандероли с книгами, главным образом сочинения Максима Танка**. Думаю, что Вы уже успели их получить.

После приезда из Минска сразу написал всем нашим поэтам с просьбой приготовить для вас автобиографии, а у Танка просил его последние стихотворения. Только что получил их и сразу пересылаю Вам. Относительно своей

* Гартны Цішка (сапр. Жылуновіч З. Х., 1887—1937), празаік, паэт, драматург, дзяржаўны і грамадскі дзеяч, акадэмік АН Беларусі. Раман «Перагудь», надрукаваны ў часопісе «Польмя рэвалюцыі» (№ 8—11 за 1935 г.), на рускай мове не выйшаў. Першай беларускай кнігай у перакладзе на рускую мову стаў зборнік апавяданняў Ц. Гартнага «Щепки на волнах» (Л., 1928, пераход К. Пушкарэвіча).

** Танк Максім (сапр. Скурко Я. І., 1912—1995), народны паэт Беларусі, перакладчык, грамадскі дзеяч, акадэмік АН Беларусі.

біографіі гаворыць, што туювата, потым што сильно заняты ў рэдакцыі газеты, а кrome таго звязан договорам з Выдавецтвам у Мінску. Должны напісаць прадисловіе для тома сваіх абраных прадзвіненяў. Но я думаю, што Танк машына крэпкая, усё вывезе, так што магчыма скоро даст і аўтабіяграфію.

О Васільке* нет никаких известий. Кажется, все-таки пропал без вести. Это наш поэт-мученик. Сколько пыток моральных и физических перетерпел он от панских жандармов. Один тот факт, что польская дефензива во время обыска забрала у него и уничтожила несколько сот самых лучших и нигде еще не печатанных стихотворений, говорит сам за себя. Собираюсь написать о нем литературно-биографическую статью, только теперь сильно связан работой по организации ансамбля, не имею свободного времени. Может быть достану для Вас еще сборник Арсеневой**. Можно еще будет выслать, если нужно, по одной книжке Танка «Журавінавы цвет» и «Пад матчай».

Если для Вас не составит большой трудности, разрешите попросить достать некоторых нот для хора, напр[имер]: «Сулико», «Дороженька» (реп[ертуар] хора Пятницкого), про Ленина и Сталина, «И кто его знает», сборники хоровые «Хоровое творчество народов СССР». Одним словом, Вы даже по своему усмотрению можете сделать подбор, что Вам больше всего нравится. А может быть кто-нибудь из московских композиторов согласился бы обработать пару народных мелодий западно-белорусских, тогда выберу кое-что и пришло?

Имею дерзкое намерение прислать Вам в недалеком будущем для консультации одну вещь. Что Вы мне на это скажете? Гневаться не будете?

Привет и наилучшие пожелания в Новом 1940 году.

30.XII.1939 г.

г. Белосток, ул. Сина, 10, кв. 2

Ваш Г. Ширма***

БДАМЛМ. Ф. 259. Воп. 1. Спр. 397. Арк. 1–1аоб. Аўтарызаваны машынапіс.

№ 3. — 1940 г. лістапада 2. — Ліст Максіма Танка да Яўгена Мазалькова
2 — XI — 1940 г.

Дарагі Евгений Сямёнавіч!

Я да Вас выслаў пісьмо, не ведаю толькі, ці Вы яго атрымалі. Ваша пісьмо і зборнік атрымаў, за што Вам вельмі я ўдзячны. Як атрымаю аўтарскія, пастараюся тады вярнуць Вашу кніжку.

* Васілёк Міхась (сапр. Касцевіч М. В., 1905—1960), паэт. У 1939 г. быў мабілізаваны ў польскае войска, у час баёў трапіў у нямецкі палон. У жніўні 1941 г. уцёк з палону, вярнуўся на Гродзеншчыну, кіраваў Скідальскім падпольным антыфашысцкім камітэтам.

** Арсеннева Наталля (1903—1997), паэтка, перакладчыца, лібрэтыст, аўтар духоўнага гімна беларускай інтэлігенцыі «Магутны божа». У 1927 г. выйшаў зборнік паэзіі «Пад сінім небам» (Вільня).

*** Шырма Рьгор (1892—1978), харавы дырыжор, кампазітар, педагог, фалькларыст, грамадскі і музычны дзеяч, народны артыст СССР.

Зборнікам* я задаволены, ён вельмі прыгожа і па-мастацку аформлены. Прыгажэй як мінскі. Агулам удаліся і пераклады. Некаторых вершаў я не даваў бы. Магчыма, што іх далі толькі таму, што лягчэй было пералажыць. Бо вершы гэтыя якраз і не з'яўляюцца характэрнымі. Удаліся пераклады з «Пад мачтай» і некаторыя з «Журавінава цвету».

Сёння прыехаў з Мінску, бачыўся з Купалам**, які збіраецца ў Маскву на юбілей Міцкевіча. Магчыма што, калі не затрымаюць мяне выбары ў месныя саветы, і я прыеду ў Маскву. Апошні раз, будучы ў Маскве, мне ўдалося ўрваць кавалак часу і пахадзіць па тых вуліцах, дзе калісь я жыў дваццаць год таму назад.

Нейкае дзіўнае ўражанне. Раптам стаў гэты горад такім блізкім, якім не раз я бачыў яго ў успамінах. Калісь, вязьджаючы з Масквы дамоў, я вёз цэлы шпытак вершаў Пушкіна, Лермантава, Някрасава. Перапісаў іх, бо вельмі яны мне падабаліся. А цяпер прыходзіцца свае вершы везці ў Маскву. Нядаўна на вёсцы расказваў пра Маскву сялянам. Цікавяцца вельмі. Шмат хто з старыкоў, будучы салдатам, быў і помніць дарэвалюцыйную Маскву. Але не хочучь верыць, што яна так вырасла.

Загаварыўся я. Думаю, хутка пабачымся. Чуў я, што Вы хварэлі. Хутчэй папраўляйцеся ды прыязжайце да нас на нашы «варэннікі». Моцна жму руку.

М. Танк.

БДАМЛМ. Ф. 259. Вон. 1. Спр. 390. Арк. 1. Аўтограф.

№ 4. — 1940 г. лістапада 22. — Ліст Кузьмы Чорнага да Яўгена Мазалькова

Дорогой Евгений Семенович!

Извините, что я так долго не отвечал Вам. Но дело в том, что рукопись моей повести «Простыя людзі»*** еще не совсем готова к печати, она еще у меня, и я над ней еще работаю, и в бел[орусское] гос[ударственное] издательство я еще ее не сдал. Работы осталось мало, и я надеялся написать Вам, выслать рукопись, но случилось так, что я был, неожиданно для меня, оторван от работы театром: репетируют мою пьесу**** и предложили мне сделать некоторые переделки.

Как только рукопись будет готова, я сразу Вам ее вышлю, это будет скоро, не позже конца декабря, думаю, что в половине декабря.

* У 1940 г. у Мінску выйшлі «Выбраныя вершы» М. Танка, а ў Маскве — зборнік «Стихотворения».

** Купала Янка (сапр. Лудзвіч І. Д., 1882—1942), народны паэт Беларусі, драматург, публіцыст, грамадскі дзеяч. Быў членам Усесаюзнага і Рэспубліканскага камітэтаў па ўшанаванні памяці Адама Міцкевіча. 26 лістапада 1940 г. выступаў з прамовай на вечары ў Маскве ў сувязі з 85-годдзем са дня смерці паэта.

*** Рукапіс рамана К. Чорнага «Простыя людзі» згарэў у першыя дні вайны.

**** П'еса К. Чорнага «Бацькаўшчына». Драма ў 4-х дзеях. Пастаўлена на сцэне БДТ-1 у 1940 г.

Что касается рассказов, то я затрудняюсь что выслать, подумано.

Дорогой Евгений Семенович, ей богу, приезжайте в Минск. Я думаю, что всегда в Ц/издательстве найдется для этого причина. Только уж не думайте о гостинице. У меня теперь в квартире свободно, у меня всегда будет для Вас комната и самая искренняя дружеская атмосфера в ней и даже вид из окна на далекий лес и поле. Приезжайте.

Крепко жму руку. Ваш К. Чорны*.

22 ноября 1940 г.

Мой домашний адрес: Свердловская, 73, кв. 61.

БДАМ/ЛМ. Ф. 259. Вон. 1. Спр. 395. Арк. 1. Аўтограф.

**№ 5. — 1942 г. красавіка 5. — Ліст Пімена Панчанкі
да Яўгена Мазалькова**

Шаноўны Яўгені Сямёнавіч!

Пасылаю табе пяць сваіх новых вершаў. Два з іх друкаваліся ў нашай газеце. Спадзяюся бачыць некаторыя з іх (а мажліва і ўсе) у добрых перакладах на старонках цэнтральных газет. Калі ты гэта арганізуеш — буду вельмі ўдзячны.

На новым месцы мы абсталяваліся даволі добра. Выпускаем газету, лістоўкі, а такжа сатырычны лісток. Усё гэта табе выслана і будзе высылалца рэгулярна.

Калі не цяжка, напішы падрабязна пра маскоўскія літаратурныя справы. Што хто піша, што друкуецца, ці прыедзжаў у Маскву Аркаша Куляшоў**.

Прывітанне ад Глебка***, Гурскага****, Кучара*****.

Моцна цісну руку! Пімен Панчанка*****.

5/IV—42 г.

Адрас: Полевая почта 1485, редакцыя газеты «За свободную Беларусь»*****.

Прывітанне на палях: «Назва верша «У сорок першым годзе» мне самому не падабаецца».

БДАМ/ЛМ. Ф. 259. Вон. 1. Спр. 379. Арк. 1. Аўтограф.

* Чорны Кузьма (сапр. Раманоўскі М. К., 1900—1944), прازیак, драматург, публіцыст.

** Куляшоў Аркадзь (1914—1978), народны паэт Беларусі, перакладчык, заслужаны работнік культуры Украінскай ССР.

*** Глебка Пятро (1905—1969), паэт, перакладчык, вучоны, акадэмік АН Беларусі.

**** Гурскі Ілья (1899—1972), прازیак, драматург, заслужаны дзеяч культуры БССР.

***** Кучар Алесь (1910—1996), крытык, драматург.

***** Панчанка Пімен (1917—1995), народны паэт Беларусі, ганаровы акадэмік АН Беларусі.

***** «За свободную Беларусь» — франтавая газета. Выдавалася з 18 сакавіка да лістапада 1942 г. на беларускай мове Палітупраўленнем Калінінскага фронту пры ўдзеле ЦК КП(б)Б. Рэдактар І. Гурскі. Выпускала сатырычны лісток «Партызанская дубінка». Засылалася на акупаваную тэрыторыю Беларусі.

№ 6. — 1942 г. красавіка 7. — Ліст Пятра Глебкі да Яўгена Мазалькова

7/IV — 1942

Дорогой Евгений Семенович!

Получил ли ты номера нашей газеты? Если получил, напиши нам о своих впечатлениях и замечаниях. Это первое. Второе. В тех номерах напечатаны стихи — мои и Панченко. Если они тебе понравятся — переведи или организуй перевод и пристрой куда-нибудь в печать. И, наконец, третья просьба. Неплохо бы напечатать в «Лит[ературе] и искусстве»* или в другой какой-либо газете хотя бы небольшую заметку о нашей газете. Дело в том, что газета идет к читателям в оккупированную Беларусь, и здесь о ней ничего не знают. А нам хотелось бы, чтобы о ней узнали, хотя бы белорусы. Это помогло бы связаться нам с людьми, которые могли бы принять участие в нашей работе. Кстати, не можешь ли ты сообщить нам адрес Купалы? Мы писали об этом нашим ребятам, но ответа пока не получили.

Заодно напиши, как поживаешь, что поделываешь, какие новости? Мы живем дружно, работаем упорно, преодолевая массу трудностей полиграфического и пр[очего] порядка.

Искренний привет тебе от меня, Пимена Панченко, Ильи Гурского и Алеся Кучара. Кланяйся от нашего имени нашим белорусам.

Твой Пятро Глебка.

Адрес наш следующий: Полевая почта 1485, редакция газеты «За свободную Белоруссию».

БДАМ/М. Ф. 259. Вон. 1. Спр. 343. Арк. 3—3адв. Аўтограф.

№ 7. — 1942 г. красавіка 20. — Ліст Янкі Купалы да Яўгена Мазалькова

Печищи, 20/IV—42 г.

Дорогой Евгений Семёнович!

Из газет я заключил, что Вы находитесь в Москве, а по сему и пишу. Я очень рад, что кое-кто из моих добрых друзей остались на старом месте. Буду Вам очень признателен, Евгений Семенович, если хоть пару слов напишите, что слышно в наших издательских сферах. Я как выехал в середине октября из Москвы, то никаких вестей от Гослитиздата и др. из[датель]ств не имею. Денег за сборник белорусской литературы, составленный вами**, я ничего не получил. Может быть Вы мне, Евгений Семенович, поможете в этом деле. Если

* «Литература и искусство» — назва сучаснай расійскай газеты «Культура» ў 1942—1944 гг. Першы нумар газеты выйшаў у 1929 г. пад назвай «Рабочий и искусство», потым газету перайменавалі ў «Советское искусство», з 1942 г. пасля зліцця з «Литературной газетой» — у «Литературу и искусство». У 1944 г. вярнулі папярэдняю назву, з 1953 г. — «Советская культура», з 1991 г. — «Культура».

** Зборнік вершаў Я. Купалы «Избранное» (М., Детиздат, 1942).

Петр Иванович Чагин* в Москве, то попросите его от моего имени, может быть он что-нибудь сделает. Кроме того, в «Красной Звезде» было напечатано, что печатается в Военном издательстве мой сборник стихов**. Не откажите туда мимоходом заглянуть или позвонить, в каком положении это дело. А деньги, как Вам самому хорошо известно, всегда нужны.

Напишите, как Вам живется в Москве, а также Вашей маме. Я живу здесь под самой Казанью, по другой бок Волги. Живется сносно. Питаемся неплохо. Если будете в Казани, заезжайте в гости, будем очень рады. В Союзе писателей знают, где я живу.

Передайте мой искренний привет П. И. Чагину, если его увидите.

Вам желаю всего светлого и радостного.

Ваш Я. Купала

Адрес мой: Татарская АССР, Верхне-Услонский р-н, Печищи, мельница.

БДАМЛМ. Ф. 259. Воп. 2. Спр. 17. Арк. 2—4. Фотакопія аўтографу.

№ 8. — 1944 г. чэрвеня 28. — Ліст Пімена Панчанкі да Яўгена Мазалькова
Дорогой друг Евгений!

Спасибо за открытку. Меня здесь радует каждое слово от друзей. И хотя письма приходят через столетия — так далеко я от вас — я с нетерпением их ожидаю. Конечно, и я грешник — пишу мало. Но ко мне нужно иметь снохождение по чисто восточным причинам***.

Оторвавшись от белорусских газет и журналов, я пишу теперь меньше. Но все же написал десятка два стихов. Из них несколько наиболее «злободневных» послал в редакцию журнала «Беларусь»****. Ты, кажется, там работаешь или работал? Больше половины написанного — на местные знойные темы, которые по почте нельзя прислать. Написал и небольшую поэму «Вандраванне ў нянавісь». Есть отдельные удачные куски, а в общем, чувствую, что это далеко не то. Надо браться за другую — чтобы была более удачная. Надеюсь, ты с ней можешь познакомиться в редакции журнала «Беларусь». Если прочитаешь, напиши свое мнение: совсем это гавно или не совсем. Но книжка новая стихов, которую я подготовил к печати, кажется, будет удачной*****.

Дорогой друг! Как радостно каждый день получать по радио сообщения об освобождении родных городов и сел. И как обидно сидеть у черта на кулич-

* Чагин (сапр. Бардоўкін) П. І. (1898—1967), расійскі журналіст, партыйны і выдавецкі работнік, літаратурны дзеяч. У 1939—1946 гг. выконваў абавязкі дырэктара Дзяржаўнага выдавецтва мастацкай літаратуры (Масква).

** Зборнік «Узнялася Беларусь» (М., Военное издательство Наркомата обороны СССР, 1942).

*** У 1944—1945 гг. Пімен Панчанка знаходзіўся ў Іране з часткамі Чырвонай Арміі.

**** «Беларусь» — штомесячны ілюстраваны грамадска-палітычны часопіс. Выдаваўся са студзеня 1944 г. на беларускай і рускай мовах спачатку ў Маскве (№ 1—3), потым у Мінску. З 1945 г. — на беларускай мове.

***** Зборнік вершаў П. Панчанкі «Далёкія станцыі» (Мн., 1945).

ках и не принимают в этом участия. Душа, как говорят, горит. Сердце и голова звенит новыми стихами. Но что толку? Пока я пришло их — вернее, пока дойдут они, пройдет недели три, а то и месяц. Я буду писать о Могилеве, а наши войска займут Минск, я о Днепре — а Красная Армия, глядь, уже за Неманом. И вот я сильно тоскую от этого. Обидно, что не придется полным голосом воспеть в эти дни наступление. А я чувствую, что смог бы это сделать.

Вообще живу хорошо. Жую киш-мыш и урюк, виноград, абрикосы. Солнце меня жжет беспощадно. Много путешествую. Приеду в Москву — расскажу много интересного. А вот то, что ты мне не сообщил московские новости — нехорошо. Это тяжелое наказание. Всепокорнейше прошу помиловать и оросить мою душу всеми столичными событиями, сплетнями, слухами, анекдотами и пр. и пр.

Как дело с моим русским сборником*? Неужели все заглохло и умерло? Это было бы обидно. Возможно на днях вышло что-нибудь из стихов «вне времени и пространства».

Желаю тебе здоровья и всяческих успехов.

Жду ответа с нетерпением. А пока крепко обнимаю. Твой Пимен Панченко.

28/VI—44 г. П. П. 37688—Д

БДАМЛМ. Ф. 259. Вон. I. Спр. 379. Арк. 7—7адв. Автограф.

№ 9. — 1945 г. красавіка 15. — Ліст Максіма Танка да Яўгена Мазалькова
Мінск 15 — IV — 45

Дарагі Евгений Сяменавіч!

На днях я даведаўся толькі, ды і ўсе мы мінчане, ад нашых таварышаў, якія прыехалі з Масквы, пра Ваша кепскае здароўе. Гэта ўжо зусім не ў час Вы задумалі хварэць. Папраўляйцеся, дарагі Еўгеній Сяменавіч, а то — яшчэ лепш — уцякайце з Масквы да нас, на Беларусь. У Вас тут столькі — я ўжо не кажу сяброў, а проста — радні, што не пабываўшы, не пагасціўшы ў яе, вялікі грэх бярэце на сваю душу. Не так даўна мы невялічкай брыгадай ездзілі ў Гродна, а па дарозе заехалі да літоўцаў. Былі ў гасцях у самага сымпатычнага і цудоўнага чалавека ў Літве — Палецкіса**. Выпілі там немала з трафейных запасаў він. Ну, як Вы прыедзеце да нас, дык у нас, як у людзей менш вытрыманых, трафейных запасаў, зразумела, не застанецца, але сея-тое выкапаем пад нашу веращачку. Выздараўлявайце і навядзьвайце нас. Прывітанне Вам ад маёй Любоў Андрэеўны***. Гарачыя прывітанні і пажаданні хутчэйшага выздараўлення ад ўсіх

* Зборнік вершаў П. Панчанкі «Дорога молодости» ў перакладзе Я. Мазалькова выйшаў у 1946 г. у Маскве.

** Палецкіс Ю. І. (1899—1980), літоўскі журналіст, пісьменнік, дзяржаўны і грамадскі дзеяч.

*** Жонка Максіма Танка.

Вашых сяброў. Моцна цісну Вашу руку з надзеяй на хуткую сустрэчу. Максім Танк.

БДАМЛМ. Ф. 259. Воп. 1. Спр. 390. Арк. 7. Аўтограф.

№ 10. — 1945 г. мая 6. — Ліст Максіма Танка да Яўгена Мазалькова

Мінск 6 — V — 1945 г.

Паважаны Евгений Сяменавіч!

Вельмі дзякую за твой апошні ліст. Жадаю хутчэй паправіцца, а то набліжаецца столькі розных гістарычных дат і падзей да сустрэчы якіх, нам, сучаснікам, трэба будзе па-святочнаму падрыхтавацца.

Не так даўно, дзён сем таму, быў я ў Вільні. Гэта горад майго юнацтва. З вонкавай стараны ён мала змяніўся. Вайна, можна сказаць, абмінула яго. Аблічча горада ацалела. Мінск у параўнанні з Вільняй — руіны. Дзіўнае ўражанне пакідаюць гэтыя дзве сталіцы. Зараз з Вільні шмат выяжджае палякаў. Горад пусцее. Шмат маўклівых дамоў, вуліц. Новыя людзі, пераважна літоўцы, яшчэ не прывыклі да горада і горад да іх. А Мінск — разбураны вулей, у які з усіх куткоў краіны, злітаюцца пчолы, якія працавіта пачынаюць будаваць сваё жыллё.

На днях мы праводзілі нашага Міхала Ціханавіча* на канферэнцыю ў Сан-Францыска. Гэта проста цудоўна, што яго туды наравілі. Яму трэба было адравацца ад гэтых трагічных руін Мінска, павандраваць па свету, развеіць думы, ад якіх тут цяжка было яму ўцячы.

У мяне пакуль што ніякіх змен. Сын расце. Спадзяюся, што можа яшчэ на аднаго грамадзяніна ці грамадзянку павялічыцца мой калгас. Апошнімі часамі шмат падарожнічаў па Беларусі. Напісаў некалькі вершаў. Збіраюся пісаць нейкую большую рэч. Засесці за працу на пару год.

Я вельмі рад, што зборнік мой рэцэнзіраваў Ірынін**. Бо, пасля цябе, ён, можа, адзіны чалавек, які ў гэтым матэр'яле мог паважна і грунтоўна зарыентавацца. Перадай яму гарачае прывітанне, ды хутчэй папраўляйся. Прывітанне ад маёй Любоў Андрэеўны. Моцна цісну тваю руку. Прывітанні і пажаданні хутчэйшага выздараўлення ад усіх тваіх знаёмых мінчан.

Максім.

БДАМЛМ. Ф. 259. Воп. 1. Спр. 390. Арк. 8—8адв. Аўтограф.

№ 11. — 1946 г. снежня 22. — Ліст Якуба Коласа да Яўгена Мазалькова

22 XII 1946 г.

Дорогой Евгений Семенович!

Получил Вашу телеграмму и Ваше письмо. Мне хотелось самому написать что-то к Новому году, но мне хочется в первую очередь закончить поэ-

* Лынькоў Міхась (1899—1975), празаік, крытык, літаратуразнавец, грамадскі дзеяч, народны пісьменнік Беларусі, акадэмік АН Беларусі.

** Ірынін (сапр. Бурштын) Б. С. (1893—1964), расійскі паэт, перакладчык.

му*. Над заклочительными главами пришлось и приходится много работать. Сейчас начинаю последнюю 24 главу. Мне хочется начать главу с небольшого отступления. В нем хочу обратиться к поэме, к ее судьбе и вспомнить некоторые события за время, когда поэму писал. Начал это так:

«Прыходзіць час сказаць мне слова:
Паэма родная, бывай!
Жыві ты, «Хата Рыбакова»,
Утульнай будзь, як і наш край!»...

Ведь когда заканчиваешь большую работу, то всегда испытываешь какую-то сладостную грусть. Потому что с окончанием своего труда, которым воплощаешь свои мысли, чувства, ощущается быть может неулловимое чувство грусти, словно ты расстаешься с любимой женщиной... Простите болтовню!

Дорогой Евгений Семенович. Переводы сдайте Городецкому. О Вашем лимите поговорю.

Искренний привет К. И.** и дочурке.

Крепко жму руку. Якуб Колас.

БДАМ/ЛМ. Ф. 259. Вон. 2. Стр. 5. Арк. 25. Фотакопія аўтографу.

**№ 12. — 1946 г. снежня 22. — Ліст Гаўрылы Гарэшкага
да Яўгена Мазалькова**

22/XII — 46

Шчырапаважаны Аўген Сямёнавіч!

Дазвольце прывітаць Вас з Новым годам, пажадаць Вам здароў'я і далейшых бліскучых посьпехаў у справе будавання беларускае пралетарскае культуры!

Адзінае спатканьне з Вамі засталося ў маіх успамінах такім сьветлым, што я і цяпер часта варочаюся думкамі да таго часу, да тых жвавых гамонак, да тых Вашых прамяністых выказваньняў і намераў. Роля Ваша ў уздыме беларускага прыгожага пісьменства на вялікае культурнае ўзвышша, у азнаямленьні рускіх культурных працаўнікоў з дзясятнямі культуры Савецкае Беларусі такая буйная, што хочацца пажадаць Вам самага моцнага здароў'я, доўтага, доўтага веку, сонечных настрояў, каб ажысьцявіць усе Вашыя найвялікшыя намеры.

Ніхай нішто ня будзе перашкодай на Вашым шляху: ні дробязі быту, ні стан здароў'я, ні часовыя непаразумеьні, ні шматлікія крыўды, ні людская нячуласьць.

Вы творыце вялікую справу — хай жа 1947 год будзе для Вас годам сьветлае творчасьці, кульмінацыі шчасся, адчуваньня непарыўнай сувязі з народам гераічным беларускім, з усімі шчодрымі сокамі глебы народнай.

* Паэма Я. Коласа «Рыбакова хата» (1939, 1946—1947).

** Калерыя Іванаўна, жонка Я. Мазалькова.

Малая беларуская пралетарская культура, пралетарскае беларускае пісьменства вымагаюць пільнае ўвагі і дагляду. Будзьце садоўнікам гэтае культуры!

З шчырай павагай Гаўрыла Гарэцкі*!

Гор. Городец, Горьковской обл., Б-Кировский съезд, 26.

БДАМЛМ. Ф. 259. Воп. 1. Спр. 341. Арк. 12—12адв. Аўтограф.

**№ 13. — 1949 г. сакавіка 12. — Ліст Уладзіслава Луцвіч
да Яўгена Мазалькова**

12/III — 49

Уважаемый Евгений Семенович!

Спасибо за Ваши письма. Я оба получила. Хотелось бы, чтобы книга Ваша вышла к годовщине Янки**. Я говорила с Ковалевым***, и он просил (если это возможно) прислать один экземпляр на машинке сюда в Минск для ознакомления. Мне очень понравились те статьи****, которые Вы прислали для «Польмя»*****. У меня осталось впечатление от них самое хорошее. Чувствуется любовное — серьезное отношение к Янке и его творчеству. Еще раз большое спасибо за Вашу серьезную работу. Кое-какие у меня есть замечания, но мелкие. Вы пишете отец Янки арендовал «имение», а он все время арендовал или брал «на запашку» (это значит на половину) небольшие хутора, застенки 3—5 волок земли. Но это мелочь. Дорогой Евгений Семенович, я очень рада, что Вы будете складывать трехтомник Янки*****. Я думаю, что поэмы пойдут отдельной книгой, хотелось бы включить туда обязательно «Сон на Кургане»: эта поэма нигде не переводилась на русский язык. Вы сами подумайте, прочтите ее еще раз и напишите мне свое мнение. Все наши хлопцы уехали на районы работать, так что не с кем потолковать. Я собираюсь днями в Ленин-

* Гарэцкі Гаўрыла (1900—1988), геолаг, географ, эканаміст, статьистык, дэмограф, публіцыст, грамадскі дзеяч, акадэмік АН Беларусі, доктар геолага-мінералагічных навук, заслужаны дзеяч навукі БССР.

** Е. Мозольков. Манаграфія «Янка Купала: 1882—1942. Жыць і творчэства». М., 1949.

*** Квалёў Павел (1912—1995), пісьменнік, заслужаны работнік культуры БССР. Аўтар успамінаў пра Янку Купала.

**** Артыкулы Я. Мазалькова «Янка Купала ў дні Айчыннай вайны» (час. «Польмя», 1948, № 2), «Пясняр сацыялістычнай Беларусі» (час. «Польмя», 1949, № 6).

***** «Польмя» — штомесячны літаратурна-мастацкі і грамадска-палітычны часопіс, орган Саюза пісьменнікаў БССР. Выдаецца са снежня 1922 г. у Мінску. У 1932—1941 гг. выходзіў пад назвай «Польмя рэвалюцый».

***** У 1953 г. былі выдадзены «Избранные произведения» Я. Купалы ў 2-х тамах.

град, там будет издаваться однотомник Купалы*, работают над ним Т. Прокофьев**, Браун*** и др. [...]

Желаю Вам здоровья. Крепко жму Вашу руку, сердечный привет Калерии Ивановне.

Ваша В. Луцевич****

БДАМ/ЛМ. Ф. 259. Вон. 1. Стр. 370. Арк. 32—32адв., 33—33адв. Автограф.

№ 14. — 1949 г. листопада 13. — Лист Якуба Коласа да Яўгена Мазалькова
13 XI 1949 г.

Мой дорогой Евгений Семенович!

К праздникам Октября мне сделали только три экземпляра «Новой Земли»*****. Мне хотелось бы, чтоб таких экземпляров было штук 15. Один из этих 3-х экземпляров я посылаю Вам, дорогой Евгений Семенович. Прочтите не только, как переводчик тех глав поэмы, которые переводили Вы, но прочтите их, как читатель — русский читатель, во всем объеме и содержании «Н. 3.».

Я здесь хочу сказать, что Петр Семьнин***** явился для меня настоящим другом, взяв на себя большую задачу — придать общий тон и колорит всей поэмы «Н. 3.», и я думаю, что эту задачу он выполнил хорошо. Во всяком случае буду очень рад, если Вы со своей стороны скажете свое слово и как переводчик, и как поэт, и как читатель.

Р. С. Всего наилучшего. Ваш Якуб Колас.

Семье — сердечный привет. Я. К.

БДАМ/ЛМ. Ф. 259. Вон. 2. Стр. 9. Арк. 15. Автограф.

№ 15. — 1952 г. красавіка 12. — Лист Кандрата Крапівы да Яўгена Мазалькова

12 апреля 1952 г.

Дорогой Евгений Семёнович!

Работа над пьесой***** находится у меня пока в начальной стадии: собираю и изучаю материал. Когда будет пьеса и получится ли она вообще, с

* У Ленинградзе былі выдадзены: «Собрание стихотворений» (Л., 1950) і «Избранное: стихи и поэмы» (М.; Л., 1950).

** Пракоф'еў А. А. (1900—1971), расійскі паэт, перакладчык, заслужаны дзеяч культуры БССР.

*** Браўн М. Л. (1902—1975), расійскі паэт, перакладчык.

**** Луцэвіч У. Ф. (1891—1960), педагог, літаратуразнаўца, жонка Янкі Купалы, заслужаны дзеяч культуры БССР, стваральнік Літаратурнага музея Янкі Купалы, захавальнік і папулярызатар спадчыны паэта.

***** Пэзма Я. Коласа «Новая зямля» ў 1934 г. выйшла ў перакладзе на рускую мову С. Гарадзецкага, у выданні 1949 г. рэдагаваў і апрацоўваў пераклад П. Семьнін.

***** Семьнін П. А. (1909—1983)? расійскі паэт, журналіст, перакладчык.

***** П'еса К. Крапівы «Зацікаўленая асоба». Напісана ў 1953 г., пастаўлена ў гэтым жа годзе тэатрам Янкі Купалы.

уверенностью сказать не могу, поэтому было бы преждевременно говорить сейчас конкретно о переводе. Если пьеса будет написана и понадобится перевод, я охотно учту Ваше любезное предложение. Возможно, однако, что первоначальный перевод придется делать мне самому по мере написания, так как в процессе работы мне придется знакомить с написанными картинами некоторых товарищей, не знающих белорусского языка, проконсультироваться с которыми мне будет крайне необходимо.

Словом, мы ещё сумеем списаться с Вами по этому вопросу, когда результаты моей работы станут более ощутимыми.

С сердечным приветом К. Крапива*.

БДАМЛМ. Ф. 259. Вон. 1. Спр. 361. Арк. 1. Аўтарызаваны машынапіс.

**№ 16. — 1953 г. мая 20. — Ліст Андрэя Макаёнка да Яўгена Мазалькова
Уважаемый Евгений Семенович!**

С удовольствием принимаю Ваше предложение перевести мою пьесу — сатирическую комедию.

Пришло ее Вам после 25 мая, т. к. я еще сижу и дорабатываю ее. Кстати, и название еще условное — «Выбачайце, калі ласка!»**.

У меня к Вам просьба: когда получите пьесу, то познакомьте с ней директора театра сатиры. Я от него получил телеграмму с такой просьбой. Кроме того и наш театр Ленинского комсомола (русский) тоже заинтересовался пьесой и потому с удовольствием возьмет Ваш перевод.

Но об этом будем говорить тогда, когда Вы прочтете пьесу.

С уважением и приветом А. Макаенок***

Минск, Карла Маркса, д. 6, кв. 30.

20.V.53 г.

БДАМЛМ. Ф. 259. Вон. 1. Спр. 373. Арк. 1. Аўтограф.

**№ 17. — 1958 г. снежня 8. — Ліст Гаўрылы Гарэцкага
да Яўгена Мазалькова**

8.XII.58

Шчырапаважаны Яўген Сямёнавіч!

Надсылаю Вам свой артыкул пра Горкага і беларускі фальклор****. Ці варты ён выдрукавання на Вашу думку? Вельмі прашу Вас прачытаць і, калі

* Крапіва Кандрат (сапр. Атраховіч К. К., 1896—2000), драматург, байкапісец, прэзаяк, мовазнавец, грамадскі дзеяч, акадэмік АН Беларусі, народны пісьменнік Беларусі.

** Сатырычная камедыя А. Макаёнка «Выбачайце, калі ласка!» апублікавана ў 1953 г. у час. «Польмя» № 7. На рускай мове ў перакладзе Г. Штайна выйшла ў 1954 г. Пастаўлена 200 тэатрамі.

*** Макаёнак Андрэй (1920—1982), драматург, народны пісьменнік Беларусі.

**** Артыкул Г. Гарэцкага «Горкі і беларускі фальклор» упершыню надрукаваны ў час. «Польмя», 1966, № 6.

Вам спадабаецца, дапамагчы змяшчэнню гэтага артыкулу ў якім-небудзь рускім часопісу або выданні.

Буду Вам вельмі ўдзячны.

З прывітаннем і шчыраю пашанаю Г. Гарэцкі.

Гор. Дедовск, Москов[ской] обл.

Володарского, 42, кв. 15.

БДАМЛМ. Ф. 259. Вон. 1. Спр. 341. Арк. 13. Аўтограф.

№ 18. — 1959 г. верасня 27. — Ліст Паўла Кавалёва да Яўгена Мазалькова
Мінск, 27.IX. 59

Дарагі Яўгеній Сямёнавіч!

Сардэчна віншую цябе з наступаючым днём пяцідзясяцігоддзя — палавінаю века, якую пражыў ты, як мне здаецца, сумленнаю працаю і шчырым стаўленнем да спраў. Як літаратар ты зрабіў больш, чым большая палавіна нашых членаў саюза, якія носяць гэтае званне, і хоць і выдаюцца, а следу прыкметнага не пакідаюць за сабою. Твае ж кніжкі дапамагаюць людзям. Гэта вельмі важна. А твая перакладчыцкая дзейнасць, на мой погляд, проста тытанічная. Я не палюхаюся гэтага слова. Не палюхайся і ты яго. Сабраць бы ўсё — дык цэлыя тамы былі б.

У Саюзе нашым усё гэта, як мне вядома, будзе адзначана. Крышачку шкада, што няма зараз у Мінску Ц. С. Гарбунова*. Але ўсё, што належыць, будзем самі думаць.

Ну, што ж яшчэ? Жадаю другую палавіну века (а я не сумняваюся, што ты пражывеш яе) быць не менш бадзёрым і радасным, шчаслівым і закаханым. А будзе здароўе, дык парадуюш сябе, блізкіх, чытачоў новымі поспехамі. Творчай радасці і здароўя табе, дарагі дружа і зямляк! Закаханасці ў жыццё, у справы!

Высылаю табе дзве сваіх кніжкі. Хай хоць яны пападуць, трапяць на твой кублей.

Абдымаю, цалую і добрага, толькі добрага жадаю табе.

Павел Кавалёў

БДАМЛМ. Ф. 259. Вон. 1. Спр. 358. Арк. 22. Аўтограф.

№ 19. — 1961 г. кастрычніка 3. — Ліст Міколы Ткачова
да Яўгена Мазалькова

3 кастрычніка 1961 г.

Дарагі Яўген Сяменавіч!

Знаходзячыся зараз непадалёку ад Крычавы і пасля наведання яго, прыгадаў я нашу гутарку з Вамі, пісьмо ад Вас і захацелася напісаць Вам пару слоў.

Па-першае, паклон Вам ад родных мясцін. Мушу сказаць, што яны Вас чакаюць. Я пераканаўся ў гэтым пасля гутаркі з многімі крычаўцамі. Так у

* Гарбуноў Ц. С. (1904—1969), партыйны і дзяржаўны дзеяч БССР, гісторык, акадэмік АН Беларусі.

наступным годзе, як Вы і самі плануеце, Вам Крыжава не абмінуць. Вядома, я асабіста з прыемнасцю, калі Вы будзеце мець такую патрэбу, згаджуся раздзяліць з Вамі радасці і ўсе прыгоды гэтае паездкі.

Шчыра дзякую Вам за ўвагу да той працы, якой я зараз заняты. Дай божа мне яе хутчэй закончыць, а ўжо потым я з вялікім задавальненнем, калі ў Вас будзе цікавасць, пазнаёмлю Вас з ёю і папрашу Вашай дапамогі. Шло Вам прывітанне святочнае, кастрычніцкае з роднае вёскі, з-за Сожа, з лясоў Васілеўшчыны. Жадаю Вам усяго самага найлепшага ў жыцці і працы!

З глыбокай павагай М. Ткачоў*.

БДАМЛМ. Ф. 259. Воп. 1. Спр. 391. Арк. 15. Аўтограф.

**№ 20. — [1963] г. снежня 12. — Ліст Максіма Лужаніна
да Яўгена Мазалькова**

Кисловодск, 12 декабря

Дорогой Евгений!

Только что закончил читать. По-моему, получилось хорошо — спасибо тебе! Некоторые места проверил на слушателях — доходит и воспринимается с интересом. Читается легко, голос К. М.** слышен.

Полистай, пожалуйста, рукопись. Я писал уже, что правил больше самого себя. Старался убрать повторы слов и оборотов, словечки-паразиты, непонятное объяснял, либо опускал, следил за ритмом фразы. А там, где колосовский рассказ становился очень уж отточенным стилистически, пробовал сделать разговорнее. Хотелось бы, чтобы и ты обратил внимание на это обстоятельство при перечитывании.

Мои поправки — скорее советы, в каком направлении искать исправлений. Они неокончательны, поэтому работал карандашом. Это даст возможность поставить лучший вариант.

В Л[енингра]д надо посылать незамедлительно: книга обгонит журнал. Некрасов*** ждет рукопись, Чепурову**** я сообщил о высылке. М[ожет] б[ыть], стоит подумать и о переводе стихов ленинградцами, если ты еще не отдал. Браун и Комиссарова***** неоднократно вызывались перевести «Проводь».

* Ткачоў Мікола (1918—1979), празаік. У 1957—1959 гг. — галоўны рэдактар газеты «Літаратура і мастацтва».

** Колас Якуб (сапр. Міцкевіч Канстанцін Міхайлавіч; 1882—1956), класік беларускай літаратуры, акадэмік АН Беларусі, народны паэт Беларусі, заслужаны дзеяч навукі БССР. Тут размова пра дакументальную кнігу М. Лужаніна «Колас расказвае пра сябе» (Мн., 1964). У перакладзе Я. Мазалькова — «Якуб Колас расказвае» (М., 1964).

*** Някрасаў В. П. (1911—1987), расійскі пісьменнік, дысідэнт, эмігрант (з 1974 г.).

**** Чапураў А. М. (1922—1990), расійскі паэт. Доўгі час быў галоўным рэдактарам Ленінградскага аддзялення выдавецтва «Советский писатель».

***** Камісарова М. І. (1904—1994), расійская паэтка, перакладчыца, жонка М. Браўна.

И еще одно: неплохо бы показать оформителям нашу верстку. Чтобы они видели, как отбивать отдельные куски в разделах. Мне это важно.

Итак все.

О всех принятых решениях, как говорится в официальных реляциях, сообразованно сообщать вашему покорному слуге. Пребываю в глубоком к вам уважении и т. д.

Крепко жму руку. Напиши, из Кисловодска уеду 24 утром.

Дому — привет. Твой Максим*.

Рукопись выслал сегодня утром заказного бандеролью.

БДАМЛМ. Ф. 259. Вон. 1. Спр. 368. Арк. 61, 62—62адв. Автограф.

№ 21. — 1964 г. сакавіка 8. — Ліст Міколы Лобана да Яўгена Мазалькова
8/III — 64 г.

Дорогой Евгений Семенович!

Как у Вас дела с переводом? Испытываете ли затруднения? Я иногда беру текст романа** и пробую некоторые места — как они будут звучать по-русски. И у меня что-то не получается. Если я не уйду с 1-го апреля в длительный творческий отпуск — прошусь на полгода — то в начале апреля буду в Москве на совещании в Институте языкознания. Сможем встретиться.

Написал ли Яковлев*** рецензию? Мне очень хотелось бы знать его замечания. Удобно ли просить копию этой рецензии, так как они, видимо, закрытые. В нашем издательстве обычно их держат в тайне. Может быть это очень существенные замечания и их следовало бы учесть? Каково Ваше мнение? И что Вы считаете следовало бы поправить? [...]

Я уже Вам выболтал свою сокровенную мечту: хочу хоть на время уйти на творческую работу. Вот уже двадцать лет я работаю над словарями. Вы не представляете, как они мне осточертели? Ведь это не наука, а чудовищно изнурительный и опустошающий труд, как копать заступом землю или ручной пилой валить лес. Все эти годы я жил с неудовлетворенной жаждой творческой работы. Кажется, я решился рискнуть. Я делаю первый шаг к окончательному уходу от этой работы. Кроме всего, второй мой роман, который я хочу обязательно завершить к маю 1965 года, требует очень много труда и внимания. Ведь это 1933—1937 годы. Я хочу весь отдать ему.

* Лужанін Максім (сапр. Каратай А. А., 1909—2001), паэт, пражайк, кінадраматург, перакладчык, заслужаны дзеяч мастацтваў БССР, заслужаны дзеяч культуры ПНР.

** Трылогія Міколы Лобана «Шэмень». Першы раман «На парозе будучыні» ў перакладзе Я. Мазалькова ўбачыў свет ў 1965 г.

*** Якаўлеў Б. В. — асоба не ўстаноўлена.

Как Ваше здоровье. Как думаете проводить летнюю «кампанию»? Предвидится ли посещение Минска?

Всего наилучшего! С уважением М. Лобан*

Минск, 30, Кирова, 51, кв. 38

БДАМЛМ. Ф. 259. Вон. 1. Спр. 366. Арк. 4—4адв. Аутограф.

№ 22. — 1964 г. ліпеня 27. — Ліст Міколы Лобана да Яўгена Мазалькова

Дорогой Евгений Семенович!

Получил остальную часть перевода. Читаю. Кое-где предлагаю другие русские соответствия, не выходя за пределы допустимого по нормам русского литературного языка. Очень хорошо, что Вы намереваетесь приехать в Минск. [...] Обязательно сообщите мне о дне Вашего выезда. Я встречу, и, если у Вас нет более интересных приглашений, то я буду весьма рад видеть Вас у себя. Любите ли Вы собирать грибы? В Королицевичах ведь много грибов, и это время — самая пора. Можно будет поехать и в более интересные в грибном отношении места. Я на них большой любитель, хотя собирать не очень умею: всегда с завистью смотрю в корзинки других.

В то, что роман будет печататься, я уже давно поверил. Меня немножко тоже удивила аннотация. Какой я литературовед, критик, да еще и известный? И другие ошибки. Но бог с ними. Я начинаю привыкать к этим ошибкам, их в нашей жизни слишком много. Я думал, что Вы писали аннотацию, так как Вы зачитывали мне по телефону какие-то добавления. У меня возникла мысль, не следует ли поменять название романа? Или теперь уже неудобно, поскольку вышел план. Мне оно очень не нравится, и такое же мнение я слышал от очень многих. Знаю, что плохо, и не могу придумать ничего другого. Может быть у Вас подвернулось что-либо? Нет?

Заканчиваю первую редакцию романа. Может быть это даже и не редакция, это какой-то этап. Я пишу какими-то концентрическими кругами: сначала запись сюжета на карточках, с разбивкой на части и главы, а затем прокладываю первый след. Все внимание содержанию и никакого искусства. Даже пугает меня: когда же будет настоящее, съедобное мясо? Вот этот первый след я и кончаю. Для окончательного завершения оставляю 9 месяцев. За это время я хочу пройтись по всему роману, сделать огромное количество вставок и переписать своей рукой. Затем опять пройтись и опять переписать. В результате этого предполагается, что на костях должно нарасти мясо высокой кондиции.

[...] Я думаю не возвращаться на работу. Хотя меня и называют лингвистом, но я в лингвистике — плохо прирученный волк вблизи леса. Сегодня я еще слышу свист хозяина, а после октября он уже будет слишком отдаленным и потеряет аромат. Вы не угадываете, что я хочу написать собачий рассказ? Уже было сел, но не сумел переключиться и отставил. Вот как только завершу бег по

* Лобан Мікола (1911—1984), празаік, мовазнавец, заслужаны работнік культуры БССР.

кругу, обязательно сяду за рассказ. Должен, кажется, быть хороший рассказ. О дружбе.

Что касается некоторых вопросов перевода диалогической речи, то я с Вами не совсем согласен. Но об этом я не стал писать, так как не хотел втягивать Вас в ненужную, может быть, полемику. Встретимся — поговорим.

С уважением М. Лобан.

Минск, 27.VII.64 г.

БДАМЛМ. Ф. 259. Вон. 1. Стр. 366. Арк. 7—7адв. Автограф.

№ 23. — 1965 г. верасня 22. — Ліст Янкі Казека да Яўгена Мазалькова

Уважаемый Евгений Семенович!

Искренне благодарю Вас за поздравления и добрые пожелания в день моего юбилея.

Я внял Вашему совету и послал в «С. П.»* два экземпляра моей книги**. Сейчас я это сделал с уверенностью, что книга не бесполезная. В 9-м номере «Полюмя» опубликована положительная рецензия Д. Бугаева***. Многие товарищи наши читали и говорили мне, что книга удалась. Я очень дорожу Вашим мнением, оно не расходится с мнением всех, кто уже читал книгу.

Буду очень рад, если в «С. П.» отнесутся к ней с должным пониманием. При положительном решении вопроса, я смог бы еще раз пройтись по тексту, что-то добавить в расчете на то, что это для русского читателя.

Если у Вас будет возможность, переговорите в «С. П.».

Еще раз благодарю Вас за добрые чувства и заботу.

С искренним уважением

22.IX. 65 г.

Я. Казеко****.

БДАМЛМ. Ф. 259. Вон. 1. Стр. 359. Арк. 1. Автограф.

№ 24. — 1965 г. жніўня 11. — Ліст Пятра Глебкі да Яўгена Мазалькова

11/VIII — 65 г. Мінск

Дарагі Яўгеній Сямёнавіч!

Не адказаў табе адразу на пісьмо, таму што хацеў высветліць магчымасць надрукаваць у «Правде» кароткую рэцэнзію на тваю кнігу*****. Я напісаў

* «Союз писателей» — савецкае і расійскае выдавецтва, заснаванае ў 1934 г. З 1992 г. працавала на камерцыйнай аснове, з 2009 г. кніг не выдае.

** Я. Казека. Кандрат Крапіва: Крытыка-біяграфічны нарыс. Мн., 1965. У перакладзе Я. Мазалькова на рускую мову выйшаў у 1967 г.

*** Бугаёў Дзмітрый (1929—2017), літаратуразнавец, крытык, кандыдат філалагічных навук, прафесар. Рэцэнзія пад назвай «Добрызьчліва і патрабавальна».

**** Казека Янка (1915—2000), літаратуразнавец, крытык, заслужаны работнік культуры БССР.

***** Кніга нарысаў і артыкулаў Я. Мазалькова «Поющая земля» (М., 1965).

Абалкіну*, што зацікавіўся гэтай кнігай і хацеў бы сказаць пра яе некалькі слоў. Ён паведаміў мне тэлеграфна, што «ждем короткую заметку». Цяпер усё залежыць ад цябе — я чакаю экзэмпляр майго водзыву, шлі яго тэрмінова. Паводле гэтага водзыву я зраблю кароткую нататку для «Праўды», а больш разгорнутую пастараюся надрукаваць дзе-небудзь у нашым беларускім друку. Дарэчы, ці былі дзе водгукі на кнігу ў нас — я штосьці не помню, паведамі.

Цяпер пра мой вечар ў Маскве. Я трошкі баюся, каб абмеркаванне маёй творчасці не ператварылася ў суцэльную крытыку. Прызнаюся шчыра, мне б хацелася, каб было і дзелавое абмеркаванне, і гэўная папулярызация, тады ёсць сэнс траціць сілы. Думаю, што табе там лепш відаць, і таму цалкам давяраюся тваім прапановам і прынімаю любую праграму, якую вы там намеціце. Што тычыцца даты — палова верасня для мяне прыемлема (я буду ў Мінску і думаю, што здолена прыехаць), а дзень выбірайце найбольш зручны для клуба, мне асабіста (улічваючы занятасць Ніны** ў «ЛіМе») лепшым тэрмінам быў бы канец тыдня — пятніца, субота, нядзеля. Аб іншых дэталях можна будзе дамовіцца пазней, тым больш, што я ва ўсім і цалкам спадзяюся на цябе.

Ну вось, бадай, і ўсё, што я хацеў табе сказаць, не сварачыся. А пасварыцца з табой трошкі трэба было б таксама. Быў тут — і знік у самую апошнюю гадзіну. Як мне загадаецца, дарагі мой дружа, гэта расцэнываць? Згаджаюся, арганізатары нашы нарабілі глупства і крыўдзіцца на іх былі ўсе падставы. Але пры чым жа я? Навошта ж крыўдзіць мяне? Пачакай, стукне і табе неўзабаве круглы гадок, адчуеш, як пры гэтым перажываецца ўсё. Але бог з табой, будзем жывь, як і жылі, мірна і дружна. Жадаю ўсяго табе самага найлепшага. Чакаю рэцэнзію на «Поюшую...», абдымаючы цябе і вітаючы ад самага шчырага сэрца.

Пятро Глебка.

БДАМЛМ. Ф. 259. Воп. 1. Спр. 343. Арк. 8—8адв., 9—9адв. Аўтограф.

Літаратура і крыніцы

1. Навуменка, І. Я. Даўні друг і дарадчык: [артыкул да 60-годдзя Я. С. Мазалькова] / І. Я. Навуменка // Беларускі дзяржаўны архіў-музей літаратуры і мастацтва (БДАМЛМ). — Ф. 495. — Воп. 1. — Стр. 122. — Арк. 1—3.
2. Лобан, М. У адзіным творчым імкненні: [нарыс да 60-годдзя Я. С. Мазалькова] / М. Лобан // Літаратура і мастацтва. — 1969. — 3 кастр. — С. 2.

Арттыкул паступіў у рэдакцыю 26.02.2019

* Абалкін М. А. (1906—1986), расійскі журналіст, заг. аддзела літаратуры і мастацтва газеты «Правда».

** Жонка Пятра Глебкі.

ПОСТАЦІ

Р. Ф. Гарачева

К 80-ЛЕТИЮ ЕКАТЕРИНЫ ИВАНОВНЫ ЕРЕМЕНКО

Список старейших архивистов Национального исторического архива Беларуси в г. Гродно, не одно десятилетие посвятивших себя архивному делу, пополняет Еременко Екатерина Ивановна, которой в мае этого года исполнилось 80 лет.

Екатерина Ивановна родилась в 1938 г. в селе Ивженки Полтавской области (Украина) в семье военнослужащего. В 1940 г. ее отца перевели в г. Гродно по месту службы, где семью застала война. Отец был призван на фронт, а семья, не успев эвакуироваться, была вынуждена остаться на оккупированной фашистами территории.

Трагические последствия войны отразились на многих семьях, не минули они и семью Еременко, в 1945 г. получившую похоронку о гибели мужа и отца.

В этом же, 1945 г., Екатерина Ивановна поступила в школу в г. Гродно, которую в 1955 г. окончила и, успешно сдав экзамены в Гродненский педагогический институт, была зачислена на историко-филологический факультет. После окончания института в 1960 г. ей была присвоена квалификация «преподаватель русского языка, литературы и истории». Работала преподавателем в школе № 8 г. Гродно, затем устроилась воспитателем в детский сад № 24. Почему в детский сад и не по специальности? В связи с рождением дочери, и учитывая в то время дефицит свободных мест в детских садах, Екатерине Ивановне пришлось устроиться в это учреждение, с предоставлением места в саду для ее дочери.

В феврале 1964 г. в ЦГИА БССР в г. Гродно появилась вакансия, и с 12 февраля этого же года Екатерина Ивановна — научный сотрудник общих фондов (так в те годы назывался отдел обеспечения сохранности документов и фондов). С ноября 1964 г. Екатерина Ивановна уже старший научный сотрудник с одновременным совмещением обязанностей ответственного за работу читального зала архива, а с апреля 1965 г. возглавила отдел использования, информации и публикации. За время работы хорошо изучила состав и содержание документальных материалов фондов, что давало возможность быстро ориентироваться в своевременном исполнении тематических запросов, написании статей для периодической печати. Параллельно давала квалифицированные консультации исследователям, работающим в читальном зале. Являлась активным членом редколлегии архивной газеты, членом группы народного контроля. Активно проводила экскурсии, занятия со студентами, учителями, учащимися.

В 1986 г. Екатерина Ивановна — заместитель директора архива. За время работы на этой должности занималась методическим обеспечением работ, проводимых в архиве. Проводила широкое выявление документов архива по различным темам и составила тематические обзоры по истории градостроительства и архитектуры, строительства железной дороги в Гродненской губернии в XIX — нач. XX в. Активно участвовала в выявлении документов для сборников документов «Хроника рабочего движения в России (1895—1917)», «История культуры, науки, просвещения, формирования белорусской нации» и др. Принимала самое активное участие в популяризации документальных материалов в периодической печати.

Являлась членом Областного общества по охране памятников истории и культуры Гродненщины.

В 1970 г. награждена Почетной грамотой Архивного управления при Совете Министров БССР, в 1990 г. — Грамотой Верховного Совета БССР, за заслуги в архивной отрасли ей присвоено звание «Отличник архивного дела».

В 2001 г. ушла на заслуженный отдых, отдав родному архиву 37 лет.

Автор статьи проработала с Екатериной Ивановной 25 лет, и все эти годы наблюда-ла за свойствами ее характера, которые несли в себе сочетание тактичности, спокойствия и выдержки с умением быть требовательной к подчиненным. А такие черты ее характера, как желание и умение прийти на помощь, автор статьи испытала на себе, когда еще молодым хранителем фондов, после проведенных работ по противопожарной пропитке стеллажей, неправильно установила коробки с делами, и в обеденное время в панике снимала и расставляла их по правилам. Екатерина Ивановна, даже не спрашивая согласия, подключилась к работе, и в считанные дни работа была закончена.

В семейной жизни Екатерина Ивановна уважаема и любима своими детьми Галиной и Александром, внуком Дмитрием и двумя правнуками.

Коллектив архива от всей души поздравляет Екатерину Ивановну с юбилеем и желает оставаться как можно дольше в телесном здравии, душевном спокойствии и физической активности!

—♦—

СОФ'Я ВАСІЛЬЕЎНА МАРТЫНЕНКА

(да 70-годдзя з дня нараджэння)

У гэтым годзе спаўняецца 70 гадоў былому дырэктару нашага архіва — Мартыненка Соф'і Васільеўне.

Нарадзілася ў 1949 г. у в. Кірава Жлобінскага раёна Гомельскай вобласці. Яе працоўная дзейнасць пачалася з 17 гадоў. З 1966 г. працуе на Жлобінскай метэаралагічнай станцыі. У 1973 г. скончыла Маскоўскі гідраметэаралагічны тэхнікум, а ў 1981 г. — Адэскі гідраметэаралагічны інстытут.

Архіўны стаж Соф'я Васільеўна пачынае з 1986 г., калі перайшла ў Філіял дзяржархіва Гомельскай вобл. у г. Жлобіне. Яна прапрацавала ў архіве 29 гадоў, ад пасады архівіста 1-й катэгорыі групы ведамасных архіваў і экспертызы каштоўнасці дакументаў да загадчыка аддзела ведамасных архіваў Філіяла дзяржархіва Гомельскай вобл. у г. Жлобіне, а потым і дырэктарам Занальнага дзяржаўнага архіва ў г. Жлобіне.

Цьпата са службовай характарыстыкі: «За час работы зарэкамендавала сябе стараным і добрасумленным работнікам. Усе ўскладзеныя на яе абавязкі выконвае ў тэрмін і якасна, здатная здолець вялікі аб'ём работы. Пастаянна павышае свой прафесійны ўзровень».

Ад кіраўніцтва архіўнай галіны рэспублікі Соф'і Васільеўне неаднаразова аб'яўляліся падзякі, уручаліся ганаровыя граматы за плённую, творчую работу і добрасумленнае стаўленне да працы.

Унесла значны ўклад у развіццё архіўнай справы, умацаванне матэрыяльна-тэхнічнай базы архіва, выхаванне маладых архівістаў. Узнагароджана нагрудным знакам «Ганаровы архівіст Беларусі» (2010).

Паважаныя Соф'я Васільеўна! Ад усёй душы калектыву нашага архіва віншуе Вас з юбілеем!

Пусть в семьдесят сил не убывает
И настроения будет хоть куда.
А те, кто рядом, душу согревают
Заботой и вниманием всегда!

*Калектыву ўстановы
«Занальны дзяржаўны архіў» у г. Жлобіне»*

БОЛЕЕ 40 ЛЕТ СЛУЖЕНИЯ АРХИВНОМУ ДЕЛУ*(к 65-летию Розы Фуатовны Горячевой)*

Горячева Роза Фуатовна родилась 16 мая 1954 г. в Тбилиси (Грузия), в семье военно-служащего. В 1973 г. окончила Гродненское музыкально-педагогическое училище. Три года работала по распределению в сельской школе в деревне Раковичи Щучинского района Гродненской области. Учителей в школе не хватало, поэтому молодого специалиста, 19 лет от роду, для полной ставки учителя нагрузили, помимо преподавания уроков музыки и пения, такими предметами, как природоведение, зоология, анатомия, а также уроками физкультуры (благо, на руках была классификационная книжка спортсмена, дающая право преподавания такого предмета). А в нагрузку добавилось еще и классное руководство. Благополучно отработав 3 года в школе, переехала в г. Гродно, вышла замуж, и встал вопрос о дальнейшем трудоустройстве в областном центре. По специальности найти работу не удалось, а непрерывный стаж работы истекал. Случайно подвернулась работа в ЦГИА БССР в г. Гродно, и в сентябре 1976 г. Роза Фуатовна продолжила свой трудовой стаж на архивном поприще. В то время казалось, что пришла на работу в архив случайно и на короткий срок, и не могла подумать, что на 42 года, и архив станет для нее вторым домом, а архивная работа — единственной и любимой.

Роза Фуатовна начала работу в должности архивариуса, затем занимала должности хранителя фондов, археографа 1-й категории, младшего научного сотрудника. В 1991 г. заочно окончила Московский государственный историко-архивный институт. 31 января 1992 г. назначена заведующим отделом обеспечения сохранности документов и фондов, с октября 2003 г. — заместитель директора.

За годы работы в архиве осуществляла методическое руководство работой по обеспечению учета и хранения документов архива, занималась проблемами планирования и контроля наличия и состояния документов, организации и методики поиска необнаруженных дел. Принимала участие в популяризации архивных документов в средствах массовой информации, публиковала статьи, проводила радио- и телепередачи.

Юбиляр участвовала в выявлении документов историко-документальных хроник «Памяць» по районам Гродненской и Брестской областей, подготовке справочника «Картографические материалы в государственных архивах Республики Беларусь», разработке принципов рационального размещения фондов архива, осуществляла методическое руководство работой по составлению характеристик на архивные фонды, содержащие документы по истории Польши, в рамках международной программы «Воссоздание исторической памяти Польши», и др.

За период работы в должности заместителя директора архива ею были разработаны нормы времени и выработки на различные виды архивных работ. Активно участвовала в подготовке справочников и сборников документов «Архивисты Гродненщины», «Повстанческое движение в Гродненской губернии. 1863—1864 гг.», «Гродненские губернаторы (1801—1917 гг.)», являлась одним из составителей и редактором путеводителя по фондам Национального исторического архива Беларуси в г. Гродно и справочника «Гродненская губерния: государственные, религиозные и общественные учреждения (1801—1917)».

Роза Фуатовна являлась победителем конкурса «Лучшая Публикация 2017 года» в номинации «Республиканский архив» (2017).

Награждена Почетной грамотой Совета Министров Республики Беларусь, знаком «Почетный архивист Беларуси» (2004).

В аттестационной характеристике, представленной директором архива в Департамент по архивам и делопроизводству Министерства юстиции Республики Беларусь, написаны следующие слова: «Является руководителем с обширными знаниями, богатым опытом работы и высоким профессиональным уровнем. Имеет способность внедрять все новое, передовое в практику работы архива. Развито чувство ответственности за результаты своей работы и подчиненных. Обладает способностью создавать и поддерживать в коллективе атмосферу высокой взаимотребовательности, доброжелательности, заинтересованности в достижении поставленных целей. Умеет совмещать функции руководителя и заботу о подчиненных. Поддерживает и культивирует архивные многолетние традиции».

Хочется привести и высказывания архивистов, много лет проработавших с Розой Фуатовной.

Яскевич Т. М., заведующий архивохранилищем:

«На данный момент проработала с Розой Фуатовной более 35 лет. Она один из моих первых наставников. «Заразила» меня непроходящей любовью к архивному делу и работе в архивохранилище».

Семенчук Г. А., архивист-реставратор II кв. категории:

«Розу Фуатовну знаю более 30-ти лет. Исключительное трудолюбие, ответственность, неиссякаемая энергия помогли ей заслужить авторитет и уважение коллег. Она добрый, отзывчивый человек. Так держать!»

Афанасьева Т. Ю., директор НИАБ в г. Гродно:

«Я с Розой Фуатовной работаю в архиве с 1982 г. Она очень ответственный и грамотный специалист, прекрасный наставник, добрый и отзывчивый человек. Между нами всегда было взаимопонимание и взаимопомощь».

Действительно, Роза Фуатовна пользуется авторитетом у сотрудников архива. О таком заместителе директора мечтает каждый подчиненный: тактичная, грамотная, доброжелательная. Она уважительно относится ко всем архивистам, независимо от должности. Характерной ее чертой также является и безотказность. Двери ее кабинета всегда открыты. Она готова в любую минуту прийти на помощь. Никогда не говорит «нет», всегда поможет словом и делом. Причем зачастую, несмотря даже на свои занятость и должностные обязанности, найдет время помочь другим. Прекрасно знает архивное дело, разбирается во всех его направлениях. Всегда оказывает нам, сотрудникам, методическую и практическую помощь по разным вопросам. За годы работы в архиве Роза Фуатовна воспитала многих архивистов.

Весь коллектив Национального исторического архива Беларуси в г. Гродно сердечно поздравляет Г. Орячеву Розу Фуатовну с юбилеем! Желаем ей здоровья, реализации планов и новых идей. Пусть хватает сил на все дела, пусть каждый день работы будет продуктивен, а каждый миг жизни — радостным и добрым!

**СУДЬБА И АРХИВ НЕОТДЕЛИМЫ.
К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ЗАСЛУЖЕННОГО РАБОТНИКА КУЛЬТУРЫ БССР
АЛЕКСЕЯ СЕРГЕЕВИЧА КАТКОВА
(15.10.1919—05.08.1990)**

«Алексей Сергеевич Катков был умным руководителем. Незлопамятный, скромный, внимательный к людям, считающийся с мнением коллег, но вместе с тем принципиальный и требовательный, он отлично справлялся с женским коллективом. Изначально плох тот руководитель, который считает, что служебное положение автоматически дает ему право на авторитет и власть над подчиненными. Подлинный авторитет можно заслужить только высоким уровнем профессиональных знаний и умением работать с людьми, для чего нужно обладать определенными человеческими качествами. Не всем руководителям это удастся. Алексею Сергеевичу это удалось». Так вспоминает об Алексее Сергеевиче Каткове бывший директор архива К. П. Батракова, проработавшая под его началом 27 лет. И под этими словами могут подписаться все работавшие с Алексеем Сергеевичем архивисты, отмечая его мудрое, неформальное отношение не только к производственным, но и к личным проблемам сотрудников, учитывая, что руководил он женским коллективом. За годы его руководства ни один сотрудник не помнит, чтобы директор повысил на кого-нибудь голос, некорректно отчитал за служебную провинность либо дисциплинарное нарушение. Дорогого стоит такое отношение руководителя к коллективу, и за это архивисты ценили и уважали своего директора.

Алексей Сергеевич Катков родился 15 октября 1919 г. в деревне Карсаково-Полянщина Сердобского района Саратовской области в семье служащих. В 1939 г. окончил 10 классов средней школы и был направлен на работу учителем в Пыркинскую начальную школу Пензенской области.

Проработав учителем неполных 3 месяца, был призван в ряды Красной Армии и зачислен в 349-й артиллерийский полк в г. Красноярск.

Как и у большей части того поколения, вся молодость Алексея Сергеевича пришлась на суровые военные годы. В 1940 г., будучи еще рядовым бойцом, получил боевое крещение на советско-финской войне. В октябре 1941 г. был направлен на Калининский фронт в составе 227-го отдельного лыжного курсантского батальона. В мае 1942 г. получил ранение в боевой операции под Великими Луками. В июле 1942 г. за умелое ведение боя Алексею Сергеевичу было присвоено звание младшего лейтенанта, и им было принято командование разведывательного взвода.

В августе 1942 г., командуя взводом разведки, был тяжело ранен и в 1943 г., после 4-х месяцев лечения в госпитале и пройдя комиссию, был зачислен заведующим делопроизводством штаба 1-й части 44-й отдельной лыжной бригады. В этом же году ему было присвоено звание лейтенанта. Работая при штабе, имея навыки разведывательной службы, был направлен на передовую линию фронта, где снова получил ранение.

В начале мая 1943 г., после расформирования бригады, был назначен на должность заведующего делопроизводством комендатуры станции Торопец Калининской области. И надо отметить, что опыт работы на должностях, связанных с делопроизводством, пригодится Алексею Сергеевичу и в будущем.

В мае 1944 г. окончил курсы усовершенствования командного состава 1-го Прибалтийского фронта в г. Калинин (ныне г. Тверь), с присвоением звания старший лейтенант, офицер разведки. Но работать на этой должности не пришлось в связи с заболеванием малярией. В августе 1946 г. был зачислен в резерв и прикомандирован в отдел кадров Управления штаба 43-й армии, а с расформированием армии, в этом же месяце Алексей Сергеевич был демобилизован. За боевые заслуги был награжден орденами Отечественной войны II степени, Орденом Красной Звезды, медалями «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией».

С этого момента начинается период его мирной гражданской жизни в Гродно. Почему в Гродно? Предложение поступило от его родного брата Александра Сергеевича Каткова, который жил в это время в приграничном Гродно, работал в органах МВД. В декабре 1946 г. молодому фронтовику Каткову предложили работу в ОБХСС оперуполномоченным следственного отделения по Гродненской области.

Положительно зарекомендовав себя на оперативной работе, в ноябре 1947 г. А. С. Каткову было предложено возглавить отдел секретных фондов в Филиале ЦГИА БССР в г. Гродно. Так судьба привела его в архив, с которым была связана вся дальнейшая жизнь, длиною в 39 лет.

С 1952 г. Алексей Сергеевич — заместитель начальника архива, и с 1954 г., в течение 32-х лет, — бессменный директор ЦГИА БССР в г. Гродно.

Понимая, что архивных знаний, полученных на курсах архивистов в 1948 г., и при небольшом опыте работы в архиве недостаточно для руководства таким солидным учреждением, А. С. Катков поступил в Московский государственный историко-архивный институт на факультет архивного дела и в 1962 г. успешно его окончил.

Период директорства Алексея Сергеевича выпал на годы усиленного комплектования архивных фондов, связанного как с приемом профильных архивных документов из архивов Литвы, Украины, России, передачей документов в архивы Польши по соглашению с руководством этого государства, так и с созданием страхового фонда. Всеми этими вопросами директор занимался лично. Составленные им за годы работы шесть журналов учета документов страхового фонда и фонда пользования до сих пор используются в практике архива, являясь одними из основных учетных документов. За годы деятельности в архиве Алексеем Сергеевичем много труда и сил было положено на создание НСА, обеспечение сохранности документов, оборудование архивохранилищ, всестороннее использование архивных документов. Под его руководством проделана большая работа по изданию «Путеводителя по фондам ЦГИА БССР в г. Гродно». На протяжении многих лет он занимался проблемами автоматизированных систем научно-технической информации, осуществлял уточнение фонирования документов в соответствии с профилем архива.

Автору этой статьи посчастливилось работать под руководством Алексея Сергеевича 10 лет, и хочется отметить, что благодаря его прозорливости профессия архивиста закрепилась в моей судьбе на многие десятилетия. В течение трех лет Алексей Сергеевич настойчиво и упорно убеждал меня в необходимости поступления в Московский государственный историко-архивный институт, что в итоге увенчалось успехом.

Хочется остановиться и на личной жизни Алексея Сергеевича, его семье, так как и эта сторона его жизни неотделимо связана с архивом. Как-то, будучи в гостях, Алексей Сергеевич познакомился с двоюродной сестрой жены брата, красавицей Клавдией Федоровной Прусак, которая с 1944 г. являлась сотрудницей Филиала ЦГИА БССР в г. Гродно. В 1947 г. они поженились (в итоге более 43 лет вместе), и с 1954 г. (года назначения Алек-

ся Сергеевича на руководящую должность в архив) весь архивный путь прошли рука об руку. К слову сказать, архивный стаж Клавдии Федоровны составил 50 лет. Династию Катковых-архивистов продолжила их дочь Людмила, окончившая Московский государственный историко-архивный институт в 1967 г. и посвятившая архивному делу всю свою жизнь.

За годы своей архивной деятельности в арсенале Алексея Сергеевича накопилось множество почетных грамот и благодарностей, в том числе грамоты Президиума Верховного Совета БССР, Главного архивного управления СССР и Архивного управления БССР. В 1978 г. А. С. Каткову было присвоено звание «Заслуженный работник культуры БССР», а его имя внесено в историко-документальную хронику «Памяць. Гродна» и справочник «Архівісты Беларусі».

В памяти архивистов Алексей Сергеевич остается примером руководителя-профессионала, преданного архивному делу, с прекрасными личностными качествами, такими как человечность, такт, выдержка, забота о своих сотрудниках и уважение к ним.

—◇—

Н. М. Дзятчык

«А ЖИЗНЬ, КАК МИГ, ТАКАЯ КОРОТКАЯ...».
ПАМЯТИ Е. К. ПРЫГУНОВОЙ
(13.07.1931—07.03.2019)

«А жизнь, как миг, такая короткая...» — эта эпитафия бросилась в глаза на кладбище при прощании с Евгенией Кузьминичной Прыгуновой. Классическая фраза, касающаяся каждого рожденного. Независимо от того, между какими цифрами стоит тире. Можно исчислить прожитые годы и пройденные километры, но есть ли та мера, которой можно было бы измерить пережитое? Наверное, все же, нет. Потому что у каждого оно свое, личное, отмеченное собственной судьбой.

Евгения Кузьминична родилась в Москве — столице СССР — 13 июля 1931 г. в семье служащего. Но, не успев осознать преимущества столичной жизни, пришлось уехать на западные рубежи Родины. Отца призвали в ряды Советской Армии. Местом службы и местом жительства стала Западная Беларусь, г. Гродно. Здесь же безмятежное детство Жени плавно перешло в школьные годы, но судьбе было угодно остановить счастье детства и юности страшным словом — «война». Четыре года эвакуации в Челябинской области показались вечностью. Но благодаря Победе в жизнь вернулось счастье: возвращение в Москву и долгожданная встреча семьи с отцом. А на жизненном горизонте опять появилась Беларусь. На этот раз местом работы отца стал г. Минск. В Минске Евгения успешно окончила среднюю школу № 21 и стала студенткой исторического факультета Белорусского государственного университета им. В. И. Ленина. Талантливой студентке вместе с получением диплома предлагают работу преподавателя истории в Минском политехникуме. Обладая высоким интеллектом, прекрасной внешностью, мягким, лирическим голосом и с неизменной добродушной улыбкой, она быстро завоевала сердца студентов и молодежи техникума. Молодого энергичного преподавателя, с ярко выраженными организаторскими способностями и явными чертами лидера отметила и администрация учебного заведения. Вскоре Евгения возглавила комитет комсомола техникума. Проникшись высоким доверием коллектива, она с нескрываемым энтузиазмом принялась за общественную работу. Карьера вожака молодежи резко пошла вверх. За пять лет Евгения выросла до должности первого секретаря Ворошиловского (сейчас — Первомайский)

райкома комсомола г. Минска. Много было незабываемых, ярких событий в комсомольской жизни. Но особенным для нее стал 1959 год, когда ее избрали делегатом на Международного конгресса молодежи в Чехословакию. Все шло прекрасно, стала четко вырисовываться дорога в руководящие партийные органы. Но душе хотелось иного, хотелось возвращения на «крути своя», звала Клио, звала наука. Не без сожаления комсомол «отпустил» подающего большие надежды руководителя. И вот Евгения — уже аспирант Института истории АН БССР. Учеба шла без напряжения, легко. Настойчивый характер, жизненный задор, целеустремленность, мудрый подход к трудностям давал возможность твердо стоять на ногах и с уверенностью смотреть в будущее. Жизнеутверждающие позиции делали жизнь осмысленной и всесторонне полноценной. Судьба не обошла и личную жизнь: наградила Женно любовью, замужеством и рождением сына. Теперь уже, совмещая обязанности жены и мамы, завершила учебу в аспирантуре и приступила к работе в Институте истории АН БССР. Работала с вдохновением, самоотверженно, с удовольствием принимала участие в работе научных конференций различного уровня от всесоюзных до районных. Много работала в архивах, т. к. первоисточник являлся основой ее научных работ. Много публиковалась в научных журналах, энциклопедиях, научных сборниках. За время работы в Институте истории Евгения Кузьминична опубликовала более 30 научных работ, приняла участие в составлении и подготовке к изданию десятков сборников и монографий. Занималась изучением вопросов истории рабочего класса, иностранной военной интервенцией в Беларуси, историей органов власти и управления. В дальнейшем, так сложились обстоятельства, пришлось оставить Институт истории. В 1991 г. в порядке перевода перешла на работу в Минский филиал издательства «Новости» Российского информационного агентства. В августе этого же года ушла с работы в связи с тяжелой болезнью мужа, но не получилось отвоювать у смерти дорогого человека. Уход мужа оставил глубокий печальный след в ее жизни. Время помогло Евгении Кузьминичне справиться с тяжелой утратой, и в декабре 1995 г. она была принята на работу в Белорусский научно-исследовательский институт документоведения и архивного дела старшим научным сотрудником в отдел архивоведения, а затем документоведения. За одиннадцать лет работы в институте Евгения Кузьминична приняла участие в разработке нескольких сборников документов, ряда методических пособий, должностных инструкций. Организовала картотеку учета периодических научно-справочных изданий и законодательных актов как на карточках, так и в электронном виде.

Евгения Кузьминична постоянно занималась самообразованием, самосовершенствованием. С ней было легко и интересно общаться на любые темы, как научные, так и светские. Я никогда не слышала, что бы она с кем-то ссорилась или конфликтовала. Просто она владела мастерством создавать вокруг себя красивое. Ее жизнь была пропитана положительной энергетикой. Она верила в доброту, мерой доброты она измеряла все человеческое. Я вскользь написала о научной работе Евгении Кузьминичны. Полагаю, что о ней смогут написать другие. А мне хотелось сказать о ней как о человеке рожденном и человеку состоявшемся, подтвердившим это высокое земное предназначение, которое, к великому сожалению, не каждому получается подтвердить, оправдать.

Светлая память — светлomu человеку.

ПАМЯТИ НИНЫ АНТОНОВНЫ ОВЧИННИКОВОЙ*(03.10.1948—07.08.2003)*

Есть люди, рядом с которыми в любом месте и в любую погоду — тепло, светло и уютно. Таким человеком была Нина Антоновна Овчинникова.

Трудовую деятельность Нина Антоновна начала в 1966 г., после окончания средней школы, в Тамбовском областном архиве, в котором работала до 1969 г. архивно-техническим сотрудником, младшим научным сотрудником. Работу совмещала с обучением на заочном отделении Московского государственного историко-архивного института.

В 1969 г. была уволена из архива в связи с переводом на очное отделение Московского государственного историко-архивного института, после окончания которого, в 1972 г., приехала по распределению в Минск и начала работать в Центральном государственном архиве научно-технической документации БССР старшим научным сотрудником, а позже — старшим инженером отдела комплектования и ведомственных архивов.

В 1978 г. Нина Антоновна была переведена на работу в Главное архивное управление при Совете Министров БССР (ныне — Департамент по архивам и делопроизводству Министерства юстиции Республики Беларусь) на должность старшего инспектора отдела комплектования, ведомственных архивов и делопроизводства.

С 1982 г. Нина Антоновна работала в должности главного специалиста отдела делопроизводства и формирования Национального архивного фонда, а с 2001 г. — главным государственным инспектором архивов и делопроизводства Государственной инспекции архивов и делопроизводства Республики Беларусь.

За высокий профессионализм, большой вклад в развитие архивного дела была награждена Почетной грамотой Главархива БССР, знаком «Отличник архивного дела».

Нина Антоновна является автором методических пособий по делопроизводству и архивному делу, принимала участие в разработке Правил работы государственных архивов Республики Беларусь, иных нормативных правовых актов.

Нина Антоновна была профессионалом «с большой буквы» и щедро делилась своими знаниями с молодежью и со всеми, кто в этом нуждался.

А еще она была на удивление жизнерадостным, мудрым, комфортным в общении человеком, всегда готовым прийти на помощь. Ее знали и любили архивные работники всей республики.

К сожалению, болезнь не щадит даже таких веселых и «смешливых» людей, как Нина Антоновна. 7 августа 2003 г. Нины Антоновны Овчинниковой не стало. . .

Но в памяти тех, кто с ней работал, она осталась веселым, честным, порядочным человеком, прекрасным профессионалом и настоящим другом.

РЭЗІЮМЭ

Шумейка Міхаіл Фёдаравіч. Дакументы аб утварэнні БССР: крыніцазнаўчы і архіўна-археаграфічны аспекты.

У артыкуле праводзіцца параўнальны аналіз комплексу дакументаў аб утварэнні БССР, якія захоўваюцца ў беларускіх і расійскіх архівах, прасочваецца гісторыя іх перамяшчэння ў 1930-я гг. з Мінска ў Маскву і зваротнае іх вяртанне (у копіях) у 1960—1970-я гг. у Беларусь.

Агеенка Тацяна Мікалаеўна. Камплектаванне Партархіва ЦК КП(б)Б у 1930—1941 гг.

У артыкуле разглядаюцца пытанні, звязаныя з фарміраваннем нарматыўнай базы па апрацоўцы і перадачы дакументаў на захоўванне ў Партархіў ЦК КП(б)Б у 1930—1941 гг., а таксама з правядзеннем праверак работы партархіва і арганізацый — крыніц яго камплектавання. Звяртаецца ўвага на недахопы захавання дакументаў у партыйных і камсамольскіх арганізацыях, выкліканых, у першую чаргу, недахопам работнікаў і часу на правядзенне дадзенай працы, а таксама неразуменнем яе значэння. Адзначаецца, што фарміраванне дакументальнай базы Партархіва ЦК КП(б)Б адбывалася як шляхам папаўнення дакументамі арганізацый — крыніц камплектавання, так і пошуку дакументаў, якія адносяцца да беларускай партарганізацыі, у іншых архівах. Артыкул напісаны на аснове дакументаў Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь.

Елізараў Сяргей Аляксандравіч. Мясцовыя Саветы Беларускай ССР перыяду «перамогшага сацыялізма» (1937—1941 гг.).

Разгледжаны пытанні фарміравання ў БССР сістэмы дзяржаўных органаў мясцовай савецкай улады і кіравання ў канцы 1930-х гг., прававыя, арганізацыйныя, кадравыя і фінансавыя аспекты яе функцыянавання на аснове канстытуцый СССР (1936 г.) і БССР (1937 г.). З'яўленне абласнога звяна завяршае працэс стварэння класічнай цэнтралізаванай савецкай вертыкалі органаў улады і кіравання, якая выступала спосабам узгаднення дзейнасці яе мясцовых, рэспубліканскіх і саюзных звёнаў. Узмацніўся цэнтралізаваны характар фарміравання матэрыяльна-фінансавай базы мясцовых Саветаў. У аснове фарміравання кадравага складу мясцовых органаў ляжаў наменклатурны прынцып. Выбары ў Саветы 1939—1940 гг. завяршалі працэс легітымізацыі савецкай сістэмы органаў улады і кіравання адпаведна новым нормам выбарчага права.

Кулінок Святаслаў Валянцінавіч. Дакументы Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь аб дзейнасці нямецкіх разведвальна-дыверсійных школ і курсаў на тэрыторыі Польшчы і Германіі (1939—1944 гг.).

У гады Вялікай Айчыннай вайны на акупаванай немцамі тэрыторыі Польшчы і Германіі была адкрыта сетка навучальных разведвальна-дыверсійных цэнтраў, дзе рыхтавалася кваліфікаваная нямецкая агентура. Асноўнымі напрамкамі яе дзейнасці былі засылка агентаў у тыл Савецкага Саюза і частак Чырвонай Арміі, іх укараненне ў партызанскія фарміраванні і рух супраціву на акупаванай тэрыторыі СССР. За гады Другой сусветнай вайны выяўлена дзейнасць больш за 15 навучальных цэнтраў (школ і курсаў), якія рыхтавалі разведвальна-дыверсійныя кадры для нямецкіх спецслужбаў на азначанай тэрыторыі.

Макаранка Алена Аляксандраўна. Беларуская рэспубліканская камісія садзейнічання ў рабоце НДК СССР: гісторыя стварэння і фарміраванне архіўных комплексаў дакументаў.

У ходзе правядзення міжнародных чытанняў цыклу «Гісторыя ў імя міру», прысвечаных 75-годдзю пачатку Вялікай Айчыннай вайны, Федэральнае архіўнае агенства (Рас-архіў) перадало Дэпартаменту па архівах і справаводства Міністэрства юстыцыі Рэспублікі Беларусь лічбавыя копіі архіўных дакументаў аб злачынствах і ўліку шкоды, нанесенай нямецка-фашысцкімі захопнікамі і іх саўдзельнікамі БССР. У далжэным артыкуле разглядаецца гісторыя стварэння і дзейнасць Беларускай рэспубліканскай камісіі садзейнічання ў рабоце НДК СССР, выяўляецца комплекс дакументаў па гэтай праблематыцы, які захоўваецца ў Нацыянальным архіве Рэспублікі Беларусь, аналізуецца іх склад.

Латушкін Андрэй Мікалаевіч. Комплекс арыгіналаў актаў агульнадзяржаўнага значэння архіва Вялікага Княства Літоўскага ў расійскай дарэвалюцыйнай гістарыяграфіі: тэрміналагічны аспект праблемы.

У артыкуле разглядаецца пытанне тэрміналогіі, якая прымянялася да комплексу арыгіналаў актаў агульнадзяржаўнага значэння архіва ВКЛ у дарэвалюцыйны перыяд развіцця ў расійскай гістарыяграфіі. Сцвярджаецца, што ў гэты перыяд погляд на дадзены аб'ект як на асобны, самастойны комплекс у яго архівазнаўчым значэнні канчаткова не сфарміраваўся. Дадзены збор дакументаў абазначаўся праз пералік агульных паняццяў — «прывілеі», «акты», «граматы» і да т. п. з указаннем на іх тэматычную і відавую разнастайнасць, прыкмету арыгінала (пераважна праз паняцце — «подлинник») і агульнадзяржаўнае значэнне. Месцам канцэнтравання актаў у даследаваннях указаны: «архіў вялікага князя літоўскага» (да пач. XVI ст.), «архіў Вялікага Княства Літоўскага», «дзяржаўны архіў ВКЛ». Сэнс, які ўкладаўся ў гэтыя назвы, у розных даследчыкаў меў адрозненні. Найбольш выразным і распаўсюджаным стаў падыход, згодна з якім назва «дзяржаўны архіў ВКЛ» замацавалася за Метрыкай ВКЛ («Літоўскай метрыкай»), а арыгіналы актаў разглядаліся як яе частка, што ўтварала ў межах адпаведнага фонду 3-га Дэпартаменту Сената аддзел «Старажытныя акты» або ўвогуле не мела прыкмет сукупнасці («асобныя акты»). Найбольш выразна гэты погляд быў сфармуляваны ў працы С. Л. Пташчыцкага «Описание книг и актов Литовской метрики» (1887), які засноўваўся на класіфікацыйных падыходах расійскіх чыноўнікаў і архіварыусаў да дакументацыі Рэчы Паспалітай Абодвух Народаў, вывезенай з Варшавы і Вільні ў 1794 г.

Іванова Вольга Сяргееўна. Падыходы да даследавання гісторыі і штодзённасці беларускай вёскі (на прыкладзе палескай вёскі Ліпляны).

Пагрэбы грамадства сёння скіраваны на пошукі не проста чалавечага вымярэння гісторыі, але вымярэння асабістага, у якім так ці інакш прысутнічае «я» канкрэтнага чалавека. Гэтая прысутнасць прарастае праз гісторыю сям'і, роду, вёскі, мясцовасці, рэгіёна. У артыкуле разглядаюцца магчымасці спалучэння сучасных метадаў і падыходаў розных дысцыплін для даследавання гісторыі і штодзённасці вёскі. На прыкладзе даследавання ўсход-палескай вёскі Ліпляны раскрыты магчымасці вуснай гісторыі і яе ўзаемадзеяння з сялянзнаўчымі, антрапалагічнымі, сацыяльна-гістарычнымі, этнаграфічнымі падыходамі, што адкрывае даволі шырокія магчымасці для ўзаемаўзбагачэння кожнага з іх.

Несцяровіч Юрый Уладзіміравіч. Значныя асаблівасці архівазнаўства і дакументазнаўства на стадыі развітой навукі ва ўмовах тэндэнцыі трансдысцыплінарнасці (эпістэمالагічны аспект).

Абрунтоўваюцца асаблівасці архівазнаўства і дакументазнаўства на стадыі развітой навукі: узростанне ў структуры іх ведаў вагі і ролі канкрэтных тэрміназнаўчых і эпістэمالагічных ведаў; узростанне ролі метатэарэтычных ведаў; важкая роля сістэматыка-тыпалагічных ведаў; адзінства тэарэтыка-метадалагічных і нарматыўных ведаў. Тэарэтычныя веды не аказваюць вырашальнага ўздзеяння на фарміраванне нарматыўна-метадыхных і інструктыўных ведаў.

Злобін Сяргей Сяргеевіч. Паняцце «гісторыя» ў посткаланіяльных гістарычных даследаваннях (на прыкладзе каланіяльнай Індыі).

У артыкуле разглядаецца, якія адносіны ўсталёўвае посткаланіяльны гістарычны дыскурс з паняццем «гісторыя». Посткаланіяльны даследаванні ў імкненні дэканструяваць лобыя праявы каланіяльнай улады не абмяжоўваюць сябе выразнай дэфініцыйнай паняцця «гісторыя» — у першую чаргу мае значэнне, як гістарычныя веды спрыялі рэалізацыі каланіяльнай улады. У такой крыпцы праявы каланіяльнай улады адзначаюцца не толькі ў гістарычных творах каланіяльнай эпохі, навукова-папулярных гістарычных напатаках. Каланіяльны гістарычны дыскурс можа быць дэканструяваны да разрыву паміж асобнымі словамі сучаснага гістарычнага дыскурсу, да крытыкі асноў гістарычнай дысцыпліны, напрыклад, гістарычнага часу. На прыкладзе даследаванняў каланіялізму ў Індыі робіцца відавочным, што першачарговым для посткаланіялізму з'яўляецца не дакладнае вызначэнне паняцця «гісторыя», а трохкутнік «каланіялізм—гісторыя—сучаснасць», у межах якога гісторыя выступае прасторай разнясення на часовай лініі Брытаніі і Індыі па полюсах сучаснасці (Брытанія) і дасучаснасці (Індыя).

Шумейка Міхаіл Фёдаравіч. Д. І. Даўтэла — архівіст, археограф, архівазнавец (*да 150-годдзя з дня нараджэння вучонага*).

У артыкуле разглядаецца дзейнасць аднаго з прадстаўнікоў дарэвалюцыйнай архіўна-археаграфічнай школы, выхаванца Санкт-Пецярбургскага археалагічнага інстытута, працуючага ў канцы XIX — пачатку XX ст. архіварыўсам Віцебскага цэнтральнага архіва старажытных актавых кніг (1897—1903), затым старшынёй Віленскай археаграфічнай камісіі (1913—1915) Д. І. Даўтэла, які стаў са стварэннем Галоўархіва РСФСР яго ўлаўнаважаным па Магілёўскай губерні і ўнёс значны ўклад у правядзенне архіўнай рэформы ў Расіі і Беларусі ў 1920-е гг. Яго асоба яўляла сабой наглядны прыклад захавання і прымянення ва ўмовах савецкіх роалій архіўна-археаграфічных традыцый, закладзеных у Расіі ў другой палове XIX — пачатку XX ст. Даўтэла быў адным з ініцыятараў стварэння ў структуры Інстытута беларускай культуры, які з'яўляўся папярэднікам Беларускай акадэміі навук, Археаграфічнай камісіі. Узначалішы разам з М. В. Доўнар-Запольскім камісію, Даўтэла, абапіраючыся на вопыт яе віленскай папярэдніцы, распрацаваў план серыйнага дакументальнага выдання, які насіў ярка выражаны нацыянальны характар, тым самым садзейнічаючы фарміраванню беларускай археаграфіі. Архіўна-археаграфічны вопыт Д. І. Даўтэлы аказаўся запатрабаваным ва ўмовах станаўлення Дзяржаўнай архіўнай службы Савецкай Беларусі, аб чым сведчыць яго актыўны ўдзел у працы Першай усебеларускай канферэнцыі архіўных работнікаў (май 1924 г.), другой нарады архіўных работнікаў Беларусі (снежань 1927 г.), выкладчыцкая дзейнасць у Беларускай дзяржаўнай універсітэце. Д. І. Даўтэла ў Беларусі, гэтак жа як С. В. Раждзественскі, І. Л. Маякоўскі ў Расіі, выступаў за трывалы саюз паміж архівістамі і археографамі, з аднаго боку, і гісторыкамі — з

другога; ён быў прыхільнікам дэмакратызцыі архіваў праз уцягненне ў іх працу шырокіх слаёў крэязнаўцаў.

Безмацэрных Дар’я Аляксандраўна. Кнігі Браслаўскага земскага суда: фарміраванне крыніцы і яе захаванасць.

У артыкуле разглядаецца гісторыя стварэння і захавання кніг Браслаўскага земскага суда ад пачатку заснавання далуженай інстанцыі паводле судовай рэформы 1560-х гг. і да заканчэння яе дзейнасці ў 1795 г. (з некаторымі зменамі Браслаўскі земскі суд праіснаваў да 1831 г.), а таксама далейшы лёс крыніц да сучаснасці, калі цэласны фонд быў падзелены паміж архівамі Беларусі, Літвы і Расіі. Кнігі пісаліся падчас пасяджэнняў суда, паміж сесіямі яны павінны былі начыста перапісвацца, аднак гэта рабілася не заўсёды. Захоўваліся судовыя дакументы ў спецыяльна пабудаваным зачыненым на замок памяшканні, якое ў Браслаўскім павеце ўжо існавала на пачатку XVI ст. Гэта паспрыяла добрай захаванасці крыніц у далейшым. Аднак частыя войны на тэрыторыі Браслаўскага павета часткова знішчылі дакументацыйнае судна, шкодзілі захаванню таксама і перамяшчэнні спраў з месца на месца. Судовыя кнігі, якія засталіся, змяшчаюць вялікі пласт інфармацыі не толькі па гісторыі Браслаўскага павета, але і дзяржавы ў цэлым.

Доўнар Аляксандр Барысавіч. Ці атрымлівала шляхта выпісы судаў на пергаменце ў XVI ст.? Выпісы 1589 г. з актавых кніг земскага суда Віцебскага ваяводства.

У артыкуле разглядаюцца выпісы 1589 г. з актавых кніг земскага суда Віцебскага ваяводства аб прызнанні актаў куплі пісарам земскага суда Аршанскага павета Андрэем Васільевічам Варпааем маёнтка Лучоса Віцебскага ваяводства ў шляхціцаў Віцебскага ваяводства Грыгора Фёдаравіча Шапкі і ў яго стрыечных братоў Яна, Мацея, Грышкі, Багдана Міхайлавічаў Юшкоўскіх. Выпісы выкананы на пергаменце, што сведчыць пра тое, што суды ВКЛ выдавалі выпісы не толькі на паперы. Далужэнныя выпісы выкананы каліграфічным кірбліччым пісьмом, маюць належнае прававое афармленне і ўпрыгожаны рознакаляровымі ўстаўкамі.

Храленок Яўген Валер’евіч. Гісторыя Старадубскага палка (1654—1781) як прадмет вывучэння.

У артыкуле зроблена спроба абагульнення прац па гісторыі Старадубскага палка як адміністрацыйна-тэрытарыяльнай адзінкі ў складзе Гетманшчыны ў 1654—1781 гг. Праведзены агляд работ дэрэвалюцыйных, савецкіх і сучасных (расійскіх і ўкраінскіх) гісторыкаў, якія звярталіся да гісторыі Старадубскага палка. Паказаны этапы развіцця гістарыяграфіі Старадубскага палка і ўплыў на яе палітычныя аспекты. Падкрэсліваюцца вартасці і недахопы работ.

Паўлава Алена Якаўлеўна. Паштоўкі як комплексныя гістарычныя крыніцы.

У артыкуле разглядаюцца паштоўкі, якія знаходзяцца на захаванні ў архівах, музеях, бібліятэках і прыватных калекцыях у Рэспубліцы Беларусь. Пазначаны этапы і асаблівасці вывучэння паштовак. Аўтарам робіцца выснова аб інфармацыйным патэнцыяле, ступені рэпрэзентатывнасці і дакладнасці адкрытых лістоў як гістарычных крыніц.

Падзнякоў Валерыі Сямёнавіч. Мястэчка Рудыя Белкі: пачатак гісторыі ў дакументах.

Публікуюцца дакументы XVI ст. пра раннюю гісторыю маёнтка Рудыя Белкі ў Мазырскім павеце.

Аніпяркоў Вадзім Вадзімавіч. Мемарыялы Брэста і Камянца да Генеральнай канфедэрацыі Абодвух Народаў (1792).

У артыкуле разглядаюцца дакументы, адкрытыя аўтарам у адзеле рукапісаў Бібліятэкі імя Урублеўскіх Літоўскай акадэміі навук, раней невядомыя ў навуцы. Гэтыя гістарычныя крыніцы маюць каштоўнасць не толькі таму, што прадстаўляюць даследчыкам новыя дадзеныя па гісторыі таргавіцкага руху і аб становішчы гарадоў у канцы XVIII ст., але таксама выступаюць як яркае сведчанне наяўнасці ў асяродку беларускага гарадскога насельніцтва ўяўленняў аб уласнай лакальнай гісторыі. Артыкул змяшчае арыгінальны тэкст абодвух дакументаў.

Луцяк Яўген Міхайлавіч, Глеўскі Віктар Леанідавіч. Нежынскія знаходкі: дакументы аб гімназійных гадах Фёдара Стравінскага.

Нягледзячы на вялікую цікавасць даследчыкаў да біяграфіі і творчасці знакамітага опернага спевака Фёдара Стравінскага, яго дзіцячыя і юнацкія гады застаюцца маладаследаванымі. Раней невядомыя архіўныя дакументы раскрываюць перыяд вучобы Ф. Стравінскага ў Нежынскай гімназіі вышэйшых навук, прычыны змены ім месцаў навучання.

Кекелева Тацыяна Віктараўна. «Адчуць паветра, якім дыхаў аўтар...» (*лісты дзеячаў беларускай культуры да Яўгена Мазалькова ў Беларускам дзяржаўным архіве-музеі літаратуры і мастацтва*).

Мэта артыкула — праз публікацыю лістоў паказаць значнасць асобы Яўгена Мазалькова, перакладчыка, літаратуразнаўцы, крытыка; падкрэсліць яго ўклад у папулярызаванне твораў беларускіх аўтараў, тытанічную працу на карысць беларускай культуры.

РЕЗЮМЕ

Шумейко Михаил Федорович. Документы об образовании БССР: источниковедческий и архивно-археографический аспекты.

В статье проводится сравнительный анализ комплекса документов об образовании БССР, хранящихся в белорусских и российских архивах, просматривается история их перемещения в 1930-е гг. из Минска в Москву и обратное их возвращение (в копиях) в 1960—1970-е гг. в Беларусь.

Агаенко Татьяна Николаевна. Комплектование Партархива ЦК КП(б)Б в 1930—1941 гг.

В статье рассматриваются вопросы, связанные с формированием нормативной базы по обработке и передаче документов на хранение в Партархив ЦК КП(б)Б в 1930—1941 гг., а также с проведением проверок работы партархива и организаций — источников его комплектования. Обращается внимание на недостатки хранения документов в партийных и комсомольских организациях, вызванных, в первую очередь, нехваткой работников и времени на проведение данной работы, а также непониманием ее значения. Отмечается, что формирование документальной базы Партархива ЦК КП(б)Б происходило как путем пополнения документами организаций — источников комплектования, так и поиска документов, относящихся к белорусской парторганизации, в других архивах. Статья написана на основе документов Национального архива Республики Беларусь.

Елизаров Сергей Александрович. Местные Советы Белорусской ССР периода «победившего социализма» (1937—1941 гг.).

Рассмотрены вопросы формирования в БССР системы государственных органов местной советской власти и управления в конце 1930-х гг., правовые, организационные, кадровые и финансовые аспекты ее функционирования на основе конституций СССР (1936 г.) и БССР (1937 г.). Появление областного звена завершает процесс создания классической централизованной советской вертикали органов власти и управления, выступавшей способом согласования деятельности ее местных, республиканских и союзных звеньев. Усилился централизованный характер формирования материально-финансовой базы местных Советов. В основе формирования кадрового состава местных органов власти номенклатурный принцип. Выборы в Советы 1939—1940 гг. завершали процесс легитимизации советской системы органов власти и управления соответственно новым нормам избирательного права.

Кулинок Святослав Валентинович. Документы Национального архива Республики Беларусь о деятельности немецких разведывательно-диверсионных школ и курсов на территории Польши и Германии (1939—1944 гг.).

В годы Великой Отечественной войны на оккупированной немцами территории Польши и Германии была открыта сеть учебных разведывательно-диверсионных центров, где готовилась квалифицированная немецкая агентура. Основными направлениями ее деятельности были засылка агентов в тыл Советского Союза и частей Красной Армии, их внедрение в партизанские формирования и движение сопротивления на оккупированной территории СССР. За годы Второй мировой войны выявлена деятельность более 15 учебных центров (школ и курсов), которые готовили разведывательно-диверсионные кадры для немецких спецслужб на обозначенной территории.

Макаренко Елена Александровна. Белорусская республиканская комиссия содействия в работе ЧГК СССР: история создания и формирование архивных комплексов документов.

В ходе проведения международных чтений цикла «История во имя мира», посвященных 75-летию начала Великой Отечественной войны, Федеральное архивное агентство (Росархив) передало Департаменту по архивам и делопроизводству Министерства юстиции Республики Беларусь цифровые копии архивных дел о злодеяниях и учете ущерба, причиненного немецко-фашистскими захватчиками и их сообщниками БССР. В данной статье рассматривается история создания и деятельность Белорусской республиканской комиссии содействия в работе ЧГК СССР, выявляется комплекс документов по данной проблематике, хранящийся в Национальном архиве Республики Беларусь, анализируются их состав.

Латушкин Андрей Николаевич. Комплекс оригиналов актов общегосударственного значения архива Великого Княжества Литовского в российской дореволюционной историографии: терминологический аспект проблемы.

В статье рассматривается вопрос терминологии, которая применялась к комплексу оригиналов актов общегосударственного значения архива ВКЛ в российской историографии дореволюционного периода. Утверждается, что в указанный период взгляд на данный объект как на отдельный, самостоятельный комплекс в его архивоведческом значении окончательно не сформировался. Данное собрание документов обозначалось через перечень общих понятий — «привилегии», «акты», «грамоты» и т. п. с указанием на их тематическое и видовое разнообразие, признак оригинала (преимущественно через понятие — «подлинник») и общегосударственное значение. Местом концентрирования актов в исследованиях указаны: «архив великого князя литовского» (до нач. XVI в.), «Архив Великого Княжества Литовского», «государственный архив ВКЛ». Смысл, вкладываемый в эти названия, у различных исследователей отличался. Наиболее распространенным стал подход, согласно которому название «государственный архив ВКЛ» закрепилось за Метрикой ВКЛ («Литовской метрикой»), а оригиналы актов рассматривались как ее часть, что образовывала в пределах соответствующего фонда 3-го Департамента Сената отдел «Древние акты» или вовсе не имели признаков совокупности («отдельные акты»). Наиболее четко данный взгляд был сформулирован в работе С. Л. Пташицкого «Описание книг и актов Литовской метрики» (1887), который основывался на классификационных подходах российских чиновников и архивариусов к документации Речи Посполитой Обоих Народов, вывезенной из Варшавы и Вильноса в 1794 г.

Иванова Ольга Сергеевна. Подходы к исследованию истории и повседневности белорусской деревни (на примере полесской деревни Липляны).

Потребности общества сегодня направлены на поиски не просто человеческого измерения истории, но измерения личного, в котором так или иначе присутствует «я» конкретного человека. Это присутствие прорастает через историю семьи, рода, деревни, местности, региона. В статье рассматриваются возможности сочетания современных методов и подходов различных дисциплин для исследования истории и повседневности деревни. На примере исследования восточнополесской деревни Липляны раскрыты возможности устной истории и ее взаимодействия с крестьяноведческими, антропологическими, социально-историческими, этнографическими подходами, что открывает довольно широкие возможности для взаимообогащения каждого из них.

Нестерович Юрий Владимирович. Значимые особенности архивоведения и документоведения на стадии развитой науки в условиях тенденции трансдисциплинарности (эпистемологический аспект).

Особенностями архивоведения и документоведения на стадии развитой науки выделяются возрастание удельного веса и роли эпистемологическо-терминоведческих знаний в структуре знаний архивоведения и документоведения; возрастание роли метатеоретических знаний при формировании системы теоретических знаний; стабильная значимая роль систематико-типологических знаний; единство теоретико-методологических и нормативных знаний. Теоретические знания не оказывают решающего влияния на формирование нормативно-методических и инструктивных знаний.

Злобин Сергей Сергеевич. Понятие «история» в постколониальных исторических исследованиях (на примере колониальной Индии).

В статье рассматривается, какие отношения устанавливает постколониальный исторический дискурс с понятием «история». Постколониальные исследования в стремлении деконструировать любые проявления колониальной власти не ограничивают себя четким определением понятия «история» — в первую очередь имеет значение, как исторические знания способствовали реализации колониальной власти. В такой критике проявления колониальной власти отмечаются не только в исторических произведениях колониальной эпохи, научно-популярных исторических заметках. Колониальный исторический дискурс может деконструироваться до разрыва между отдельными словами современного исторического дискурса, до критики основ исторической дисциплины, например, исторического времени. На примере исследований колониализма в Индии становится очевидным, что первоочередным для постколониализма является не четкое определение понятия «история», а треугольник «колониализм—история—современность», в рамках которого история выступает пространством разнесения на временной линии Британии и Индии по полюсам современности (Британия) и досовременности (Индия).

Шумейко Михаил Федорович. Д. И. Довгялло — архивист, археограф, архивовед (к 150-летию со дня рождения ученого).

В статье рассматривается деятельность одного из представителей дореволюционной архивно-археографической школы, воспитанника Санкт-Петербургского археологического института, работавшего в конце XIX — начале XX в. архивариусом Витебского центрального архива древних актов книг (1897—1903), затем председателем Виленской археографической комиссии (1913—1915) Д. И. Довгялло, ставшего с созданием Главного архива РСФСР его уполномоченным по Могилевской губ. и внесшего значительный вклад в проведение архивной реформы в России и Беларуси в 1920-е гг. Его личность являла собой наглядный пример сохранения и преумножения в условиях советских реалий архивно-археографических традиций, заложенных в России во второй половине XIX — начале XX в. Довгялло был одним из инициаторов создания в структуре Института белорусской культуры, являвшегося предшественником Белорусской академии наук, Археографической комиссии. Возглавив вместе с М. В. Довнар-Запольским комиссию, Довгялло, опираясь на опыт ее виленской предшественницы, разработал носивший ярко выраженный национальный характер план серийного документального издания, тем самым способствуя формированию белорусской археографии. Архивно-археографический опыт Д. И. Довгялло оказался востребованным в условиях становления Государственной архивной службы Советской Беларуси, о чем свидетельствует его активное участие в работе Первой всебелорусской конференции архивных работников (май 1924 г.), второго совеща-

ния архивных работников Беларуси (декабрь 1927 г.), преподавательская деятельность в Белорусском государственном университете. Д. И. Довгялло в Беларуси, так же как С. В. Рождественский, И. Л. Маяковский в России, выступал за прочный союз между архивистами и археографами, с одной стороны, и историками — с другой; он был сторонником демократизации архивов через вовлечение в их работу широких слоев краеведов.

Безматерних Дарья Александровна. Книги Браславского земского суда: формирование источника и его сохранность.

В статье рассматривается история создания и сохранения книг Браславского земского суда от начала основания данной инстанции по судебной реформе 1560-х гг. и до окончания ее деятельности в 1795 г. (с некоторыми изменениями Браславский земский суд просуществовал до 1831 г.), а также дальнейшая судьба источников до современности, когда целостный фонд был поделен между архивами Беларуси, Литвы и России. Книги писались во время заседаний суда. Между сессиями они должны были начисто переписываться, однако это делалось не всегда. Сохранились судебные документы в специально построенном закрытом на замок помещении, которое в Браславском повете уже существовало в начале XVI в. Это способствовало хорошей сохранности источников в дальнейшем. Однако частые войны на территории Браславского повета частично уничтожили документацию суда, вредили сохранению также и перемещения дел с места на место. Оставшиеся судебные книги содержат большой пласт информации не только по истории Браславского уезда, но и государства в целом.

Довнар Александр Борисович. Получала ли шляхта выписки судов на пергаменте в XVI в.? Выписки 1589 г. из актовых книг земского суда Витебского воеводства.

В статье рассмотрены выписки 1589 г. из актовых книг земского суда Витебского воеводства о признании актов покупки писарем земского суда Оршанского повета Андреем Васильевичем Воропаем имения Лучеса Витебского воеводства у шляхтичей Витебского воеводства Григория Федоровича Шапки и у его двоюродных братьев Яна, Матея, Гришки, Богдана Михайловичей Юшковских. Выписки выполнены на пергаменте, что свидетельствует о том, что суды ВКЛ выдавали выписки не только на бумаге. Данные выписки выполнены каллиграфическим кириллическим письмом, имеют надлежащее правовое оформление и украшены разноцветными вставками.

Хроленок Евгений Валерьевич. История Стародубского полка (1654—1781) как предмет изучения.

В статье сделана попытка обобщения трудов по истории Стародубского полка как административно-территориальной единицы в составе Гетманщины в 1654—1781 гг. Проведен обзор работ дореволюционных, советских и современных (российских и украинских) историков, которые обращались к истории Стародубского полка. Показаны этапы развития историографии Стародубского полка и влияние на нее политических аспектов. Подчеркиваются достоинства и недостатки работ.

Павлова Елена Яковлевна. Открытки как комплексный исторический источник.

В статье рассматриваются открытки, находящиеся на хранении в архивах, музеях, библиотеках и частных коллекциях в Республике Беларусь. Обозначены этапы и особенности изучения открыток. Автором делается вывод об информационном потенциале, степени репрезентативности и достоверности открыток писем как исторических источников.

Поздняков Валерий Семенович. Местечко Рудые Белки: начало истории в документах.

Публикуются документы XVI в. о ранней истории имения Рудые Белки в Мозырском повете.

Аниперков Вадим Вадимович. Мемориалы Бреста и Каменца к Генеральной конфедерации Обоих Народов (1792).

В статье рассматриваются документы, открытые автором в отделе рукописей Библиотеки им. Врублевских Литовской академии наук, ранее неизвестные в науке. Ценность данных исторических источников состоит не только в предоставлении исследователям новых сведений по истории тарговицкого движения и состояния городов в конце XVIII в., но также в ярком свидетельстве наличия в среде белорусского городского населения укоренившихся представлений о собственной локальной истории. Статья содержит оригинальный текст обоих документов.

Луняк Евгений Михайлович, Гилевский Виктор Леонидович. Нежинские находки: документы о гимназических годах Федора Стравинского.

Несмотря на большой интерес исследователей к биографии и творчеству знаменитого оперного певца Федора Стравинского, его детские и юношеские годы остаются малоисследованными. Ранее неизвестные архивные документы раскрывают период учебы Ф. Стравинского в Нежинской гимназии высших наук, причины смены им мест обучения.

Кекелева Татьяна Викторовна. «Почувствовать воздух, которым дышал автор...» (*письма деятелей белорусской культуры Евгению Мозолькову в Белорусском государственном архиве-музее литературы и искусства*).

Цель статьи — через публикацию писем показать значимость личности Евгения Мозолькова, переводчика, литературоведа, критика; подчеркнуть его вклад в популяризацию произведений белорусских авторов, титаническую работу для белорусской культуры.

SUMMARY

Michail Shumeyka. Documents on the formation of the BSSR: source study and archival-archaeographic aspects.

The article provides a comparative analysis of a set of documents on the formation of the BSSR, which stored in the Belarusian and Russian archives, the history of their movement from Minsk to Moscow in the 1930s and their return (in copies) to Belarus in the 1960—1970s.

Tatstsiana Ageenka. Acquisition of the Party archives of the Central Committee of the Communist Party (bolsheviks) of Belarus in the 1930—1941.

The article deals with issues related to the formation of the regulatory framework for processing and transferring records for storage at the party archives of the Central Committee of the Communist Party (Bolsheviks) of Belarus in 1930—1941, conducting inspections of the work of the party archives and organizations — sources of its acquisition. Attention is drawn to the lack of storage of records in the party and komsomol organizations, caused primarily by the lack of workers and time to carry out this work, as well as a lack of understanding of its significance. It is noted that the formation of the documentary base of the Party Archives of the Central Committee of the Communist Party (Bolsheviks) of Belarus took place both by adding records to organizations that are sources of recruitment, and to search for records related to the Belarusian party organization in other archives. The article is based on the records of the National Archives of the Republic of Belarus.

Siarhei Yelizarau. Local Soviets of the Byelorussian SSR during «Victorious Socialism» Age (1937—1941).

The questions of the formation in the BSSR of the system of state bodies of local Soviet power and administration in the late 1930s, the legal, organizational, personnel and financial aspects of its functioning on the basis of the Constitutions of the USSR (1936) and the BSSR (1937) are considered. The emergence of the regional level completes the process of creating the classic centralized Soviet vertical of government and administration, which was a way of coordinating the activities of its local, republican and allied levels. Increased centralized forming material fees financial base local councils. Nomenclature principle was the basis of the formation of the composition of regional bodies. Elections to regional councils 1939—1940 completed the process of legitimization of Soviet authorities and the management of the new rules of electoral law, respectively.

Sviataslaŭ Kulinok. Documents of the National archives of the Republic of Belarus on the activities of German reconnaissance and sabotage schools and courses in Poland and Germany (1939—1944).

During the great Patriotic war a network of intelligence and sabotage centers was opened in the German-occupied territory of Poland and Germany, where qualified German agents were trained. The main directions of their activity were: sending to the heartlands of the Soviet Union and the Red Army, as well as the infiltration into the partisan units and the resistance movement on the occupied territory of the USSR. During the Second world war there were more than 10 training centers (schools and courses) in Poland and Germany, where the intelligence and sabotage agents for the German security services were prepared.

Elena Makarenko. Belarusian Republican Commission for Assistance to the Work of the Extraordinary State Commission of the USSR: history and formation of archival collections of documents.

During the international readings of the «History for Peace» cycle devoted to the 75th anniversary of the start of the Great Patriotic War, the State Archival Service of the Russian Federation handed over digital copies of archival documents on crimes and damage caused by German Nazi invaders and their accomplices to BSSR to the Department for Archives and Records Management of the Ministry of Justice of the Republic of Belarus. This article discusses the history of the creation and activities of the Belarusian Republican Commission for Assistance to the work of the Extraordinary State Commission of the USSR, identifies a set of documents on this issue, stored in the National Archives of the Republic of Belarus and analyzes their composition.

Andrei Latushkin. The complex originals of acts of state importance of the archives of the Grand Duchy of Lithuania in Russian pre-revolutionary historiography: the terminological aspect of the problem.

The article discusses the issue of terminology that was applied to a set of originals of acts of state importance in the archiv of the Grand Duchy of Lithuania in Russian historiography of the pre-revolutionary period. It is argued that in the indicated period the view of this object as a separate, independent complex in its archivscience significance was not finally formed. This collection of documents was designated through a list of general concepts — «privileges», «acts», «diploms», etc., indicating their thematic and species diversity, an attribute of the original (mainly through of the concepts in the russian «podlinnik») and state significance. The places where the acts were concentrated in the studies indicated: «Archive of the Grand Duke of Lithuania» (before the beginning of the 16th century), «Archive of the Grand Duchy of Lithuania», «State Archive of the Grand Duchy of Lithuania». The meaning that was invested in these names was different for different researchers. The most common was the approach according to which the name «State Archive of the GDL» was assigned to the Metrics GDL («Lithuanian Metric»), and the originals of the acts were considered as part of it, which formed the Department of Ancient Acts within the corresponding fund of the 3rd Department of the Senate. This view was most clearly formulated in the work of S. L. Ptashitsky «Description of Books and Ministers of the Lithuanian Metric» (1887). It was based on the classification approaches of Russian officials and archivists to the documentation of the Polish-Lithuanian Commonwealth, exported from Warsaw and Vilnia in 1794.

Volha Ivanova. Approaches to research of the history and everyday life of the Belarusian village (the example of the Palesse village Lipliany).

The needs of society today aimed to finding not just the human dimension of the history, but the personal measurement, where the reflection of the individual is. It grows through the presence of a family history, family, village, district, region. The article discusses the possibility of a combination of modern methods and approaches of different disciplines to study the history and everyday life of the village. The case of the village of Lipliany in the East Palesse region disclosed the possibility of oral history and its interaction with sthe peasant study, anthropological, social, historical, ethnographic approaches, which opens quite wide opportunities for cross-fertilization of each other.

Yury Nietsiarovich. Significant features of archival and document management at the stage of developed science in a transdisciplinarity trend (epistemological aspect).

The features of archival science and document science at the stage of advanced science are the structure of their knowledge, the increasing share and role of knowledge in the evaluation of theories, terminological and epistemological analysis and synthesis. Stable significant role, systema-

tico-typological knowledge. Unity of theoretical, methodological and normative knowledge. Theoretical knowledge does not have a decisive influence on the formation of normative-methodical and normative-instructional knowledge.

Siarhei Zlobin. The concept of «history» in postcolonial historical studies (on the example of colonial India).

The article discusses what kind of relationship postcolonial historical discourse establishes with the concept of «history». In an effort to deconstruct any manifestations of colonial power postcolonial studies doesn't limit itself to a clear definition of the concept «history» — first and foremost it matters how historical knowledge contributed to the realization of colonial power. In such a criticism the manifestations of the colonial authorities are noted not only in the historical works of the colonial era or the popular science historical notes. Colonial historical discourse can be deconstructed to a rupture between individual words of modern historical discourse, to critique of the foundations of historical discipline, for example, historical time. With the example of the studies of colonialism in India it becomes obvious that the priority for postcolonialism is not a clear definition of the concept «history», but a triangle «colonialism—history—modernity», within which history serves as a space of fixation in the timeline Britain and India at the poles of modernity (Britain) and premodernity (India).

Michail Shumeyka. D. I. Dovgiallo as an archivist, archeographer, expert in Source studies (*to the 150th anniversary of the birth of the scientist*).

The article discusses the activities of D. I. Dovgiallo, one of the representatives of the pre-revolutionary archival-archeographic school, a graduate of the St. Petersburg Archaeological Institute, who worked in the late 19th — early 20th centuries as the archivist of the Vitebsk Central Archive of Ancient Register Books (1897—1903), then the chairman of the Vilna Archeographic Commission (1913—15), who became, after its establishment, the authorized representative of the Glavarchiv RSFSR for the Mogilev province and made a significant contribution to archival reform in Russia and Belarus in the 1920s. His personality was a vivid example of preserving and augmenting under the conditions of Soviet realities the archaeo-archeographic traditions established in Russia in the second half of the 19th — early 20th centuries. Dovgiallo was one of the initiators of the creation in the structure of the Institute of Belarusian Culture, which was the predecessor of the Belarusian Academy of Sciences, the Archeographic Commission. Having headed, together with M. V. Dovnar-Zapolsky, the Commission, Dovgiallo, drawing on the experience of its Vilna predecessor, developed a plan of serial documentary publication that was clearly national in nature, thereby contributing to the formation of Belarusian archeography. The archival and archeographic experience of D. I. Dovgiallo was in demand in the conditions of the formation of the State Archival Service of Soviet Belarus, as evidenced by his active participation in the First All-Belarusian Conference of Archival Workers (May 1924), the Second Meeting of Archival Workers of Belarus (December 1927) and teaching at the Belarusian State University. D. I. Dovgiallo in Belarus, as well as S. V. Rozhdstvensky, I. L. Mayakovsky in Russia, advocated a strong union between archivists and archeographers, on the one hand, and historians, on the other; he was a supporter of the democratization of archives through the involvement in their work many of local history amateurs.

Darya Bezmatsernykh. Books of Braslavsky Zemsky court: the formation of the source and its preservation.

The article considers the history of the creation and preservation of the books of the Braslavsky Zemsky Court from the beginning of the foundation of this instance for the judicial reform of the 1560s. and until the end of its activities in 179, as well as further sources up to the present, when

the whole fund was divided between the archives of Belarus, Lithuania and Russia. Books were written during court hearings. Judicial documents were preserved in a specially constructed locked-in premise, which already existed in the Braslav district in the beginning of the 16th century. This contributed to the good preservation of sources in the future. However, frequent wars on the territory of the Braslav district partially destroyed the documentation of the court, and also hindered the preservation of the movement of cases from place to place.

Aliaksandr Doŭnar. Did the gentry receive court extracts on parchment in the 16th century? Extracts of 1589 from the Act books (register) of the Vitebsk voivodeship (province) Zemskii (land) court.

The article reviewed the extracts of 1589 from the Act books of the Vitebsk voivodeship Zemskii court. The documents confirm that Andrei Vasilievich Voropai, a clerk of the Orsha povet Zemskii court, bought the estate Luchesa (Vitebsk voivodeship) from Grigori Fedorovich Szapka and his cousins Jan, Matei, Grishka, Bogdan (sons of Mikhail Yushkovsky). The extracts were written on parchment, which indicates that the courts of the Grand Duchy of the Lithuania issued the extracts not only on paper. The extracts were written in calligraphic handwriting on Cyrillic, had proper legal clearance and were decorated with multi-colored inserts.

Yaŭhen Hralenok. History of the Starodub shelf (1654—1781) as a subject of studying.

The article makes an attempt to generalize the works on the history of the Starodub regiment, as an administrative-territorial unit within the Hetmanate in 1654—1781. A review of the works of pre-revolutionary, Soviet and modern (Russian and Ukrainian) historians who addressed the history of the Starodub regiment. The stages of the development of the historiography of the Starodub regiment and the influence of political aspects on it are shown. The advantages and disadvantages of the works are underlined.

Elena Pavlova. Post cards as complex historical sources.

Author observes the complex of post cards which are kept in the archives, museums, libraries and private collections in Belarus. Particular attention is paid to the basic steps of the post cards' analysis. The paper proves that post cards contain information about different spheres of life in the period of 19th—20th century and can be considered as valuable and informative historical source. Author raises the problem of the necessity of theoretical research and scientific publications of post cards in Belarus.

Valery Pazdniakoŭ. Rudyye Belki township: the beginning of story in documents.

Published documents of the 17th century about the early history of Rudyye Belki estate in Mazyr pavet.

Vadzim Anipiarkoŭ. Memorials of Brest and Kamianiec to the General Confederation of the Both Peoples (1792).

The article deals with previously unknown documents, revealed by the author in the Manuscripts Department of the Wroblewski Library of the Lithuanian Academy of Sciences. The value of such historical sources is not only because they provide information about Targowica movement and data about the state of cities in the end of the 18th century, but also as a bright evidence of the existence of the rooted conception of the local history among the Belarusian town population. This article includes original texts.

Evgen Luniak, Viktor Hileŭskiy. Nezhin finds: documents about the gymnasium years of Fyodor Stravinsky.

Despite the great interest of researchers to the biography and work of the famous opera singer Fyodor Stravinsky, his childhood and teenage years remain little studied. Previously unknown

archival documents reveal the period of study of F. Stravinsky in the Nizhyn gymnasium of higher sciences, the reasons for changing him places of study.

Tatsiana Kekeleva. «To feel the air that the author breathed...» (*letters of the Belarusian culture figures to Yaŭhen Mazalkoŭ in the funds of the Belarusian State Archives-Museum of Literature and Art*).

To show through the publication of letters the significance of the personality of Yaŭhen Mazalkoŭ, a translator, specialist in literature, critic; to emphasize his contribution to the popularization of works of the Belarusian authors, his titanic work for the Belarusian culture.

ПРАВИЛЫ ДЛЯ АЎТАРАЎ

«БЕЛАРУСКАГА АРХЕАГРАФІЧНАГА ШТОГОДНІКА»

1. «Беларускі археаграфічны штогоднік» публікуе навуковыя даследаванні па розных галінах тэарэтычнай і практычнай археаграфіі, архівазнаўства, дакументалістыкі і сумежных спецыяльных гістарычных дысцыплін, а таксама інфармацыйныя матэрыялы і рэцэнзіі на апублікаваныя працы.
2. Рэдакцыйная калегія прымае да разгляду матэрыялы, якія адпавядаюць патрабаванням, што прад'яўляе Вышэйшая атэстацыйная камісія Рэспублікі Беларусь да навуковых артыкулаў.
3. Рэдакцыйная калегія публікуе ў першую чаргу артыкулы, прадстаўленыя асобамі апошняга года паслявузаўскага навучання (аспірантура, дактарантура, саіскальніцтва).
4. Аўтары нясуць персанальную адказнасць за прадстаўленне ў рэдакцыю ўжо раней апублікаваных артыкулаў або артыкулаў, прынятых да друку іншымі выданнямі.
5. Аўтары артыкулаў і публікацый дакументаў нясуць адказнасць за дакладнасць перадачы тэксту дакументаў, цытат і спасылак.
6. Аўтары разам з рукапісам навуковага артыкула прадстаўляюць выпіску з пратакола пасяджэння вучонай рады, аддзела, кафедры з месца працы з рэкамендацый артыкула да друку.
7. Дапускаецца замест выпіскі з пратакола прадставіць дзве рэцэнзіі — доктара і кандыдата навук, якія з'яўляюцца спецыялістамі ў той галіне ведаў, па якой зроблена даследаванне. Рэцэнзіі павінны ўтрымліваць рэкамендацыі артыкула да друку.
8. Рэкамендацыі да друку навуковых артыкулаў, падрыхтаваных супрацоўнікамі органаў і ўстаноў Дзяржаўнай архіўнай службы Рэспублікі Беларусь, ажыццяўляюць вучоныя рады БелНДІДАС, БелНДЦЭД, дзяржаўных архіваў.
9. Для публікацый дакументальных крыніц, матэрыялаў інфармацыйнага характару, рэцэнзій рэкамендацыі да друку не патрабуюцца.
10. Рукапіс завяраецца подпісам аўтара з прастаўленнем даты, а таксама ўказваюцца прозвішча, імя і імя па бацьку, месца працы, займаемая пасада, вучоная ступень, званне, кантактныя тэлефоны (e-mail) для сувязі рэдакцыі з аўтарам (не публікуюцца) і кантактныя тэлефоны (e-mail) для зваротнай сувязі чытачоў з аўтарам (публікуюцца). Разам з раздрукоўкай прадстаўляецца ідэнтычны электронны варыянт артыкула.
11. Артыкул забяспечваецца анатацыяй на беларускай (рэзюмэ), рускай (резюме) і англійскай (summary) мовах памерам 100—150 слоў.
12. Аб'ём навуковага артыкула — не менш за 14 тыс. і не больш за 20 тыс. знакаў, аб'ём публікацыі дакументальных крыніц — да 40 тыс. знакаў. Раздрукоўка выконваецца шрыфтам Times New Roman, кегль 14 пунктаў, праз 1,5 інтэрвала, палі верхняе і ніжняе па 2 см, левае 3 см, правае 1,5 см.

13. Бібліяграфічныя спасылкі афармляюцца згодна з главой 5 Інструкцыі па афармленні дысертацыі і аўтарэферата (пастанова ВАК Рэспублікі Беларусь ад 22.02.2006 № 2, апублікавана ў Нацыянальным рэестры прававых актаў Рэспублікі Беларусь 20 сакавіка 2006 г., № 41, 7/603).
14. Тэрмін падачы артыкулаў — да 1 сакавіка бягучага года. Пасля 1 сакавіка матэрыялы прымаюцца для публікацыі ў штогодніку ў наступным годзе.
15. Рэдакцыйная калегія не бярэ платы за апублікаванне навуковых артыкулаў.

*Рэдакцыйная калегія
«Беларускага археаграфічнага штогодніка»
вул. Крапоткіна, 55, 220002, г. Мінск,
arheograph@belniidad.by*

ЗМЕСТ

АРТЫКУЛЫ

- М. Ф. Шумейко.* Документы об образовании БССР: источниковедческий и архивно-археографический аспекты 5
- Т. Н. Агеенко.* Комплектование Партархива ЦК КП(б)Б в 1930—1941 гг. 21
- С. А. Елизаров.* Местные Советы Белорусской ССР периода «победившего социализма» (1937—1941 гг.) 31
- С. В. Кулинок.* Документы Национального архива Республики Беларусь о деятельности немецких разведывательно-диверсионных школ и курсов на территории Польши и Германии (1939—1944 гг.) 38
- Е. А. Макаренко.* Белорусская республиканская комиссия содействия в работе ЧГК СССР: история создания и формирование архивных комплексов документов 51
- А. М. Латушкін.* Комплекс арыгіналаў актаў агульнадзяржаўнага значэння архіва Вялікага Княства Літоўскага ў расійскай дарэвалюцыйнай гістарыяграфіі: тэрміналагічны аспект праблемы 63
- В. С. Іванова.* Падыходы да даследавання гісторыі і штодзённасці беларускай вёскі (на прыкладзе палескай вёскі Ліпляны) 86
- Ю. В. Нестерович.* Значимые особенности архивоведения и документоведения на стадии развитой науки в условиях тенденции трансдисциплинарности (эпистемологический аспект) 94
- С. С. Злобин.* Понятие «история» в постколониальных исторических исследованиях (на примере колониальной Индии) 106

НАВУКОВА-МЕТАДАЛАГІЧНЫ «КРУГЛЫ СТОЛ» «АКТУАЛЬНЫЯ ПРАБЛЕМЫ АРХЕАГРАФІІ, КРЫНІЦАЗНАЎСТВА, АРХІВАЗНАЎСТВА Ў БЕЛАРУСІ»

- М. Ф. Шумейко.* Д. И. Довгялло — архивист, археограф, архивовед (к 150-летию со дня рождения ученого) 114
- Д. А. Безмацерных.* Кнігі Браслаўскага земскага суда: фарміраванне крыніцы і яе захаванасць 126
- А. Б. Доўнар.* Ці атрымлівала шляхта выпісы судаў на пергамяне ў XVI ст.? Выпісы 1589 г. з акавых кніг земскага суда Віцебскага ваяводства 132
- Е. В. Хроленок.* История Стародубского полка (1654—1781) как предмет изучения 140
- А. Я. Паўлава.* Паштоўкі як комплексныя гістарычныя крыніцы 150
- А. С. Кудрыцкі.* Исчезающая история: проблемы хранения и анализа интернет-контента на примере блогов и блог-платформ 161
- ПУБЛІКАЦЫІ ДАКУМЕНТАЎ**
- В. С. Пазднякоў.* Мясцічка Рудыя Белкі: пачатак гісторыі ў дакументах 170
- В. В. Аніяркоў.* Мемарыялы Брэста і Камянца да Генеральнай Канфедэрацыі Абодвух Народаў (1792) 192

<i>Я. М. Луняк, В. Л. Гілеўскі. Нежынскія знаходкі: дакументы аб гімназічных гадах Фёдара Стравінскага</i>	204
<i>Т. В. Кекелева. «Адчуць паветра, якім дыхаў аўтар...» (лісты дзеячаў беларускай культуры да Яўгена Мазалькова ў Беларускам дзяржаўным архіве-музеі літаратуры і мастацтва)</i>	210
ПОСТАЦІ	
<i>Р. Ф. Горячева. К 80-летию Екатерины Ивановны Еременко</i>	230
<i>Соф'я Васільеўна Мартыненка (да 70-годдзя з дня нараджэння)</i>	231
<i>С. Н. Громыко. Более 40 лет служения архивному делу (к 65-летию Розы Фуатовны Горячевой)</i>	232
<i>Р. Ф. Горячева. Судьба и архив неотделимы. К 100-летию со дня рождения заслуженного работника культуры БССР Алексея Сергеевича Каткова (15.10.1919—05.08.1990)</i>	234
<i>Н. М. Дятчик. «А жизнь, как миг, такая короткая...». Памяти Е. К. Прыгуновой (13.07.1931—07.03.2019)</i>	236
<i>Т. В. Столина. Памяти Нины Антоновны Овчинниковой (03.10.1948—07.08.2003)</i>	238
Рэзюмэ.....	239
Резюме	244
Summary	249
Правілы для аўтараў	254

CONTENTS

ARTICLES

- M. Shumeyka.* Documents on the formation of the BSSR: source study and archival-archaeographic aspects5
- T. Ageenka.* Acquisition of the Party archives of the Central Committee of the Communist Party (bolsheviks) of Belarus in the 1930—194121
- S. Yelizarau.* Local Soviets of the Byelorussian SSR during «Victorious Socialism» Age (1937—1941)31
- S. Kulinok.* Documents of the National archives of the Republic of Belarus on the activities of German reconnaissance and sabotage schools and courses in Poland and Germany (1939—1944).....38
- E. Makarenko.* Belarusian Republican Commission for Assistance to the Work of the Extraordinary State Commission of the USSR: history and formation of archival collections of documents51
- A. Latushkin.* The complex originals of acts of state importance of the archives of the Grand Duchy of Lithuania in Russian pre-revolutionary historiography: the terminological aspect of the problem.....63
- V. Ivanova.* Approaches to research of the history and everyday life of the Belarusian village (the example of the Palesse village Lipliany)86
- Yu. Niestiarovich.* Significant features of archival and document management at the stage of developed science in a transdisciplinarity trend (epistemological aspect).....94
- S. Zlobin.* The concept of «history» in postcolonial historical studies (on the example of colonial India) 106

SCIENTIFIC-METHODOLOGICAL «ROUND TABLE» «CURRENT PROBLEMS OF ARCHEOGRAPHY, SOURCE STUDY, ARCHIVAL SCIENCE IN BELARUS»

- M. Shumeyka.* D. I. Dovgiallo as an archivist, archeographer, expert in Source studies (to the 150th anniversary of the birth of the scientist) 114
- D. Bezmatsernykh.* Books of Braslavsky Zemsky court: the formation of the source and its preservation 126
- A. Doŭnar.* Did the gentry receive court extracts on parchment in the 16th century? Extracts of 1589 from the Act books (register) of the Vitebsk voivodeship (province) Zemskii (land) court 132
- Ya. Hralenok.* History of the Starodub shelf (1654—1781) as a subject of studying..... 140
- E. Pavlova.* Post cards as complex historical sources..... 150
- A. Kudrytski.* Vanishingly history: the problem of storing and analysis of Internet content on the example of blogs and blog platforms..... 161

PUBLICATIONS OF DOCUMENTS

- V. Pazdniakou.* Rudyye Belki township: the beginning of story in documents 170

<i>V. Anipiarkoŭ</i> . Memorials of Brest and Kamianiec to the General Confederation of the Both Peoples (1792)	192
<i>E. Luniak, V. Hileŭsky</i> . Nezhin finds: documents about the gymnasium years of Fyodor Stravinsky	204
<i>T. Kekeleva</i> . «To feel the air that the author breathed. . .» (<i>letters of the Belarusian culture figures to Yaihen Mazalkoŭ in the funds of the Belarusian State Archives-Museum of Literature and Art</i>)	210

PERSONALITIES

<i>R. Garachava</i> . To the 80 th anniversary of Ekaterina Ivanovna Eremenko	230
<i>Sofia Vasileŭna Martynenka</i> (<i>on the 70th anniversary</i>)	231
<i>S. Gramyka</i> . More than 40 years of service to archiving (<i>on the 65th anniversary of Rosa Fuatovna Goryacheva</i>)	232
<i>R. Garachava</i> . Fate and archive are inseparable. On the occasion of the 100 th anniversary of the honored worker of culture of the BSSR Alexei Sergeyevich Katkov (15.10.1919—05.08.1990)	234
<i>N. Dziatchyk</i> . «And life, as an instant, is so short. . .». In memory of E. K. Prygunova (13.07.1931—07.03.2019)	236
<i>T. Stolina</i> . In memory of Nina Antonovna Ovchinnikova (03.10.1948—07.08.2003)	238

Навуковае выданне

Беларускі археаграфічны штогоднік

Заснаваны ў 2000 годзе

Выпуск 20

Рэдактары: *Т. М. Мальцава, Т. В. Салавей, А. У. Хмялеўская*
Камп'ютарная вёрстка *П. А. Рэзванова*

Падпісана да друку 18.10.2019. Фармат 60×84¹/₁₆.
Папера 80 г/м². Рызаграфія. Умоўн. друк. арк. 15,11.
Улік.-выд. арк. 16,30. Тыраж 100 экз. Зак. 11.

Установа «Беларускі навукова-даследчы інстытут дакументазнаўства і архіўнай справы» (БелНДЦДАС).

Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі выдаўца, вытворцы і распаўсюджвальніка
друкаваных выданняў ад 24.03.2014. Нумар у Дзяржаўным рэестры выдаўцоў, вытворцаў
і распаўсюджвальнікаў друкаваных выданняў Рэспублікі Беларусь № 1/229.

Вул. Крапоткіна, 55, 220002, г. Мінск.